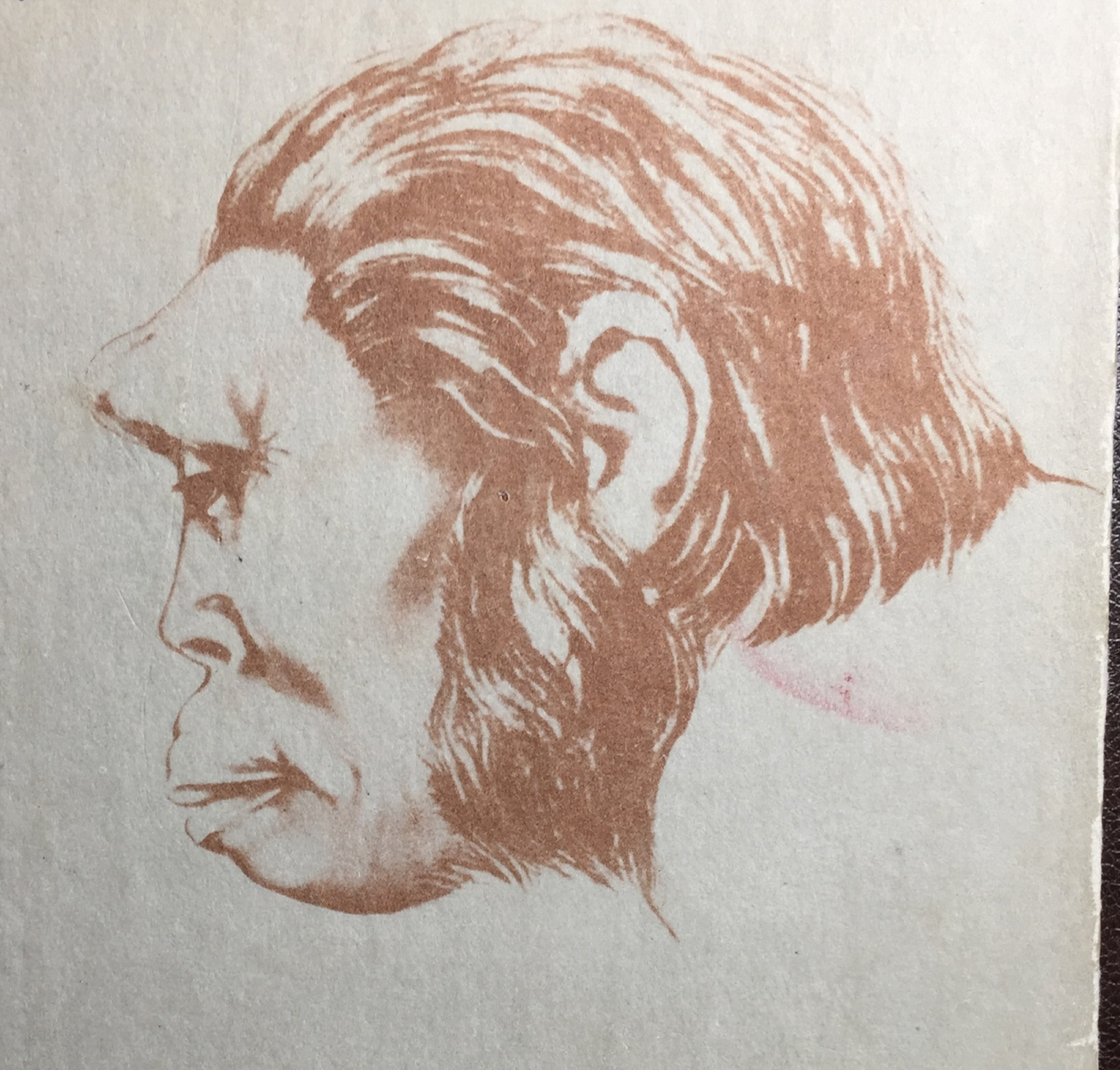
28.7
Б82

П. И. БОРИСКОВСКИЙ

ДРЕВНЕЙШЕЕ ПРОШЛОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

60

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

П. И. БОРИСКОВСКИЙ

ДРЕВНЕЙШЕЕ ПРОШЛОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ,
ПЕРЕРАБОТАННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1980

28.7
Б82
5А1
60
43
АБ

Книга — второе, переработанное в соответствии с новейшими научными данными, издание труда, вышедшего в 1957 г.,— посвящена становлению человека и начальным этапам развития первобытнообщинного строя.

Издание рассчитано на читателей, интересующихся происхождением человека и историей первобытной культуры.

Ответственный редактор

В. П. ЯКИМОВ

Павел Иосифович Борисковский

ДРЕВНЕЙШЕЕ ПРОШЛОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

2-е переработанное издание

Утверждено к печати Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор издательства *В. Т. Бочевер.* Художник *Я. В. Таубвурцель*
Технический редактор *И. М. Кашеварова,* Корректор *Г. Н. Джиоева*

ИБ № 8634

Сдано в набор 21.05.79. Подписано к печати 02.10.79. Т-17812. Формат 60×90 1/16.
Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 15. Уч.-изд. л. 16,2. Тираж 35 000 (допечатка). Тип. зак. 591.
Цена 1 р. 10 к.

Издательство «Наука» 117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул. 90.
4-ая типография издательства «Наука», Новосибирск, ул. Станиславского, 25.

012310 -5

Б $\frac{10602-591}{042(02)-80}$ БЗ-29-11-78

© Издательство «Наука», 1980 г.

...НАЯ
БИБЛИОТЕЧНАЯ СИСТЕМА
...О РАЙОНА
г. МОСКВЫ

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа посвящена древнейшей эпохе человеческой истории, имевшей протяженность свыше 2 млн лет, эпохе существования первобытного стада и возникновения материнской родовой общины, совпадающей с древним каменным веком. Тогда еще только формировался человек современного физического типа с его высокоразвитой рукой и высокоорганизованным мозгом, еще только возникал родовой строй — основа всей первобытной истории. Люди делали самые первые шаги на пути покорения окружающей природы: у них появились грубые, примитивные орудия из дерева и камня; они начинали знакомиться с огнем и постепенно научились добывать его; стали расселяться за пределы той довольно обширной зоны, где совершалось их выделение из животного состояния. В эту эпоху закладывался фундамент для всего позднейшего развития человеческой культуры.

При изучении древнейшей истории человечества приходится использовать материалы различных наук: этнографии, антропологии, геологии, палеозоологии и т. д. Но одним из главных источников познания является все же археология, разыскивающая, добывающая и исследующая вещественные остатки жизни древних людей, которые в большинстве случаев покрыты землей. На основании исследования каменных орудий, костей, остатков утвари и жилищ, украшений и произведений первобытного искусства археология восстанавливает древнейшую историю человечества.

Изучение палеолита началось в середине и во второй половине XIX в. Тогда же развернулась углубленная научная разработка проблем древнейших этапов развития первобытного общества, примерно соответствующих палеолиту. Эти исследования были тесно связаны с успехами естествознания, с дарвинизмом и явились одним из форпостов острой идеологической борьбы передовой материалистической науки против идеализма и религии. Именно поэтому, надо думать, К. Маркс и Ф. Энгельс уделяли такое большое внимание данной проблематике. Пристальный интерес основоположников марксизма к первобытности нашел отражение в их многочисленных работах и высказываниях, а особенно в книге Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Археологические и антропологические факты о глубокой древности человечества, об обезьяноподобности значительной части ископаемых людей и их происхождении от обезьян наносили сокрушительные удары религиозному мировоззрению и не могли оказаться вне поля зрения церковников, которые после неудачных попыток замолчать новые открытия или объявить их результатом ошибок и путаницы пошли по другому пути. Начиная с 60-х гг. XIX в. многочисленные служители католической церкви усиленно занимаются вопросами происхождения человека, археологии палеолита, первобытной культуры и искусства. Иногда они раскапывают интересные стоянки и пещеры, выпускают статьи и книги, где приводят большой археологический и антропологический материал. Но основная их цель,— препарировав соответствующим образом факты, «доказать», что наука в этой, как и во всех остальных областях, будто бы не противоречит религии, а, напротив, «подкрепляет» ее [об этом см.: Левин, Поршнев, Струве, 1955; Bourdier, 1967].

Многочисленные энергичные попытки поставить факты, относящиеся к археологии палеолита, палеоантропологии и истории первобытного общества, на службу религии дополняются во многих капиталистических странах попытками поставить эти факты на службу человеконенавистнической расовой теории, «подкрепить» ими расизм [см.: Нестурх, 1970; Чебоксаров, Чебоксарова, 1971]. Реакционные буржуазные ученые стремятся одновременно использовать материалы по археологии палеолита, этнографии и истории первобытного общества также для «опровержения» марксистско-ленинского учения о первобытнообщинном строе [см.: Учение Л. Г. Моргана..., 1967; Клейн, 1968]. Около 100 лет назад К. Маркс указывал: «Читая истории первобытных общин, написанные буржуазными авторами, нужно быть настороже. Они не останавливаются даже перед подлогами».[1] Слова К. Маркса не потеряли своей актуальности и в наши дни.

Советским исследователям, изучающим древнейшее прошлое человечества, приходится в союзе с прогрессивными зарубежными учеными немало заниматься разоблачением распространенных в науке капиталистических стран расистских, идеалистических, антимарксистских построений. Это один из боевых участков фронта нашей идеологической борьбы.

Первое издание настоящей книги было опубликовано в 1957 г. За истекшие 20 лет в научных представлениях о древнейшем прошлом человечества произошел настоящий переворот. Доказано, что человек выделился из животного состояния не около 800 тыс. лет назад, как считали ранее, а свыше 2,6 млн лет назад, открыты многочисленные костные остатки предков современного человека, а также древнепалеолитические стоянки

[1] *Маркс К.* Наброски ответа на письмо В. И. Засулич.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 402.

и пещеры. Доказано существование искусственных жилищ в древнем палеолите. По-новому трактуются вопросы локальных различий в культуре палеолитического периода, некоторые важные вопросы развития первобытных семейных и общественных отношений. Все это вызвало необходимость коренной переделки книги. Но автор стремился сохранить прежний тип работы. Как и в первом издании, основой изложения являются материалы, добытые и исследованные советскими археологами, антропологами и геологами на территории Советского Союза. Одновременно с описанием начальных этапов развития первобытного общества характеризуется история древнейшего человечества, населявшего нашу родину.

Большую помощь автору оказал коллектив Сектора палеолита Ленинградского отделения Института археологии Академии наук СССР, в котором книга была создана. В то же время она в значительной мере выросла из курсов «История первобытного общества», «Археология палеолита» и др., которые автор в течение ряда лет читал на кафедре археологии исторического факультета Ленинградского университета. При подготовке работы к печати особенно ценные указания были получены от В. П. Любина, М. И. Урысона, И. К. Ивановой и И. И. Гохмана. Несколько таблиц, иллюстрирующих книгу (рис. 13, 23, 27, 40, 42, 44, 45, 49, 50), выполнено Л. С. Кухаревой.

Глава первая

ВРЕМЯ ПОЯВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

ОЛЕДЕНЕНИЯ И ПЛЮВИАЛЫ

В этой книге речь пойдет об эпохах становления человечества, соответствующих в основном последним периодам кайнозойской эры истории Земли, точнее — концу неогена, эоплейстоцену и значительной части плейстоцена (см. табл. 1).[1] В неогене появились непосредственные предки человека, ископаемые (т. е. ныне вымершие) человекообразные обезьяны — дриопитеки, рамапитеки. Эоплейстоцен и плейстоцен соответствуют палеолиту, эпохе существования ископаемых людей.

Для эоплейстоцена и особенно плейстоцена характерна серия похолоданий, нашедших выражение в оледенениях, чередовавшихся с периодами сравнительного потепления.[2]

Плейстоценовые оледенения были связаны с увеличением количества снежных осадков. Центры ледников находились в Субарктике — горах севера Европы и Америки. Отсюда материковые льды двигались на юг, покрывая сплошной мощной корой (в периоды своего наибольшего распространения) огромные пространства — до 30% суши, т. е. почти в 3 раза больше, чем покрывают современные ледники. Одновременно с движением масс льда с севера в Пиренеях, Альпах, на Кавказе, Алтае, в Гималаях усилилось развитие горных ледников; они спускались в прилегающие районы.

В периоды распространения древних оледенений огромные пространства превращались в ледяные пустыни. Температура не поднималась выше нуля, и жизнь человека была возможна лишь к югу от этих мест, в областях, находящихся за пределами оледенения.

По окраинам ледника, в перигляциальной области, располагались заболоченные равнины и тундры, южнее переходившие в холодные степи и лесостепь. Для перигляциальной области была характерна очень сильная обводненность — наличие многочис-

[1] До недавнего времени в геологической литературе палеоген и неоген объединялись под названием «третичный период», предшествовавший четвертичному. Теперь термин «третичный период» признан устаревшим и не употребляется.

[2] Характеристику природных условий эоплейстоцена и плейстоцена см.: [Иванова, 1965; Марков, Лазуков, Николаев, 1965; Марков, Величко, 1967; Марков, Величко, Лазуков, Николаев, 1968].

ленных топей и озер. Талые воды ледников переполняли водоемы и отыскивали себе путь на юг, к морю, через многочисленные протоки. О мощности этих вод и протоков дает представление тот факт, что Днепр и Дон достигали тогда в ширину нескольких десятков километров. Вода в других реках тоже была на много десятков метров выше их современного уровня.

Ледники оказали весьма многообразное влияние на жизнь палеолитических людей. Смена оледенений и более теплых межледниковых периодов очень существенно отражалась на животном и растительном мире, поставлявшем пищу палеолитическому человеку. Льды образовывали барьеры, препятствовавшие заселению тех или иных территорий и создававшие изоляцию отдельных групп людей. Исчезновение этих барьеров в межледниковые эпохи благоприятствовало расселению человечества. В занятых палеолитическими людьми перигляциальных районах были распространены явления солифлюкции, разрушавшие первобытные поселения. В периоды господства холодного сухого климата ветры отлагали на перигляциальных пространствах мелкую пыль, погребавшую и тем самым сохранявшую остатки палеолитических поселений. Скалы, под защитой которых жили люди, трескались от резких перепадов температуры, шелушились, и щебень, падая вниз, сравнительно быстро покрывал палеолитические остатки, тоже предохраняя их от разрушения.

Таблица 1

Подразделения кайнозойской эры и их примерная древность

Четвертичный период (антропоген)	Голоцен	≈ 10 тыс. лет
	Плейстоцен	≈ 0.7 млн лет
	Эоплейстоцен	1.8—2 млн лет
Неоген	Плиоцен	≈ 15 млн лет
	Миоцен	≈ 24 млн лет
Палеоген	Олигоцен	
	Эоцен	
	Палеоцен	≈ 60—70 млн лет

Еще в первом десятилетии XX в. Пенк и Брюкнер установили существование в Альпах четырех сменявших друг друга оледенений (гюнцского, миндельского, рисского и вюрмского), разделенных тремя межледниковыми периодами (гюнц-миндель, миндель-рисс и рисс-вюрм). Эта альпийская схема получила широкое признание. Ее стали считать в равной степени приемлемой для всех материков. Однако в настоящее время она подверглась критическому пересмотру, значительно детализирована, исправлена, и, главное, попытки распространить ее на районы, далеко отстоящие от Альп, признаны совершенно ошибочными. Все же альпийской схемой продолжают пользоваться как общеизвестной, а поэтому удобной шкалой отрезков времени, располагающихся в определенной последовательности. В таком качестве будет она фигурировать и в нашем изложении (табл. 2).

На территории Европы, Северной Азии и Северной Америки эоплейстоцен отмечен двумя фазами похолодания. Их связывают с двумя первыми европейскими горными оледенениями — дунаем

Таблица 2

Схема стратиграфического расчленения четвертичного периода

Абсолютный возраст, тыс. лет	Стратиграфическое расчленение			
	Голоцен			Четвертичный период (антропоген)
10				
	Вюрм	Верхний плейстоцен	Пейстоцен	
80				
	Рисс-вюрм			
120				
	Рисс	Средний плейстоцен		
200				
	Миндель-рисс			
350				
	Миндель	Нижний плейстоцен		
500				
	Гюнц-миндель			
700				
	Гюнц	Верхний эоплейстоцен	Эоплейстоцен	
1000				
	Дунай	Нижний эоплейстоцен		
1800—2000				

Рис. 1. Эласмотерии. Рис. К. К. Флерова.

и гюнцем, которые были слабо выражены и, возможно, соответствовали тоже очень слабо выраженному небрасскому оледенению Северной Америки. Трудно утверждать, что ледники дуная и гюнца занимали обширную площадь. Скорее здесь речь идет не об оледенениях, а просто о некотором, сравнительно незначительном ухудшении климата, распространении степей и степной фауны, включавшем между дунаем и гюнцем фазу потепления (интерстадиал) и распространения лесной фауны. В целом на протяжении эоплейстоцена климат в Европе, а особенно в Средиземноморье, был очень теплым. В Западной Европе (на территории Италии, Франции) была представлена виллафранкская фауна, включавшая мастодонта, гиппопотама, теплолюбивые виды слонов и носорогов, лошадь Стенона, оленей, верблюдов, саблезубого тигра (махайрода), макаку. На территории европейской части СССР виллафранкской фауне в общем соответствовали также теплолюбивые хапровский и сменивший его таманский фаунистические комплексы [Громов, 1948]. В них отсутствовал гиппопотам, но были представлены теплолюбивые виды слонов и носорогов, лошадь Стенона, эласмотерий (рис. 1)[3], верблюды, саблезубый тигр, страус; преобладали слоны и лошади.

Гюнц был отделен от сменившего его минделя весьма большим промежутком времени — сравнительно теплым межледниковым периодом. Лишь вслед за этим наступило более или менее значительное похолодание и первое настоящее оледенение Европы — миндельское, или эльстерское (окское — для территории европейской части СССР), соответствовавшее канзасскому оледенению Северной Америки. Льды миндельского оледенения доходили

[3] Эласмотерий — причудливое вымершее травоядное очень крупных размеров, с одним рогом на лбу выше глаз.

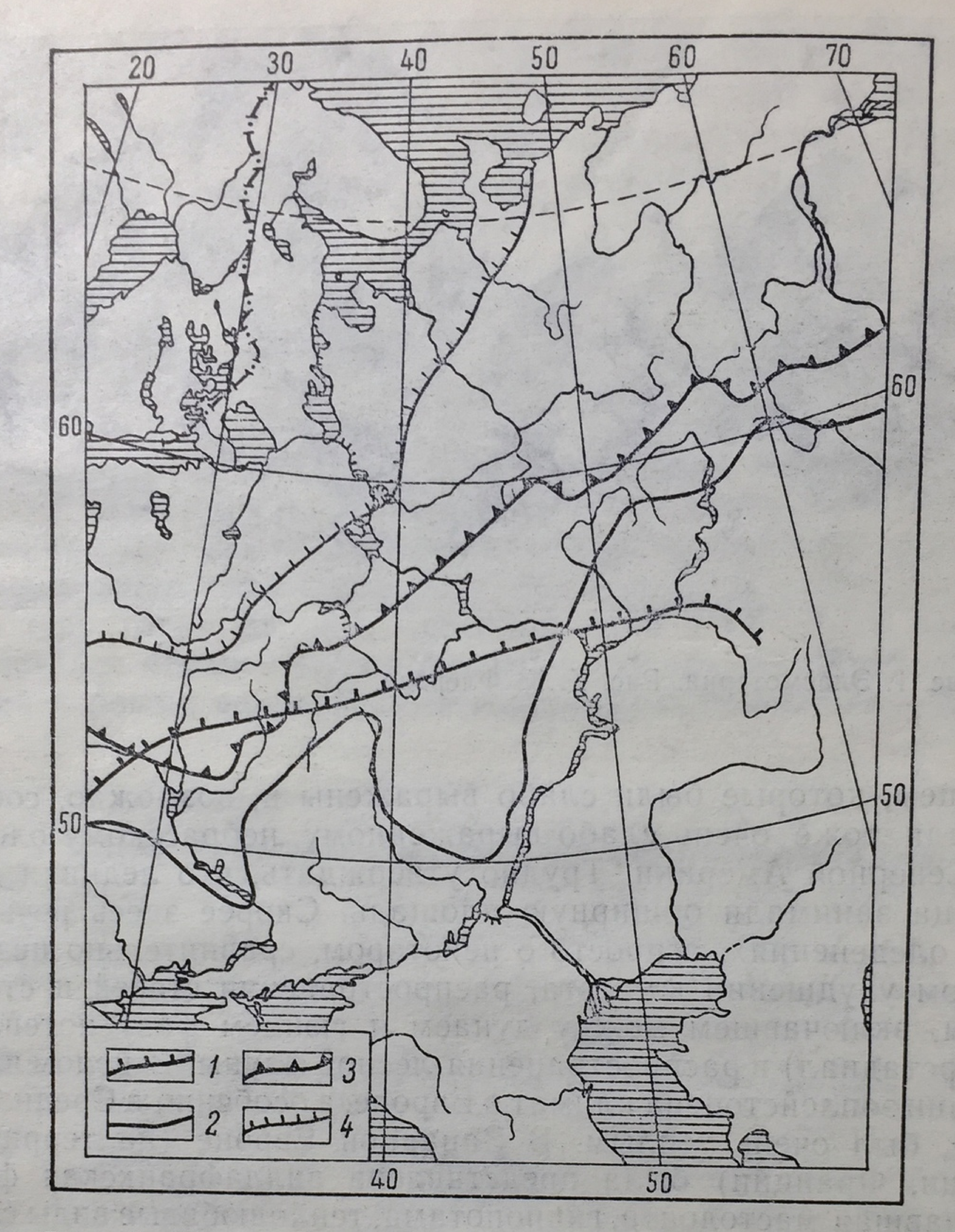

Рис. 2. Границы плейстоценовых покровных оледенений европейской части СССР. По А. А. Величко.

1 — окское оледенение; *2* — днепровское; *3* — московское; *4* — валдайское.

до горных массивов на юге ГДР и ФРГ, а на территории европейской части СССР — до верхнего течения Оки и района современной Казани. Животный мир в Европе и в Средиземноморье (мосбахская фауна Западной Европы, тираспольский фаунистический комплекс европейской части СССР) продолжал оставаться теплолюбивым и лишь незначительно отличался от животного мира эоплейстоцена. Стали вымирать отдельные архаичные виды, а в мосбахской фауне в районах, располагавшихся вблизи края ледника, начали эпизодически появляться такие холодолюбивые животные, как мускусный овцебык и северный олень [Величко, 1973].

Следующая теплая межледниковая эпоха — миндель-рисская, или гольштинская (лихвинская — для территории европейской

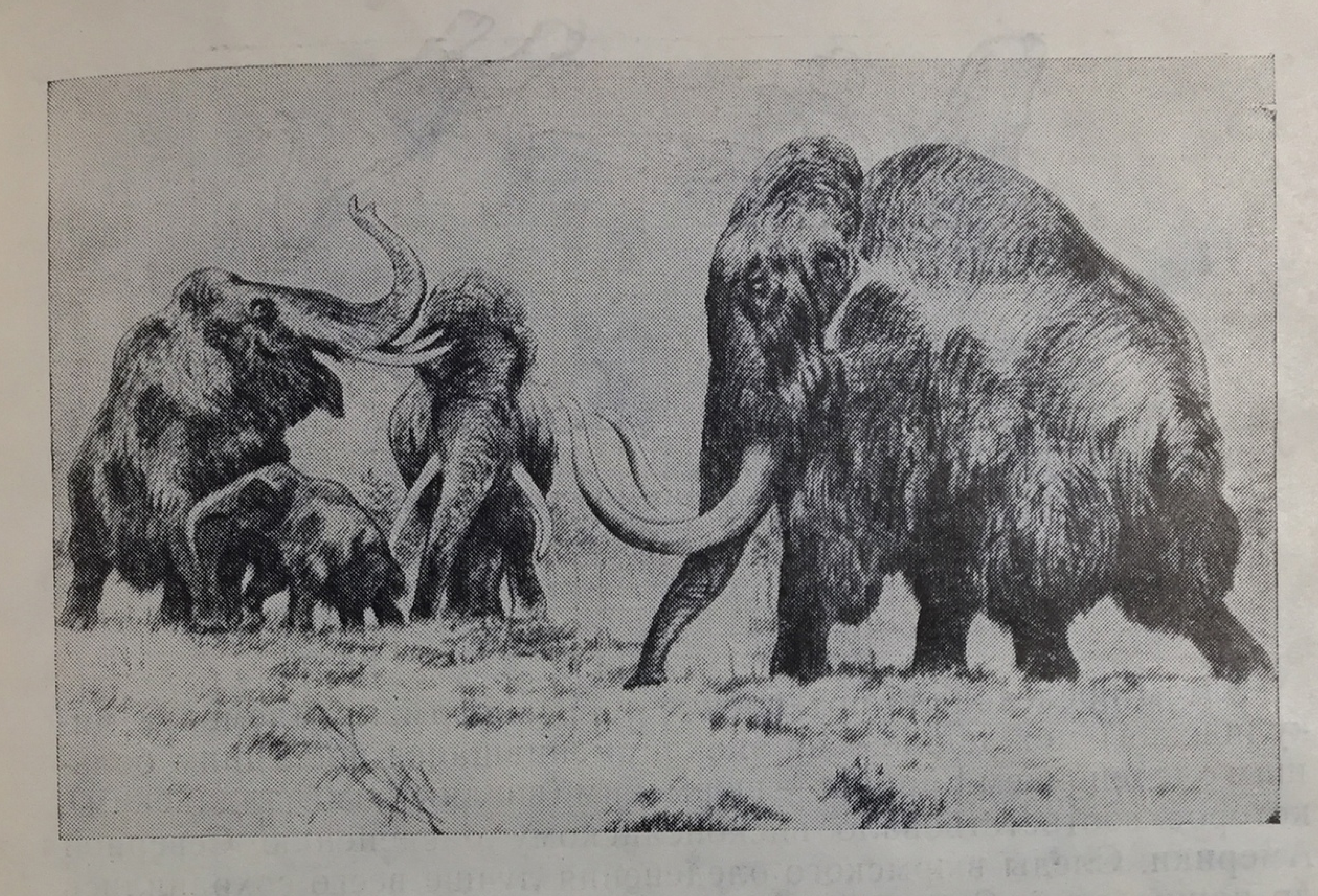

Рис. 3. Мамонты. Рис. К. К. Флерова.

части СССР), — отделяет миндельское оледенение от более позднего, рисского (заальского, днепровского), являвшегося максимальным и, вероятно, соответствовавшего самаровскому оледенению Западной Сибири и иллинойскому оледенению Северной Америки. На территории европейской части СССР льды днепровского оледенения доходили до района Львова и образовывали два гигантских языка: днепровский и донской (рис. 2). Первый продвинулся южнее Киева, почти до Днепропетровска, второй — примерно до широты Камышина. В Западной Европе льды рисского оледенения покрывали Скандинавский полуостров, Данию, большую площадь ГДР, север ФРГ, Голландию, часть Англии примерно к северу от Лондона, а также значительные территории, прилегающие к Альпам и Пиренеям. Климат несколько похолодал, но все еще оставался довольно мягким. Вымерли и частично переселились на юг гиппопотамы, теплолюбивые виды слонов и носорогов. Их место заняли приспособленные к холодному климату мамонты (рис. 3) и шерстистые носороги (рис. 4). Были широко распространены также дикие лошади, бизоны (зубры), первобытные быки (туры) и пещерные хищники: пещерный медведь, пещерный лев (тигролев, рис. 5), пещерная гиена. Вблизи края ледника встречались северный олень, мускусный овцебык, песец. На юге европейской части СССР в это время был представлен хазарский фаунистический комплекс, для которого, кроме шерстистого носорога, мамонта, лошади, бизона, особенно характерны предок мамонта — трогонтериевый слон — и сайга.

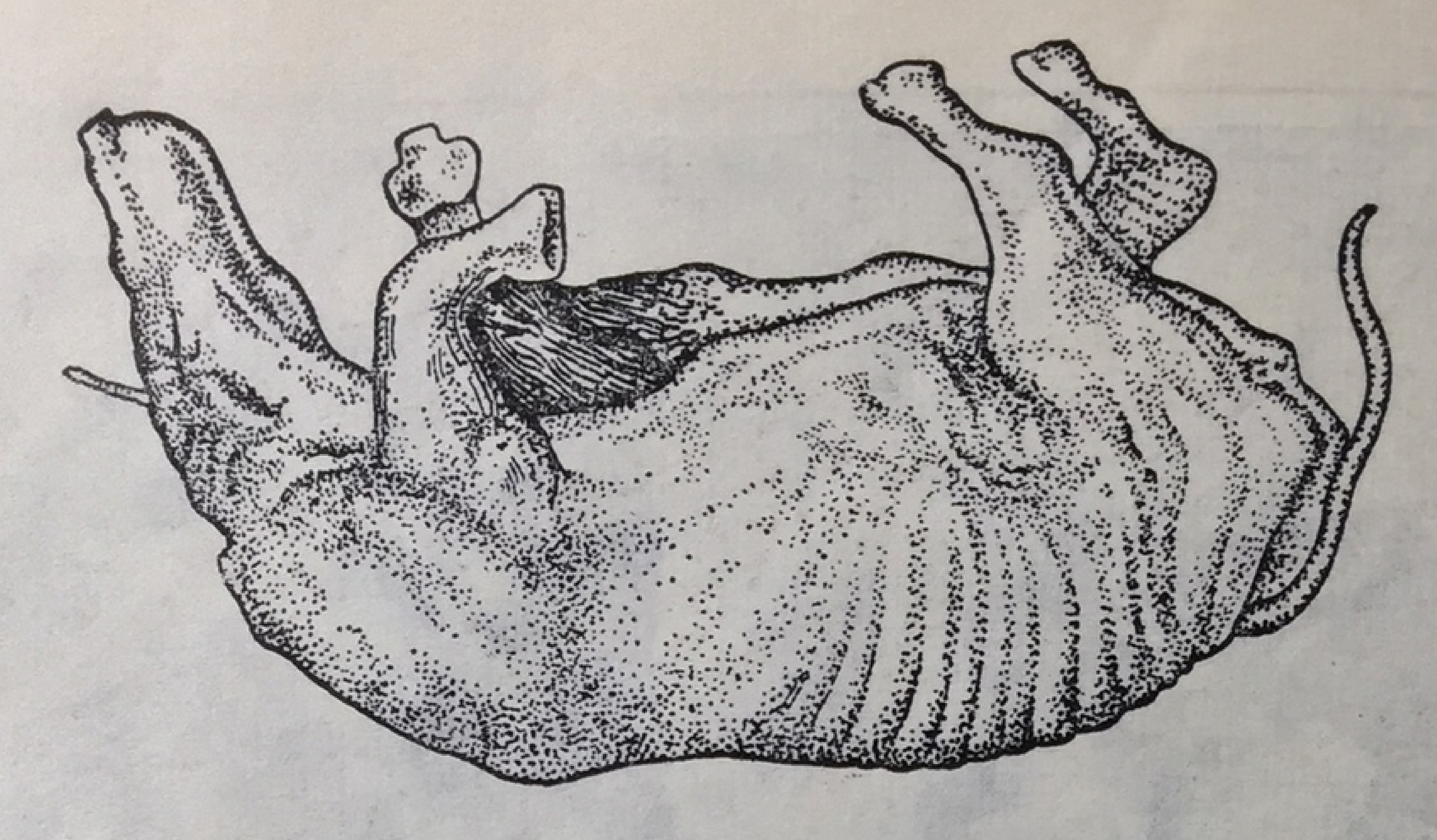

Рис. 4. Труп шерстистого носорога, найденный в 1929 г. в Старуни.

Затем последовало потепление — рисс-вюрмская (эемская, микулинская) межледниковая эпоха, сменившаяся последним большим оледенением Европы — вюрмским (вислинским, валдайским), которое соответствовало висконсинскому оледенению Северной Америки. Следы вюрмского оледенения лучше всего сохранились до наших дней. Оно в свою очередь подразделяется на ряд фаз, характеризовавшихся относительно более холодным или же несколько более теплым (интерстадиалы) климатом. В целом распространение льдов последнего оледенения на всех его этапах было значительно меньшим, чем в риссе и даже минделе. В Европе они покрывали в основном Скандинавский полуостров, северо-запад европейской части СССР, юг Прибалтики и север Англии. Но в четвертичном периоде максимум холода не всегда совпадал с наибольшим распространением ледников. Именно к последнему оледенению приурочено в Европе максимальное похолодание. Климат стал резко континентальным. Широкое развитие получили тундры и холодные степи с островами северного леса, дававшие пищу многочисленным стадам травоядных: северных оленей, диких лошадей, бизонов, туров, а также мамонтов. Северные олени проникали даже на Пиренейский и Апеннинский полуострова. Мамонты обитали вплоть до территории, занимаемой ныне Римом. Вюрмская фауна напоминала фауну рисского времени, но стала более холодолюбивой.

Особенностью животного мира вюрмского периода являлось смешение на одних и тех же территориях животных, характерных в наше время для самых различных ландшафтных зон. Представители тундры — мускусный овцебык, песец, росомаха — существовали бок о бок с обитателями травянистых степей и лесов — бизоном, благородным оленем, лошадью, с обитателями горных пастбищ — горным козлом, альпийским сурком, с обитателями сухих степей и пустынь — сайгой и ослом джигетаем. Такое смешение, вероятно, объясняется тем, что ландшафтные зоны были перемещены к югу и сдвинуты на очень близкое расстояние. Рельеф был

Рис. 5. Пещерный лев (тигролев). Реконструкция В. И. Громова и К. К. Флерова.

значительно расчленен, леса, не составлявшие сплошных массивов, укрывались в долинах рек, в местах, защищенных от холодных сухих ветров. Тундра чередовалась со степью.

Представление о климатических условиях, господствовавших в период широкого распространения плейстоценовых ледников в перигляциальных областях, дают находки, сделанные в Старуни (Ивано-Франковская область Украинской ССР). В 1907 и 1929 гг. здесь в шахте по добыванию озокерита обнаружены трупы мамонта и двух сибирских носорогов (рис. 4), хорошо сохранившиеся благодаря тому, что слой, в котором они лежали, был пропитан нефтью. В пасти носорога между складками его зубов уцелели даже части растений, которыми он питался и которые остались не вполне протертыми. Вместе с трупами найдены остатки тундровой растительности, в частности карликовой березы и мелколистной ивы.

Около 10 тыс. лет назад последнее оледенение закончилось, льды его стаяли и произошел переход от плейстоцена к голоцену. Постепенно установились современные климатические условия. Мамонты, сибирские носороги, пещерные хищники вымерли. Их место заняли представители современного животного мира. Примерно одновременно, через промежуточную археологическую эпоху — мезолит, совершился переход от палеолита к неолиту.

Очертания материков и морей в разные эпохи четвертичного периода в том или ином отношении довольно серьезно менялись, что также сказывалось на истории палеолитического человечества. Существование, например, мостов суши, соединявших в определенные эпохи эоплейстоцена и плейстоцена Британские острова с Европейским континентом, Японские острова и острова Малайского архипелага с Азиатским континентом и т. д., создавало условия для расселения палеолитических людей.

Африка, юг Азии, Австралия и Южная Америка на протяжении четвертичного периода не были покрыты материковыми льдами. Оледенениям сравнительно небольшого масштаба подвергались только районы высоких гор — Гималаев, Атласских, вулканические горы Экваториальной Африки, Анды и др. В целом же южные страны испытывали в четвертичном периоде смену ряда плювиальных и межплювиальных эпох. Плювиальные («дождливые») эпохи знаменовались сильным, более значительным, чем в наши дни, выпадением дождей, большой влажностью, некоторым понижением температуры. Межплювиальные эпохи были засушливыми (аридными). Эти климатические перемены являлись менее резкими и значительными, чем те, которые происходили на севере и которые были связаны с оледенениями. Отсутствовали здесь и такие, как на севере, сравнительно резкие смены фауны. Вместо мамонтов, сибирских носорогов, северных оленей в южных районах водились антилопы, газели, лани, буйволы, горные козлы, а также теплолюбивые виды слонов и носорогов.

ХРОНОЛОГИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ

Последовательность геологических эпох в пределах четвертичного периода, последовательность ледниковых и плювиальных периодов помогает установить относительную древность и геологический возраст памятников древнего каменного века, связанных с определенными геологическими отложениями. Непосредственно этой цели служит стратиграфия (изучение последовательности напластования геологических слоев) раскапываемых палеолитических стоянок и пещер, особенно тех из них, которые содержат несколько разновременных слоев с остатками культуры первобытного человека (культурных слоев). Связанный с палеолитическими культурными слоями палеозоологический, палеоботанический (пыльца растений) и археологический материал также служит важнейшей опорой относительной хронологии и периодизации древнего каменного века.

При определении абсолютной хронологии палеолита наука встречается с большими трудностями. Все же при установлении дат письменные источники могут быть в значительной степени заменены данными геологии и особенно физики. С их помощью можно определить в абсолютных цифрах и с довольно значительной точностью древность отдельных эпох палеолита, в том числе и самых от нас отдаленных.

Делались попытки определить скорость накопления за последние десятилетия речных наносов или слоев почвы, формирующихся, так сказать, на глазах у современного человека, а затем, исходя из допущения, что в далеком прошлом эти слои отлагались с той же быстротой, вычислить по их мощности древность залегающих под ними остатков первобытной культуры. Однако подобное допу-

щение неверно. В разных условиях слои могли отлагаться быстрее или медленнее — реки и ветры не работают с точностью машин.

Более эффективен для определения абсолютной хронологии выработанный Г. де Геером геохронологический метод, основанный на изучении озерно-ледниковых отложений, в которых смена зимы и лета оставила свои следы в виде чередования тонких прослоек. Такими отложениями являются ленточные глины, образование которых было связано с очень медленным отступанием на север ледников последнего, вюрмского, оледенения Европы. Из-под тающих ледников воды выносили ил, отлагавшийся на дне приледниковых озер. Летом процесс таяния шел интенсивнее и на дне откладывался по преимуществу песок. Зимой ил был глинистым. Из таких чередований очень тонких песчаных и глинистых прослоек, налегающих друг на друга (подобно черепице на крыше), образовались ленточные глины. Каждая парная прослойка отвечает одному году. Подсчет количества прослоек, оставленных ледниками на пути их отступания на север, позволил получить абсолютные даты для самого конца позднего палеолита и верхнего плейстоцена, а также для мезолита и раннего голоцена в пределах 8—15 тыс. лет назад.

Но ленточные глины изучены с помощью геохронологического метода лишь в немногих местах и время их образования совпадает со сравнительно небольшим отрезком истории первобытного человечества. Геохронологический метод в значительной мере вытеснен радиоуглеродным и используется главным образом для проверки дат, получаемых с помощью последнего.

В настоящее время в основе определения абсолютной хронологии эпох четвертичного периода и палеолита лежат выработанные физиками изотопные (радиометрические) методы [Долуханов, 1972]. Они основаны на изучении распада радиоактивных элементов, входящих в состав древних предметов органического происхождения, а также горных пород. Радиоуглеродный (радиокарбоновый) метод (или C^{14}) применим к дереву, торфу, костям, углю, имеющим возраст до 60 тыс. лет. Датировка предметов, древность которых 60—70 тыс. лет, дает большие ошибки, а для определения возраста более ранних предметов радиоуглеродный метод пока еще не может быть использован. Радиоуглеродные даты всегда в известной степени приблизительны, допускаются отклонения их в сторону омоложения или удревнения на несколько десятков, а чаще всего на несколько сотен лет. При применении радиоуглеродного метода возможны ошибки. Поэтому одна изолированная дата, полученная с его помощью, не может служить основой для серьезных историко-археологических выводов («одна дата — не дата»). Только проверка одних дат другими, полученными в разных лабораториях и на разных материалах, только наличие серий соответствующих друг другу радиоуглеродных дат, подкрепленных стратиграфией палеолитических памятников, позволяет считать их с большой вероятностью правильными и строить на этом выводы

Таблица 3

Основные археологические подразделения палеолита и их приблизительное сопоставление с подразделениями четвертичного периода

Подразделения четвертичного периода		Абсолютный возраст, тыс. лет		Подразделения палеолита	
Голоцен					
		10	10		
Плейстоцен	Вюрм			Поздний палеолит	
			35		
		≈ 80		Древний палеолит	Мустье
	Рисс-вюрм		≈100		
		≈ 120			
	Рисс				Поздний и средний ашель
		≈ 200			
	Миндель-рисс		≈300		
		≈ 350			
	Миндель				Древний ашель (аббевиль, шелль)
		≈ 500			
	Гюнц-миндель				
		≈700	≈700		
Эоплейстоцен	Гюнц				Олдувай (дошелль)
		≈ 1000			
	Дунай				
		≈2000			
Неоген			≈2600		

общего характера. Другой изотопный метод, калий-аргоновый, применимый главным образом к вулканическим отложениям, охватывает промежуток времени от 400 тыс. до нескольких миллионов лет назад. Датировка этим методом отложений, возраст которых 100—400 тыс. лет, дает большие ошибки, а для отложений, имеющих древность менее 100 тыс. лет, калий-аргоновый метод пока не применим. Использование калий-аргоновых дат требует той же осторожности, что и использование радиоуглеродных дат.

Изотопные методы поставляют практически все абсолютные даты, используемые исследователями палеолита и положенные в основу настоящей книги (табл. 2 и 3).

Археологи, изучая предметы материальной культуры, принадлежавшие первобытным людям и обнаруживаемые археологиче-

скими раскопками, делят историю первобытного человечества на три основные эпохи: каменный век, бронзовый век и железный век. Каменный век в свою очередь делится на древний каменный век — палеолит и новый каменный век — неолит. Палеолит являлся эпохой существования ископаемого человека. Это было, когда климат Земли и ее растительный и животный мир довольно сильно отличались от современных (эоплейстоцен и плейстоцен). Люди эпохи палеолита пользовались лишь оббитыми каменными орудиями, не зная орудий из шлифованного камня и глиняной посуды — керамики. Палеолитические люди занимались охотой и собиранием пищи (растения, моллюски и др.). Рыболовство только начинало возникать, а земледелие и скотоводство не были известны. Люди эпохи неолита жили уже в современных климатических условиях и в окружении современного животного мира (голоцен).

В неолите наряду с оббитыми распространились шлифованные и сверленые каменные орудия, а также глиняная посуда. Неолитические люди одновременно с охотой, собирательством, рыболовством занимались примитивным мотыжным земледелием и разводили домашних животных. Между палеолитом и неолитом выделяют переходную эпоху — мезолит.[4]

Если перейти теперь к более детальной периодизации палеолита, то можно установить лишь несколько основных крупных подразделений последнего, представленных на всех территориях, заселенных палеолитическими людьми.

Палеолит делится на два больших периода: древний (нижний, ранний) палеолит и поздний (верхний) палеолит (табл. 3).[5] Более дробные подразделения позднего палеолита имеют только местный характер. В пределах же древнего палеолита выделяют следующие эпохи, начиная с древнейшей: олдувайская, или дошелльская (иногда ее еще называют культурой оббитых галек или галечной культурой); древнеашельская, или аббевильская, или шелльская; средне- и позднеашельская; мустьерская.[6] Многие исследователи

[4] Термины «палеолит», «мезолит», «неолит» образованы из греческих слов: «палайос» — древний, «мезос» — средний, «неос» — новый, «литос» — камень. Абсолютную хронологию эпох палеолита см. табл. 3. Мезолит Европы имеет древность 10—7 тыс. лет (в северных районах Европы он продолжался до 6—5 тыс. лет назад), мезолит Ближнего Востока — 12—9 тыс. лет назад.

[5] В табл. 3, как и в большинстве подобных таблиц [ср.: Leroi-Gourhan, Bailloud e. a., 1966; Grahmann, Müller-Beck, 1967; Bordes, 1968, и др.], не отражена спорность отдельных датировок и сопоставлений во времени. В частности, некоторые исследователи относят начало мустье к началу рисс-вюрма и даже к концу рисса. Не отражено в таблице также сосуществование и запаздывание отдельных явлений на разных территориях, правда, имевшее место в сравнительно ограниченных пределах. Но бóльшая часть подразделений табл. 3, как и табл 1, 2, соответствует общепризнанным, устоявшимся взглядам.

[6] Деление палеолита на эпохи шелльскую, сменяющую ее ашельскую, мустьерскую и т. д. было предложено еще во второй половине XIX в. Г. Мортилье и получило всеобщее признание. В настоящее время подавляющее большинство исследователей именует прежнюю шелльскую эпоху древнеашельской или аб-

принимают не двухчленное, а трехчленное деление, обозначая мустьерскую эпоху как средний палеолит, а к древнему палеолиту относя все предшествующие эпохи. Трехчленное деление палеолита не менее распространено и не менее общепризнанно, чем двухчленное.

Такая периодизация, хотя и охватывает очень широкие территории, все же не является абсолютно всеобщей. К палеолиту Южной Африки, Пакистана и Индии она может быть применена лишь частично. Палеолит Китая, Японии, Юго-Восточной Азии, Австралии и Америки тоже целиком не укладывается в ее деления.

бевильской, относя к ней также то, что раньше относили к началу ашельской эпохи. Следующая эпоха объединяет бóльшую часть памятников, которые раньше относили к ашельской эпохе, за исключением наиболее древних из них.

Глава вторая

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

РОДОСЛОВНАЯ ЧЕЛОВЕКА. АВСТРАЛОПИТЕКОВЫЕ

Положение о том, что человек произошел от ныне вымерших человекообразных обезьян неогена, было установлено главным образом трудами Ч. Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора» (1859 г.) и «Происхождение человека и половой отбор» (1871 г.). Это положение является общепризнанным в современном материалистическом естествознании [Нестурх, 1960, 1970; Алексеев, 1975; Рогинский, 1977]. Столь же бесспорно, что современные человекообразные обезьяны, прежде всего африканские — горилла и шимпанзе — и в меньшей степени азиатские — орангутан и гиббон, представляют собой боковых родственников человека. Как и человек, они произошли от ныне вымерших человекообразных обезьян неогена.

В тот период, когда Ч. Дарвин писал свои работы, в науке существовал зияющий, почти ничем не заполненный разрыв между человекообразными обезьянами второй половины третичного периода и возникшим много миллионов лет спустя человеком современного физического типа. В результате многолетних геологических, палеонтологических и археологических исследований этот разрыв в значительной мере заполнился и были установлены последовательные ступени развития физического строения наших предков, как человекообразных обезьян (антропоидов), так и древнейших людей (гоминид).

В настоящее время многие исследователи считают сравнительно близкими общими предками человека, гориллы и шимпанзе дриопитеков — ископаемых человекообразных обезьян, распространенных в миоцене — 14—20 млн лет назад — на юге Азии, юге Европы и в Африке. Ближе других к людям стоит дарвиновский дриопитек, остатки которого обнаружены в среднемиоценовых отложениях Австрии. Еще более близким предком человека является, согласно взглядам ряда исследователей, рамапитек, кости которого найдены в нижнеплиоценовых отложениях Сивыликских холмов на севере Индии и на стыке Индии и Пакистана, а также в миоценовых отложениях Кении в Восточной Африке (рамапитек из Кении нередко обозначается как кениапитек). Рамапитек жил 10—14 млн лет назад. На этой ступени линия предков людей отделилась от линии предков современных

человекообразных обезьян, и рамапитека уже нельзя рассматривать одновременно как предка гориллы и шимпанзе. Однако рамапитек являлся еще настоящей человекообразной обезьяной, жившей в тропических лесах, на деревьях, и питавшейся растительной пищей. В то же время, по мнению некоторых авторитетных исследователей (Э. Саймонс, Д. Пилбим), рамапитеки были уже двуногими формами, обитавшими на сравнительно открытых пространствах (эта точка зрения разделяется далеко не всеми авторами).

Следует назвать и гареджийского удабнопитека. Принадлежавшие ему два зуба и обломок верхней челюсти были найдены в 1939 г. в местности Удабно в Сагареджийском районе (Юго-Восточная Грузия). Удабнопитек жил в конце миоцена или в начале плиоцена и, судя по строению его зубов, был близок к дриопитекам и рамапитекам. Он являлся современником многочисленных крупных млекопитающих — носорога, мастодонта, гиппариона, жирафа, гиены. Зубы удабнопитека интересны как единственные остатки ископаемой человекообразной обезьяны, найденные до сих пор на территории СССР. Кроме них, на юге Украины и в Молдавии открыты лишь кости низших (мартышкообразных) обезьян, живших гораздо раньше и не являвшихся непосредственными предками человека.

Более близкими, чем рамапитек, предшественниками и предками людей были австралопитековые [Якимов, 1966, 1976; Рогинский, 1977; Pilbeam, 1972, 1975; Howells, 1973].[1] Первая находка черепа австралопитека сделана в ЮАР Р. Дартом в 1924 г. В настоящее время известны костные остатки до 400 особей австралопитековых (рис. 6). Значительная часть обнаружена в Южной Африке и принадлежит двум основным родам. Это австралопитек африканский из Таунга, Макапансгата и Стеркфонтейна и парантроп массивный из Кромдрая и Сварткранса. Их древность предположительно от 900 тыс. до 3 млн лет (калий-аргоновые даты для австралопитековых Южной Африки отсутствуют). Кости австралопитековых открыты и в Восточной Африке. Это принадлежащий к парантропам массивным зинджантроп бойсов из Олдувайского ущелья в Танзании и другие формы, остатки которых обнаружены там же, находки вокруг оз. Туркана (Рудольф), главным образом в Кении (Канапои, Кооби-Фора, Лотегем, Илерет), и в долине р. Омо на юге Эфиопии. Древность разных восточноафриканских австралопитековых, согласно калий-аргоновым определениям, от 5.5 (Лотегем) до примерно 0.7—1 млн лет.[2] Остатки близких к австралопитековым форм обнаружены и в Юго-Восточной и Южной Азии. Сюда относятся гигантопитек блэков из Южного Китая, гигантопитек биласпурский из Север-

[1] Слово «австралопитек» означает «южная обезьяна».

[2] Высказано предположение о том, что остатки из Лотегема принадлежат не австралопитековым, а дриопитекам [Current Anthropology, 1977, vol. 18, p. 356]. Если это подтвердится, то окажется, что возраст наиболее древних австралопитековых не 5.5, а 3.5—4 млн лет.

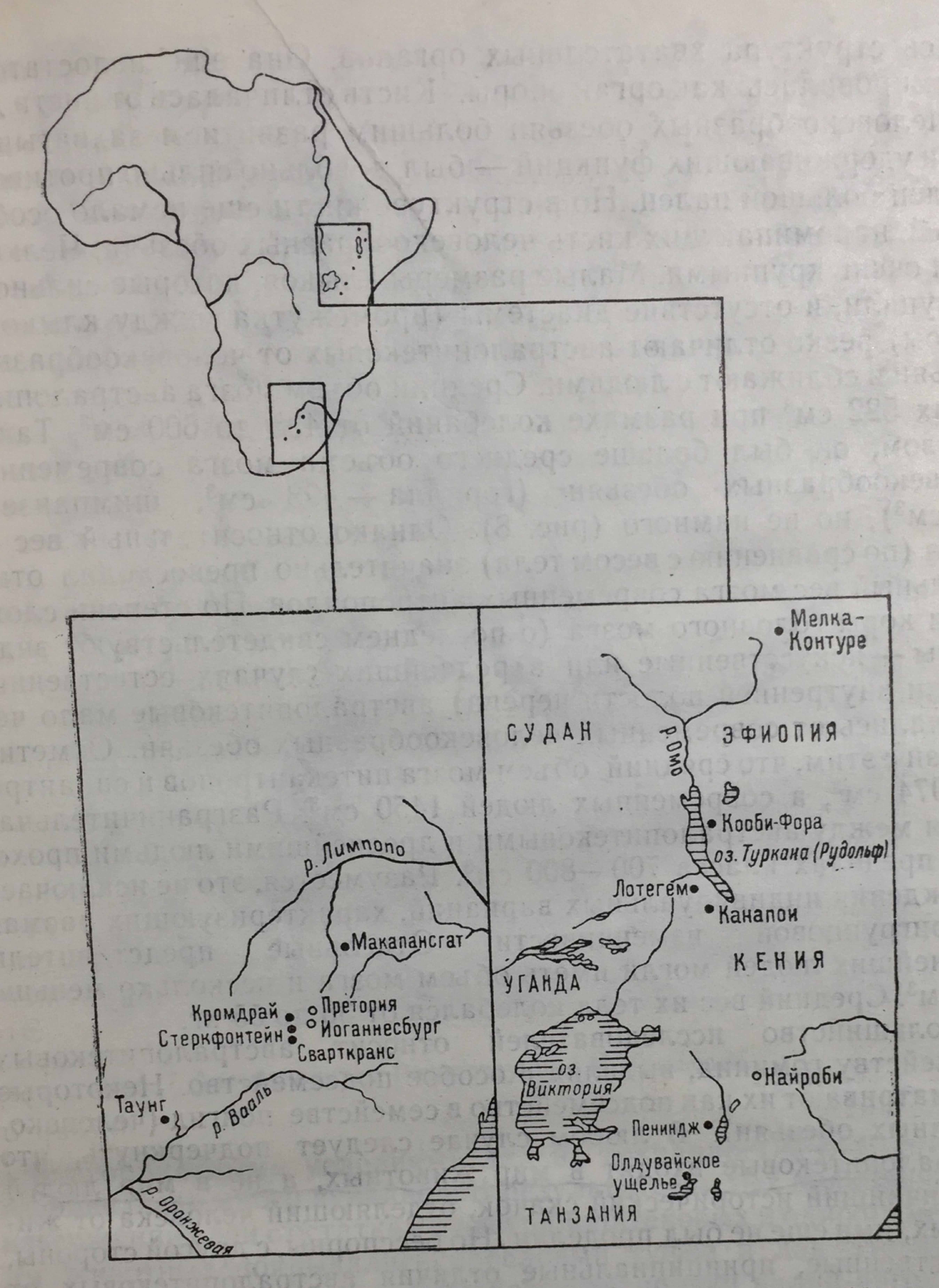

Рис. 6. Местонахождения остатков австралопитековых. Homo habilis и Homo erectus в Южной (*слева*) и Западной (*справа*) Африке.

ной Индии, мегантроп древнеяванский из Сангирана на Яве и др.

В советской научной литературе материалы по австралопитековым наиболее обстоятельно обобщены В. П. Якимовым [1966] и Я. Я. Рогинским [1977]. Австралопитековые были вполне наземными (не древесными) существами и передвигались на двух ногах (рис. 7). Этим они резко отличались от всех человекообразных обезьян, приближаясь в то же время к людям. Но в их стопе сохра-

нялась структура хватательных органов. Она еще недостаточно сформировалась как орган опоры. Кисть отличалась от кисти других человекообразных обезьян большим развитием захватывающих и удерживающих функций — был довольно сильно противопоставлен большой палец. Но в структуре кисти еще немало особенностей, напоминающих кисть человекообразных обезьян. Челюсти были очень крупными. Малые размеры клыков, которые сильно не выступали, и отсутствие диастемы (промежутка между клыком и резцом) резко отличают австралопитековых от человекообразных обезьян и сближают с людьми. Средний объем мозга австралопитековых 522 $см^3$ при размахе колебаний от 435 до 600 $см^3$. Таким образом, он был больше среднего объема мозга современных человекообразных обезьян (горилла — 498 $см^3$, шимпанзе — 394 $см^3$), но не намного (рис. 8). Однако относительный вес их мозга (по сравнению с весом тела) значительно превосходил относительный вес мозга современных антропоидов. По степени сложности коры головного мозга (о последнем свидетельствуют эндокраны — искусственные или в редчайших случаях естественные слепки внутренней полости черепа) австралопитековые мало чем отличались от современных человекообразных обезьян. Отметим в связи с этим, что средний объем мозга питекантропов и синантропов 974 $см^3$, а современных людей 1450 $см^3$. Разграничительная линия между австралопитековыми и древнейшими людьми проходит в пределах класса 700—800 $см^3$. Разумеется, это не исключает захождения индивидуальных вариаций, характеризующих размах внутригрупповой изменчивости. Отдельные представители древнейших людей могли иметь объем мозга и несколько меньше 700 $см^3$. Средний вес их тела колебался от 36 до 55 кг.

Большинство исследователей относит австралопитековых к семейству гоминид, выделяя в особое подсемейство. Некоторые рассматривают их как подсемейство в семействе понгид (человекообразных обезьян). В любом случае следует подчеркнуть, что австралопитековые входят в мир животных, а не в мир людей и величайший исторический скачок, отделяющий человека от животных, ими еще не был проделан. Но бесспорны, с другой стороны, существенные, принципиальные отличия австралопитековых от всех других человекообразных обезьян, выражающиеся прежде всего в прямой походке. Убедительным поэтому представляется определение австралопитековых В. П. Якимовым не как антропоидных, а как гоминоидных приматов, двуногих, обладавших свободными от функции опоры верхними конечностями и относительно крупным и сложно построенным мозгом. Они имели также некоторые признаки в строении черепа, зубной системы и скелета, отражавшие их сходство с древними людьми в значительно большей степени, чем это свойственно другим ископаемым и современным антропоидам, в том числе шимпанзе и горилле.

Обнаружение в Восточной Африке более древних, чем в Южной Африке, остатков австралопитековых в известной мере связано

Рис. 7. Австралопитек. Реконструкция М. Вильсона.

с благоприятными условиями для их сохранности. В Восточной Африке было много вулканов. В результате частых вулканических извержений слои с остатками австралопитековых и одновременных им животных покрывались прослоями туфов и лав. Последние представляют широкие возможности датировки калий-аргоновым методом. Однако можно, видимо, говорить и о более раннем по сравнению с Южной Африкой появлении здесь австралопитековых. Это, очевидно, связано с тем, что в Восточной Африке природные условия на рубеже неогена и четвертичного периода складывались для жизни приматов гораздо благоприятнее. Климат, в целом полупустынный, был более влажным в горах. Страна отличалась большей обводненностью, животный мир — разнообразием.

В Южной Африке австралопитековые обитали в основном на открытых пространствах, сходных с современными африканскими саваннами. Как известно, последние характеризуются сочетанием травянистого покрова с отдельными деревьями, группами деревьев и кустарниковыми зарослями.

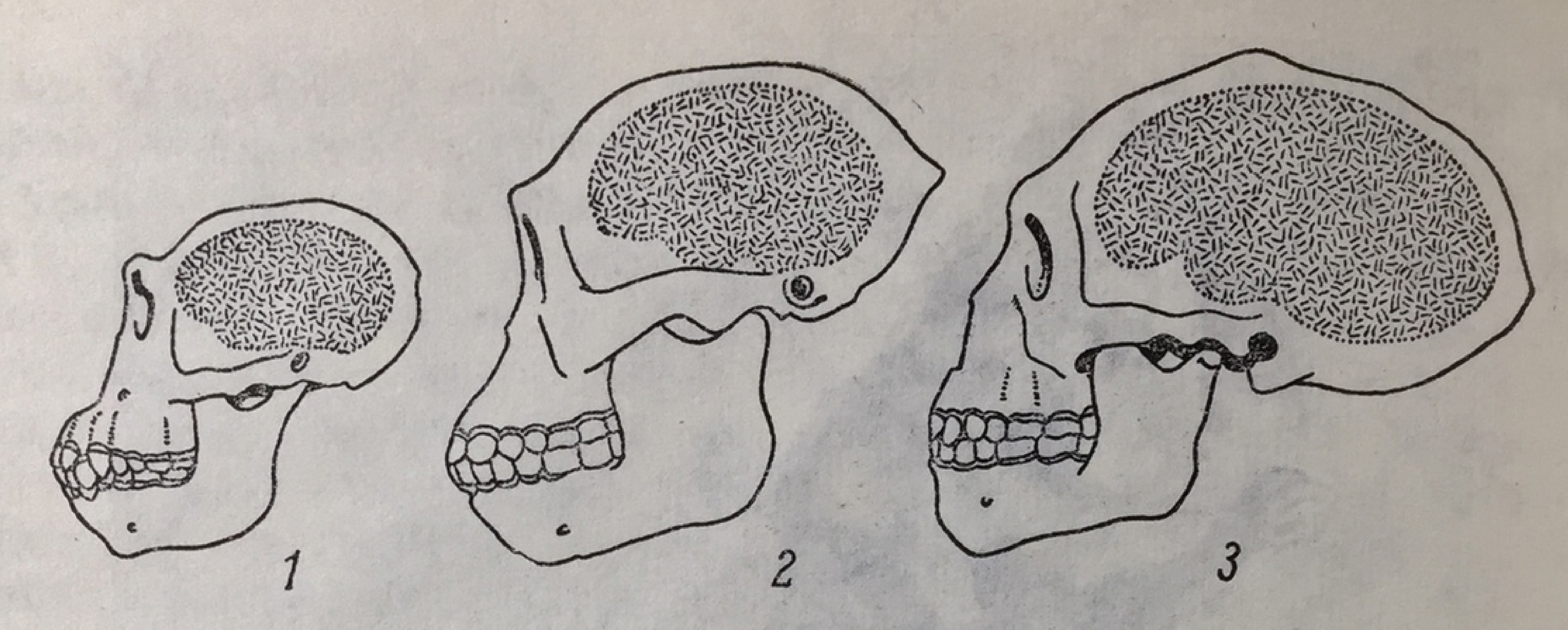

Рис. 8. Схематическое изображение черепов шимпанзе (*1*), австралопитекового (*2*) и Homo erectus (*3*).

Значительная часть австралопитековых являлась современниками древнейших людей олдувайской археологической эпохи палеолита (табл. 2, 3). В связи с этим высказывалась мысль, что австралопитековые представляли собой не непосредственных наших предков, а как бы модель антропоидных предков человека. Но некоторые восточноафриканские австралопитековые имеют древность если не до 5.5, то во всяком случае до 4 млн лет. Они, таким образом, существовали гораздо раньше, чем появились древнейшие люди олдувайской эпохи. Находки их остатков свидетельствуют о том, что австралопитековых, по крайней мере часть их (обитавшую не только в Восточной, но и в Южной Африке), можно рассматривать как непосредственных предков древнейших людей.

В отдельных местонахождениях вместе с костями австралопитековых обнаружены расколотые длинные кости животных. Это дало основания Р. Дарту для предположения о существовании у них «остеодонтокератической (костнозубороговой) культуры», о том, что они использовали в качестве оружия и орудий кости и зубы убитых ими на охоте животных. Однако относящиеся сюда факты не могут считаться достаточно убедительными и хорошо проверенными. Это же можно сказать о сообщениях, касающихся принадлежности австралопитековым найденных в большей или меньшей близости от их костей грубооббитых каменных орудий. Не исключена возможность, что они уже начинали в отдельных случаях переходить к использованию и даже изготовлению простейших орудий. Представляется убедительным предложенное В. П. Якимовым определение австралопитековых как «стада обезьян, берущих палки» (здесь использована формулировка В. И. Ленина).[3] Но уверенно говорить о том, что они изготовляли орудия, нет оснований.

Кости некоторых австралопитековых найдены в пещерах. Возможно, они иногда заходили в пещеры или даже селились в их

[3] *Ленин В. И.* Государство и революция.— Полн. собр. соч., т. 33, с. 10.

наружной части, хотя хищные животные тоже могли занести в пещеры части туш убитых ими австралопитековых.

Наряду с переходом австралопитековых, единственных из всех человекообразных обезьян, к ходьбе на двух ногах представляет исключительное значение переход многих австралопитековых, тоже единственных из всех человекообразных обезьян, к довольно широкому употреблению мясной пищи. О последнем свидетельствуют строение их зубов и нижних челюстей, а также находки вместе с их костями остатков убитых ими животных, в частности павианов и копытных.

Итак, австралопитековые — это человекообразные обезьяны, у которых уже возникла походка на двух ногах, которые начали питаться мясом и находились на пороге очеловечивания.

ПРОБЛЕМА ГРАНИ

Если австралопитековые обезьяны непосредственно подошли к рубежу, отделяющему животный мир от человеческого общества, то древнейшим обезьяноподобным человеком, уже выделившимся из животного состояния, являлся, согласно представлениям, утвердившимся в современной археологической и антропологической науке, Homo habilis (Гомо хабилис), остатки которого впервые были открыты в 1960 г. в Олдувайском ущелье в Танзании.[4] Превращение обезьян в людей, стада животных в человеческое общество было очень длительным, сложным, противоречивым процессом, занявшим несколько миллионов лет и захватившим обширные территории. В конце неогена и на рубеже неогена и эоплейстоцена в Африке, на юге Европы и на юге Азии жило много разных видов человекообразных обезьян, физическое строение которых, а в известной мере и образ жизни обнаруживали предпосылки очеловечивания. Они в большей или меньшей степени приближались к пути, который вел к древнейшим людям. Среди таких обезьян следует назвать дриопитеков, рамапитеков, удабнопитеков, разнообразных австралопитековых и примыкающих к последним гигантопитека (Северная Индия, Южный Китай) и мегантропа (Ява). Подавляющее большинство их вымерло, не дав потомков, было сметено процессом отбора, не смогло просуществовать и приспособиться к новым, изменившимся условиям жизни. Это была настоящая эволюционная мельница. Так, развитие гигантопитеков в направлении увеличения размеров тела лишило их пластичности и в конечном счете послужило причиной вымирания при относительно быстрых изменениях окружающей

[4] Систематическое название Homo habilis является предметом дискуссии среди советских и зарубежных антропологов. Некоторые специалисты по систематике не находят оснований для выделения особого вида Homo habilis в рамках рода Homo (человека).

среды. Сходная судьба постигла других антропоидов. Некоторые из ископаемых человекообразных обезьян той же эпохи развились в современных человекообразных обезьян — в гиббонов, орангутанов, горилл и шимпанзе. И лишь небольшая часть ископаемых человекообразных обезьян неогена, близко напоминавшая тех австралопитековых, остатки которых дошли до нас, постепенно закрепила у себя двуногое хождение, трудовые навыки и перешла к систематическому изготовлению орудий, стала широко заниматься охотой и широко употреблять в пищу мясо, одним словом, постепенно превратилась в людей. Очень метким является замечание Ф. Энгельса, указывавшего, что после тысячелетней борьбы рука, наконец, дифференцировалась от ноги, установилась прямая походка и человек отделился от обезьяны.[5]

Возник вопрос о грани, разделявшей человека, с одной стороны, и человекообразных обезьян, находившихся на пути очеловечивания, с другой, о критериях, позволяющих отделить остатки, принадлежавшие древнейшим обезьяноподобным людям, от таких же остатков, принадлежавших ископаемым человекообразным обезьянам, находившимся на пути превращения в людей.

Основное отличие человека от всех животных, даже самых высокоорганизованных, это труд, изготовление орудий труда. Данный критерий, философски обобщенный Ф. Энгельсом в работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека»,[6] стал в настоящее время в результате поступательного развития антропологии и археологии палеолита общепризнанным как среди советских, так и среди зарубежных исследователей.

Современная археология палеолита располагает критериями, позволяющими отделить даже самое бесформенное древнейшее каменное орудие, обработанное человеком, от псевдоорудия. Такие критерии разработаны в трудах П. П. Ефименко [1953], К. П. Окли [Oakley, 1961a], В. Адриана [Adrian, 1948] и других исследователей. Кратко остановимся на них.

Основным материалом для изготовления орудий в палеолите был кремень. В природе нет материала столь же распространенного, как кремень, и в то же время обладающего столь же ценными для первобытной техники качествами: твердостью и способностью раскалываться в любом желаемом направлении. Раскалывается кремень на тонкие пластины с гладкими, словно отполированными плоскостями и острыми режущими краями. При известной сноровке от куска кремня можно откалывать отщепы любой величины и формы. Там, где кремень отсутствовал или был труднодоступен, палеолитические люди изготовляли орудия из кварцита, обсидиана (вулканическое стекло), кремнистого сланца (английское обозначение — chert), андезита и других пород камня, иногда даже из ископаемого, окаменелого дерева.

[5] *Энгельс Ф.* Диалектика природы.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 357.
[6] Там же, с. 486—499.

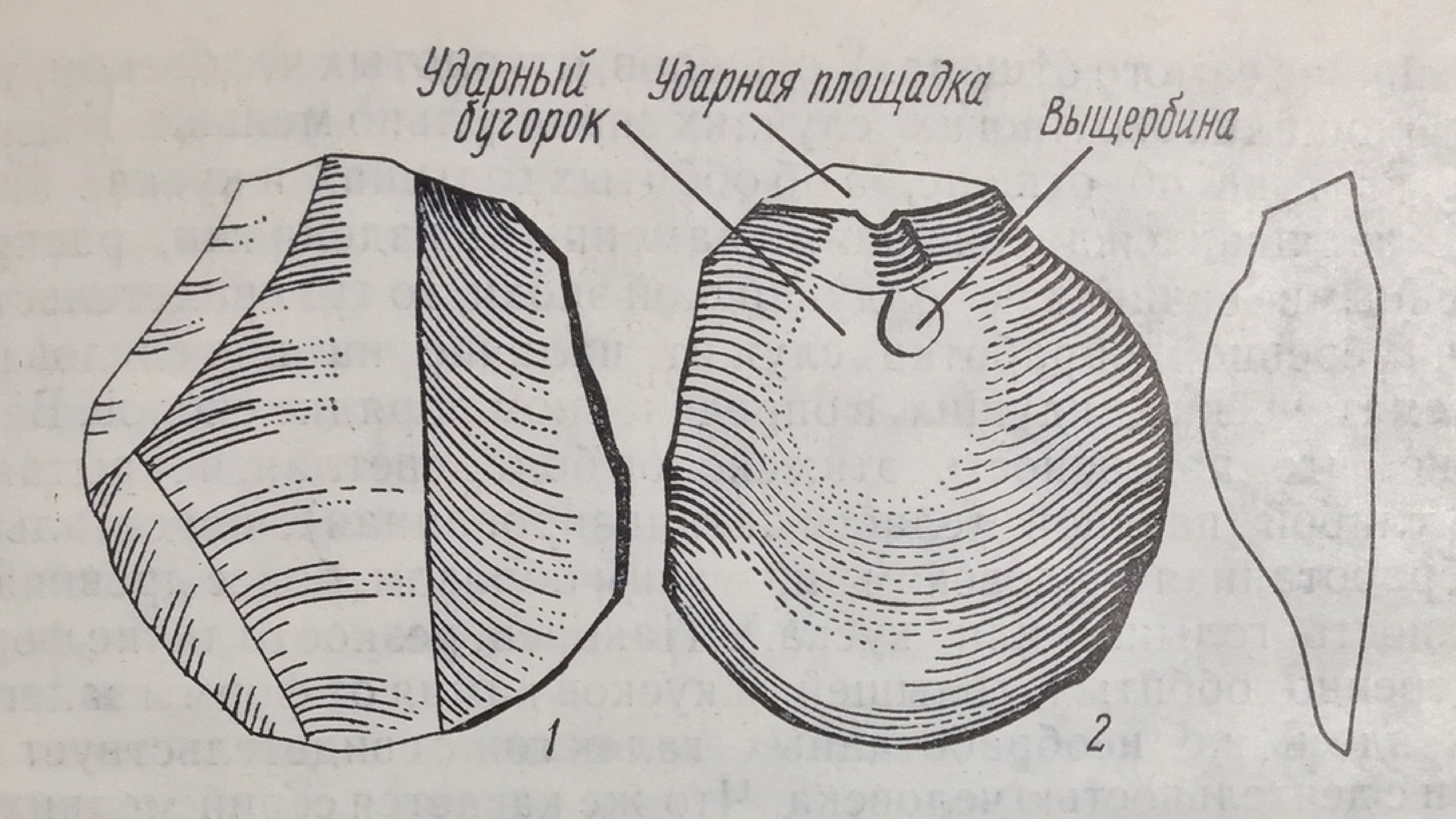

Рис. 9. Отщеп кремня.

1 — наружная поверхность (спинка) со следами предшествующих сколов; *2* — нижняя поверхность (брюшко).

Древнейшими каменными изделиями начиная с первой археологической эпохи палеолита, олдувайской, были отщепы камня. Признаком того, что отщеп отколот рукой человека, а не образовался в результате действия природных факторов, является известная правильность огранения его наружной поверхности, возникшая в результате последовательных сколов с одного и того же куска (желвака или голыша) камня, производимых для того, чтобы выровнять этот кусок и удалить покрывавшую его корку [7]. Признаком искусственного отделения отщепа от желвака, голыша или куска камня служит, кроме того, характер отбиваемой поверхности, нижней поверхности откола, брюшка отщепа (рис. 9). У отщепа, отколотого человеком, эта поверхность имеет примыкающую к точке удара выпуклость — ударный бугорок, а от него расходится своеобразная волнистость (раковистый излом). Особенно хорошо бывают выражены ударный бугорок и волнистость у отщепов кремня и обсидиана. У отщепов других названных выше пород они выражены слабее. На поверхности ударного бугорка в свою очередь нередко заметны небольшие выщербины или изъяны —следы выкрашивания одной или нескольких мелких чешуек камня. Такие выщербины или изъяны обычно есть на ударном бугорке отщепов, отделенных резким, сильным ударом, и тоже могут рассматриваться как признак того, что данный отщеп был намеренно отколот рукой человека. Ударная площадка — участок камня, по которому был нанесен удар,— у отщепов, отделившихся без вмешательства рук человека (например, в результате удара камня о камень в русле реки или при осыпи), имеет случайный характер. Нередко она непропорционально велика по отношению

[7] В археологической литературе наружная поверхность отщепа обычно именуется спинкой, а нижняя поверхность раскола — брюшком.

к величине самого отщепа. У отщепов, отколотых человеком, ударная площадка во многих случаях значительно меньше. Когда же речь идет не об отщепе, а об оббитых голышах и кусках камня, тоже являвшихся древнейшими каменными изделиями, распространенными начиная с олдувайской эпохи, то тут свидетельством их намеренной обработки служит наличие на них следов ряда систематических, идущих в определенном порядке сколов. Важно также, что поверхность этих сколов более светлая, покрытая более слабой патиной (слабее патинизированная), чем остальная, необработанная человеком и, таким образом, более древняя поверхность голыша или куска.[8] Наконец, резкое отличие формы намеренно оббитых голышей и кусков камня от формы залегающих здесь же необработанных галек тоже свидетельствует о их связи с деятельностью человека. Что же касается серий мелких выщербинок, часто заметных по краям кусков, осколков и отщепов камня и иногда рассматриваемых как следы вторичной обработки, подправки,[9] то, пытаясь связать их с человеческой деятельностью, необходимо быть особенно осторожным. Во многих случаях такие выщербинки являются на самом деле не ретушью, нанесенной человеком, а псевдоретушью, образовавшейся в результате давления камня на камень или удара камня о камень в природных условиях. Их можно уверенно приписать человеку лишь если на этом же камне наблюдаются другие признаки намеренной обработки или если речь идет о находке, сделанной в палеолитическом культурном слое.

Критерии искусственной обработки древнейших каменных изделий малоприменимы при определении единичных предметов. Но, если на целой серии отщепов, галек, кусков камня наблюдаются охарактеризованные выше признаки, отделяющие в то же время эту группу от группы камней, подобных признаков не имеющих, можно уверенно говорить о том, что перед нами не псевдоорудия, не так называемые эолиты, а примитивные каменные изделия, артефакты, как бы грубы и бесформенны они ни были. Многое зависит и от условий обнаружения. Если отщепы, гальки, куски камня найдены в древнепалеолитическом слое вместе с другими культурными остатками (обломки костей, угли и т. д.), если речь идет об образцах породы камня, принесенных издалека, то можно с гораздо большей уверенностью говорить об их связи с

[8] Патинизация — более или менее глубокое изменение цвета естественной поверхности и поверхности скола кремня. Такое изменение происходит под действием агентов выветривания. Большей частью патина является показателем палеолитической древности каменных орудий, которые ею покрыты. Однако в отдельных случаях расколотый кремень покрывается патиной очень быстро. Известны находки кремневых изделий эпох неолита и даже бронзы, покрытых густой патиной, и, наоборот, находки палеолитических кремней, вовсе непатинизированных [о патине см.: Ковнурко, 1962; Коробков, 1971; Schmalz, 1960; Lindner, 1964—1965; Vencl, 1964].

[9] Вторичная подправка каменного изделия по краю с помощью ряда легких ударов или нажимов носит в археологической литературе название «ретушь».

человеческой деятельностью, чем если бы речь шла о предметах, собранных на поверхности земли или обнаруженных в перемытых аллювиальных отложениях. В последних случаях исследователь должен особенно придирчиво искать и рассматривать признаки искусственной обработки камня, чтобы не принять псевдоорудия за изделия человеческих рук.

Перейдем теперь от каменных изделий к морфологии человека. Позволяет ли физическое строение наших предков сделать вывод о принадлежности определенных костей ископаемой человекообразной обезьяне, находившейся на пути превращения в человека, или же человеку, едва выделившемуся из животного состояния?

Согласно одной точке зрения, развитой в трудах французского нейрохирурга Ж. Антони и советского антрополога М. И. Урысона [1970], в настоящее время наука не располагает, да и вряд ли когда-либо будет располагать морфологическим критерием, с помощью которого можно было бы отдифференцировать ископаемую высокоразвитую человекообразную обезьяну от древнейшего человека, находившегося на самом начальном этапе своего развития. Между той и другим невозможно провести морфологическую грань. Эта невозможность обусловлена не отсутствием в современной науке соответствующих тонких методов, которые позволили бы установить морфологические различия, а тем, что такие формы почти не различались между собой в морфологическом отношении. Единственным надежным критерием «человечности» ископаемого высокоорганизованного примата могут служить следы его деятельности в виде орудий труда.

Многие исследователи не соглашаются с такой точкой зрения и утверждают существование морфологических критериев, позволяющих отграничить древнейшего человека от ископаемой человекообразной обезьяны. В советской антропологической литературе эти взгляды развиты В. П. Якимовым [1966] и В. И. Кочетковой [1973]. Поддерживается положение о «мозговом рубиконе», отделяющем людей от животных и проходящем в пределах класса 700—800 см^3, с естественным захождением индивидуальных вариаций. Мы полагаем, прав А. А. Зубов [1973], утверждающий, что главным было усложнение структуры мозга при переходе от обезьяны к человеку, появление в коре мозга, как об этом свидетельствуют слепки эндокранов, специфических человеческих черт. Рассматривая вопрос о морфологических критериях, которые позволяют отнести ту или иную неясную находку костных остатков к человеку, а не к обезьяне, Зубов справедливо подчеркивает, что решающим тут должно быть не только наличие и количество признаков сходства с человеком, но и то, в какой мере они связаны с самой существенной особенностью гоминид, с трудовой деятельностью. Здесь прежде всего следует обратить внимание на высокое развитие и сложную дифференциацию ведущей системы органов труда, т. е.

рук и головного мозга. С другой стороны, нельзя забывать, что первые существа, только что перешедшие к трудовой деятельности, ничем еще морфологически не отличались от своих предшественников. Морфологические показатели трудовой деятельности появились лишь спустя очень большой промежуток времени, накопившись через многие поколения. Все это говорит о том, что к проблеме грани между человеком и животным следует подходить диалектически.

ДРЕВНЕЙШИЕ ЛЮДИ, ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ В ВОСТОЧНОЙ АФРИКЕ

Около 20 лет тому назад считалось общепризнанным, что древнейшим обезьяноподобным человеком был питекантроп, кости котрого найдены на о-ве Ява в Индонезии и который жил около 800 тыс. лет назад. Таким образом, длительность истории человечества определялась как имеющая несколько меньше 1 млн лет. Однако за последние 10—15 лет эти устоявшиеся представления о происхождении человека подверглись коренному пересмотру. Оказалось, что древнейшие обезьяноподобные люди, изготовлявшие примитивные, грубые каменные орудия и охотившиеся на крупных животных, выделились из животного состояния не около 1 млн лет назад, а свыше 2.6 млн лет назад, что древнейшим человеком был не яванский питекантроп, а более примитивный и древний восточноафриканский Homo habilis, в то время как яванский питекантроп отражает несколько более высокий уровень развития физического типа первобытных людей.

Весь этот пересмотр устоявшихся, вошедших в учебники положений связан в значительной степени с археологическими и палеоантропологическими открытиями, сделанными за последние годы в Олдувайском ущелье в Танзании (рис. 6). Важные дополнения к олдувайским материалам доставили также раскопки в Кении и Эфиопии. Впрочем, эти открытия не имели бы столь далеко идущих результатов, если бы не возможность применить к ним калий-аргоновый метод абсолютной датировки (см. выше, с. 16).

Олдувайское ущелье, расположенное на севере Танзании, в 36 км к северо-востоку от оз. Эяси, имеет около 40 км длины, 100—130 м глубины и прорезает мощную толщу озерных и субаэральных отложений, чередующихся с прослоями вулканических туфов и пеплов, особенно пригодных для датировки калий-аргоновым методом. Остатки ископаемых животных были обнаружены в Олдувайском ущелье начиная с 1911 г. Но очень примитивные, бесформенные палеолитические каменные изделия, залегавшие здесь же, не привлекли к себе внимание проводивших работы естествоиспытателей. Только с 1931 г. во время широких археологических и палеонтологических раскопок, развернутых в этих местах Луисом Лики, были обнаружены и описаны многочисленные разновозрастные палеолитические культурные

остатки. После смерти Л. Лики раскопками руководит его жена Мэри Лики. За последние 15 лет раскопки в Олдувайском ущелье доставили черепа и другие кости человекообразных обезьян и древнейших обезьяноподобных людей, а также остатки деятельности последних [Иванова, 1965; Урысон, 1970, 1976; Кларк, 1977; Leakey, 1971]. Современные средства сообщения, в частности реактивная авиация, делают раскопки большого научного значения, где бы они ни проводились, доступными для посещения исследователей со всех концов мира. Работы в Олдувайском ущелье превратились за последние годы в подлинно международное научное предприятие. Там побывали, приняли участие и смогли проверить как строгость методики работ, так и обоснованность заключений руководителей раскопок многие археологи, антропологи, геологи из самых разных стран. Таким образом, наблюдения и выводы, сделанные в Олдувайском ущелье, а также в Кении и Эфиопии, проверены и в значительной степени апробированы мировой наукой.

Озеро (или какой-то водный поток), существовавшее на месте нынешнего Олдувайского ущелья до 2 млн лет назад, привлекало на свои берега многочисленных животных, а также древних людей. В ряде пунктов остатки охотничьих стойбищ последних сохранились в геологических отложениях в непереотложенном состоянии, примерно так, как их побросали древние охотники: разбитые кости животных, являвшиеся пищевыми отбросами, осколки камня, получившиеся в процессе изготовления орудий, законченные каменные орудия.

Стратиграфия Олдувайского ущелья следующая (снизу вверх):

Пачка слоев I (Bed I)[10] — мощность до 40 м, содержит несколько культурных слоев, относящихся к олдувайской эпохе палеолита.

Пачка слоев II (Bed II) — мощность 20—30 м, содержит в нижней части несколько олдувайских культурных слоев, выше залегают древнеашельские слои, на отдельных участках чередующиеся со слоями развитого олдувая.

Пачка слоев III — мощность 10—15 м. Археологические остатки редки, ашельского типа.

Пачка слоев IV — мощность около 45 м, содержит несколько ашельских культурных слоев.

Пачка слоев V — содержит позднепалеолитические культурные остатки.

Для нас интерес Представляют пачки I и II, описанные в фундаментальной монографии М. Лики [Leakey, 1971]. В 1959 г. в пачке I Л. и М. Лики был открыт череп обезьяноподобного существа, не отличавшегося от австралопитековых. Его объем мозга (530 см^3) не превосходил средний объем мозга последних. Но залегание в этом же слое примитивных каменных орудий дало основание для утверждения того, что череп в действительности принадлежит не австралопитековой обезьяне, а более раннему, чем яванский питекантроп, обезьяноподобному человеку. Этому чело-

[10] В геологической литературе пачкой называется несколько смежных слоев в слоистом пласте.

веку было присвоено название «зинджантроп». Однако в 1960 и в последующие годы в пачке I были найдены кости гораздо более развитого, чем зинджантроп, существа. Первые его остатки обнаружены глубже черепа зинджантропа. Поэтому он первоначально получил название «презинджантроп». Последующие находки сделаны на разных глубинах: на том же уровне, что и зинджантроп, и несколько выше. Всего в настоящее время из пачки I известны остатки не менее пяти особей этого существа. Именно его деятельности и приписывают теперь залегающие здесь же каменные орудия олдувайской эпохи. Это существо получило название Homo habilis и большинством исследователей рассматривается как древнейший из ныне известных обезьяноподобных людей, более древний и примитивный, чем яванский питекантроп.[11] Зинджантроп считается австралопитековой обезьяной, являвшейся охотничьей добычей Homo habilis, подобно ряду других животных, разбитые кости которых залегают в том же слое. Калий-аргоновые даты Homo habilis многочисленны, хорошо проверены и достоверны. Они определяют его древность в 1.75—1.85 млн лет. Продолжительность существования поколений Homo habilis в Олдувайском ущелье примерно 50—100 тыс. лет.

Над остатками Homo habilis в средней и верхней частях пачки II в 60-е гг. найдены кости нескольких особей так называемого олдувайского питекантропа, близко напоминавшего яванского питекантропа. Достоверные абсолютные даты для него отсутствуют. Не установлена твердо и связь олдувайского питекантропа с археологическими остатками определенной эпохи. Однако эта находка исключительно важна, ибо документирует более позднее положение питекантропа по сравнению с Homo habilis. В нижней части пачки II вместе с каменными орудиями олдувайской эпохи найдены также остатки нескольких особей, причисляемых рядом исследователей к Homo habilis. Но значительная часть специалистов относит их к примитивным питекантропам. В пачке II на разных глубинах встречены и остатки австралопитековых (парантропов), вероятно, подобно зинджантропам, являвшихся охотничьей добычей древних людей.

Homo habilis представлял собой двуногое существо ростом 122—140 см. Объем его мозга, по Тобайэсу, 675—680 см^3 (в более поздней работе Тобайэс опустил эту цифру до 657 см^3), т. е. больше, чем у австралопитековых, но меньше, чем у питекантропов [см.: Howells, 1973]. Верхняя и нижняя челюсти меньше, чем у австралопитековых, но в пределах вариаций челюстей питекантропа и современного человека. Кости руки демонстрируют сочетание очень примитивных особенностей, резко отличающих их от

[11] Homo habilis в переводе — «человек умелый». Впрочем, следует иметь в виду, что в систематике или таксономии латинские видовые, родовые и т. п. названия животных и растений не подлежат переводу, а используются как условное обозначение, условная формула.

костей руки современного человека, с признаками, характерными для последнего. Кисть Homo habilis способна к силовому зажиму огромной мощности. Об этом, в частности, свидетельствуют необычайно широкие ногтевые фаланги и общая массивность трубчатых костей кисти [Хрисанфова, 1967]. Обладала ли она в равной степени способностью к тонким движениям, характерным для руки современного человека,— неясно. Во всяком случае рука Homo habilis была вполне способна к изготовлению грубых каменных орудий, найденных в пачке I Олдувайского ущелья.

Кости стопы по большинству особенностей находятся в пределах их вариаций у современного человека. Homo habilis — несомненно прямоходящее существо, хотя и не в такой степени, как современный человек.

Таким образом, о промежуточном положении Homo habilis между австралопитековыми обезьянами и питекантропами свидетельствуют его физическое строение, стратиграфическое место, а также абсолютные даты.

За измеряемый сотнями тысячелетий промежуток времени, в течение которого существовали Homo habilis, их физическое строение почти не изменилось. Это контрастирует с более быстрыми изменениями морфологии питекантропов, неандертальцев и может рассматриваться как специфическая особенность самого начального этапа развития людей, особенность, напоминающая развитие австралопитековых.

Каменные орудия, происходящие из пачки I Олдувайского ущелья, техника, хозяйство и образ жизни древнейших людей будут охарактеризованы ниже (с. 58—67). А сейчас надо отметить, что приведенная интерпретация остатков Homo habilis, хотя и разделяется большинством антропологов и археологов, не является бесспорной. Нет оснований сомневаться в намеренной обработке найденных в пачке I каменных изделий. Но некоторые исследователи — В. П. Якимов, В. И. Кочеткова и др.— считают, что они еще не представляют собой настоящих орудий человека и что изготовлявший их Homo habilis еще не был человеком в собственном смысле слова, а лишь стоял на пороге очеловечения. Такой скепсис вызван весьма примитивным строением Homo habilis, тем, что он по своей морфологии тесно примыкает к австралопитековым. Названные исследователи относят Homo habilis к австралопитековым обезьянам. Но и среди ученых, признающих Homo habilis человеком (к ним принадлежит и автор этой книги), одни рассматривают его как древнейшего архантропа, более древнего и примитивного, чем также относящиеся к архантропам питекантроп и синантроп. Другие же выделяют Homo habilis в особый вид, предшествующий Homo erectus.[12] К последнему они относят

[12] Термин Homo erectus вместо термина Pithecanthropus был предложен в 1964 г. Ле Гро Кларком. Это предложение принято многими антропологами, в частности американскими.

яванского и олдувайского питекантропов, синантропа, атлантропа и т. д.

Homo habilis, вероятно, был распространен достаточно широко [Урысон, 1966, 1976; Pilbeam, 1972, 1975]. На территории Республики Чад, в 600 км к северо-востоку от Нджамены, в 1961 г. найден обломок черепа чадантропа, имевшего, судя по сопровождающим фаунистическим остаткам, древность около 1 млн лет. Физическое строение чадантропа обнаруживало признаки как австралопитековых, так и питекантропов. С ним не найдено каменных орудий, но изделия олдувайской эпохи в этом районе встречаются.

Выдающиеся открытия в Олдувайском ущелье явились толчком для развертывания в конце 60-х и в 70-х гг. широких разведок и раскопок в Кении, на берегах оз. Туркана, и в Эфиопии (рис. 6). Они проводились международной экспедицией под руководством французских, американских и кенийских археологов, антропологов и палеонтологов (К. Арамбур, И. Коппен, Ф. К. Хауэлл, Р. Лики. Эти работы доставили важные материалы для разрешения проблемы распространения первых людей, их возраста и культуры.

В Кении, в местонахождении Кооби-Фора, в 1970 г. обнаружен культурный слой, имеющий калий-аргоновую дату 2.6 млн лет и содержащий каменные изделия олдувайской эпохи. Эти древнейшие из известных человеческих орудий почти на 1 млн лет старше орудий из самых нижних слоев Олдувайского ущелья. Находки в Кооби-Форе, таким образом, позволяют утверждать, что люди выделились из животного состояния уже 2.6 млн лет назад, если не раньше. В Кооби-Форе найдены кости австралопитековых обезьян. Часть костей, возможно, принадлежит Homo habilis.

В долине р. Омо, на юго-западе Эфиопии, изучены древние отложения, достигающие общей мощности 1000 м и охватывающие период продолжительностью более 3 млн. лет. В этих отложениях открыты олдувайские каменные орудия, имеющие древность от 1.9 до 2.2 млн лет, а также большое число костных остатков различных австралопитековых обезьян, возраст которых 2—4 млн лет. Некоторые из них, относительно более поздние, тоже могут принадлежать Homo habilis.

Вполне вероятны находки в будущем остатков Homo habilis и их культуры и в других частях Африки, а также на юге Азии и Европы.

ПИТЕКАНТРОПЫ (HOMO ERECTUS) И ИХ РАСПРОСТРАНЕНИЕ. ЯВАНСКИЕ ПИТЕКАНТРОПЫ. СИНАНТРОП. НАХОДКИ КОСТНЫХ ОСТАТКОВ ДРУГИХ АРХАНТРОПОВ В АЗИИ, ЕВРОПЕ И АФРИКЕ

В 70-х гг. XIX в., после того как работами Ч. Дарвина было доказано происхождение человека от ископаемых обезьян, последователь Дарвина Э. Геккель построил родословное древо

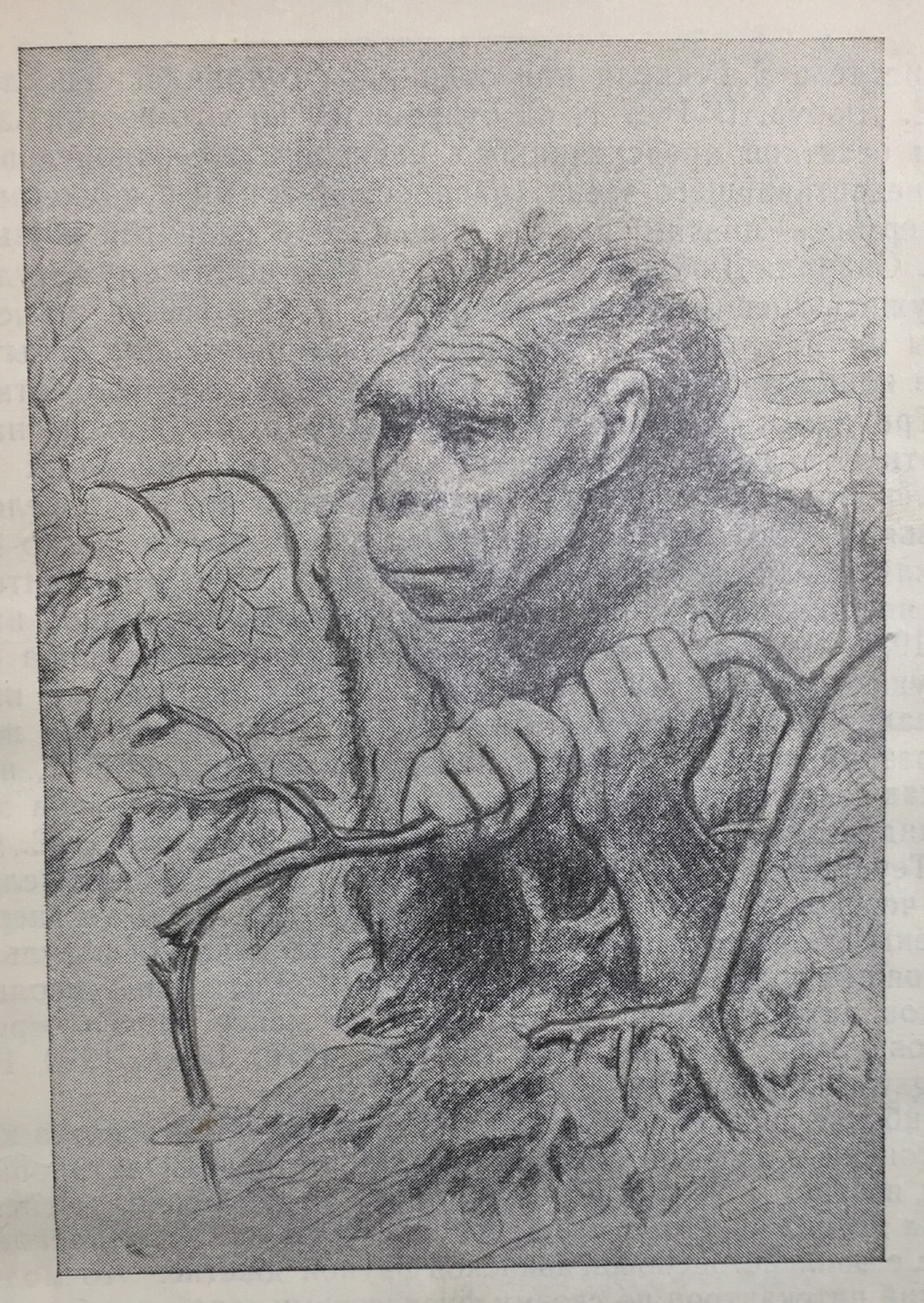

Рис. 10. Питекантроп. Реконструкция А. П. Быстрова.

животного мира от простейших животных до человека. Чтобы заполнить разрыв между ископаемыми человекообразными обезьянами и человеком, Геккель поместил в него промежуточную переходную форму, названную им обезьяночеловеком, или питекантропом. Какие-либо остатки такого питекантропа не были известны, но Геккель исходя из учения Дарвина доказывал, что питекантроп должен был существовать. Костные остатки обезьяночеловека Геккель рекомендовал искать на юго-востоке Азии, в тех районах, где в настоящее время водятся человекообразные обезьяны и где можно было предположить наличие на рубеже четвертичного периода наиболее благоприятных условий для очеловечения обезьян.

К гипотезе Э. Геккеля присоединился голландский исследователь Е. Дюбуа. В 1887 г. он отправился на юго-восток Азии на поиски остатков предсказанного Геккелем обезьяночеловека — этого недостававшего звена (распространенный в науке английский термин — missing link) в общей цепи развития живых существ. Сначала Дюбуа поехал на Суматру, но там ему не удалось обнаружить древних геологических слоев. И в 1890 г. он перенес работы на Яву. Здесь и произошло знаменательное событие — Дюбуа нашел то, что искал. В 1891 и 1892 гг. им были открыты близ Триниля в геологических отложениях, относящихся к началу четвертичного периода, черепная крышка, два коренных зуба и бедренная кость существа, совмещавшего признаки человека и обезьяны, того самого питекантропа, находки которого были предсказаны Геккелем (рис. 10). Открытие остатков питекантропа явилось настоящим триумфом материалистической науки.

В 1936—1941 гг. кости еще нескольких питекантропов были обнаружены и изучены на о-ве Ява. Г. Кенигсвальдом. В их исследование внес также крупный вклад Ф. Вейденрейх. На новый этап разработка проблемы питекантропов перешла в 1951 г., после того как поисками и исследованием остатков питекантропов занялись индонезийские антропологи, геологи и археологи — С. Сартоно, Теуку Якоб и др. Ими было открыто и изучено значительное число черепов и других костей питекантропов, а также впервые получены калий-аргоновые даты для последних. В результате в настоящее время на Яве известны костные остатки нескольких десятков питекантропов, в том числе не менее девяти черепов [Иванова, 1965; Урысон, 1966; Нестурх, 1970; Jacob, 1972, 1973; Koenigswald, 1973a, 1973b; Sartono, 1973].

Наиболее древние из яванских питекантропов относятся к эоплейстоцену и, судя по новейшим калий-аргоновым датировкам, имеют возраст 1.5 — 1.9 млн лет. Они представлены черепом ребенка из Моджокерто и черепом «питекантропа IV», найденными вместе с эоплейстоценовой яванской фауной джетис. Это моджокертский питекантроп по своему физическому строению был примитивнее других яванских питекантропов, занимал в общем промежуточное положение между ними и Homo habilis. Его объем мозга был несколько меньше 800 см³. Подобно тому как в Восточной Африке Homo habilis и олдувайский питекантроп сосуществовали с австралопитековыми обезьянами, на Яве моджокертский питекантроп сосуществовал с мегантропами, которые представляли собой форму, близкую к австралопитековым. Кости мегантропов найдены в тех же слоях вместе с фауной джетис; одна из челюстей мегантропа была раздавлена зубами большого крокодила.

Бо́льшая же часть яванских питекантропов относится к нижнему плейстоцену и связана с тринильской фауной Явы. На основании калий-аргоновых определений она датируется 500 тыс.— 1 млн лет назад. Их средний объем мозга 860 см³, с колебаниями у от-

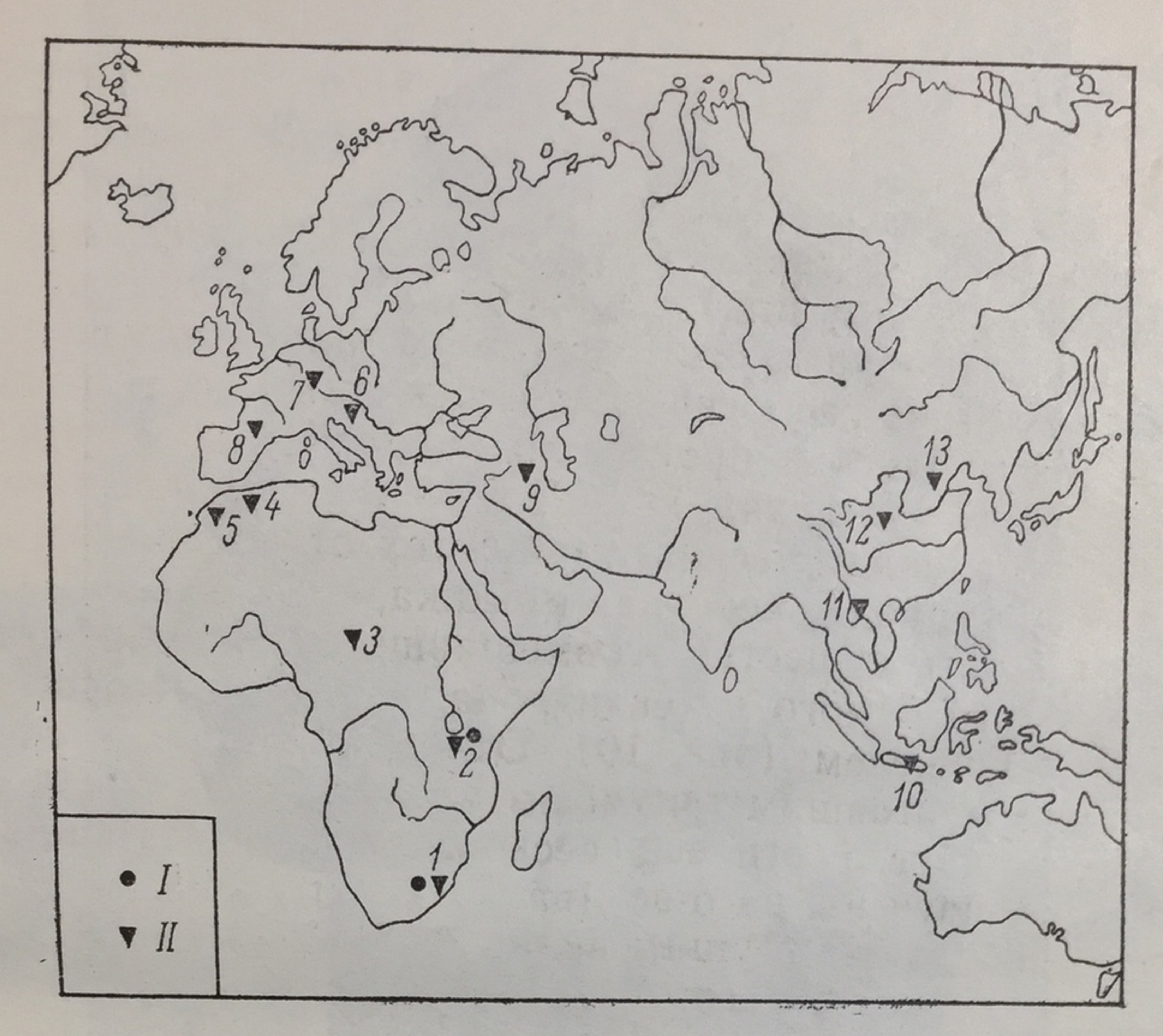

Рис. 11. Карта распространения важнейших находок костных остатков австралопитековых обезьян и древнейших людей.
I — австралопитековые; *II* — Homo habillis, Homo erectus и близкие к ним формы. *1* — южноафриканские находки; *2* — находки в Олдувайском ущелье (Танзания), в Кении и Эфиопии; *3* — чандантроп; *4* — Тернифин; *5* — Сиди-Абдеррахман; *6* — Вертешсёллёш; *7* — Гейдельберг; *8* — Араго; *9* — Азыхская пещера; *10* — питекантроп; *11* — находки в пещерах Лаоса; *12* — Ланьтянь; *13* — Чжоукоудянь.

дельных особей от 775 до 975 см³. Климат на Яве был тогда примерно на 6° С холоднее, чем в настоящее время. Основная масса растительных остатков, найденных вместе с тринильской фауной, принадлежит субтропической флоре. Питекантропы жили в лесистой местности, по берегам рек, озер и моря, но не в самой гуще леса. Впрочем, тропические джунгли здесь в нижнем плейстоцене и не были распространены.

На Яве вместе с костями питекантропов не было найдено каменных орудий. Вероятно, это в значительной степени связано с тем, что кости питекантропов были перенесены и переотложены потоками лавы, разрушившими остатки их стойбищ. Есть основания думать, что часть яванских питекантропов, кости которых дошли до нас, даже погибла в результате вулканического извержения, если не была съедена тиграми. Во всяком случае физическое строение яванских питекантропов в сопоставлении с физическим строением других азиатских, африканских и европейских архантропов, вместе с остатками которых найдены принадлежавшие им каменные орудия, позволяет утверждать, что яванские питекантропы уже систематически изготовляли орудия. Многие исследователи предполагают, что древнепалеолитические патжитанские

Рис. 12. Синантроп. Реконструкция М. М. Герасимова.

каменные орудия, напоминающие древнеашельские и найденные на Яве без сопровождающих палеонтологических и палеоантропологических остатков, были изготовлены питекантропами или их не очень отдаленными потомками. В последнее время Г. Кенигсвальд выдвинул предположение, что питекантропам принадлежала сангиранская каменная индустрия Явы; обычно ее датировали более поздней эпохой, временем существования неандертальского человека.

Архантропы (Homo erectus), к которым относятся яванские питекантропы, были распространены в эоплейстоцене и в нижнем плейстоцене далеко за пределами Индонезии и Восточной Африки. Один из наиболее известных и выразительных их представителей — синантроп, иначе — питекантроп пекинский или китайский питекантроп.

Остатки синантропа открыты на севере Китая, у сел. Чжоукоудянь, примерно в 50 км к юго-западу от Пекина (рис. 11). В холмистой местности, в скальных расщелинах и пещерах, располагается ряд разновременных местонахождений костей ископаемых животных. Пять из них содержат также первобытные каменные орудия. Наиболее достопримечательно местонахождение № 1

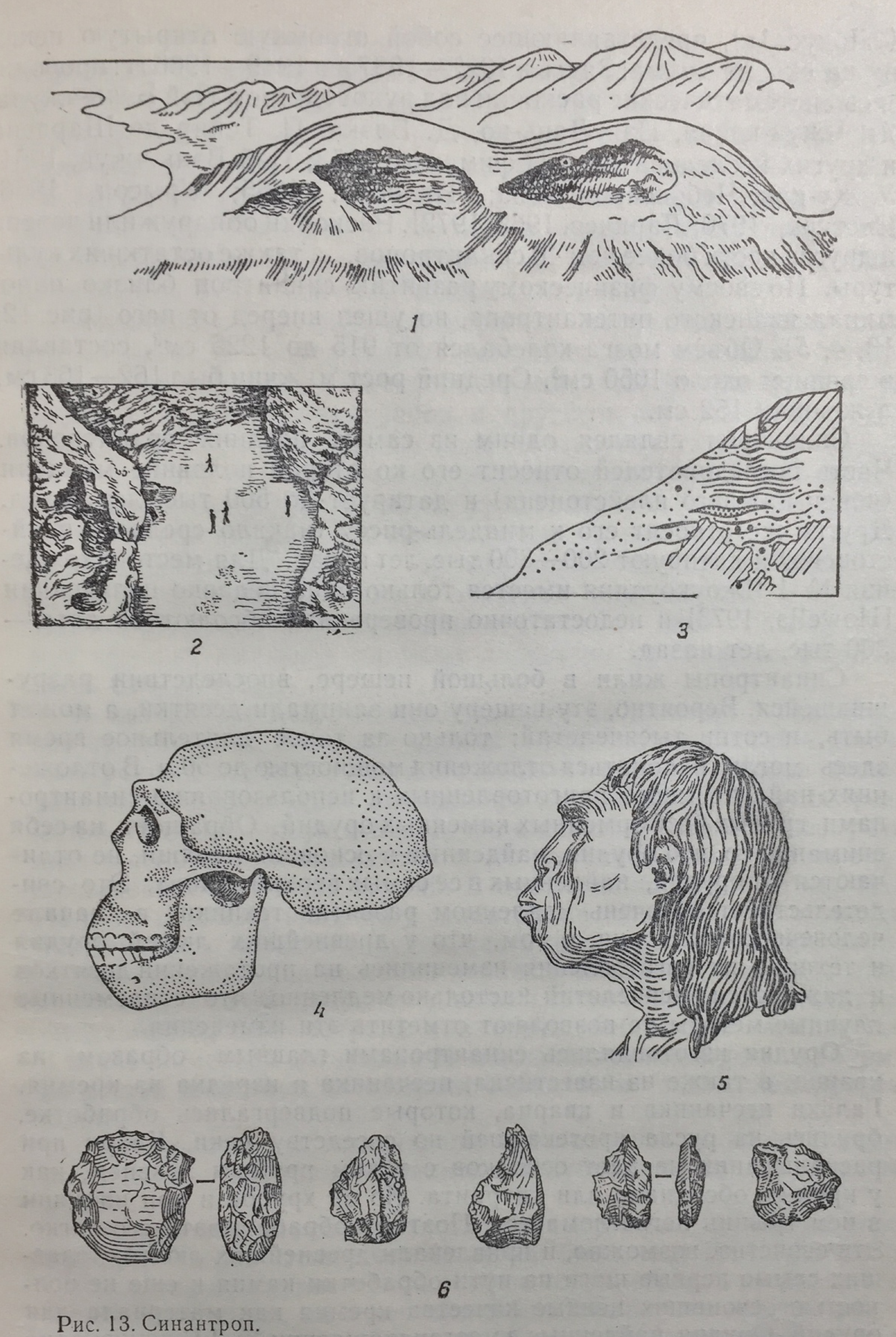

Рис. 13. Синантроп.

1 — общий вид местности Чжоукоудянь; *2* — раскопки местонахождения синантропа; *3* — разрез местонахождения синантропа (косая штриховка — скала, точки — заполнение скальной расщелины, черные кружки — находки костей синантропов, черные волнистые линии — слои с остатками культуры синантропа); *4* — череп синантропа; *5* — женщина-синантроп (реконструкция М. М. Герасимова); *6* — каменные орудия синантропа.

(«Локус 1»), представляющее собой огромную открытую пещеру на склоне холма. Здесь в 1927—1937 и в 1949—1966 гг. проводились систематические раскопки под руководством Пэй Вэнь-чжуна, Ян Чжун-цзяня, Цзя Лань-по, Д. Блэка, П. Тейяр де Шардена и других исследователей [Ефименко, 1953; Пэй Вэнь-чжун, 1954; У Жу-кан, Чебоксаров, 1959; Иванова, 1965; Урысон, 1966; Нестурх, 1970; Ларичев, 1969, 1972]. Раскопки обнаружили черепа и другие кости более чем 40 синантропов, а также остатки их культуры. По своему физическому развитию синантроп близко напоминал яванского питекантропа, но ушел вперед от него (рис. 12; 13, *4*, *5*). Объем мозга колебался от 915 до 1225 см^3, составляя в среднем около 1050 см^3. Средний рост мужчин был 162—163 см, а женщин 152 см.

Синантроп являлся одним из самых поздних архантропов. Часть исследователей относит его ко второй половине минделя (конец нижнего плейстоцена) и датирует до 500 тыс. лет назад. Другие же относят его к миндель-риссу (начало среднего плейстоцена) и датируют 200—300 тыс. лет назад. Для местонахождения № 1 Чжоукоудяня имеется только одна недавно полученная [Howells, 1973] и недостаточно проверенная абсолютная дата — 300 тыс. лет назад.

Синантропы жили в большой пещере, впоследствии разрушившейся. Вероятно, эту пещеру они занимали десятки, а может быть, и сотни тысячелетий; только за такое длительное время здесь могли накопиться отложения мощностью до 50 м. В отложениях найдено много приготовленных к использованию синантропами грубых бесформенных каменных орудий. Обращает на себя внимание то, что орудия, найденные в основании толщи, не отличаются от орудий, найденных в ее самых верхних слоях. Это свидетельствует об очень медленном развитии техники в начале человеческой истории, о том, что у древнейших людей орудия и техника их изготовления изменялись на протяжении десятков и даже сотен тысячелетий настолько медленно что современные научные методы не позволяют отметить эти изменения.

Орудия изготовлялись синантропами главным образом из кварца, а также из известняка, песчаника и изредка из кремня. Гальки песчаника и кварца, которые подвергались обработке, брались из русла протекавшей по соседству реки. Кварц при раскалывании не дает осколков с таким прямым лезвием, как у кремня, обсидиана или кварцита. Но он хрупок и при наличии в нем трещин легко ломается. Поэтому обрабатывать его легко. Эти свойства, возможно, и привлекали древнейших людей, делавших самые первые шаги на пути обработки камня и еще не полностью освоивших ценные качества кремня как материала для орудий. Орудия, найденные в местонахождении № 1 Чжоукоудяня (рис. 13, *6*), представляют собой в большинстве крупные и мелкие бесформенные куски и осколки неправильных очертаний, имеющие по краям или на конце с одной или с обеих поверхностей вы-

щербины — следы заострения рукой человека, а иногда следы грубой оббивки. Отдельные экземпляры можно обозначить как острия, инструменты для скобления, рубящие орудия и т. д. Но устойчивых серий похожих друг на друга экземпляров выделить нельзя. Да и эти грубые орудия попадаются единицами среди многих тысяч бесформенных осколков, отколотых в поисках наилучших. Начиная обрабатывать камень, человек, видимо, еще не знал, какие из осколков будут более пригодны для работы.

Большинство орудий синантропов настолько примитивно, что производит впечатление естественных осколков камня. Если бы они не были найдены в палеолитическом культурном слое вместе с костями синантропов и другими остатками культуры последних, их вообще нельзя было бы отнести к категории орудий. Но встречаются и хорошо выраженные отщепы со всеми признаками намеренного откалывания рукой человека (см. выше, с. 26—28) — это так называемые клектонские, нелеваллуазские отщепы, принадлежащие к группе наиболее архаичных примитивных отщепов и характеризующие в основном олдувайскую и древнеашельскую технику раскалывания. Отщепы типа леваллуа и мустьерские, имеющие ударные площадки со следами фасеток, здесь отсутствуют.

В литературе встречаются указания на наличие у синантропов примитивных костяных орудий — расколотых костей и рогов, заостренных на конце путем натачивания и оббивки. Среди исследователей Чжоукоудяня нет единого мнения по поводу этих предметов. Пэй Вэнь-чжун считает, что в действительности здесь речь идет о необработанных костях и что нет оснований говорить о существовании костяных орудий. В противоположность этому Цзя Лань-по признает наличие у синантропов небольшого числа очень примитивных костяных орудий, часть которых могла употребляться для выкапывания из земли корней и клубней диких растений. Отметим, что в Олдувайском ущелье в пачке II вместе с остатками олдувайского питекантропа и в очень небольшом количестве в пачке I вместе с остатками Homo habilis тоже встречены обломки костей животных со следами оббивки и заглаживания на конце.

Несомненно, что синантропы пользовались и простейшими деревянными орудиями — палками и дубинами. Но они до нас не дошли.

Важнейшим элементом культуры, сыгравшим огромную роль в развитии первобытного человечества, был огонь. В Олдувайском ущелье, где культурные слои хорошо сохранились и не являются переотложенными, ни с костями Homo habilis, ни с костями олдувайского питекантропа остатков огня не найдено. Видимо, он еще не был известен. Отложения, в которых залегают остатки яванских питекантропов, переотложены, подверглись разрушению и поэтому нельзя сказать определенно, знали здесь огонь или нет. А в Чжоукоудяне найдены следы костров — угли, зола, обожженные камни. Скопление золы достигало на одном участке 6 м

в толщину; очевидно, на этом месте в течение очень длительного времени непрерывно горел костер. В качестве топлива еще не использовались ни стволы деревьев, ни кости. Костры поддерживались, как об этом свидетельствует анализ происходящих оттуда углей, мелкими ветками, вероятно собранными или отломанными. Едва ли синантропы умели искусственно добывать огонь. Это достижение более высокой ступени развития. При употреблении в пищу трупов животных, погибших во время лесных или степных пожаров, при собирании корней и клубней на месте пожарища люди могли почувствовать преимущества приготовленной на огне пищи, а также ценные свойства огня. Полученному при пожаре или вулканическом извержении огню не давали угаснуть. Поддерживание неугасающего огня подготовило переход людей на следующей ступени развития к его искусственному добыванию. Трудно предположить, что все группы архантропов, стоявших на той же ступени развития, что и синантропы из Чжоукоудяня, пользовались огнем. Вероятно, первоначально с огнем знакомились лишь некоторые из них.

Важную роль в хозяйстве синантропов играло собирание растительной пищи — плодов, ягод, корней и т. д. В частности, синантропы питались маленькими ягодами, напоминавшими вишню; остатки этих ягод найдены в основании отложений Чжоукоудяня. Вместе с тем очень важную роль в хозяйстве синантропов играла охота. В Чжоукоудяне с каменными орудиями и золой перемешаны кости животных, на которых синантропы охотились. Некоторые из костей расколоты для добывания мозга. Основным объектом охоты были гигантские олени, которым принадлежит 70% всех найденных костей. Синантропы охотились также на мелких грызунов, медведей, саблезубых тигров, диких лошадей, кабанов, буйволов. Иногда добычей становились даже слоны и носороги.

Бесформенность, атипичность каменных орудий синантропа, то, что бо́льшая их часть изготовлена из кварца, делает очень затруднительной его точную археологическую датировку. Он бесспорно относится к начальным этапам палеолита, примерно одновременен самому концу олдувайской археологической эпохи, древнему ашелю, может быть, началу среднего ашеля (см. выше, с. 17). Более точная археологическая датировка синантропа пока невозможна.

В местонахождении № 1 Чжоукоудяня в настоящее время раскопана примерно лишь треть культурных напластований, содержащих остатки синантропа. Еще не исследованная толща отложений в дальнейшем может доставить много нового и неожиданного для понимания происхождения человека и его древнейшей культуры.

Что касается других археологических местонахождений Чжоукоудяня, то пункт № 13 немного древнее местонахождения синантропа, а № 15 — более поздний. Они доставили некоторое количество грубых каменных орудий. Так называемая верхняя

пещера Чжоукоудяня содержит культурные остатки и кости ископаемых людей, относящиеся к позднему палеолиту.

Остатки архантропа, более примитивного по своему физическому строению и более древнего, чем синантроп из Чжоукоудяня, найдены китайскими археологами в 1963—1964 гг. в Ланьтяне, примерно в 900 км к юго-востоку от Пекина (пров. Шэньси). Это так называемый ланьтяньский синантроп, сближаемый с древнейшими, моджокертскими питекантропами, которые сопровождаются фауной джетис. Его предположительно относят к нижнему плейстоцену и датируют 500—600 тыс. лет назад. Однако новые калий-аргоновые даты, полученные для моджокертского питекантропа (1.9 млн лет), вероятно, заставят удревнить и ланьтяньского питекантропа. Объем его мозга был меньше 800 см³, возможно, приближался к 750 см³. С ним найдены многочисленные фаунистические остатки. Поблизости обнаружены каменные изделия, в том числе отщепы и ручные рубила, но связь последних с человеческими костями твердо не установлена.

В нескольких пещерах Лаоса и Вьетнама в отложениях, относящихся к нижнему плейстоцену и к началу среднего плейстоцена, найдены зубы ископаемых людей, сближаемых с синантропами [Борисковский, 1971]. Очевидно, в начале палеолита архантропы были широко распространены в Юго-Восточной Азии.

В Европе достоверные и обстоятельно изученные костные остатки архантропов, в общем близких по времени пекинскому синантропу, найдены в четырех местах. Это не сопровождающаяся бесспорными археологическими находками очень массивная гейдельбергская челюсть, обнаруженная еще в 1907 г. недалеко от г. Гейдельберга, у дер. Мауэр (ФРГ). Одни исследователи относят ее к гюнц-миндельскому времени, другие — к минделю (см. выше, с. 8—10). Таким образом, она примерно одновременна древнеашельской археологической эпохе, может быть, непосредственно ей предшествует. В Венгрии, на стоянке Вертешсёллёш, относящейся к миндельскому времени, Л. Вертеш, производя в 1963—1968 гг. раскопки, обнаружил обломки черепа взрослого архантропа, напоминавшего синантропа, но несколько превосходившего последнего по уровню физического развития, и обломки зубов семилетнего ребенка, видимо относившегося к архантропам (см. ниже, с. 68). Обломок человеческого зуба, также, по-видимому, принадлежавший архантропу и датируемый нижним плейстоценом (гюнц-миндель), открыт вместе с остатками ископаемой фауны и с примитивными каменными изделиями на территории Чехословакии, в Пржезлетице, недалеко от Праги [Fejfar, 1976; Fridrich, 1972]. Наконец, интересные находки сделаны в пещере Араго, в Тотавеле (юг Франции, деп. Восточные Пиренеи), в культурном слое, относящемся к началу рисса. Слой содержал кости пещерного медведя, мосбахской лошади, носорога Мерка, северного оленя и других животных, а также примитивные каменные орудия, напоминающие древний тейяк (вариант

или путь развития древнепалеолитической техники, относящейся в основном ко времени перехода от ашеля к мустье) и обнаруживающие вместе с тем некоторые аналогии орудиям из Вертешсёллёша. Здесь А. и М.-А. Люмлей нашли во время раскопок 1969—1971 гг. две нижние челюсти архантропов. Они обнаруживали сходство с гейдельбергской челюстью и с челюстью из Азыхской пещеры в Азербайджанской ССР (см. ниже, с. 98). Одна челюсть принадлежала 20-летнему мужчине, другая — женщине 40—55 лет. Был также открыт череп 20-летнего архантропа [La Préhistoire..., 1976].

Значительное количество костных остатков архантропов доставила Северная и Восточная Африка. В первой это находки у Тернифина в Алжире и близ Касабланки в Марокко. У Тернифина в 1954—1955 гг. К. Арамбур обнаружил три нижние челюсти (рис. 14) и обломок черепа человека, весьма близкого к питекантропу и синантропу,— так называемый атлантроп мавританский, или тернифинский человек, относимый к раннему минделю. С его остатками найдены кости слона, носорога, гиппопотама, жирафа, махайрода и т. д., а также весьма выразительные каменные орудия, датируемые древним ашелем: ручные рубила, отщепы и др. Вблизи Касабланки, в гроте Сиди-Абдеррахман, П. Биберсон в 1955 г. в культурном слое, содержащем каменные орудия (рубила, отщепы и др.), кости носорога, дикой лошади, газели и других животных, открыл два небольших обломка нижней челюсти ископаемого человека. Находка датируется концом миндель-рисса и началом рисса. Часть исследователей считает человека из Сиди-Абдеррахмана архантропом, близким к атлантропу мавританскому. Однако многие трактуют его уже как неандертальского человека. Обломок черепа архантропа найден в 1973 г. в среднеашельском культурном слое одной из стоянок Мелка-Контуре в Эфиопии, в 50 км к югу от Аддис-Абебы. Наконец, остатки нескольких архантропов (олдувайских питекантропов) найдены над костями Homo habilis в пачке II Олдувайского ущелья.

Что же касается телантропа капского, обломки двух нижних челюстей которого открыты в пещере Сварткранс на территории ЮАР, то большинство исследователей относит его к архантропам, сближая с примитивными питекантропами из нижней части пачки II Олдувайского ущелья.

Все названные представители архантропов многими исследователями убедительно причисляются к одному виду (реже — к одному роду) — Homo erectus.[13] Между ними существует ряд морфологических различий. В отдельных случаях различия имеют хронологическое, стадиальное значение, выражаются в большей или меньшей примитивности. Homo habilis, возможно, являлся представителем наиболее ранней и примитивной стадии развития

[13] Единая общепризнанная систематика ископаемых гоминид отсутствует. Обзор разных схем в этой области содержится в работе В. В. Бунака [1966а]. См. также: [Зубов, 1973; Возникновение рода..., 1972].

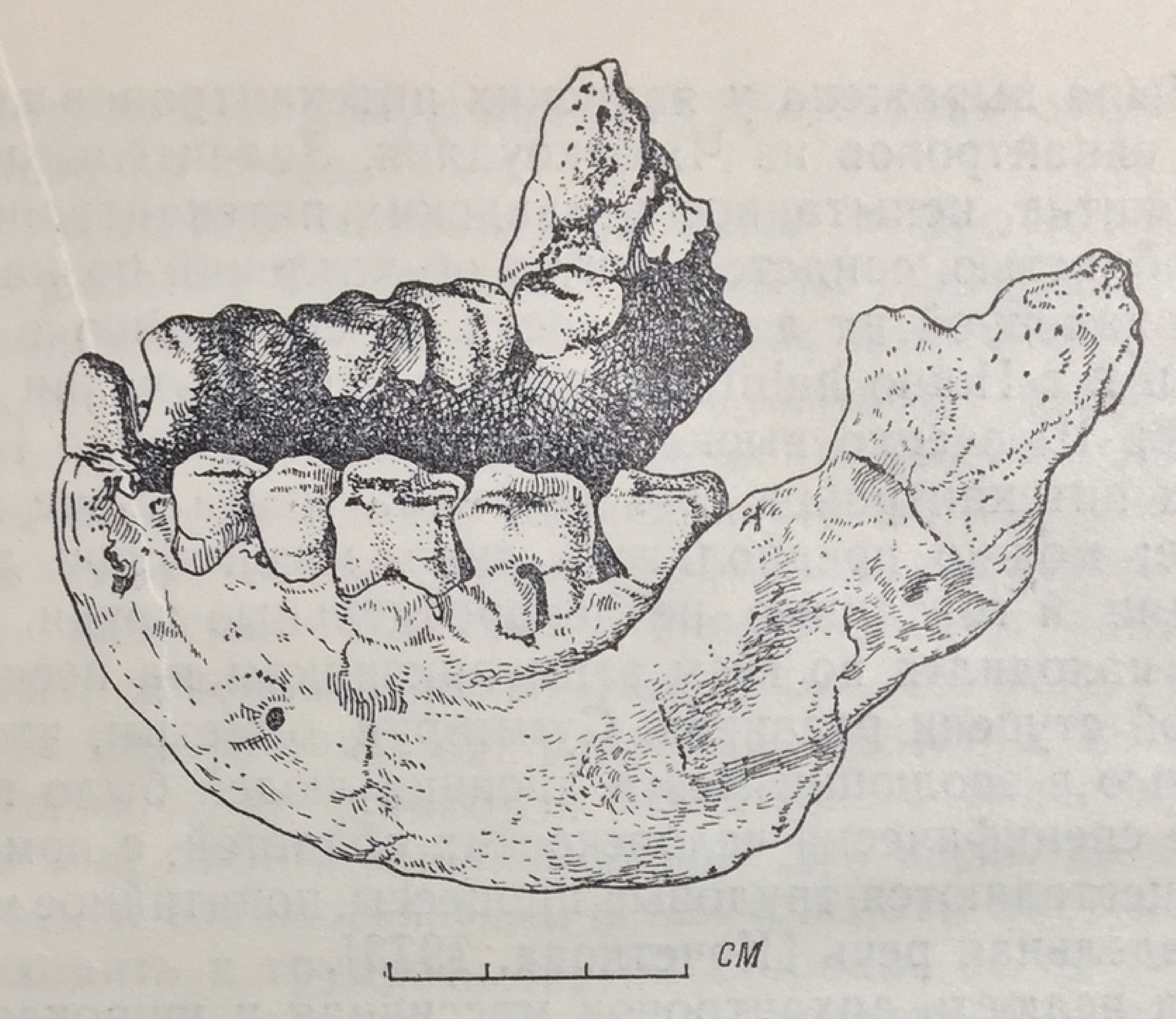

Рис. 14. Нижняя челюсть атлантропа из Тернифина.

того же вида (рода). К несколько более позднему этапу этого развития относятся находки в нижней части пачки II Олдувайского ущелья, моджокертские питекантропы с Явы и ланьтяньский синантроп. А архантропы из Вертешсёллёша и синантропы из Чжоукоудяня характеризуют наиболее позднюю стадию.

Переходя к общему описанию физического строения архантропов, следует отметить, что они примерно на 30 см выше ростом, чем Homo habilis. Череп характеризуется наличием сплошного, очень массивного надглазничного валика. Стенки черепа толстые. Мозг архантропов был крупнее, чем у их предшественников. Его объем колебался от 750 до 1225 см^3 при средней величине 1000 см^3. Обращает на себя внимание наряду с общим увеличением черепной коробки по сравнению с человекообразными обезьянами увеличение высоты ее свода. Эндокранные слепки, как показали исследования В. И. Кочетковой [1973] и Ю. Г. Шевченко [1971], свидетельствуют не только о существенном увеличении объема мозга архантропов, но и об усложнении его структуры. Разрастание коры больших полушарий шло неравномерно по областям. Некоторые ее участки получили особенно быстрое развитие; они расположены в теменной области, в нижнелобной и в верхней задней части лобной доли, т. е. в зонах коры, связанных со специфическими функциями труда и речевого общения. Произошла, таким образом, качественная перестройка коры головного мозга. На эндокранах яванских питекантропов выражена значительная асимметрия борозд и извилин головного мозга. В левом полушарии нижняя лобная извилина носит более гоминидный характер, чем в правом, возможно, в связи с развитием праворукости, пользования при работе по преимуществу правой рукой. Как известно, эта особенность отличает человека от всех животных.

Она уже была выражена у яванских питекантропов и еще лучше заметна у синантропов из Чжоукоудяня. Значительное прогрессивное развитие, испытанное у яванских питекантропов нижнетеменной областью, свидетельствует об усилении познавательной и целенаправленной их деятельности по сравнению с австралопитековыми и с Homo habilis. На основании изучения эндокранных слепков Шевченко высказывает предположение [1971], что у яванских питекантропов еще не имела места даже артикуляция звуков; можно предполагать лишь мимические двигательные функции и гортанные нечленораздельные звуки. Мозг синантропов находился по всем этим признакам на несколько более высокой ступени развития. Суммируя, отметим, что главной особенностью в эволюции мозга древних людей было появление и развитие специфически человеческих областей, с помощью которых осуществляются трудовые процессы, понятийное мышление и членораздельная речь [Кочеткова, 1973].

Нижняя челюсть архантропов массивная и широкая. Подбородочный выступ отсутствует. Зубы крупные.

Кости конечностей архантропов и на Яве, и в Чжоукоудяне сохранились в значительно меньшем количестве, чем их черепа. Иногда это связывают с тем, что многие из них пали жертвой тигров, а тигр, нападая на человека, обычно не съедает только голову [Jacob, 1972]. Во всяком случае строение рук и ног архантропов нам известно не в достаточной степени. Еще сравнительно примитивный, в общем обезьяноподобный череп сочетался у них с костями конечностей современного человеческого типа. Успехи в овладении двуногой походкой, достигнутые Homo habilis, были архантропами закреплены. Руки их целиком сосредоточены на трудовых процессах, хотя по своему строению еще существенно отличались от рук современного человека.

ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ ПРОЦЕССА ОЧЕЛОВЕЧЕНИЯ ОБЕЗЬЯН

Проблема движущих сил процесса очеловечения обезьян трактуется в ряде работ советских антропологов, вышедших за последние годы [Урысон, 1964; Якимов, 1970, 1973, 1976; Неструх, 1970; Алексеев, 1975; Рогинский, 1977]. В настоящем изложении мы в основном будем следовать за ними.

Морфологически, по физическому строению, ископаемые люди отличались от своих предков, ископаемых человекообразных обезьян, по трем основным показателям («гоминидная триада») [см.: Алексеев, 1975] — прямохождение; приспособленная к тонкому манипулированию кисть руки с противопоставляющимся большим пальцем; высокоразвитый, относительно крупный мозг. Но было бы грубой ошибкой сводить отличия человека от обезьян к этим морфологическим показателям. Главное отличие человека — труд, изготовление орудий труда. И названные морфологические особенности, отделяющие людей от обезьян, непосред-

ственно связаны с трудом, возникли у древнейших людей в процессе общественного труда.

В произведениях основоположников марксизма-ленинизма, особенно в работах Ф. Энгельса, вскрыты движущие силы процесса очеловечения обезьян. Переход от животного к человеку был одним из величайших поворотов, скачков в развитии природы. Разумеется, мы говорим о скачке в философском смысле этого слова и понимаем его не как нечто метафизическое. Возникновение человеческого общества означало появление совершенно нового качества. На смену биологическим закономерностям приходят закономерности социальные. Но этот скачок был подготовлен миллионами лет развития приматов, когда обезьяны постепенно стали усваивать все более и более прямую походку, чем был сделан решающий шаг для перехода к человеку. Вслед за тем и взаимосвязанно с тем приматы постепенно начинали переходить к труду. С другой стороны, на начальном этапе развития первобытного общества сохранялось еще немало лишь очень медленно преодолеваемых пережитков животного состояния.

Возникновение человеческого общества нельзя объяснить исходя только из законов биологии. «Существенное отличие человеческого общества от общества животных состоит в том, что животные в лучшем случае *собирают*, тогда как люди *производят*. Уже одно это — единственное, но фундаментальное — различие делает невозможным перенесение, без соответствующих оговорок, законов животных обществ на человеческое общество».[14] В работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека»,[15] написанной, по-видимому, в 1876 г., Ф. Энгельс, подытоживая в значительной степени свои и К. Маркса исследования в области становления человека, дал марксистскую трактовку причин очеловечения обезьяны и всего процесса антропогенеза. Он подчеркнул, что основное отличие человека от животных — труд. Животное только пользуется внешней природой и производит в ней изменения просто в силу своего присутствия. В отличие от этого человек с помощью труда заставляет природу служить своим целям, господствует над ней. Труд сделал самого человека. Решающим шагом для перехода от обезьяны к человеку было возникновение у наших предков прямой походки, переход обезьян к прямохождению. Тем самым их руки стали свободными. В процессе труда руки сосредоточивались на изготовлении орудий, и благодаря этому прямая походка наших предков на двух ногах закреплялась. В дальнейшем руки достигали все большего и большего развития, а взаимосвязанно с этим развивалось все физическое строение, и в частности головной мозг. Овладение трудовыми процессами по-

[14] Энгельс — Петру Лавровичу Лаврову, 12—17 ноября 1875 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 34, с. 137.

[15] *Энгельс Ф.* Диалектика природы.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 486—499.

степенно компенсировало биологическую невооруженность древнейших людей и создавало для них заметное преимущество в борьбе с окружающей природой.

Люди произошли от стадных антропоидов, труд их с самого начала был общественным, производившимся в коллективе, а сами они жили стадами. Развитие труда способствовало их более тесному сплочению.

К. Маркс отмечал, что в любую историческую эпоху, при самых разнообразных формах труда всегда присутствуют три основных момента: целесообразная деятельность, или самый труд, предмет труда и средства труда.[16] Развивая это положение, он указывал: «Употребление и создание средств труда, хотя и свойственны в зародышевой форме некоторым видам животных, составляют специфически характерную черту человеческого процесса труда...».[17] Это же подчеркивал Ф. Энгельс, отмечая, что труд начинается с изготовления орудий.[18]

Говоря о движущих силах процесса очеловечения обезьян, Ф. Энгельс указывал на большую роль речи: «Сначала труд, а затем и вместе с ним членораздельная речь явились двумя самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны постепенно превратился в человеческий мозг, который, при всем своем сходстве с обезьяньим, далеко превосходит его по величине и совершенству».[19]

Ф. Энгельс, наконец, подчеркивал важную роль мясной пищи в процессе очеловечения обезьян.[20] Человек не мог стать человеком без мясной пищи; одним из важных условий очеловечения явилось охотничье хозяйство.

Так характеризовали К. Маркс и Ф. Энгельс процесс антропогенеза. За истекшие 100 лет огромный накопившийся палеоантропологический, археологический, биологический, геологический и т. д. материал позволил советским антропологам конкретизировать и развить дальше эти положения. Следует подчеркнуть, что в настоящее время основная масса западноевропейских и американских антропологов и археологов признает в согласии с Ф. Энгельсом решающую роль труда, основного отличия человека от обезьяны и силы, способствовавшей выделению человека из животного состояния [Sonneville-Bordes, 1967; Pilbeam, 1972; Howells, 1973]. В то же время как справедливо подчеркивает В. П. Якимов [1976], в большинстве зарубежных работ не упоминается имя Ф. Энгельса, как и имена советских исследователей, уже давно плодотворно развивающих данное положение.

Изучение костных остатков австралопитековых обезьян, Homo habilis и питекантропов целиком подтвердило утверждение Ф. Эн-

[16] *Маркс К.* Капитал, т. 1.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 189.
[17] Там же, с. 190—191.
[18] *Энгельс Ф.* Диалектика природы.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с 491.
[19] Там же, с. 490.
[20] Там же, с. 492.

гельса о решающем значении прямохождения для превращения обезьяны в человека. Переход некоторых человекообразных обезьян типа австралопитековых к передвижению только на двух ногах (двуногой локомоции) явился переломным моментом их развития по направлению к людям, привел к существенной перестройке всего их организма. Немалую роль здесь сыграло и изменение характера пищи. Развитие у предков человека всеядности или даже преимущественного питания животной пищей способствовало перераспределению у них силы тяжести вследствие сокращения объема пищеварительного тракта. Трудно допустить, чтобы двуногими стали чисто растительноядные приматы, подобные гориллам с их вечно наполненным огромным брюхом [Якимов, 1973]. Распространение охоты, шедшее одновременно с переходом наших предков от жизни в лесах к обитанию на их опушках и в открытых травянистых пространствах типа саванн, имело далеко идущие последствия. Охота способствовала кооперации, объединению людей в коллективном труде, укреплению социальных связей внутри групп, а также между ними. К. П. Окли [Oakley, 1961а] справедливо указывает, что для получения определенного объема энергии хищнику надо меньше пищи, чем травоядному. Вместо того чтобы есть почти непрерывно, как их предки, древнейшие люди тратили бо́льшую часть своего времени на охоту. В результате этого нового образа жизни развились новые навыки и сноровки, человек начинал в меньшей степени зависеть от окружающей среды, стал наиболее адаптирующимся из всех живых существ, способным распространиться во всех климатических поясах. Коллективы охотников стали кочевать на более широких территориях. Двуногая походка облегчала им перенос на большие расстояния только начавших появляться орудий и оружия, сырья для их изготовления, а также охотничьей добычи. Развитие труда шло бок о бок с этим процессом, чему в первую очередь способствовало освобождение рук от функций передвижения (локомоторных). Изготовление орудий становилось систематическим, превращалось в условие, без которого группы наших предков не могли бы существовать. Оно приобретало вместе с тем и селективную роль: группы ископаемых человекообразных обезьян, постепенно овладевшие изготовлением орудий, имели больше шансов выжить и вырастить потомство, чем жившие в тех же условиях группы обезьян, не овладевшие изготовлением орудий.

В процессе труда, в процессе изготовления орудий, постепенно, очень медленно развивались руки людей, а затем (с определенным отставанием) их череп, его мозговая, а позднее его лицевая часть. Если у Homo habilis прямохождение было развито в полной мере, то строение его руки было еще очень примитивным, сильно отличалось от строения руки современного человека, и эта примитивность несомненно сдерживала развитие его техники, в какой-то мере обусловливала примитивность каменных орудий. Череп же Homo habilis вообще был ближе к черепам человекообразных обезьян,

чем к черепам людей. У питекантропов, а особенно у неандертальцев мустьерской эпохи рука, а затем череп и соответственно мозг достигают гораздо более высокого развития, начинают приближаться к руке, черепу и мозгу современного человека, «догоняют» развитие нижних конечностей и тазовых костей. В этом процессе наряду с трудом и вслед за ним огромную роль играют появление и развитие у людей речи как средства общения между членами первобытного коллектива. Исследования черепов и эндокранных слепков, проведенные В. В. Бунаком [1959], В. И. Кочетковой [1973], Ю. Г. Шевченко [1971] и др., показали, что в процессе эволюции архантропов и сменивших их палеоантропов (неандертальцев мустьерской эпохи) особенно быстро развивались участки коры головного мозга, связанные со специфически человеческими функциями труда и речи.

В разработке проблемы становления человека большую роль играют приматологические исследования. Проведенные в свое время в этой области работы В. Келера, Р. Иеркса, Н. Н. Ладыгиной-Котс, И. П. Павлова, Н. Ю. Войтониса, Э. Г. Вацуро, Г. З. Рогинского, Н. А. Тих и других ученых пользуются широкой известностью и признанием [см.: Тих, 1970]. Но то были наблюдения за обезьянами, находившимися в неволе: в клетках, лабораториях, заповедниках. За последние 15 лет ряд исследователей перешел к очень длительному систематическому наблюдению поведения африканских обезьян, живущих на воле, стадом, в естественных природных условиях [Шаллер, 1971; Лавик-Гудолл, 1974; Shaller, Emlen, 1963; Vore, Washburn, 1963; Sugiyama, 1970]. Наблюдению подвергались павианы, шимпанзе, гориллы. Джейн ван Лавик-Гудолл за первые 18 месяцев своих наблюдений за шимпанзе в Танзании не получила новых существенных результатов, которые заставили бы в какой-то мере изменить общеизвестные представления об этих животных. Чтобы провести действительно серьезные наблюдения, необходимо не менее двух тысяч часов, т. е. два-три года работы. При этом обобщения, касающиеся всех человекообразных обезьян, нужно делать очень осторожно, так как поведение разных их представителей сильно различается.

Наблюдения де Вора и Уошбарна за павианами, живущими на воле, показали, что, употребляя в основном растительную пищу, они все же изредка охотятся на зайцев, мартышек, очень молодых газелей и питаются их мясом. Некоторые самцы регулярно убивают мартышек. Самки тоже охотятся, но реже, чем самцы. В целом мясо является составной частью, хотя и очень малой — меньше 1%, пищи павианов.

Производившиеся в течение пяти лет систематические наблюдения Д. ван Лавик-Гудолл за жизнью шимпанзе в природных условиях показали, что эти обезьяны в отдельных случаях также убивают животных и питаются мясом. И у них мясо составляет в среднем лишь немногим больше 1% рациона. Харак-

терно, что шимпанзе, как и павианы, способны убивать только мелких животных, чей вес в общем не превосходит одну пятую их собственного веса, тогда как архантропы охотились на более крупных зверей — тяжелее в 10 раз и более. Шимпанзе используют палочки для добывания термитов и муравьев. Они подбирают ветки подходящей длины, отрывая от них листья, и порой несут с собой по 10—12 таких палочек за несколько сотен метров, чтобы использовать, когда найдут гнездо термитов. Шимпанзе запасаются палочками, еще не видя перед собой цели, для которой могли бы их применить, только отправляясь на ее поиски; если гнездо термитов не найдено, они попросту роняют ставшие им ненужными палочки. Таким образом, шимпанзе не просто хватают все, что лежит поблизости, а выбирают и усовершенствуют то, что им нужно.

В отличие от этого Д. Шаллер, длительное время наблюдавший жизнь горилл в природных условиях, отмечает, что хотя они по своему строению способны к изготовлению простейших орудий и к переносу отдельных предметов на некоторое расстояние, однако никогда даже близко к этому не подходят. Шаллер объясняет это тем, что в лесу, где живут гориллы, растительная пища находится в изобилии и легкодоступна, так что им нет нужды использовать орудия. Применение орудий стимулировала бы более суровая, негостеприимная среда.

Случаи использования естественных предметов в качестве орудий человекообразными обезьянами, живущими на воле, очень редки, наблюдаются только у отдельных шимпанзе. Между тем человекообразные обезьяны, живущие в неволе — в клетках, лабораториях и т. д., доставили немало подобных примеров. Как отмечает К. Холл [Hall, 1963], налицо потенциальная возможность пользоваться орудиями, которая не находит выхода у человекообразных обезьян, живущих на воле. Эта потенциальная возможность, равно как и избыток исследовательски-манипуляционной энергии, констатируемый у современных антропоидов, пребывающих в диком состоянии, являлись для наших предков, ископаемых человекообразных обезьян, важными предпосылками к изготовлению орудий и очеловечению.

В стадах обезьян встречаются отдельные покалеченные особи, имеющие некоторые шансы выжить благодаря взаимопомощи. Заслуживает внимания и то, что обезьяны избегают падали, не питаются объедками добычи крупных хищников. Де Вор и Уошбарн полагают, что гипотеза об использовании обезьянами и древнейшими людьми в пищу падали не подтверждается наблюдениями над приматами.

Означают ли наблюдения современных приматологов, что труд, изготовление орудий, теперь уже нельзя признать основным отличием человека от обезьяны, а переход к потреблению наряду с растительной пищей мяса — важным шагом на пути превращения обезьяны в человека? Такой вывод был бы глубо-

ко ошибочным. Перед нами лишь единичные факты, да и то не изготовления орудий, а зарождения этих процессов. Существование шимпанзе в отличие от человека не зависит от пользования орудиями. В рамках старого качества длительно и сложно вызревают элементы нового. Переход от стада обезьян к человеческому обществу нельзя представлять схематически, упрощенно. Это был сложный диалектический процесс.

РОДИНА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Вопрос о родине человечества, о границах той территории, где совершилось выделение человека из животного состояния, детально рассматривается в трудах Г. Ф. Дебеца [1952], М. Ф. Нестурха [1964], М. И. Урысона [1970, 1976], И. К. Ивановой [1974], Ф. Борда [Bordes, 1968], Г. Кенигсвальда [Koenigswald, 1973a], У. Хауэллса [Howells, 1973] и многих других антропологов и археологов. В настоящее время имеется мало сторонников восходящей к П. П. Сушкину гипотезы о том, что родиной человечества являлись открытые гористые ландшафты Центральной Азии. Среди весьма многочисленного палеонтологического материала, добытого в Центральной Азии, совершенно отсутствуют остатки ископаемых человекообразных обезьян. Это обстоятельство лишает данную гипотезу серьезной основы. Не приходится говорить и об отнесении к родине человечества Австралии и Америки. Они были заселены проникшими из Азии людьми современного физического типа (Homo sapiens), судя по новейшим данным, не ранее 30—35 тыс. лет назад (см. ниже, с. 200—202). Главные споры идут в настоящее время между сторонниками африканской и южноазиатской прародины.

В пользу африканской прародины, гипотеза о которой восходит к Ч. Дарвину, свидетельствуют многочисленные находки на юге и особенно на востоке Африки очень древних остатков австралопитековых. Об этом же говорит обнаружение в Олдувайском ущелье костных остатков наиболее древних людей, а в Кении (Кооби-Фора) — древнейших в мире каменных орудий. В Северной Африке столь древние находки неизвестны, но залегающие в четких геологических условиях, относящиеся к олдувайской эпохе древнего палеолита каменные орудия Атлантического побережья Марокко датируются эоплейстоценом и, таким образом, примерно одновременны Homo habilis из Танзании. Наконец, в пользу африканской прародины говорит и тот факт, на который обращал внимание еще Дарвин, что в Африке обитают наиболее близкие к человеку антропоиды — шимпанзе и горилла. В целом можно констатировать, что ни в Азии, ни в Европе до сих пор не обнаружено такого полного эволюционного ряда приматов, как в Восточной Африке. Все это позволяет М. И. Урысону [1970], И. К. Ивановой [1974], В. П. Алексееву [1974] и ряду других исследователей утверждать, что положе-

ние о выделении человека из животного состояния на территории Африки (Южной и Восточной Африки или же только Восточной) является теперь окончательно доказанным.

В Южной и Юго-Восточной Азии до недавнего времени отсутствовали остатки ископаемых людей и их культуры, имеющие столь же древние абсолютные даты, как остатки из Восточной Африки. Но Г. Кенигсвальд убедительно связывает это с отсутствием в Китае и в Сиваликских холмах (Индия и Пакистан) вулканических пород, которые можно было бы датировать калий-аргоновым методом. Что же касается Индонезии, где такие породы имеются, то в последнее время для моджокертского питекантропа (Ява) получены калий-аргоновые даты 1.9—1.5 млн лет назад. Эти даты мало уступают восточноафриканским. Вместе с тем Ява доставила остатки эоплейстоценового мегантропа, близкого к австралопитековым, и нижнеплейстоценовых питекантропов, датируемых, по калий-аргону, 1 млн — 500 тыс лет назад. В Южном Китае и на севере Индии обнаружены остатки гигантопитеков, близких к австралопитековым, а в Центральном Китае — остатки ланьтяньского синантропа, датируемого нижним плейстоценом. Сиваликские холмы доставили кости миоценовых и плиоценовых антропоидов — дриопитеков и рамапитеков. Таким образом, в Южной и Юго-Восточной Азии обнаружены как остатки верхненеогеновых и эоплейстоценовых ископаемых человекообразных обезьян, частично находившихся на пути превращения в людей, так и остатки эоплейстоценовых и нижнеплейстоценовых архантропов. Часть последних имеет калий-аргоновые даты до 2 млн лет назад. Все это дает важные аргументы в пользу включения Южной и Юго-Восточной Азии в границы родины человечества. Именно такой взгляд развивает М. Ф. Нестурх [1970], утверждающий, что родина человечества охватывала южную часть Азии с участком Северо-Восточной Африки.

Вместе с тем находки нижнеплейстоценовых костных остатков архантропов, датируемых миндельским или даже более древним временем, в Вертешсёллёше (Венгрия), Пржезлетице (Чехословакия) и близ Гейдельберга (ФРГ) свидетельствуют в пользу включения юга Европы в границы родины человечества. Об этом же говорит открытие в гроте Валлоне на юго-востоке Франции остатков охотничьего лагеря, имеющих древность до 700 тыс лет. Выдающийся интерес представляет недавняя находка на северо-востоке Венгрии в нижнеплиоценовом местонахождении Рудабания остатков рамапитековых обезьян (Rudapithecus hungaricus), находившихся на пути гоминизации. Оценивая эти материалы, М. Крецой убедительно подчеркивает, что процесс очеловечения обезьян представлял собой общее направление эволюции, захватывавшее всю афро-евразиатскую фаунистическую радиацию [Kretzoi, 1975].

Каков же вывод? Ф. Борд не отдает предпочтения ни одному

из трех материков (Африка, Азия, Европа) в качестве вероятной родины человечества и приводит в связи с этим шутливые слова А. Брейля, что колыбель человечества, вероятно, была на колесиках. У. Хауэллс и Г. Кенигсвальд склоняются к подобной же позиции, отказываясь сделать определенный вывод о том, к какому материку Старого Света приурочена колыбель человечества. В. П. Якимов [1970] констатирует, что проблема прародины человека еще не получила окончательного решения.

Отдавая отчет в дискуссионности вопроса о границах родины человечества, в наличии оживленных споров между сторонниками африканской и азиатской прародины и в том, что большинство современных исследователей отдает предпочтение Африке, необходимо в то же время отметить убедительность взглядов тех антропологов и археологов [Ефименко, 1953; Якимов, 1966; Кларк, 1977; Isaac, 1969; Hewes, 1970], которые считают, что превращение человекообразных обезьян в людей происходило в процессе их активного приспособления к самым разным и меняющимся условиям внешней среды. Вероятным представляется в связи с этим и в свете кратко охарактеризованных выше находок и взглядов, что прародина человечества была довольно обширной, включала значительные территории Африки, Южной Европы, Южной и Юго-Восточной Азии. Новые открытия костных остатков наших предков и точно датированных древнепалеолитических местонахождений все время заставляют расширять границы предполагаемой прародины человечества.

Глава третья

ДРЕВНИЙ ПАЛЕОЛИТ

ОЛДУВАЙСКАЯ ЭПОХА. ПЕРВЫЕ ОРУДИЯ

Тысячи поколений австралопитековых обезьян начинали все чаще использовать окружающие предметы (камни, ветки, палки) в качестве орудий, от случая к случаю переходили к отдельным трудовым процессам (к изготовлению орудий), забрасывали их, снова к ним возвращались, пока труд из исключения не стал правилом.

Обработку сырых материалов — камня и дерева — древнейшие люди осваивали исключительно медленно. Дерево обычно не сохраняется в течение десятков и сотен тысячелетий. Поэтому от олдувайской эпохи и древнего ашеля деревянные орудия до нас вовсе не дошли, а на средне- и позднеашельских и более молодых стоянках палеолитического возраста они встречаются в виде редчайшего исключения. Мы только можем предполагать их существование у первобытных людей начиная с самого древнего времени. Подобное предположение основывается, в частности, на том, что в хозяйстве всех примитивных племен XIX в. большую роль играли дубины и палки. Так, например, у тасманийцев важнейшие орудия охоты и собирательства — копья, дубины, копательные палки, а также снаряды для добывания огня были деревянными. У семангов п-ова Малакка вообще почти все орудия изготовлялись из бамбука. Вероятно, и Homo habilis пользовался во время охоты и собирания растительной пищи простейшими палками и дубинами.

Древнейшие каменные орудия имели больше шансов, чем деревянные, сохраниться в земле в течение миллионов лет и дойти до нас. Однако камни, используемые без обработки австралопитековыми обезьянами, ничем не отличаются от других необработанных камней и практически неразличимы. Мало чем выделялись среди естественных осколков камня, попадающихся в природе, первые желваки и куски камня, которые только начал оббивать человек. Различить те и другие очень трудно, а порой вовсе нельзя. Подобные камни, возможно, служившие древнейшими орудиями, но не имеющие бесспорных признаков обработки рукой человека (см. выше, с. 26—28) и, может быть, образовавшиеся в результате действия естественных факторов, без вмешательства рук человека, называются «эолиты». Их принимают за псевдоорудия, не включают в число достоверных палеолитиче-

ских орудий, кроме находок в условиях, доказывающих их принадлежность человеку,— вместе с остатками костров, расколотыми костями животных, костями человека и т. д. Только тогда их признают древнейшими орудиями, но в этих случаях уже не причисляют к эолитам.

Сейчас у нас пойдет речь не о камнях, которые, может быть, держал, а возможно, не держал в руке австралопитек, и не об эолитах, которые, быть может, были расколоты древнейшим человеком, а возможно, являются игрой природы. Мы переходим к древнейшим достоверным каменным орудиям, изготовленным Homo habilis. Эти орудия относятся к олдувайской эпохе палеолита.

Термины «олдувайская эпоха» и «олдувайская культура» происходят от названия Олдувайского ущелья в Танзании. Они утвердились в современной археологической литературе для обозначения первой, начальной эпохи палеолита взамен старого термина «дошелльская эпоха» (дошелль) и более нового термина «галечная культура» (культура галек, культура оббитых галек, pebble culture). Последний является неточным, ибо, с одной стороны, орудия из галек достаточно многочисленны в археологических памятниках самого разного возраста, вплоть до хоабиньской мезолитической культуры Вьетнама. С другой — в нижних слоях Олдувайского ущелья, как и в иных местонахождениях олдувайской эпохи, для изготовления орудий наряду с речными гальками широко использовались куски, желваки и отщепы камня.

Своей продолжительностью (порядка 2 млн. лет; см. выше, табл. 3) олдувайская эпоха превосходит все другие эпохи палеолита, взятые вместе.

Олдувайские каменные орудия, хотя и достоверны, отличимы от естественных кусков и осколков камня, являются все же исключительно примитивными. Их грубость и несовершенство обусловлены не только тем, что люди делали самые первые шаги на пути овладения техникой и не были как следует знакомы ни со свойствами материала, ни с собственными силами, но также примитивностью самого физического строения людей. Последнее не давало им возможности достаточно метко наносить удар, точно, искусно обрабатывать дерево и камень. Лишь в процессе овладения техникой, совершенствования первых орудий производства совершенствовалось и физическое строение древнейших людей. Воздействуя посредством труда на внешнюю природу и изменяя ее, человек в то же время изменял свою собственную природу.[1]

Древнейшая из известных в настоящее время стоянок олдувайской эпохи — Кооби-Фора на восточном берегу оз. Туркана в Кении [Isaac, Leakey, Behrensmeyer, 1971]. Раскопками 1970—1975 гг. здесь обнаружен культурный слой с каменными орудиями и расколотыми костями животных, представляющий

[1] *Маркс К.* Капитал, т. 1.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 188.

собой остатки охотничьего стойбища. Калий-аргоновая дата слоя
2.61 ± 0.26 млн лет.

Каменные орудия олдувайской и сменяющей ее древнеашель-
ской эпохи очень редко находят в непотревоженном состоянии,
среди остатков охотничьих стойбищ. Чаще всего, как например
на известных французских древнепалеолитических памятниках
Шелль, Аббевиль, Сент-Ашель и на кавказских древнепалеолити-
ческих памятниках Яштух, Сатани-Дар, Арзни, их обнаруживают
окатанными водой, переотложенными, на поверхности земли или
в слоях древних речных наносов. Такие пункты представляют со-
бой не стоянки, а аллювиальные местонахождения. В аллювиаль-
ных местонахождениях не сохранилось ни следов костров, ни ос-
татков жилищ, ни мест, где производилась обработка камня и раз-
делывались туши убитых на охоте животных. Все предметы там
смещены, перенесены водой на новые места. Однако связь ал-
лювиальных местонахождений с речными или морскими терра-
сами, возникшими в ту или иную эпоху четвертичного периода, за-
легание находок в различных слоях, перекрывающих друг друга
и содержащих остатки разновременной фауны эоплейстоцена,
нижнего и среднего плейстоцена,— все это позволяет в какой-то
мере проследить развитие древнепалеолитической культуры. Но
в Кооби-Форе (и в Олдувайском ущелье, в Мелка-Контуре
в Эфиопии и в Чжоукоудяне близ Пекина) древнепалеолитиче-
ские культурные остатки сохранились в культурном слое не-
переотложенными, «запечатанными», в общем в том положении,
как их побросали здесь первобытные люди. Сравнительная много-
численность таких непереотложенных древнепалеолитических
стоянок именно в Восточной Африке объясняется рядом причин.
Одной из важнейших было распространение здесь в самом конце
неогена, в эоплейстоцене и в плейстоцене действовавших вулка-
нов, пепел и туфы которых покрывали и защищали от размы-
вания и перемещения стоянки сразу же после того, как их по-
кидали палеолитические люди.

Коллекция каменных изделий, происходящая из Кооби-Форы,
насчитывает 139 предметов (рис. 15). Почти все изготовлены
из лавы, ближайшие выходы которой находятся в 10 км от стоянки.
Таким образом, сырье приносилось на стойбище издалека. Толь-
ко четыре предмета сделаны из кварца и кремнистого сланца.
Среди изделий преобладают отщепы и осколки. Найдено также
несколько чопперов (см. ниже, с. 60—61). Особую категорию
образуют куски лавы, не имеющие признаков обработки, но на-
меренно принесенные людьми на стоянку. В культурном слое
залегают, кроме того, расколотые человеком кости гиппопота-
ма, антилопы и других животных. Густота находок каменных из-
делий и расколотых костей в Кооби-Форе меньше, чем в пачке I
Олдувайского ущелья. Вероятно, люди здесь жили более корот-
кий срок, а в связи с удаленностью источников сырья не бросали
ненужные им каменные орудия, предпочитая уносить их на свои

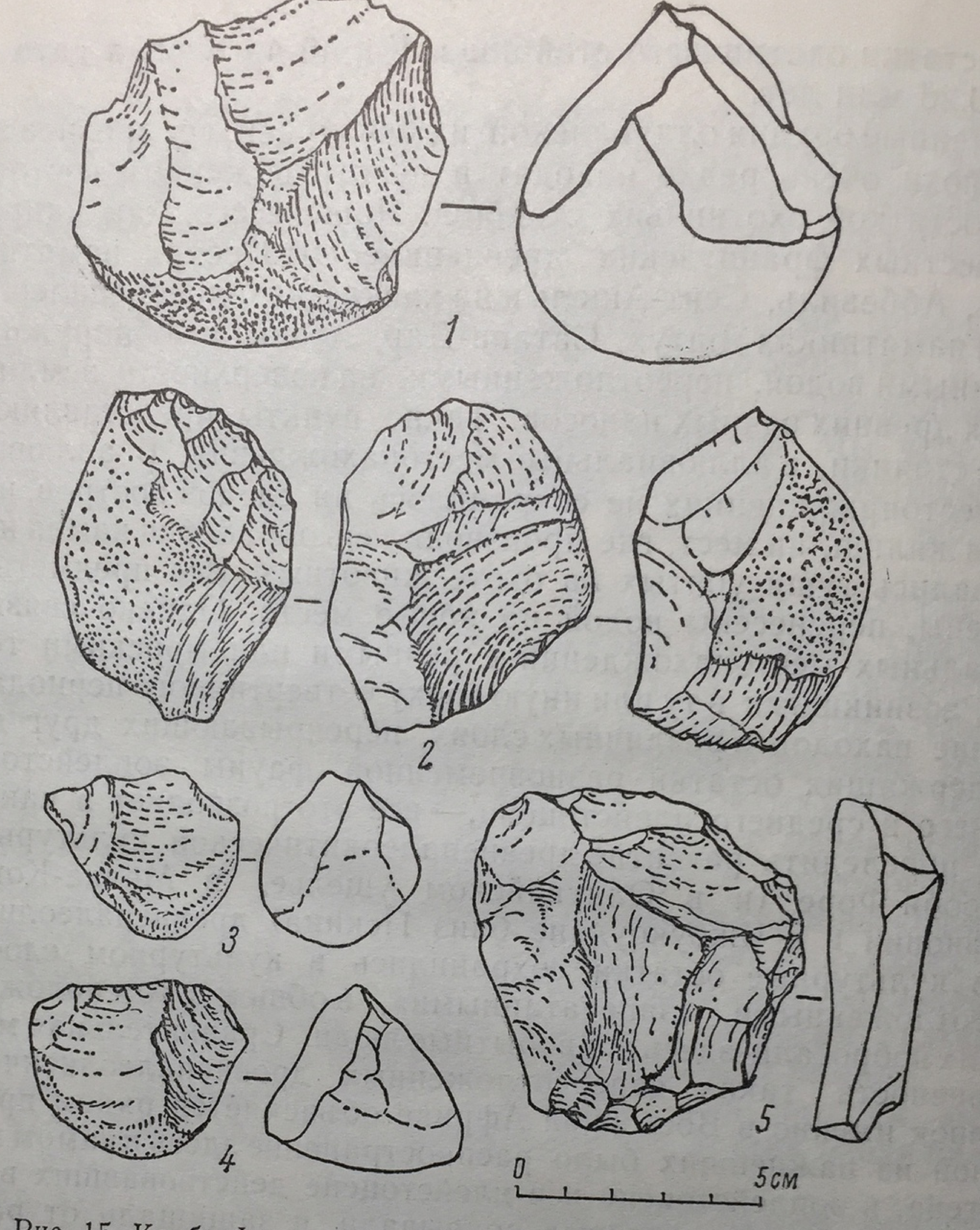

Рис. 15. Кооби-Фора в Кении. Древнейшие из известных в настоящее время каменных орудий (возраст около 2.6 млн лет). *1—4* — чоппинги; *5* — отщеп.

новые стойбища. Возможно, в деятельности обитателей Кооби-Форы орудия играли меньшую роль, чем у обитателей Олдувайского ущелья. Меньшей могла быть и привычка приносить на стойбище мясо убитых на охоте животных. Не надо забывать, что Кооби-Фора почти на 1 млн лет древнее, чем остатки охотничьих лагерей, сохранившиеся в пачке I Олдувайского ущелья.

Олдувайское ущелье (пачка слоев I и нижние слои пачки II) является основным археологическим памятником олдувайской эпохи. Оно доставило многочисленные каменные изделия, тщательно изученные и опубликованные Мэри Лики [Leakey, 1971]. Находки в Олдувайском ущелье позволят составить представление об олдувайской технике и культуре.

Homo habilis жил на берегу озера или какого-то водного потока. Об этом свидетельствуют найденные при раскопках кости кроко-

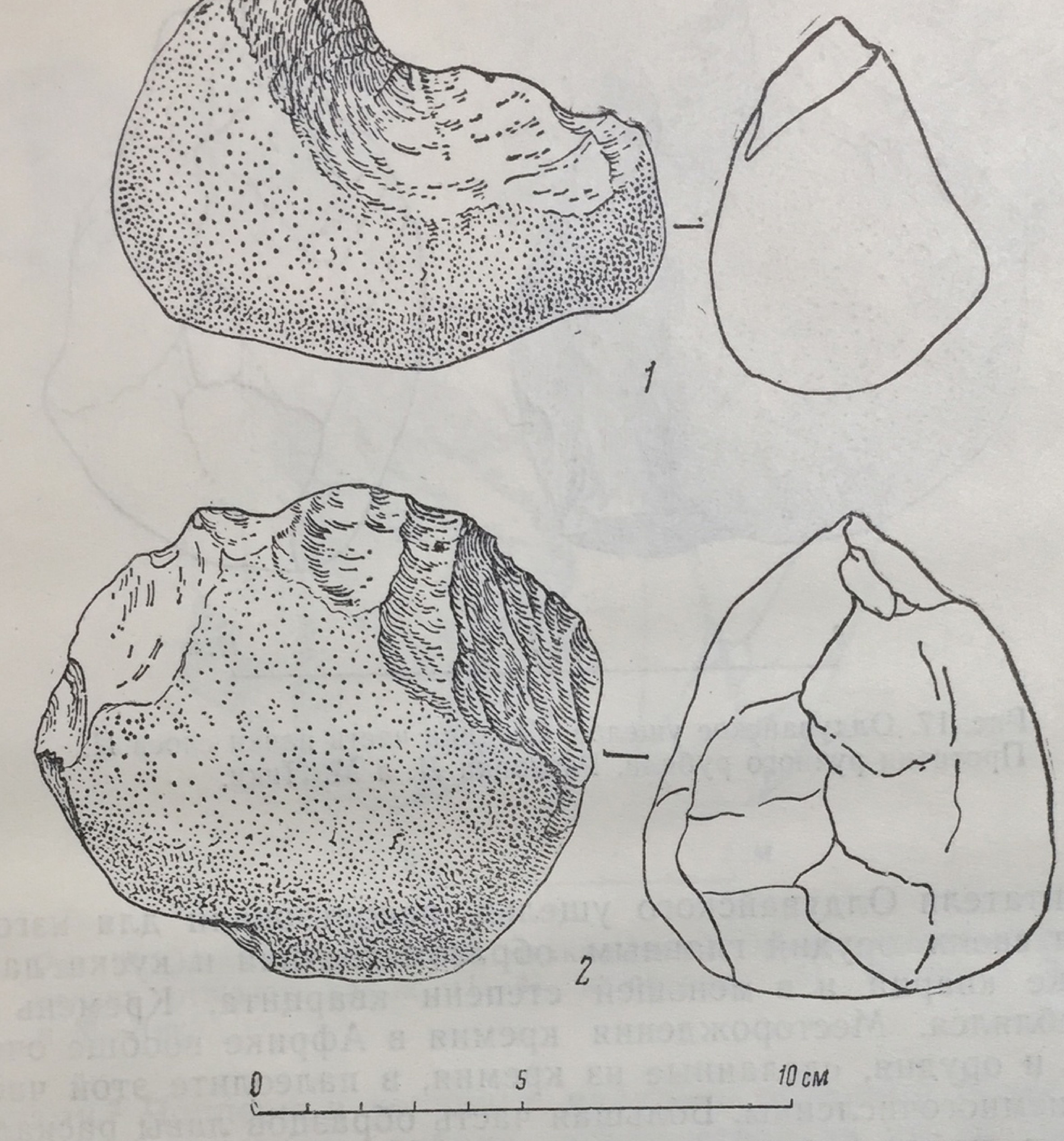

Рис. 16. Олдувайское ущелье. Пачка слоев I. Чоппер (1) и чоппинг (2). Раскопки Л. и М. Лики.

дилов, рыб, водоплавающих птиц, а также остатки некоторых водных растений. В эоплейстоцене и в плейстоцене растительный и животный мир этих мест был богат и разнообразен. Господствующим ландшафтом являлись саванны и открытые травянистые степи с группами деревьев и кустарниковыми зарослями. Этот ландшафт (в отличие от внутренних районов — густых тропических лесов) благоприятствовал переходу наших предков к прямой походке и выделению их из животного состояния.

Пачка слоев I имеет толщину около 40 м (см. выше, с. 31) и образовалась в течение 50—100 тыс. лет. Между тем каменные изделия от самых нижних слоев этой пачки до нижних слоев перекрывающей ее пачки II остаются почти неизменными по технике обработки, типам и формам. На ряде участков, сравнивая вышележащие слои с подстилающими их, можно отметить очень длительные периоды, в течение которых происходило скорее колебание техники и форм орудий, чем систематические прогрессивные перемены. Все это свидетельствует о крайне медленном развитии древнейшей человеческой техники, принадлежавшей Homo habilis.

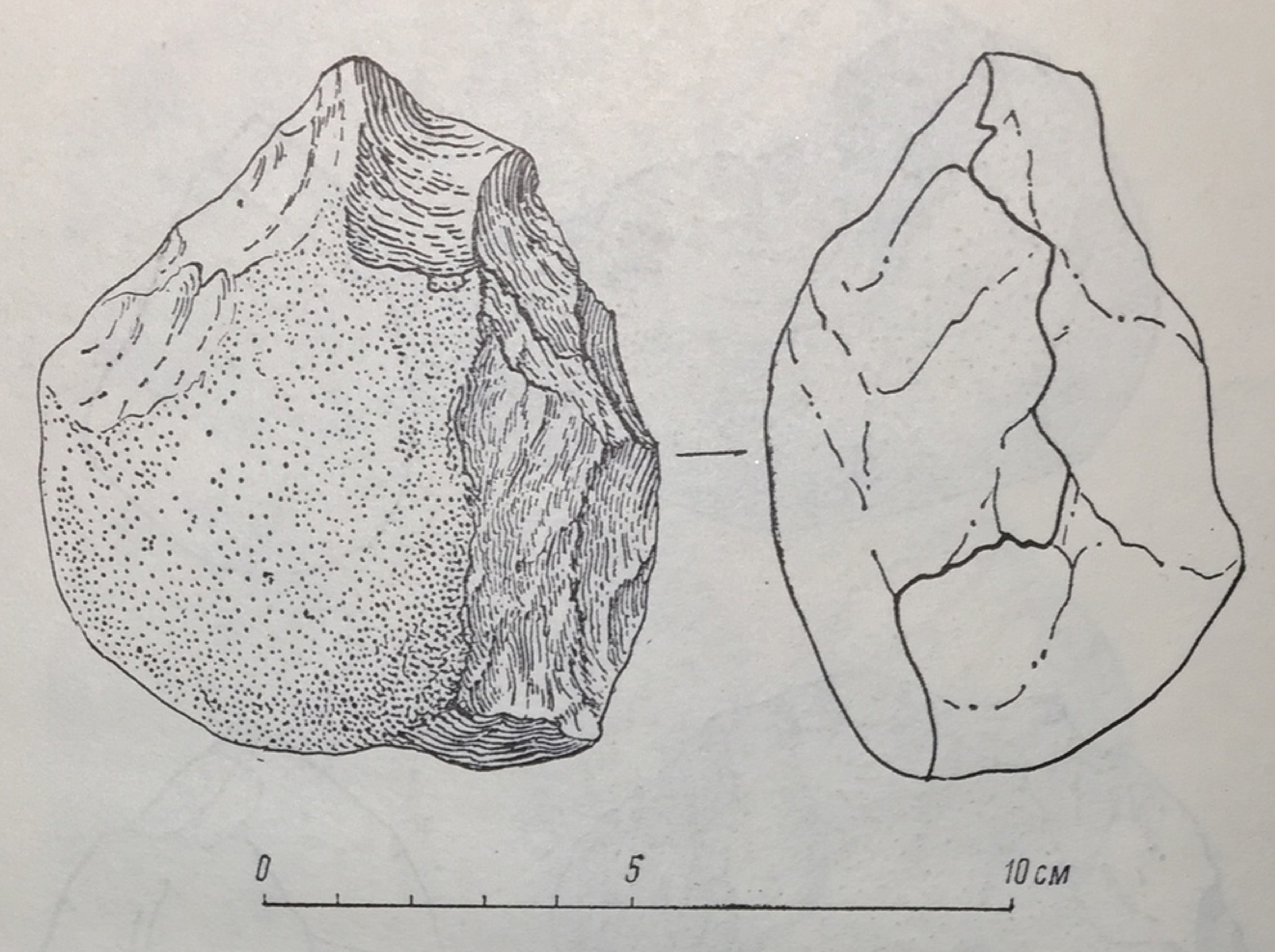

Рис. 17. Олдувайское ущелье. Средняя часть пачки слоев II. Прототип ручного рубила. Раскопки Л. и М. Лики.

Обитатели Олдувайского ущелья использовали для изготовления своих орудий главным образом голыши и куски лавы, а также кварца и в меньшей степени кварцита. Кремень не употреблялся. Месторождения кремня в Африке вообще очень редки, и орудия, сделанные из кремня, в палеолите этой части света немногочисленны. Бо́льшая часть образцов лавы раскалывалась в любом желаемом направлении и поэтому была удобна для обработки и превращения в орудия.

Всего археологическая коллекция насчитывает до 6 тыс. предметов. Сюда входят орудия, отщепы, осколки, нуклеусы и отбойники (рис. 16—18). Орудия составляют примерно 9% (около 530 экз.). Бо́льшую же часть образуют отщепы и осколки, получившиеся при раскалывании камня и его дальнейшей обработке. Основная масса каменных изделий не перемещена водой, не окатана. Многие даже сохранили на своей поверхности следы сработанности, изношенности.

Среди орудий преобладающей группой (около 70%) являются так называемые чопперы (chopper) и чоппинги (chopping-tool). Чоппер (рис. 16,*1*) — грубое рубящее орудие из куска голыша или толстого отщепа камня, выпуклый или прямой рубящий рабочий край которого сформирован оббивкой лишь с одной поверхности. Форма чоппера неправильная, иногда несколько приближается к овальной. Чоппинг (рис. 16,*2*) — такое же грубое рубящее орудие, но обработанное грубыми сколами не с одной поверхности, а с обеих. Таким образом, это бифас, отличающийся от ашельских бифасов (ручных рубил) атипичностью, неправильными очертаниями; тем, что он оббит с каждой поверхности лишь немногими

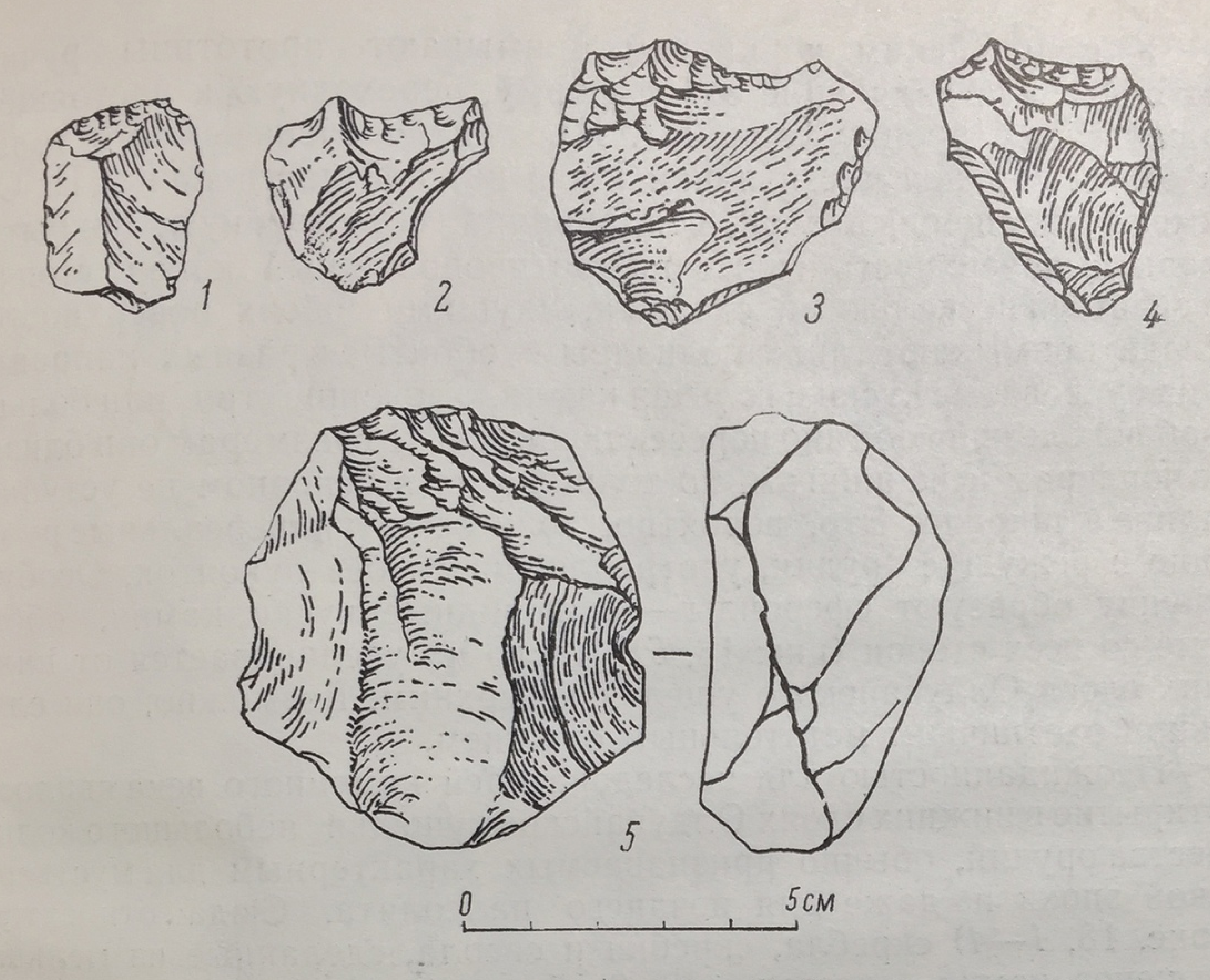

Рис. 18. Олдувайское ущелье. Пачка слоев I. Орудия, сделанные из мелких отщепов камня (1—4), и сфероид (5). Раскопки Л. и М. Лики.

сколами.[2] Чопперы и чоппинги являлись орудиями более древними, чем ашельские рубила, предшествовали им во времени, но продолжали с ними сосуществовать в древнем, среднем и позднем ашеле. Они не были приспособлены для скрепления с рукояткой, а употреблялись, как и большинство ручных рубил, будучи просто захваченными рукой, в качестве универсальных рубящих и режущих орудий. Ими могли обрабатывать дерево, убивать животных и расчленять их туши, пользоваться как оружием. В нижних слоях Олдувайского ущелья чоппинги преобладают над чопперами. Те и другие обычно имеют зигзагообразное рабочее лезвие, полученное несколькими грубыми сколами, без вторичной подправки (ретуши). Иногда лезвие слегка смято в результате работы. В поперечнике они достигают лишь 6—10 см; экземпляры, имеющие 11—14 см, очень редки.

[2] В английском языке chopper и chopping-tool означают «рубящее орудие», «топор», «секач» и т. п. В русском эти палеолитические изделия нередко называют грубыми рубящими орудиями, но бóльшим распространением в советской археологической литературе пользуются термины «чоппер» и «чоппинг». Многие исследователи, в частности Мэри Лики, а также индийские археологи, резко не разграничивают чопперы с односторонней обработкой и чоппинги с двухсторонней обработкой, обозначая те и другие одним термином — «чоппер». В некоторых работах чопперы, сделанные не из кусков и желваков, а из массивных отщепов, относятся к категории скребел.

К олдувайским чоппингам примыкают прототипы ручных рубил, представляющие собой форму, переходную к настоящему ашельскому рубилу (рис. 17). Их найдено очень немного только в самой верхней части пачки I и в нижней части пачки II. Они имеют утолщенный обух, сохранивший естественную, покрытую коркой поверхность голыша; противоположный конец утончен и заострен несколькими сколами, идущими с обеих поверхностей. Сюда примыкают также полиэдры — оббитые в разных направлениях угловатые куски и голыши камня, имеющие три или больше рабочих лезвия, обычно пересекающихся. По размерам они близки к чопперам и чоппингам, но толщина их в основном не уступает длине и ширине. Это, вероятно, тоже были универсальные рубящие и режущие орудия, употреблявшиеся без рукояток. Особую группу образуют сфероиды — шаровидные куски камня, оббитые со всех сторон (рис. 18, *5*). Число их увеличивается от нижних слоев Олдувайского ущелья к верхним. Возможно, они служили охотничьим метательным оружием.

Неожиданностью для исследователей каменного века явилось открытие в нижних слоях Олдувайского ущелья небольшого количества орудий, обычно признаваемых характерным для мустьерской эпохи и даже для позднего палеолита. Сюда относятся (рис. 18, *1—4*) скребла, скребки и сверла, сделанные из мелких отщепов камня — всего лишь 2—5 см в поперечнике, а также резцы, имеющие на конце лезвие, напоминающее долото или стамеску, и полученные обычно несколькими узкими продольными резцовыми сколами. От соответствующих мустьерских и позднепалеолитических орудий они отличаются более грубой и несистематической вторичной обработкой, а главное — отсутствием стандартизации. Они все разные; их трудно сгруппировать в повторяющиеся типы изделий [Leakey, 1967; Isaac, 1969]. Следует признать, что на протяжении палеолита при определении возраста археологических комплексов решающее значение должны иметь статистические подсчеты количества и процентного соотношения тех или иных орудий и тех или иных приемов обработки камня. Только массовое появление определенных типов орудий и определенных приемов раскалывания и ретуширования камня может явиться основой для датировки палеолитической стоянки или пещеры. Единичные же экземпляры орудий, характерных для определенной эпохи, могут появляться очень рано, задолго до этой эпохи. Древнейшая техника была очень примитивной и застойной. Она развивалась медленно и своеобразно. Отдельные орудия и отдельные технические приемы могли случайно возникать, а затем забрасываться, забываться, чтобы снова быть открытыми и уже войти в постоянный обиход спустя много тысячелетий. Такие исчезновения и появления, такие колебания означают не общий упадок техники, не общий упадок хозяйства, а лишь неустойчивый характер древнейших технических навыков. Приобретенные навыки не так быстро закреплялись; не было четко выработанных, устойчивых, уже

оправдавших себя форм орудий. Только при сравнении между собой крайних звеньев цепи — памятников, значительно различающихся во времени, мы увидим совершенствование техники обработки камня, прокладывающее себе дорогу через технические колебания, через моменты прогресса и упадка. Этим палеолит отличается от более поздних эпох, где, как известно, археологический комплекс обычно датируется по наиболее поздним предметам, входящим в его состав. В противоположность этому в древнем каменном веке единичные изделия из обожженной глины и шлифованного камня (то и другое типично для неолита) могут встречаться на позднепалеолитических поселениях, а единичные резцы (резец — характернейшее орудие позднего палеолита) — на олдувайских стойбищах.

Основную массу олдувайского каменного инвентаря образуют не орудия, а отщепы, части отщепов и осколки, не имеющие вторичной обработки. Они неправильных очертаний, довольно толстые, в то же время мелкие — в среднем около 5 см в поперечнике и не больше 10 см. У тех из них, у которых сохранились ударные площадки, последние чаще всего располагаются под тупым углом к поверхности раскола отщепа, к брюшку. Это признак грубости, примитивности техники раскалывания камня. Подобные отщепы носят название клектонских или нелеваллуазских. Если они встречаются в большом количестве, доминируют над другими типами отщепов, то это свидетельствует обычно о древности данного археологического комплекса, о том, что он относится к олдувайской или древнеашельской эпохе. У леваллуазских и мустьерских отщепов в связи с распространившейся тогда более совершенной техникой раскалывания камня и новыми типами нуклеусов (ядрищ) ударная площадка расположена под прямым углом к плоскости брюшка, а сами отщепы являются сравнительно тонкими и имеют более правильные очертания (рис. 19).

Обилие в олдувайском инвентаре мелких отщепов камня тоже явилось неожиданностью для археологов. В аллювиальных, переотложенных древнепалеолитических местонахождениях, которые были известны ранее, такие отщепы обычно не сохраняются, уносятся водой. В результате их существование не было известно. На непотревоженных же стоянках они сохранились. Теперь можно считать установленным, что мелкие отщепы образуют важный составной элемент каменного инвентаря олдувайской эпохи.

Было бы неправильным относить все олдувайские отщепы к категории отбросов (наподобие щепок и стружек дерева), получившихся при раскалывании камня и изготовлении чопперов и других орудий. Многие из отщепов, хотя и не имеют ретуши по краям, несомненно служили режущими орудиями. А у некоторых по краям есть следы легкой ретуши или выщербины, получившиеся в результате сработанности.

Одной из характерных групп палеолитических каменных изделий являлись во все эпохи нуклеусы (ядрища) — специально оббитые куски камня той или иной формы, предназначенные для

откалывания от них отщепов или пластин, которые затем с помощью вторичной обработки превращались в орудия. Олдувайские нуклеусы представляли собой желваки и куски камня неправильных очертаний со следами скалывания с каждого из них лишь немногих отщепов. Их трудно отграничить от чопперов, чоппингов, сфероидов и полиэдров. Вероятно, большинство нуклеусов использовалось затем как грубые рубящие орудия этих типов.

Назовем, наконец, отбойники, с помощью которых производилась оббивка камня. Это речные голыши, имеющие на поверхности следы ударов по камню. В качестве отбойников употреблялись и некоторые сфероиды. Бок о бок с ними встречаются голыши и куски камня, служившие наковальнями при обработке каменных орудий.

Обработка кости характерна для позднего палеолита. Но зарождается она еще в древнем палеолите. Даже в пачке I Олдувайского ущелья обнаружено несколько обломков костей диких лошадей и быков, слегка оббитых и заточенных на конце и, видимо, употреблявшихся в качестве каких-то орудий.

Кроме примитивных костяных изделий, здесь найдены тысячи костей убитых на охоте животных, главным образом диких быков, а также диких лошадей, антилоп, кабанов, гиппопотамов, человекообразных обезьян (зинджантроп), насекомоядных, грызунов, птиц, крокодилов, черепах и т. д. Эти скопления — яркое свидетельство существования охотничьего хозяйства уже в самую древнюю, олдувайскую эпоху палеолита. Многие кости и черепа разбиты на очень мелкие куски для добывания мозга. Расположение некоторых групп крупных нерасколотых костей в глине позволяет высказать предположение, что люди загоняли животных, например антилоп, в болото, находившееся близ стойбища, и там добивали их. Существенно то, что среди костей преобладают принадлежавшие молодым животным. Это отмечено на многих палеолитических стоянках. Вероятно, молодое и неопытное животное легче было отогнать от стада и убить. Отметим также, что от самых нижних слоев Олдувайского ущелья к средней и верхней частям пачки II, относящимся уже к послеолдувайскому времени, количество костей крупных млекопитающих, таких как гиппопотам, жираф, носорог, заметно увеличивается. Это свидетельствует о дальнейшем развитии охотничьего хозяйства.

Длительное время, в течение многих десятилетий, археологи, раскапывавшие палеолитические местонахождения, стоянки и пещеры, преследовали при раскопках две основные цели: добыть по возможности большую коллекцию каменных орудий и других культурных остатков (костяные изделия, кости животных и т. д.); изучить стратиграфию, характер и последовательность слоев, с которыми связаны те или иные палеолитические остатки. Палеолитические памятники не изучали как остатки древних поселений определенного типа, где могли бы сохраниться остатки жилищ,

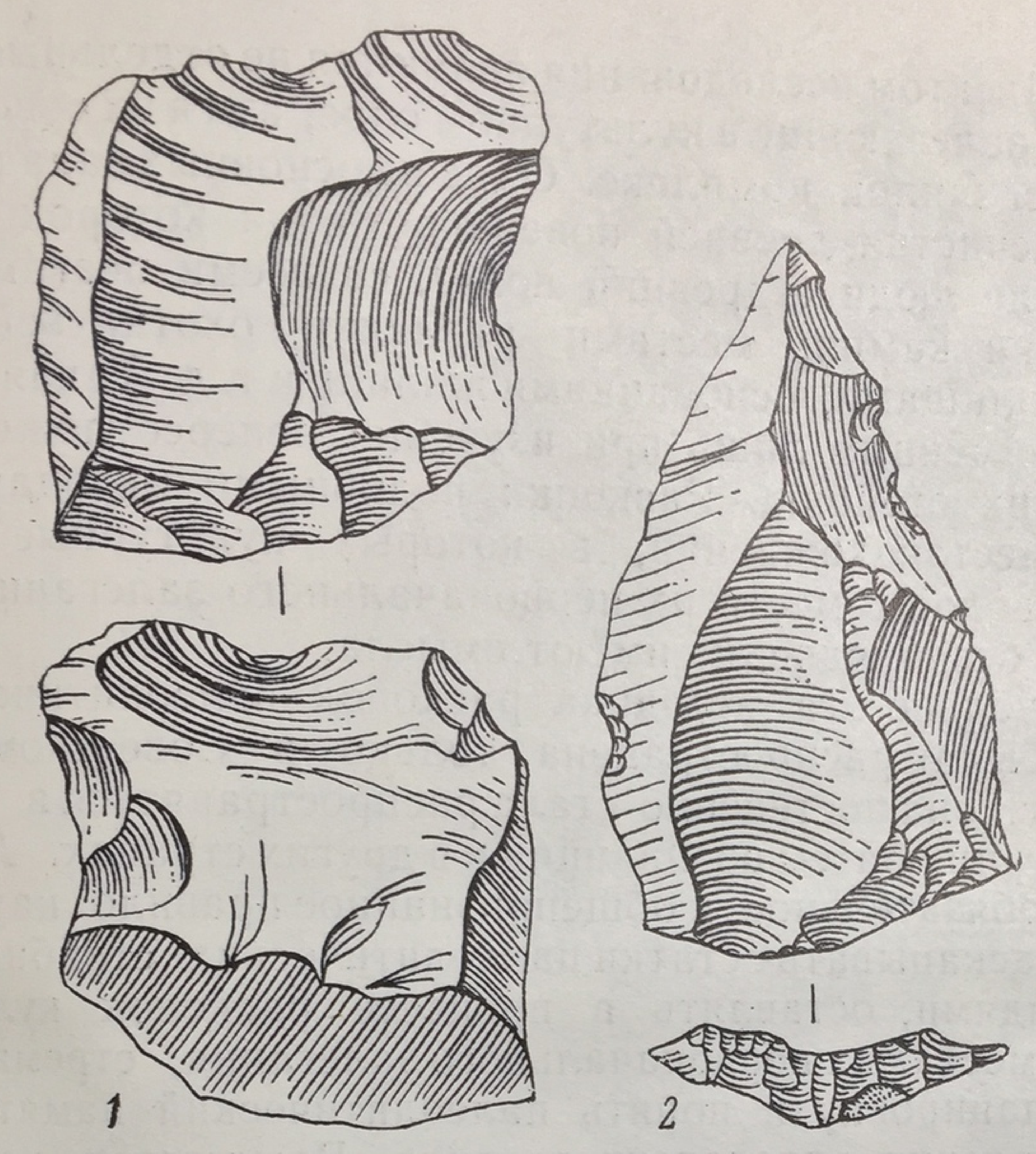

Рис. 19. Отщепы нелеваллуазский (1) и (для сравнения) леваллуа (2).

места обработки камня, кладовые, а раскапывали узкими траншеями или небольшими шурфами. Если же закладывался большой раскоп, площадью несколько десятков квадратных метров, то его делили на метровые участки, каждый участок разбирался порознь, и залегавшие на нем палеолитические культурные остатки сразу же снимались и запаковывались, прежде чем перейти к разборке соседних участков раскопа. В результате применения такой методики раскопок наука о палеолите получила достаточно полное представление о типах орудий, о технике эпох палеолита, о природном окружении палеолитических людей, о геологическом возрасте разных памятников. Но получить какие-либо представления о характере палеолитических жилищ и поселений было невозможно.

В начале 30-х гг. советские исследователи палеолита — П. П. Ефименко и его школа — выработали новую, передовую методику раскопок палеолитических поселений. Эта медотика, не отрицая необходимости тщательного изучения стратиграфии, требует вместе с тем вскрывать широкую площадь, захватывающую все древнее стойбище или значительную его часть. Во время расчистки палеолитического культурного слоя более важные находки (кости, образовавшиеся на месте костров скопления золы и углей, скопления кремней, а иногда и отдельные кремневые орудия) оставляются на месте для выяснения их взаимной планировки.

Главным объектом исследования являются не отдельные предметы старины, залегающие в культурном слое, а вся их совокупность, весь древний жилой комплекс. Одна из основных задач исследователя — расчистка древней поверхности, на которой жили палеолитические люди («древний пол»), со всеми очагами, местами обработки камня, местами разделки охотничьей добычи, ямами-хранилищами, основаниями жилищ и т. д. Такая методика раскопок применима лишь при изучении непереотложенных палеолитических стойбищ. Раскопки подобными методами аллювиальных местонахождений, в которых культурные остатки перенесены водой с места их первоначального залегания и переотложены в беспорядке, не имеют смысла.

Первоначально эта методика раскопок палеолитических памятников была распространена только в Советском Союзе. В 40—50-х гг. она постепенно стала распространяться в Чехословакии, Венгрии, затем во Франции и в других странах. А в настоящее время обязательное и общепризнанное правило науки о палеолите — раскапывать остатки палеолитических стойбищ широкими площадями, оставлять в процессе раскопок культурные остатки на местах их первоначального залегания, стремиться выяснить их планировку и понять палеолитический памятник как остатки поселения определенного типа. Разумеется, не все современные раскопки проводятся на одинаково высоком научном уровне и не всегда данное правило соблюдается одинаково строго.

Применение этой методики при раскопках Олдувайского ущелья позволило выяснить некоторые интересные особенности охотничьих стойбищ, оставленных Homo habilis.

Наиболее выразительные скопления культурных остатков были расчищены в самых нижних слоях пачки I, в древнем стойбище, носящем условное название DK и перекрытом туфом, имеющим абсолютную дату 1.75 млн лет назад, а также в древнем стойбище FLK, доставившем в 1959 г. первый череп зинджантропа.

В стойбище DK в 1962 г. на древнем склоне был открыт круг, выложенный из кусков базальта и имевший в поперечнике 4.3 и 3.7 м. Куски достигали в поперечнике 10—20 см, а некоторые 25 см. Каменные орудия встречались внутри круга в небольшом количестве; значительная их часть располагалась за пределами круга, главным образом к северо-западу от него. М. Лики в согласии с рядом других исследователей, принимавших участие в раскопках, высказывает предположение, что перед нами остатки древнейшего жилища в виде примитивного шалаша или ветрового заслона из ветвей и сучьев. Круг из камней мог служить основанием такого жилища, поддерживавшим ветки и сучья. Пока еще трудно говорить уверенно о существовании примитивных жилищ в олдувайскую эпоху. Но факты, отмеченные в стойбище DK Олдувая, заслуживают всяческого внимания и всесторонней проверки.

В стойбище FLK раскопан, тщательно расчищен и нанесен на план участок культурного слоя площадью около 315 м². Куль-

турные остатки располагались неравномерно. Они концентрировались в основном на площади 6.5×4.5 м; там было сосредоточено свыше 1000 обломков костей, а также много мелких орудий и отщепов камня. Скопление материала резко обрывалось к югу и к востоку, что, может быть, указывает на существование ветрового заслона или забора из ветвей, ограничивавшего распространение культурных остатков. Далее опять начинались участки с довольно значительным числом каменных изделий и костей. Но здесь преобладали крупные чопперы и целые, нерасколотые кости. Г. Айзек [Isaac, 1969] высказывает предположение, что на участке с максимальной концентрацией культурных остатков обитала группа из 10—12 человек.

Наконец, в верхней части пачки I и в нижней части пачки II выявлены отдельные участки, где люди разделывали туши убитых ими крупных животных. Там найдены большие группы костей последних вместе с каменными орудиями.

Огонь в олдувайскую эпоху людям еще не был известен. На олдувайских стоянках нигде не найдено следов костров.

Стоянки и местонахождения олдувайской эпохи довольно широко распространены в разных частях Африки. В Восточной Африке, помимо Кооби-Форы и Олдувайского ущелья, олдувайские каменные изделия, имеющие калий-аргоновые даты от 1.9 до 2.2 млн лет назад, найдены на юго-западе Эфиопии, в долине р. Омо, впадающей с севера в оз. Туркана. Тоже в Эфиопии, в 50 км к югу от Аддис-Абебы, французскими археологами раскапывается группа палеолитических стоянок Мелка-Контуре [Chavaillon J., 1974]. На наиболее древней из них, относящейся к олдувайской эпохе, в 1969 и 1970 гг., кроме многочисленных каменных изделий (чопперы, отщепы и др.), костей убитых людьми гиппопотамов, лошадей, антилоп, быков и других животных, расчищена площадка с четко локализованными находками культурных остатков и с кругами из камней, возможно служившими для заклинивания кольев от шалаша [Chavaillon N., 1972]. Высказывается предположение, что это, как и в Олдувайском ущелье, остатки примитивных жилых сооружений.

На юге Азии, от Сирии, Ливана и Израиля до Индии, известны каменные изделия, предположительно относимые к олдувайской эпохе, но они гораздо менее выразительны, чем африканские. В Юго-Восточной Азии подобные находки пока отсутствуют, но наличие костных остатков питекантропов, имеющих очень древние абсолютные даты (см. выше, с. 36), позволяет предполагать, что культура олдувайской эпохи была там распространена. На юге Европы тоже найдены в небольшом количестве олдувайские каменные орудия. Можно утверждать, что южные районы Европейского материка были заселены группами древнейших людей уже начиная с олдувайской эпохи.

В связи с вопросом о распространении олдувайских памятников необходимо вернуться к археологическому возрасту двух сто-

янок, доставивших костные остатки архантропов,— Чжоукоудянь в Китае и Вертешсёллёш в Венгрии. Они датируются миндельским временем (Чжоукоудянь, быть может, даже миндель-риссом) и, таким образом, являются более поздними, чем олдувайская эпоха, соответствуют примерно древнему ашелю (см. выше, с. 17). Но каменные изделия Чжоукоудяня не обнаруживают ни ашельских, ни мустьерских признаков, а своей аморфностью, атипичностью, примитивностью больше сближаются с олдувайской эпохой. Еще больше напоминают технику олдувайской эпохи каменные изделия из Вертешсёллёша [Vértes, 1965; Bordes, 1968]. Эта стоянка, имеющая древность около 500 тыс. лет (калий-аргоновые даты для нее отсутствуют, но фаунистические остатки являются очень выразительными и позволяют уверенно датировать Вертешсёллёш минделем), расположена в 50 км к северо-западу от Будапешта и в 15 км к югу от берега Дуная. Налицо четыре перекрывающих друг друга культурных слоя, охватывающих промежуток времени, быть может, в несколько десятков тысяч лет. Каменные орудия из всех отложений очень сходны между собой, относятся к одной археологической эпохе. Культурные слои Вертешсёллёша, как и в Олдувайском ущелье, не переотложены, не смещены. Сохранились остатки костров. Они поддерживались не деревом, а исключительно костями. Большинство костей расколото на мелкие кусочки, видимо, для того, чтобы их легче было сжечь в костре; многие такие мелкие кусочки найдены пережженными. Среди животных, на которых охотились обитатели стоянки, можно отметить медведей, лошадей, оленей, быков. Раскопки доставили около 8 тыс. каменных изделий. Материалом служили гальки кварцита, кварца, кремнистого сланца, кремня и других пород. Отличительная черта каменного инвентаря Вертешсёллёша — его малые размеры. Средняя длина изделий 2.5 см, а экземпляры, превышающие в длину 6.2 см, вообще отсутствуют. Налицо чопперы и чоппинги из галек, близко напоминающие олдувайские, скребла и скребки, сделанные из отщепов, и большое число примитивных отщепов, также во многом сближающихся с олдувайскими. Признаки ашельской и мустьерской техники (ручные рубила, отщепы с фасетированными ударными площадками и др.) отсутствуют.

Таким образом, Чжоукоудянь и Вертешсёллёш, хотя хронологически одновременны древнему ашелю и в отличие от олдувайских памятников обнаружили многочисленные следы использования огня, своей техникой обработки камня и типами каменных орудий еще тесно связаны с олдувайской эпохой.

ДРЕВНИЙ АШЕЛЬ

Древнеашельские каменные изделия очень немногим отличаются от олдувайских и почти столь же примитивны. Основную массу образуют клектонские (нелеваллуазские) отщепы,

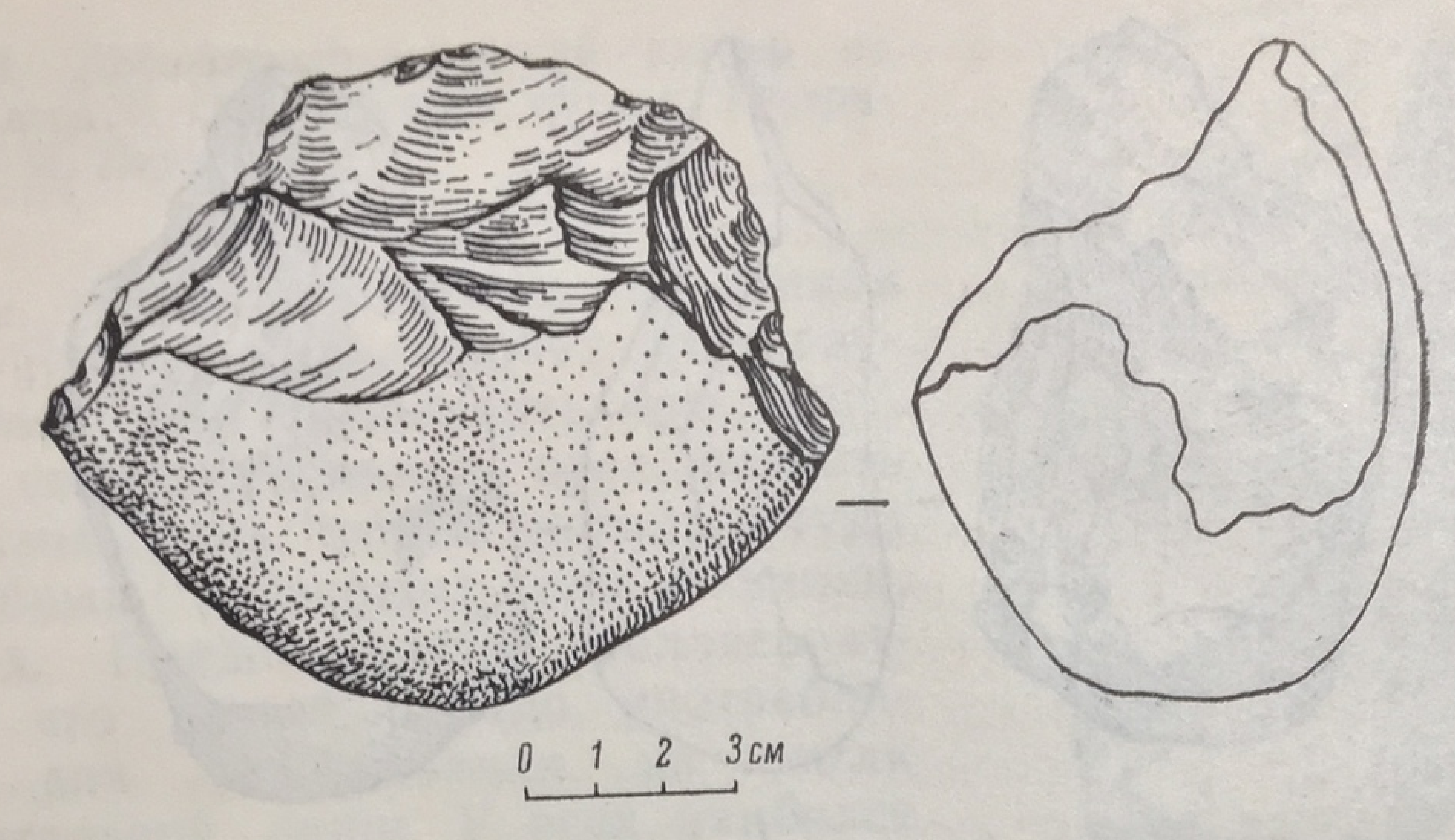

Рис. 20. Древнепалеолитический чоппер из Юго-Западной Франции. Раскопки Ф. Борда.

довольно толстые, неправильной формы, с широкими, не покрытыми фасетками ударными площадками, расположенными под тупым углом к брюшку отщепа (рис. 19, *1*). Характеру отщепов соответствует характер нуклеусов, существенно не отличающихся от олдувайских; это куски и желваки кремня неправильных, часто приближающихся к кубовидным очертаний, со следами скалывания с каждого нескольких отщепов. В древнеашельских местонахождениях, как и в олдувайских, встречаются чопперы (рис. 20), чоппинги, полиэдры, сфероиды, небольшое число мелких орудий, напоминающих изделия более поздних эпох. Но здесь появляется и новое, очень характерное орудие — ручное рубило.[3] Оно постепенно развивается из предшествующих ему чоппингов и прототипов ручных рубил олдувайской эпохи.

Ручное рубило (рис. 21) — это валун или кусок камня, оббитый с двух сторон сильными ударами. В результате оббивки получалось довольно тяжелое, грубое, клиновидное орудие длиной 10—20 см и весом 0.5—1 кг, уплощенное и закругленное на одном конце, который захватывался рукой (пятка рубила), заостренное на противоположном, рабочем, конце и имевшее неровные зигзагообразные края, также, вероятно, использовавшиеся при работе. Утолщенный конец нередко сохранял покрывавшую его желвачную корку. Резкой грани между рубилами и их предшественниками — чоппингами и прототипами рубил — нет. Рубила отличаются несколько более устойчивой формой, более правильными

[3] В литературе по палеолиту вместо термина «ручное рубило» часто употребляется термин «бифас», обозначающий орудие, обработанное с обеих поверхностей. Но бифас — термин более широкий, чем ручное рубило. Он охватывает также обработанные с обеих поверхностей небольшие плоские овальные и треугольные орудия, характерные для среднего и позднего ашеля и для мустье. Они служили не для рубки, а для резания, скобления и в качестве наконечников копий.

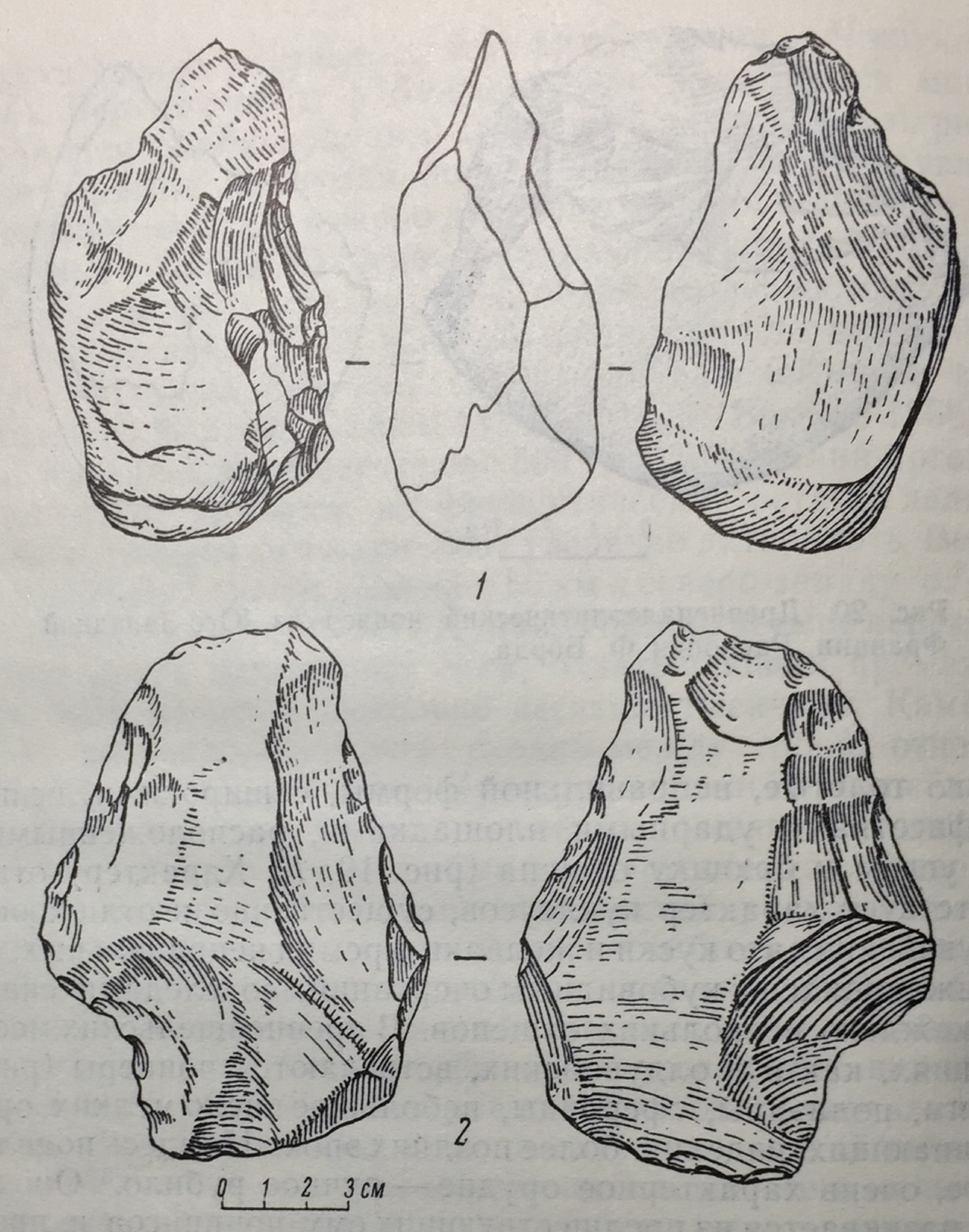

Рис 21. Ручные рубила древнеашельского (аббевильского) типа из Юго-Западной Франции (1, 2). Раскопки Ф. Борда.

очертаниями, отчетливым разграничением пятки и заостренного рабочего конца, наконец, тем, что они оббиты с обеих поверхностей большим количеством сколов и сколы эти являются более мелкими. Древнеашельское рубило в силу его массивности и неуклюжести не было пригодно для скрепления с рукояткой и во время работы просто держалось в руке. Форма рубил и характер обработки их рабочего края свидетельствуют о том, что большая часть их была приспособлена для захвата правой рукой. Крупные размеры, тяжеловесность древнеашельских экземпляров, их сравнительно правильные очертания указывают на то, что они служили в первую очередь рубящими орудиями, но вместе с тем едва ли были предназначены для какого-либо одного вида работы. Они могли использоваться для изготовления деревянных орудий и оружия, а в качестве универсального орудия имели функции

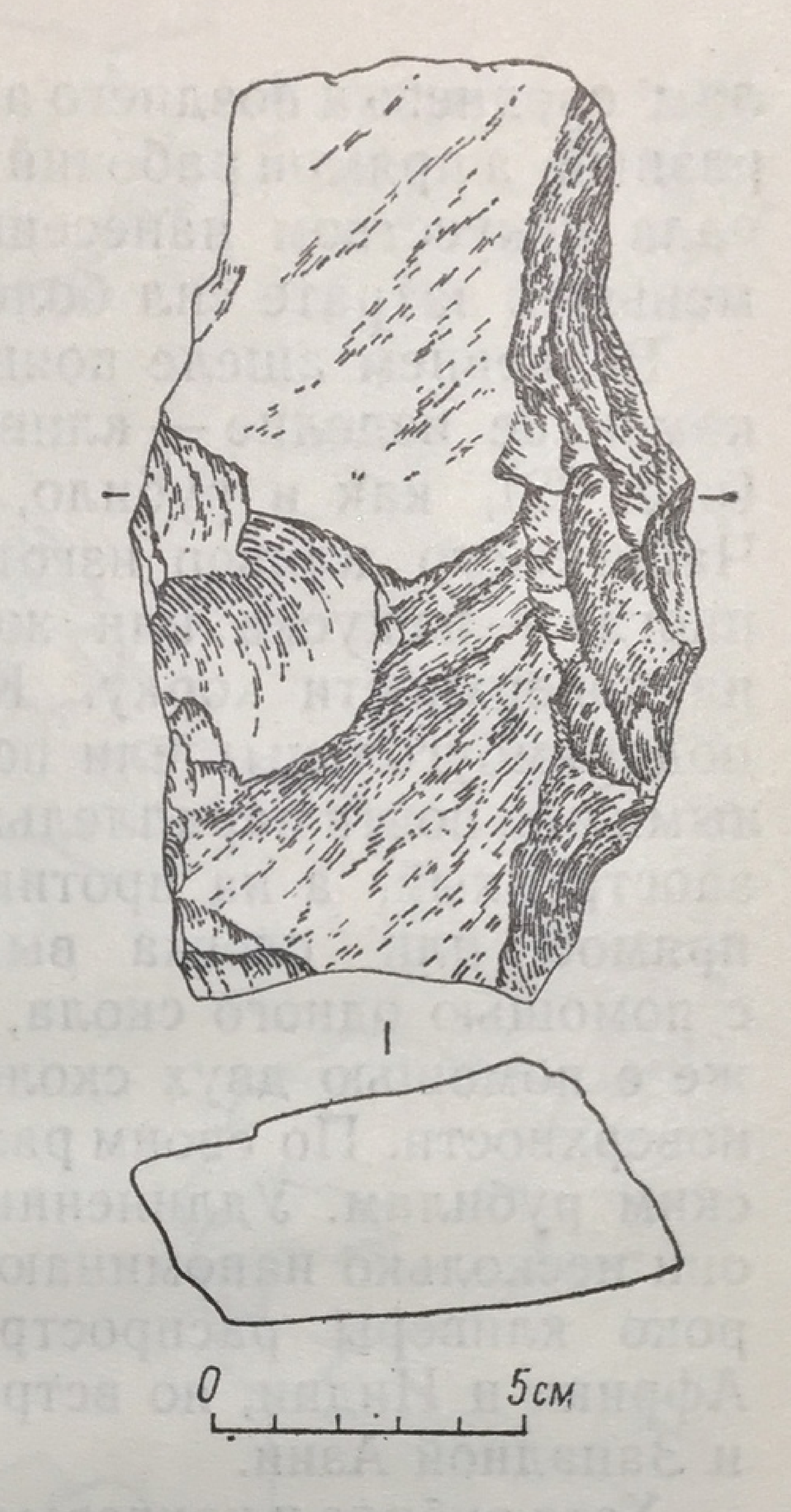

Рис. 22. Древнепалеолитический кливер из пачки слоев II Олдувайского ущелья. Раскопки Л. и М. Лики.

удара, резания, пиления, скобления и т. д. Рубилом могли добить настигнутое животное, расчленить его тушу, снять шкуру, расколоть орех, разбить древесный пень, чтобы достать оттуда съедобных насекомых или личинки, и т. д. Представляется маловероятным, что ручное рубило употреблялось для выкапывания из земли растительной пищи. У всех наиболее примитивных племен, занимавшихся охотой и собирательством, основным, простейшим и довольно эффективным копательным орудием была деревянная, заостренная на конце палка. Изготовить ее гораздо проще, чем рубило. Такая палка несомненно являлась основным копательным орудием и в древнем палеолите.

До XIX в. не сохранилось племен, которые находились бы на уровне развития древнепалеолитических людей. Однако у некоторых племен, стоявших на ступени развития, несравненно более высокой, чем древний палеолит, были обнаружены каменные орудия, кое в чем похожие на чопперы, чоппинги и ручные рубила.

Одно из основных орудий тасманийцев — напоминавший чоппер или чоппинг кусок камня, грубооббитый несколькими ударами и захватывавшийся при работе рукой [Кабо, 1975]. Это грубое рубящее орудие было по своему назначению универсальным. В частности, оно служило для обработки деревянных орудий и для нанесения зарубок на деревья при лазании по ним. Любопытен тот крайне примитивный прием, который употребляли тасманийцы, раскалывая камень. Они разбивали его на куски, ударяя о скалу или о другой камень, и из полученных осколков выбирали те, которые имели острые режущие края. Бросая один камень на другой, лежавший на земле, тасманиец отскакивал, широко расставляя ноги, чтобы избежать ранения осколками.

Есть указания на существование в XIX в. таких же примитивных рубящих орудий, захватывавшихся прямо рукой, и у коренного населения Австралии.

Можно проследить постепенное совершенствование ручных рубил — от овальных валунов, приостренных на конце несколькими сколами и появляющихся еще в олдувайскую эпоху, к древнеашельским рубилам описанного типа и затем к более тщательно обитым со всех сторон, овальным, округлым и треугольным руби-

лам среднего и позднего ашеля, часто имеющим уже не зигзагообразный, а прямой рабочий край. Рука человека постепенно овладевала искусством нанесения более точного удара, дающего при меньшей затрате сил более совершенные результаты.

В древнем ашеле появляется еще одно характерное рубящее каменное изделие — кливер (cleaver).[4] Оно представляет собой (рис. 22), как и рубило, двусторонне оббитое орудие — бифас. Чаще всего кливер изготовлен из толстого массивного отщепа, иногда — из куска или желвака камня, частично сохранившего на поверхности корку. Кливеры удлиненные, трапециевидные, подпрямоугольных или подтреугольных очертаний, с параллельными или почти параллельными продольными краями. Обух иногда заостренный, а на противоположном конце имеется поперечное прямое или слегка выпуклое рубящее лезвие, полученное с помощью одного скола, нанесенного с одной поверхности, или же с помощью двух сколов: одного с нижней, другого с верхней поверхности. По своим размерам кливеры близки к древнеашельским рубилам. Удлиненными очертаниями и поперечным лезвием они несколько напоминают неолитические топоры. Особенно широко кливеры распространяются в среднем и позднем ашеле Африки и Индии, но встречаются также и на территории Европы и Западной Азии.

Хотя рубила и кливеры могут рассматриваться как характерные древнеашельские орудия, на стоянках и местонахождениях этой эпохи количество их ничтожно по сравнению с количеством отщепов камня. Последние составляют около 90% всего древнеашельского археологического инвентаря. Значительная часть отщепов служила разнообразными режущими, скоблящими, прокалывающими и т. п. орудиями. Изредка использовались наточенные и оббитые заостренные куски кости. Бесспорно, что, как и в олдувайскую эпоху, широко применялись деревянные дубины, палки, копья, рогатины (рис. 23).

Древнеашельские памятники довольно широко распространены в Африке и на юге Европы и Азии. Большей частью это аллювиальные местонахождения, такие как Аббевиль в бассейне р. Соммы к северу от Парижа. Но изредка встречают и непереотложенные остатки охотничьих стойбищ.

Один из интереснейших памятников — стоянка Терра-Амата на юго-востоке Франции, на территории г. Ниццы, раскопанная А. Люмлеем в 1966 г. [La Préhistoire..., 1976]. Здесь у подножия известняковой скалы в позднеминдельское время (см. выше, с. 11), в конце весны и в начале лета, в пору, когда цветет дрок (его пыльца сохранилась в отложениях стоянки), люди ежегодно в течение 11 лет устраивали свои сезонные охотничьи стойбища. В культурных слоях найдены многочисленные древнеашельские

[4] В литературе по палеолиту кливеры иногда называют рубилами с поперечным лезвием, колунами, секачами.

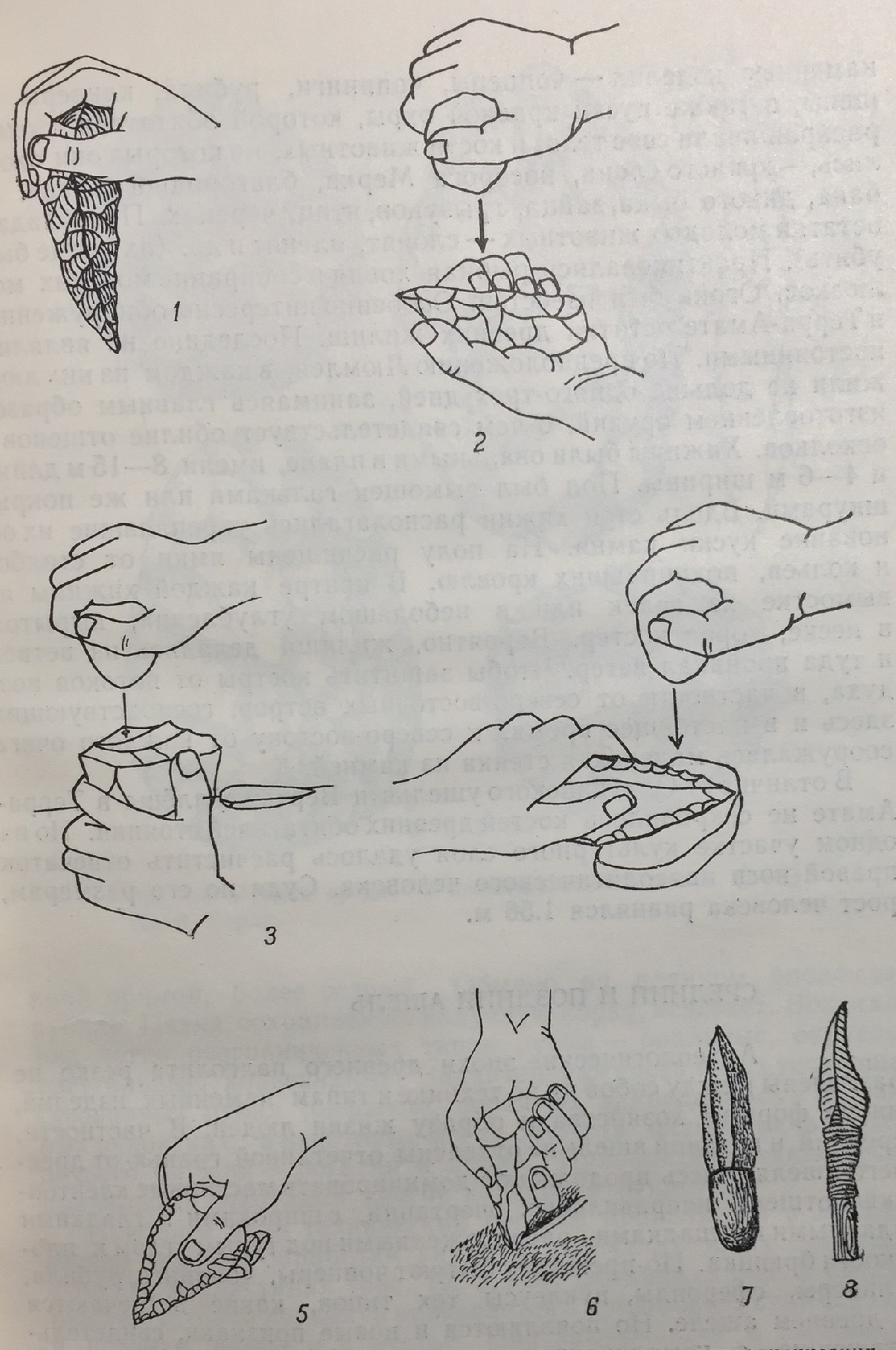

Рис. 23. Способы обработки и употребления древнепалеолитических орудий.

1 — способ захвата ашельского ручного рубила; *2* — оббивка рубила каменным отбойником; *3* — отделение от ядрища (нуклеуса) кремневых отщепов; *4* — обработка мустьерского наконечника на костяной наковальне; *5* — способ захвата мустьерского остроконечника рукой; *6* — употребление мустьерского остроконечника для разделки туши животного (*1—6* по С. А. Семенову); *7* — австралийский кремневый нож с рукояткой из смолы; *8* — австралийский кремневый наконечник копья, скрепленный с древком с помощью шнура (*7*, *8* — для сравнения).

каменные изделия — чопперы, чоппинги, рубила, кливеры, отщепы, а также куски красной охры, которой обитатели стоянки раскрашивали свое тело, и кости животных, на которых они охотились,— южного слона, носорога Мерка, благородного оленя, кабана, дикого быка, зайца, грызунов, птиц, черепах. Преобладали остатки молодых животных — слонят, оленят и др. (их легче было убить). Практиковались рыбная ловля и собирание морских моллюсков. Огонь был известен. Особенно интересны обнаруженные в Терра-Амате остатки древних жилищ. Последние не являлись постоянными. По предположению Люмлея, в каждом из них люди жили не дольше одного-трех дней, занимаясь главным образом изготовлением орудий, о чем свидетельствует обилие отщепов и осколков. Хижины были овальными в плане, имели 8—15 м длины и 4—6 м ширины. Пол был вымощен гальками или же покрыт шкурами. Вдоль стен хижин располагались укреплявшие их основание куски камня. На полу расчищены ямки от столбов и кольев, подпиравших кровлю. В центре каждой хижины на вымостке из галек или в небольшом углублении, вырытом в песке, горел костер. Вероятно, жилища делались из ветвей и туда проникал ветер. Чтобы защитить костры от потоков воздуха, в частности от северо-восточных ветров, господствующих здесь и в настоящее время, к северо-востоку от каждого очага сооружалась маленькая стенка из камней.

В отличие от Олдувайского ущелья и Вертешсёллёша в Терра-Амате не сохранилось костей древних обитателей стоянки. Но на одном участке культурного слоя удалось расчистить отпечаток правой ноги палеолитического человека. Судя по его размерам, рост человека равнялся 1.56 м.

СРЕДНИЙ И ПОЗДНИЙ АШЕЛЬ

Археологические эпохи древнего палеолита резко не разделены между собой ни по технике и типам каменных изделий, ни по формам хозяйства и образу жизни людей. В частности, средний и поздний ашель не отделены отчетливой гранью от древнего ашеля. Здесь продолжают доминировать массивные клектонские отщепы неправильных очертаний, с широкими и гладкими ударными площадками, расположенными под тупым углом к плоскости брюшка. По-прежнему бытуют чопперы, чоппинги, рубила, кливеры, сфероиды, нуклеусы тех типов, какие встречаются в древнем ашеле. Но появляются и новые признаки, свидетельствующие о немаловажном прогрессе первобытной техники. Прежде всего это относится к рубилам (рис. 24). Они становятся более тонкими, нередко делаются не из валунов и кусков, а из отщепов камня. Многие из них приобретают более правильные очертания, обрабатываются гораздо более тщательно, сплошь большим числом мелких сколов, а также ретушью. Их рабочий

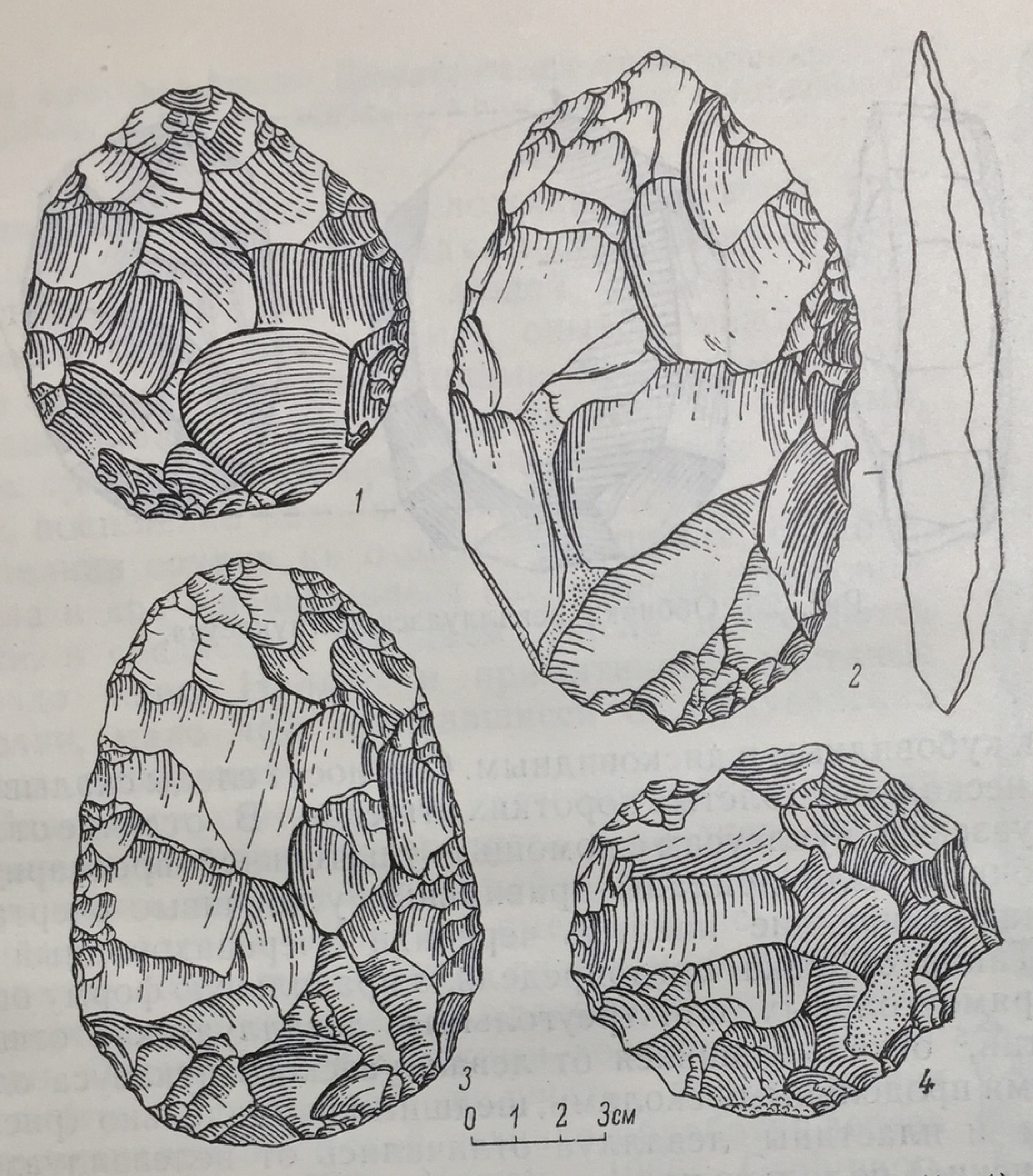

Рис. 24. Рубила средне- и позднеашельских типов (1—4). По Ф. Борду.

край прямой, более острый. Обычно он целиком опоясывает рубило. Пятка, сохранившая валунную корку, исчезает. Возникает ряд четко разграниченных типов рубил — овальные, округлые треугольные, копьевидные. Значительная часть таких усовершенствованных рубил (бифасов), вероятно, закреплялась в деревянных рукоятках, а некоторые могли служить наконечниками охотничьего оружия — рогатин и копий. Приобретают также более правильные очертания многие кливеры и нуклеусы.

Наиболее ярко технический процесс проявляется в леваллуазской технике обработки камня и в леваллуазских нуклеусах, отщепах и пластинах (рис. 19, *2*; 25). Возникнув еще в среднем ашеле, техника леваллуа развивается и продолжает существовать в позднем ашеле и в мустье. Она заключается в тщательной предварительной оббивке со всех сторон нуклеуса, перед тем как с него начинали скалывать отщепы и пластины, превращавшиеся затем в орудия [Любин, 1965]. Нелеваллуазские нуклеусы, относящиеся к олдувайской эпохе, к древнему ашелю, да и к более поздним эпохам, имели неправильные очертания, иногда приближав-

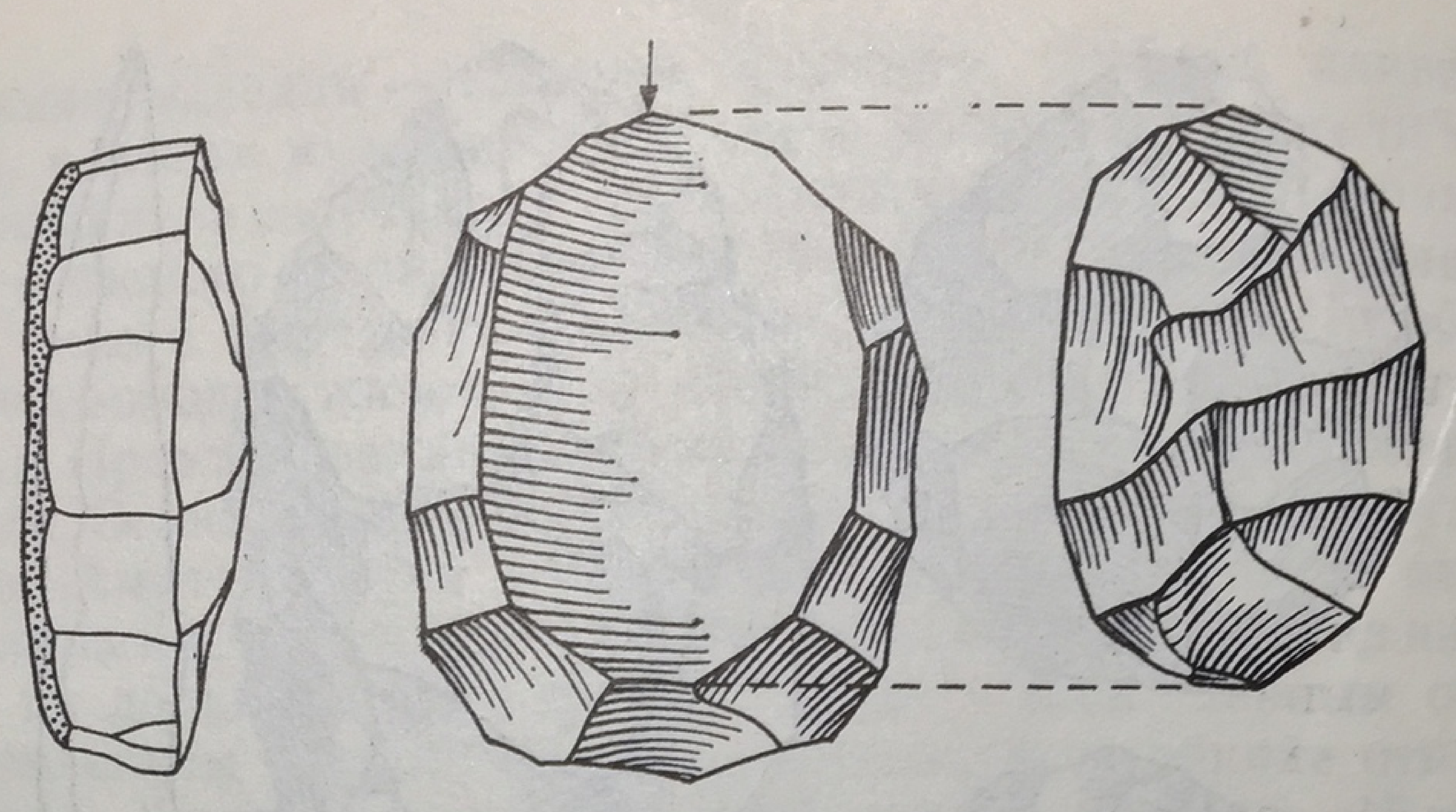

Рис. 25. Оббивка леваллуазского нуклеуса.

шиеся к кубовидным и дисковидным. Они носят следы скалывания только нескольких толстых коротких отщепов. В отличие от этого леваллуазским нуклеусам с помощью тщательной предварительной оббивки были приданы правильные устойчивые очертания, часто напоминающие панцирь черепахи (черепаховидный нуклеус). Такая оббивка предопределяла правильную форму овальных, прямоугольных или треугольных леваллуазских отщепов и пластин,[5] откалывавшихся от леваллуазского нуклеуса одним или двумя продольными сколами, шедшими параллельно (рис. 25). Отщепы и пластины леваллуа отличались от нелеваллуазских (клектонских) не только правильными очертаниями, но и меньшей толщиной, а также более тщательной сплошной предварительной оббивкой спинки; ударная площадка у них обычно покрыта фасетками, следами предварительной оббивки нуклеуса. Как справедливо отмечает В. П. Любин, распространение техники леваллуа сделало возможным массовое серийное изготовление весьма стереотипных, «стандартизованных» заготовок для орудий. В результате возникали запасы наполовину подготовленного материала, полуфабрикатов, количество которых практически ничем не ограничивалось. Используя их, люди получали возможность существенно улучшить и приумножить свои орудия, намного повысить производительность труда.

Для древнего палеолита распространение техники леваллуа было крупным техническим переворотом исторического значения. Совершенствование орудий производства, совершенствование мастерства людей по изготовлению этих орудий означало качественный сдвиг вообще в развитии производительных сил.

[5] Кремневые пластины отличаются от отщепов удлиненными очертаниями: тем, что у них длина в 2 раза и больше превосходит ширину, а также более правильной формой, близкой к прямоугольной или овальной, и параллельными или близкими к параллельным продольными краями.

Рис. 26. Клектон в Англии. Деревянное копье и вогнутое кремневое скребло, возможно использованное для его изготовления.

0 1 2 3 4 см

Едва ли сравнительно сложная для своего времени леваллуазская техника самостоятельно изобреталась каждой группой людей [Любин, 1970]. Вероятно, имел место обмен опытом между разными охотничьими коллективами. В среднем и позднем ашеле эта техника сосуществовала со старыми, более примитивными приемами обработки камня и лишь постепенно распространялась.

Мелкие орудия на отщепах — скребла, скребки, сверла и др.,— появившиеся еще в предшествующие эпохи, в среднем и позднем ашеле встречаются гораздо чаще. Налицо и примитивные костяные изделия, мало чем отличавшиеся от олдувайских и древнеашельских.

Благодаря счастливому стечению обстоятельств на некоторых стоянках среднего и позднего ашеля сохранились, правда в очень небольшом числе, деревянные изделия. Дерево имело шанс уцелеть в течение сотен тысячелетий главным образом в тех случаях, когда оно залегало в слое торфа или жирной глины. Ознакомление с такими дошедшими до нас предметами позволяет получить представление о древнепалеолитической технике обработки дерева [Howell, Clark, 1963; Howell, 1966; Grahmann, Müller-Beck, 1967].

На стоянке Торральба (Испания) раскопками обнаружено несколько десятков обломков дерева. Бо́льшая часть из них мелкие, длиной до 3 см, и не представляет интереса. Но некоторые, длиной 6—27 см, носят следы резания каменными орудиями и заполировки в результате употребления. Это были обломки охотничьих копий и копательных палок. Острие копья, сделанного из тиса и имеющего около 40 см в длину, найдено в местонахождении Клектон на юге Англии (рис. 26). Находка, как и в Торральбе, датируется средним ашелем. Несколько моложе (поздний ашель) стоянка Леринген (Нижняя Саксония, ФРГ). Здесь люди убили слона, разделали его тушу и, не задерживаясь, отправились дальше. Подобные места разделки туш слонов известны из разных эпох палеолита. Раскопки Лерингена доставили скелет древнего слона и всего лишь 25 каменных изделий, в том числе леваллуазские отщепы. Между ребрами убитого животного найдено изготовленное из тисового дерева копье длиной 215 см; его тонкий конец был заострен и закален на огне. Центр тяжести копья располагается ниже его середины; следовательно, оно употреблялось не как метательное оружие, а как пика, рогатина. Наконец, в поздне-

ашельском культурном слое стоянки Каламбо (Замбия, Центральная Африка) найдены обломки деревянных дубин, копий и копательных палок, при изготовлении которых также использовался огонь.

На стоянках среднего и позднего ашеля широко распространены остатки костров, не говоря уже об отдельных находках кусков костного и древесного угля. Раскопками последних лет на ряде поселений этого времени обнаружены и следы жилых сооружений. Таким образом, явления, с которыми мы впервые начали встречаться в олдувайскую эпоху и в древнем ашеле, теперь получили более широкое развитие.

Памятники указанного времени встречаются примерно там же, где и древнеашельские,— в Африке, на юге Европы и Азии.

К наиболее интересным принадлежит стоянка Торральба в Центральной Испании (150 км к северо-востоку от Мадрида, пров. Сория). Она датируется ранним — средним ашелем. Ф. Хауэлл и его сотрудники в 1961—1963 гг. почти целиком ее раскопали, вскрыв около 300 м² сплошной площади и тщательно изучив планировку найденных здесь культурных остатков. В результате вырисовалась очень эффектная картина охотничьего стойбища [Butzer, 1964; Howell, 1966; Freeman, Butzer, 1966].

В период обитания древнепалеолитических людей в этих местах господствовали лесистые ландшафты, кое-где чередовавшиеся с открытыми болотистыми низинами. Температура января была на 5—6° ниже современной.

Древнепалеолитические культурные напластования Торральбы достигают 3.5 м толщины; видимо, люди здесь жили долгое время. Фаунистические остатки принадлежат, по минимальным подсчетам, 30 слонам (они доставили примерно 80% всего мяса, съеденного обитателями стоянки), шести носорогам, 26 диким лошадям, 25 оленям, 10 зубрам, четырем хищникам. Среди добытых животных высок процент молодых особей, которых легче было отбить от стада и прикончить. На многих костях видны следы расчленения охотничьей добычи, некоторые расколоты или раздроблены первобытным человеком. Сырье для изготовления каменных орудий (кварцит, кремень, песчаник) приносилось на стоянку за 2—3 км. Среди орудий представлены рубила раннеашельских типов и кливеры. Но тех и других немного. Преобладают отщепы, слегка отретушированные по краю и превращенные в режущие, скоблящие, прокалывающие орудия. Встречены отдельные скребки и резцы, напоминающие мустьерские и даже позднепалеолитические, а также единичные примитивные костяные изделия; о деревянных предметах Торральбы уже упоминалось. Находки древесных и костных углей и их небольших скоплений многочисленны. Зольный слой был тонким и широко распространенным; это дает Ф. Хауэллу основание высказать предположение о том, что обитатели стоянки поджигали траву и кустарники на широкой площади

и огнем гнали слонов в трясину. Тщательная расчистка культурных напластований, при которой основные находки оставлялись на местах первоначального залегания и наносились на план, позволила выявить участки охотничьего стойбища, связанные с разными стадиями разделки и использования охотничьей добычи. На одних участках осуществлялись первые стадии разделки туши животного, возможно убитого на этом же месте или поблизости. Здесь мясо отрезалось от костей. На других — кости разбивались для добывания костного мозга. Состав каменных орудий, найденных на разных участках, различен. Этот факт имеет большое принципиальное значение. Не всегда состав каменных орудий является хронологическим показателем или свидетельствует об археологической культуре, к которой принадлежит данная стоянка. Особенности набора орудий могут быть обусловлены специфическими формами деятельности, которыми занимались люди в данном поселении или на раскопанном его участке, продолжительностью или кратковременностью существования стойбища, тем, при каких обстоятельствах его покинули люди, была ли у них возможность все необходимое унести с собой или они все побросали.

* * *

Человек олдувайской и ашельской эпох уже ознакомился с обработкой дерева, с раскалыванием и оббивкой камня, с такими простейшими приемами механического воздействия, как удар, резание, скобление. Изготовляя и используя копательные палки, рубила, чопперы, кливеры, он тем самым применял простейшие приспособления, вошедшие в качестве составной части в нашу современную технику,— рычаг и клин.

Изучая развитие техники в древнем палеолите, особенно исследуя памятники, содержащие несколько перекрывающих друг друга слоев с разновременными культурными остатками, необходимо обратить внимание на следующий факт. Первобытная техника развивалась крайне медленно. Отдельные типы каменных орудий иногда исчезали, а затем снова появлялись. В течение длительных периодов имело место скорее колебание индустрий, чем последовательные перемены. Это, в частности, прослеживается в разрезах Олдувайского ущелья в Танзании [см.: Current Anthropology, 1974, vol. 15, № 4, p. 508—514]. Такие исчезновения и появления тех или иных типов орудий означают не общий упадок техники, не общий упадок хозяйства, а лишь неустойчивый характер древнейших технических навыков. Приобретенные навыки не так быстро закреплялись, технические достижения могли через несколько поколений забываться. Только при сравнении между собой крайних звеньев цепи — памятников, значительно различающихся во времени,— мы увидим совершенствование обработки камня, прокладывающее себе дорогу через технические колебания, через моменты прогресса и моменты упадка.

ПЕРВЫЕ ФОРМЫ ХОЗЯЙСТВА. ОСВОЕНИЕ ОГНЯ

Долгие годы в советской и зарубежной литературе по археологии палеолита и по истории первобытного общества велись оживленные споры о древнейших формах хозяйства, о роли охоты и собирательства растительной пищи в жизни древнейших людей. Теперь эти споры отошли в прошлое. В результате многочисленных археологических открытий последних десятилетий — Чжоукоудянь в Китае, Олдувай в Африке, Торральба и Амброна в Испании, пещеры Кударо, Цонская и Азыхская на Кавказе и др.— можно считать бесспорно доказанным, что охота на крупных животных была основной формой хозяйства в продолжение всего начального этапа развития первобытного общества и охотничий образ жизни определял все существование древнейшего человечества. Не следует преувеличивать значение и эффективность охоты олдувайского и ашельского времени — ее удача зависела не столько от совершенства охотничьего оружия, сколько от условий местности, от сплоченности и сноровки охотничьего коллектива, наконец, от случайного стечения обстоятельств. Такое важнейшее охотничье оружие, как лук со стрелами и копьеметалка, отсутствовали. Копья не оснащались еще каменными или костяными наконечниками. Основным охотничьим оружием были деревянные дубины, копья и пики, возможно, бола́ и метательные камни. Во время загонной охоты могло применяться поджигание степной местности. Устраивались, вероятно, и простейшие ямы-ловушки. Все это было очень примитивно и ненадежно. Периоды изобилия чередовались с голодовками. Но охота давала мясо, стимулировала развитие орудий и коллективных форм труда. Именно по этим причинам следует говорить об охоте, в частности об охоте на крупных животных, как об основной, ведущей форме производства древнейшего общества. Пользовавшееся одно время признанием у ряда исследователей положение о том, что древнейшие люди типа питекантропов занимались лишь собиранием плодов, ягод, кореньев и ловлей мелких животных, а охота на крупных животных распространилась только у неандертальцев мустьерской эпохи, окончательно отброшено современной наукой.

Однако, отмечая ведущую роль охоты уже в олдувайскую эпоху и в ашеле, не будем преуменьшать значение собирательства. В количественном отношении основной пищей человека, по всей вероятности, были тогда плоды, орехи и корни — пища, унаследованная от животного состояния. Важнейшим и в то же время простейшим и распространеннейшим орудием первобытного собирательства являлась прямая деревянная копательная палка, заостренная, а в некоторых случаях для придания большей твердости и обожженная на одном конце [Борисковский, 1961]. Обломки таких копательных палок найдены в Торральбе и в Каламбо. Полтора-два века тому назад они были известны всем охотничье-

собирательским племенам земного шара: от наиболее примитивных тасманийцев до относительно более развитых индейцев Калифорнии и эскимосов Лабрадора и Гренландии. Землекопная палка служила не столько для выкапывания, сколько для разрыхления земли; затем разрыхленная земля выгребалась руками, лопаткой животного или деревянным корытцем. С помощью таких палок австралийцы выкапывали ямы, достигавшие иногда 1.5 м глубины, действуя очень быстро и порой даже предпочитая палку железной лопате. На Суматре с помощью подобного орудия выкапывали ямы для ловли слонов. Но человек, вооруженный палкой в качестве единственного копательного орудия, в очень большой мере зависел от окружающих природных условий — от свойств грунта, который он копал, и от времени года, когда производилась эта работа. Австралийская копательная палка, например, была малопригодна для работы в вязкой глине. Копательная палка огнеземельцев да и других племен не годилась для работы в промерзшей земле. Так, вероятно, было и у древнепалеолитических людей. Только в позднем палеолите появились усовершенствованные, гораздо более эффективные мотыги и кирки из бивня мамонта и из оленьего рога, пригодные для работы в мерзлом грунте.

В истории человечества начиная с древнего палеолита огромную роль сыграл огонь. Наиболее важным культурным приобретением позднеашельского и следующего за ним мустьерского времени явилась выработка способов искусственного его добывания. Ф. Энгельс так характеризует значение освоения огня: «На пороге истории человечества стоит открытие превращения механического движения в теплоту: добывание огня трением; в конце протекшего до сих пор периода развития стоит открытие превращения теплоты в механическое движение: паровая машина.— И несмотря на гигантский освободительный переворот, который совершает в социальном мире паровая машина... все же не подлежит сомнению, что добывание огня трением превосходит паровую машину по своему всемирно-историческому освободительному действию. Ведь добывание огня трением впервые доставило человеку господство над определенной силой природы и тем окончательно отделило человека от животного царства».[6]

На стоянках олдувайского времени следы огня (угли, зола, обожженные кости) отсутствуют. Они впервые появляются в древнем ашеле, но представлены далеко не всюду. На стоянках среднего и позднего ашеля следы огня распространяются широко, но только в самом конце позднего ашеля (финальный ашель) и в мустьерскую эпоху можно констатировать повсеместное распространение огня. Это позволяет приурочить к позднему ашелю и к мустьерской эпохе выработку способов его искусственного добывания. Несомненно, освоение огня стимулировалось процессом похолодания. Наглядным подтверждением служит тот

[6] *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 116—117.

факт, что на территории Африки люди освоили огонь гораздо позднее, чем в Азии и в Европе, и именно в период существенного похолодания. В предшествующее же время — в древнем ашеле, в минделе — обитатели таких стойбищ, как Чжоукоудянь, Вертешсёллёш, Терра-Амата, вероятно, умели только поддерживать и использовать случайно полученный огонь. При отсутствии оседлости и постоянных перекочевках неизбежны были частое его угасание и потеря навсегда для тех или иных групп людей. Поэтому многие древнеашельские и среднеашельские стоянки не содержат остатков огня. Их обитатели, хотя и были современниками обитателей Вертешсёллёша и Терра-Аматы, огня не знали или его утратили. Если бы люди самого конца позднего ашеля, а также мустьерской эпохи не умели искусственно добывать огонь, остатки его не были бы так широко, повсеместно распространены начиная с данного времени.

Целесообразно подробнее остановиться на проблеме освоения огня и древнейших способах его добывания.[7] Можно предполагать, что древнейший период в истории овладения человека огнем — период использования естественного огня, полученного в результате вулканического извержения или удара молнии в дерево, непрерывного его поддерживания и переноса с места на место. Все примитивные племена XIX в. пользовались огнем. Почти все они умели и добывать его. Однако к добыванию огня заново почти никогда не прибегали. Огонь поддерживали в жилище, не давали ему погаснуть, а в тех случаях, когда он угасал, занимали у соседей. Во время перекочевок брали с собой в специальных вместилищах тлеющие головни или тлеющий древесный порошок. Такие головни могут тлеть в течение нескольких дней. Примитивные люди были очень искусны в выборе подходящих пород дерева. Н. Н. Миклухо-Маклаю никогда не приходилось наблюдать, чтобы папуасы добывали огонь. Они постоянно поддерживали его в своих жилищах или около них и брали с собой в виде головешек или зажженных сучьев, путешествуя по суше и по морю. У тасманийцев и австралийцев, наиболее примитивных по своей культуре племен, существовавших в XIX в., постоянным спутником во время перекочевок являлся тлеющий факел из коры или тлеющая головня. Отсюда можно сделать вывод, что отсталые племена недавнего времени пережили длительный период, в течение которого они знали огонь, но не умели его добывать Навыки и обычаи, развившиеся тогда, удержались и впоследствии. Характерно, что у многих даже гораздо более развитых народов сохранился обычай поддерживать неугасимый огонь. В распространенных у многих народов мифах рассказывается не об обучении человека способам добывания огня, а о получении им уже готового огня и об ознакомлении

[7] Этой проблеме посвящена очень обширная литература: [Анучин, 1923; Борисковский, 1940; Липс, 1954; Поршнев, 1955; Косвен, 1957; Семенов, 1968; Oakley, 1961b; Varagnac, 1972, и др.].

с его благодетельными свойствами. Таков, в частности, древнегреческий миф о Прометее.

На этой ступени человек овладел техникой поддерживания и переноса огня. Человек узнал, что огонь раздувается ветром, что он имеет такие естественные преграды, как вода, земля, скалы, что огонь необходимо поддерживать топливом и что с помощью последнего его можно переносить с места на место. Человек ознакомился с теми породами дерева, которые дольше всего тлеют и легче воспламеняются, могут служить трутом. Он научился с помощью древесных стружек, сучков коры, сухой травы разжигать из тлеющих углей пламя. Эти открытия и накопленный опыт явились важной предпосылкой для перехода спустя десятки и сотни тысячелетий к следующей стадии освоения огня, к его искусственному добыванию. Вероятно, синантропы из Чжоукоудяня, как и люди из Вертешсёллёша, находились на стадии использования случайно полученного огня. Большая редкость дошедших от той эпохи остатков огня и крайняя примитивность техники не позволяют предполагать, что человек тогда уже умел добывать огонь трением или высеканием. Исключительная неравномерность знакомства с огнем у разных групп людей вплоть до самого конца ашельской эпохи, вероятно, отражает именно стадию использования огня, когда люди еще не умели добывать его, а, получив, в отдельных случаях легко утрачивали.

Из всех племен Земли только одни андаманцы еще в XIX в. находились на стадии поддерживания и использования огня, хотя в других отношениях их техника и хозяйство были развиты лучше, чем даже у людей эпохи позднего палеолита. Андаманцы не знали способов искусственного добывания огня. Огонь постоянно горел в их поселках и хижинах, а когда поселок покидали, то с собой брали тлеющие головни, завернутые в листья, если погода была сырая. В то же время в поселке под каким-нибудь укрытием оставляли бревно, которое тлело несколько дней и из которого можно было по возвращении раздуть пламя.

Для того чтобы ответить на вопросы, каковы были древнейшие способы искусственного добывания огня, могущие возникнуть в конце ашельской эпохи, необходимо рассмотреть, основываясь на этнографических источниках, способы добывания огня, бытовавшие у примитивных племен XIX в. Таких способов пять (рис. 27): выскабливание огня (огневой плуг), выпиливание огня (огневая пила), высверливание огня (огневое сверло с рядом разновидностей), высекание огня, получение огня сжатым воздухом (огневой насос).

Выскабливание огня (рис. 27, *1*) — один из наиболее простых, но в то же время малораспространенных способов. Оно производилось с помощью деревянной палочки, которую водили, сильно нажимая, по лежащей на земле деревянной дощечке. В результате скобления получались тонкие стружки или древесный порошок. Вследствие трения дерева о дерево возникала теплота; стружки

или древесный порошок нагревались, а затем начинали тлеть. Их присоединяли к легко воспламеняющемуся труту и раздували огонь. Этот способ являлся быстрым, но в то же время требовал от применяющих его больших усилий. Ч. Дарвин в дневнике своего путешествия на корабле «Бигль» описывает добывание огня таким способом обитателями о-ва Таити. Дарвин указывает, что огонь был вызван в несколько секунд. Когда же он сам попытался так его получить, это оказалось очень трудным занятием; однако он сумел добиться своего и зажег опилки. Выскабливание огня имело довольно ограниченное распространение. Больше всего им пользовались на островах Полинезии. Изредка этот способ встречался у папуасов, австралийцев, тасманийцев и у некоторых примитивных племен Индии и Центральной Африки; но всюду здесь преобладало высверливание огня.

Огневая пила (рис. 27, *2*) напоминала огневой плуг, но деревянная дощечка пилилась или скоблилась не вдоль ее волокон, а поперек. При пилении также получался древесный порошок, который начинал тлеть. Выпиливание огня было распространено у австралийцев, было известно на Новой Гвинее, на Филиппинских островах, в Индонезии и в некоторых местах Индии и Западной Африки. Иногда дерево пилилось не ножом из твердого дерева, а гибким растительным шнуром.

Наиболее распространенный способ добывания огня — высверливание (рис. 27, *3*). Этот способ в XVIII—XIX вв. был широко распространен у культурно отсталых племен Азии, Африки, Америки и Австралии. В виде пережитков, связанных с культом, он сохранялся в Европе до конца XIX в. Огневое сверло состояло из деревянной палочки, которой сверлили лежащую на земле деревянную же палочку или дощечку. В результате сверления очень быстро в углублении на нижней дощечке появлялся дымящийся и тлеющий древесный порошок, который высыпался на трут и раздувался в пламя. Простейшее огневое сверло приводилось во вращение ладонями обеих рук. Значительным усовершенствованием являлось присоединение к нему упора сверху и ремня, охватывающего сверло. Ремень попеременно тянули за оба конца, приводя сверло во вращение. Если концы ремня были привязаны к концам деревянного или костяного лука, то появлялось уже улучшенное сверло — лучковое. Наконец, дальнейшее усовершенствование огневого сверла заключалось в появлении дриля. В то время как простейшее огневое сверло еще недавно было очень широко распространено у самых примитивных племен, усложненное сверло с ремнем и луком встречалось лишь у племен с относительно развитой техникой, находившихся, как правило, на ступени неолита и века металлов.

Высекание огня может производиться ударом камня о камень, ударом камня о кусок железной руды (серный колчедан, иначе — пирит) и, наконец, ударом железа о кремень. В результате удара получаются искры, которые падают на трут и воспламеняют его.

Рис. 27. Добывание огня трением.
1 — огневой плуг; *2* — огневая пила; *3* — огневое сверло.

Первый способ у примитивных племен почти не был отмечен. Только у небольшого охотничье-собирательского племени Южной Америки — гуаяков огонь добывался ударами друг о друга двух желваков мелкозернистого кварцита. Высекало огонь ударом кремня о кремень и одно из племен африканских пигмеев. В прошлом в некоторых местах России, Средней Азии, Закавказья, Ирана и Индии население, стоявшее на высокой ступени хозяйственного и культурного развития, также иногда высекало огонь этим способом. Немного шире распространялось и высекание огня ударом кремня о кусок железной руды. Такой способ был описан у айнов, эскимосов, у некоторых племен североамериканских индейцев и у огнеземельцев. Существовал он также у древних греков и римлян. Высекание огня ударом железа о кремень относится уже к развитой технике.

Добывание огня сжатием воздуха (огневой насос) — довольно совершенный, но малораспространенный способ. Он употреблялся в некоторых местах Индии и Индонезии.

Прямые свидетельства способов добывания огня, бытовавших на разных этапах палеолита, и остатки снарядов, употреблявшихся при этом, естественно, крайне незначительны, а порой очень спорны. Значительный интерес представляет в этой связи мустьерская стоянка Зальцгиттер-Лебенштедт (Нижняя Саксония, ФРГ). Ее культурный слой, исследованный в 1952 г., относится к раннему вюрму и имеет радиоуглеродную дату 48 300 ± 2000 лет назад [Grahmann, Müller-Beck, 1967]. Он содержал кремневые орудия, кости животных (мамонт, северный олень и др.) и пыльцу растений, свидетельствующие о весьма холодном климате и о тундровом ландшафте, а также, что для нас сейчас особенно важно, остатки самого настоящего трута. Речь идет о принесенном на стоянку древесном грибе Polyporus (Fomes) fomentarius; этот вид гриба в высушенном виде широко использовался в качестве трута

до XIX в. и даже получил название «трутовик». На мезолитической стоянке Стар-Карр в Англии остатки такого гриба найдены вместе с кусками пирита. Следует назвать также мустьерскую пещеру Крапина в Югославии, недалеко от Загреба, относящуюся к несколько более раннему, рисс-вюрмскому, времени. Ее раскопки в 1895—1905 гг. доставили каменные орудия, следы костров, фаунистические остатки и большое число разбитых костей неандертальцев, возможно, свидетельствующих о людоедстве, которое существовало у отдельных групп палеолитических людей. Среди каменных орудий обнаружена веретенообразная палочка из букового дерева, закругленная и обожженная на одном конце; ее первоначальная длина достигала примерно 35 см. Исследователь пещеры Д. Горянович-Крамбергер, как и ряд других ученых, высказал предположение, что она была огневым сверлом [Ožegovič, 1958]. Однако такую интерпретацию нельзя считать бесспорной. Наконец, на некоторых палеолитических и мезолитических стоянках Европы найдены куски железной руды (пирита), вероятно связанные с высеканием огня. Древнейшая такая находка сделана А. Леруа-Гураном в мустьерском культурном слое пещеры Гиены в Арси-сюр-Кюре (Франция).

До сравнительно недавнего времени считалось общепризнанным, что первоначально огонь добывали с помощью трения дерева. Очень малое распространение среди примитивных племен XIX в. высекания огня свидетельствует против признания большой древности этого способа. Об относительно позднем появлении высекания огня говорит и то, что многие народы, которые еще недавно добывали огонь исключительно высеканием, все же сохраняли в качестве связанного с культом пережитка добывание огня трением дерева о дерево. «Много времени спустя после того, как людям стали известны другие способы получения огня, всякий священный огонь должен был у большинства народов добываться путем трения. Еще и поныне в большинстве европейских стран существует народное поверье о том, что чудотворный огонь (например, у нас, немцев, огонь для заклинаний против поветрия на животных) может быть зажжен лишь при помощи трения. Таким образом, еще и в наше время благодарная память о первой большой победе человека над природой продолжает полубессознательно жить в народном суеверии, в остатках язычески-мифологических воспоминаний образованнейших народов мира».[8] Характерно, что в то время, как подобные верования, обряды, легенды, свидетельствующие о первоначальности добывания огня трением, распространены у множества самых различных племен и народов Земли, противостоит им только единственный факт, отмеченный этнографической наукой: одно примитивное племя индейцев Южной Америки добывает огонь с помощью трения, в то время как термин, обозначающий у него в языке добывание

[8] *Энгельс Ф.* Диалектика природы.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 430.

огня, происходит от слов «высекание ударом». Очевидно, у данного племени высекание огня предшествовало добыванию его трением. Но это редчайшее исключение.

Можно предполагать, что добывание огня путем трения дерева о дерево появилось именно в позднеашельское время, на рубеже ашеля и мустье. Вероятно, наиболее древним и примитивным приемом было выскабливание огня с помощью огневого плуга (интерпретация находки в Крапине является спорной). Характерно то, что этот способ существовал в XIX в. у тасманийцев и австралийцев, и то, что у некоторых австралийских племен, добывавших огонь высверливанием, в легендах описывается добывание огня с помощью выскабливания.

В древнем палеолите дерево могли обрабатывать как с помощью каменных орудий, так и с помощью ножей и скребел из более твердых пород дерева. В результате такого резания, пиления и скобления дерева человек заметил возникающие дым, запах, тепло, тление, а затем и воспламенение стружек и опилок. Возможно, что стружки и опилки специально изготовлялись для сохранения и переноса огня и в процессе их изготовления человек подошел к искусственному добыванию огня.

Выпиливание огня также могло возникнуть в мустьерскую эпоху из техники обработки дерева.

Эти два способа добывания огня являются, вероятно, древнейшими. Их возникновение было подготовлено как развитием техники обработки дерева, так и предшествующей им ступенью использования и сбережения огня, полученного при лесных пожарах или вулканических извержениях. Слабо тлеющие стружки и опилки, образующиеся при обработке дерева, можно было раздуть в пламя лишь при наличии хорошего трута. А трут — это важнейшее достижение ступени использования и сбережения огня.

В позднем палеолите широко распространяется сверление кости и в некоторых случаях также камня. Несомненно, существовало сверление дерева; следовательно, могло появиться и огневое сверло в его простейшей форме, приводимое в движение ладонями руки. Появление лучкового сверла относится к позднейшим эпохам.

А как обстояло дело с высеканием огня? Находки кусков пирита на позднепалеолитических стоянках и в одном случае даже в мустьерском культурном слое позволяют предполагать распространение этого способа в позднем палеолите, а быть может, и в мустьерскую эпоху. Английский исследователь палеолита К. П. Окли [Oakley, 1961b] в ряде своих работ, опубликованных в 50—60-х гг., развивает ту мысль, что высекание огня предшествовало добыванию его с помощью трения. Такое же положение выдвинул Б. Ф. Поршнев [1955], подкрепив его опытами по высеканию огня ударом кремня о кремень. Впоследствии в более широких масштабах опыты по искусственному добыванию

огня разными способами поставил С. А. Семенов. Он отмечает, что огонь ударами камня о камень получить не удалось, хотя были использованы самые разнообразные породы кремня, кварцита, кварца. Искра высекалась очень легко, но она не зажигала даже омарганцованной ваты, на которую добывал огонь Поршнев. Несколько лучшими по результатам были опыты по добыванию огня ударами кремня о пирит. Наблюдалось несколько случаев возгорания ваты, слегка пропитанной раствором марганцовки [Семенов, 1968].

Таким образом, остается открытым вопрос: мог ли палеолитический человек высекать огонь, оббивая кремневые орудия. А с другой стороны, К. П. Окли и Б. Ф. Поршнев не сумели опровергнуть таких фактов, как очень малое распространение высекания огня (особенно высекания огня ударом кремня о кремень) среди примитивных племен XIX в. одновременно с очень широким распространением у них добывания огня трением, а также сохранение последнего в виде культового пережитка у народов, высекавших огонь.

Видимо, проблема освоения огня и древнейших способов его искусственного добывания не имеет однозначного решения. В разное время разные группы древнепалеолитических людей постепенно осваивали огонь и вырабатывали способы его добывания. Судя по археологическим находкам, уже с начала позднего палеолита, а быть может, и с мустьерской эпохи наряду с доминировавшим добыванием огня путем трения в отдельных случаях практиковалось высекание его ударом кремня о пирит. Возможно, преобладание того или иного способа было связано с окружающими природными условиями, с климатом, влажностью воздуха, наличием подходящих пород дерева, а также кусков пирита.

Освоение огня явилось одним из важнейших этапов на пути развития человечества. Огонь был огромной технической и социальной силой. Он дал человечеству постоянную и надежную защиту от холода и от диких зверей. С появлением огня и очага возникло совершенно новое явление — пространство, строго предназначенное для людей. Огонь сделал человека независимым от климата, позволил ему расселиться по поверхности Земли, во много раз расширил источники его питания. Огонь сыграл важнейшую роль в изготовлении первобытных орудий труда, в развитии способов первобытной охоты и рыболовства.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЛОКАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ И КУЛЬТУР

Как известно, в неолите и в эпоху бронзы существовали хорошо выраженные археологические культуры, различавшиеся между собой формами орудий и утвари, типами жилищ, характером искусства и религиозных верований, а иногда и особенностями

хозяйства. Археологические культуры были связаны с древними этническими объединениями — племенами, союзами племен и т. п. Спрашивается, когда, на каком этапе истории человечества впервые возникли археологические культуры.

Для олдувайской эпохи не удается проследить отчетливых местных культурных отличий. Олдувайские отщепы, чопперы, чоппинги повсюду — в Восточной Африке, в Марокко, на юге Франции и на Ближнем Востоке — однородны, одинаково примитивны. Люди везде начинали с одних и тех же самых простейших приемов раскалывания и обработки камня. Разумеется, различались древние породы камня, подвергавшиеся обработке. Но это зависело от местных ресурсов сырья, доступных человеку. Правда, следует учитывать следующее — число известных в настоящее время олдувайских стоянок и местонахождений очень невелико и наши представления о технике и культуре олдувайской эпохи скудны и неполны. Не исключена возможность, что в дальнейшем, по мере накопления новых материалов, положение об отсутствии местных различий в олдувайскую эхопу подвергнется уточнению и видоизменению.

Перейдем к древнему ашелю, к среднему и позднему ашелю. В 1944 г. американский исследователь палеолита Х. Мовиус выдвинул концепцию о двух огромных древнепалеолитических культурах, охватывавших всю ойкумену: аббевильско-ашельской культуре ручных рубил и соанской культуре чопперов и чоппингов. По Мовиусу, культура ручных рубил была распространена в Европе, Африке и Юго-Западной Азии, а также захватывала юг Индии. Культура чопперов-чоппингов была распространена в Пакистане, Индии, Китае и во всех странах Юго-Восточной Азии. Она связана с питекантропом, синантропом и их потомками. К ней относятся, кроме собственно-соанской культуры Пакистана и Северо-Западной Индии, ранняя аньятская культура Бирмы и др. [Movius, 1944].

Концепция Х. Мовиуса получила широкое распространение среди специалистов по палеолиту, хотя в то же время встретила критические отзывы П. Тейяр де Шардена, Р. В. Джоши, В. Н. Мисры, А. Сивекинг и ряда других исследователей. Детально рассмотрел и подверг серьезной критике взгляды Мовиуса С. Н. Замятнин [1951]. Он справедливо отметил, что различия между древнепалеолитическими местонахождениями, на которых основал свои построения Мовиус, часто связаны с тем, что эти памятники изучались разными исследователями, на разных этапах развития науки о палеолите и с неодинаковой степенью полноты. В одних случаях археолог обращал внимание исключительно на рубила и собирал только их. В других — его в равной степени интересовали рубила, чопперы, отщепы. Наконец, в-третьих случаях археолог работал на местонахождениях очень короткое время и собирал лишь те изделия, которые попадались чаще всего, например отщепы, тогда как рубила, встречавшиеся на

стоянках, как правило, очень редко, ускользали от его внимания. Замятнин отметил, что тщательное и длительное изучение почти каждого местонахождения ашельского времени приводит к открытию там и ручных рубил, и чопперов, и отщепов, и примитивных нуклеусов.

Эти мысли С. Н. Замятнина блестяще подтверждены за последние годы открытием в ашеле ряда стран, отнесенных Х. Мовиусом к зоне распространения культуры рубил (Южная, Восточная и Северная Африка, Франция, Южная Индия и др.), большого числа чопперов и чоппингов, а с другой стороны, открытием в древнем палеолите Монгольской Народной Республики, Китая, Вьетнама, Таиланда и Пакистана типичных ручных рубил. В настоящее время концепция Мовиуса должна быть признана ошибочной.

Но исследователи палеолита не могут вернуться и к тем положениям о времени возникновения локальных различий в культуре палеолитического периода, которые были сформулированы около 25 лет назад С. Н. Замятниным и которые тогда разделяло большинство археологов. Замятнин был прав, когда утверждал, что никаких изначально данных различий в культуре первобытного человечества не существовало и что различия эти складывались исторически, объем и значение их последовательно нарастали и углублялись. Однако огромный новый материал по археологии древнего палеолита, накопленный за последние десятилетия, уже не позволяет согласиться с утверждением Замятнина об абсолютной однородности древнепалеолитической культуры на всей территории, заселенной людьми, и о возникновении локальных культурных различий только при переходе к позднему палеолиту. Древнепалеолитические памятники, изученные в очень большом количестве на обширных пространствах Африки, Азии и Европы, оказались, начиная с древнеашельских, весьма разнообразными, причем это разнообразие далеко не всегда связано с их хронологическими отличиями, с их разновременностью. В настоящее время в науке утверждается представление о локальных различиях внутри древнеашельской, средне- и позднеашельской и мустьерской культур. Различия связаны не только с особенностями исходного сырья, но также с техническими традициями и с другими факторами [Любин, 1970]. Было бы ошибочно представлять эти различия упрощенно, как сосуществование двух огромных зон: одной — с рубилами, другой — без рубил, но с чопперами или одной с леваллуазской техникой раскалывания, а другой — без нее. Таким же упрощением была бы попытка разделить все ашельские памятники на стоянки, где представлены бифасы, орудия с двусторонней обработкой, и стоянки, где они не найдены. В действительности культурные различия в ашельскую эпоху были более многообразными и в то же время нечеткими, расплывчатыми [Формозов, 1973]. Иногда они имели определенную локальную приуроченность. Так, например, кливеры особенно

характерны для ашеля Африки и Индии. Они представлены также в ашеле Европы и Ближнего Востока, но значительно слабее. В ашеле Южной Африки открыты отсутствующие на других территориях приемы откалывания отщепов от нуклеусов, так называемая техника виктория-уэст. Для древнего палеолита Бирмы характерна своеобразная раннеаньятская культура, в которой широко использовалось ископаемое дерево и наряду с чопперами доминировали ручные тесла — плитчатые, прямоугольных очертаний рубящие орудия. Наконец, такое важнейшее культурное завоевание, как огонь, изредка отмечено в древнем ашеле Европы и Азии, но отсутствует в Африке этого периода. Не всегда подобные локальные различия являются четкими. Чаще бывает по-другому. На одних и тех же территориях Западной Европы сосуществуют стоянки, где преобладают рубила (аббевиль, ашель), и стоянки, где преобладают отщепы, а рубила отсутствуют, редки или атипичны (клектон, тейяк, премустье). Нередко на одной и той же многослойной стоянке слой с преобладанием рубил перекрыт слоем с преобладанием отщепов, и наоборот. Те и другие стоянки в свою очередь не являются однородными. Отдельные их группы обнаруживают между собой множество более дробных различий. Показательна в этом отношении раннесоанская культура, распространенная в древнем палеолите (ашельское время) на территории Пакистана и Северо-Западной Индии (она получила название от р. Соана, притока Инда). Было бы ошибкой отрицать существование здесь своеобразных стоянок с преобладанием чопперов и чоппингов. Но на этих стоянках встречается немало рубил и кливеров. А по соседству с ними располагаются стоянки того же времени, где рубила и кливеры преобладают.

Процесс возникновения локальных различий, который можно наблюдать в ашеле, получает дальнейшее развитие в мустьерское время и в позднем палеолите. Разрывать тот и другой было бы ошибочно. Вместе с тем можно предполагать, что локальные различия многочисленных древнепалеолитических памятников имели иной характер, нежели локальные различия позднепалеолитических памятников, не говоря уже о неолитических. Они были более аморфны, расплывчаты, лишь изредка отчетливо связаны с территориями. Представляется убедительной мысль о том, что разнообразие древнепалеолитических комплексов каменных орудий в значительной степени обусловлено отсутствием стандартизации, тогда как морфологическое разнообразие некоторых позднепалеолитических комплексов, вероятно, обусловлено существованием многочисленных раздельных замыслов, которые уже стандартизированы [Isaac, 1969; Leakey, 1971].

Каковы причины возникновения культурных различий ашельских (да и более поздних) памятников? Вопрос этот не имеет однозначного решения. В ряде случаев, как мы уже указывали, играли роль природные условия, и в частности характер сырья, которым располагали люди. Так, выработка своеобразных ран-

неаньятских ручных тесел Бирмы в некоторой степени была обусловлена свойствами ископаемого дерева, раскалывавшегося по плоскостям на плитки или плашки. В некоторой степени, но не целиком! Дело в том, что около 30% раннеаньятских ручных тесел сделано не из ископаемого дерева, а из камня. Однако чаще всего подобная обусловленность окружающей природной средой не прослеживается. Нередко разнохарактерные памятники располагаются поблизости друг от друга, в совершенно одинаковом природном окружении. Во многих случаях своеобразие групп ашельских памятников, отличающихся от других одновременных им групп, могло иметь этническое значение. Определенные зарождающиеся этнические группы первобытных людей, предшественники будущих племен, вырабатывали у себя отдельные специфические второстепенные детали техники и орудий, которые затем закреплялись и передавались по наследству из поколения в поколение. Перед нами зарождающиеся археологические культуры [Любин, 1970; Bordes, 1968].

Есть, впрочем, и другой путь объяснения подобных различий. По этому пути идут американские исследователи палеолита Л. и С. Бинфорды [Binford, 1972] и советский исследователь палеолита И. И. Коробков [1971]. Они объясняют различия каменных орудий одновременных (синхронных) ашельских или мустьерских стоянок не разными этническими традициями, а разнохарактерностью самих поселений, к которым эти орудия относятся (мастерская, кратковременное стойбище, сравнительно долговременное поселение и т. д.), особенностями форм хозяйственной деятельности, практиковавшихся на том или ином поселении, наконец, тем, что раскопками или обследованием было захвачено не стойбище целиком, а лишь какая-то его часть, связанная со специфической формой хозяйственной деятельности (место изготовления каменных орудий, место разделывания туш животных и т. д.). Таким образом, причиной различия типов каменных орудий, представленных на сравниваемых стоянках, является разное назначение этих орудий. Действительно, существование в ашеле и в мустье поселений специфических типов, а в пределах одного поселения участков разного хозяйственного назначения — твердо установленный факт. В мастерских, местах обработки камня решительно преобладают находки нуклеусов, отщепов, желваков камня, тогда как орудий ничтожное количество. В местах кратковременных стойбищ групп охотников возле туши убитого и тут же съеденного слона, как, например, в Лерингене (ФРГ) и в Мванганде (Малави, Восточная Африка) [Clark, Haynes, 1970], обычно обнаруживают несколько десятков тут же приготовленных отщепов с ретушью, которые были сразу по ликвидации надобности брошены. Наконец, на сравнительно долговременных стойбищах, например Торральба, Лазаре, находят большое число разнообразных орудий, иногда — остатки очагов и жилищ. Нам представляются плодотворными поиски решения про-

блемы локальных особенностей культуры древнего палеолита на этом пути. Но едва ли все различия могут быть объяснены именно так.

ДРЕВНЕЙШИЕ ПАМЯТНИКИ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА НА ТЕРРИТОРИИ СССР

В эоплейстоцене и нижнем плейстоцене на юге нашей страны — на Кавказе, в Крыму, в прибрежной полосе Черного моря, а также в Средней Азии и в Казахстане существовали природные условия, благоприятные для обитания крупных млекопитающих и для расселения древнейших людей. В частности, Кубань, Приазовье и Нижнее Поднестровье отличались очень мягким климатом, их животный и растительный мир — значительным разнообразием. Здесь водились в большом количестве теплолюбивые слоны, носороги, лошади, верблюды и т. д. В этом отношении весьма показателен известный тираспольский гравий, датируемый минделем, т. е. примерно одновременный древнему ашелю. Он тянется широкой полосой вдоль левого берега Днестра близ г. Тирасполя. В нем найдено много костей ископаемых теплолюбивых слонов, носорогов, верблюдов, медведей, лошадей, оленей, бизонов. Пищу этим животным доставляла лесная и луговая растительность, покрывавшая берега Днестра. К этому же и к еще более древнему времени (гюнц, дунай) относятся обильные остатки слонов, носорогов, бизонов и других млекопитающих, найденные на Кубани и в Приазовье (тираспольский и предшествовавшие ему таманский и одесский, иначе — псекупский, фаунистические комплексы).

Однако фактом является полное отсутствие в СССР достоверных археологических памятников олдувайской эпохи. Большинство исследователей объясняет это тем, что территория нашей страны не входила в прародину человечества и что древнейшие люди впервые проникли в южные районы СССР не ранее древнего ашеля (шелль прежней периодизации) [Гладилін, 1971] или даже только в среднем ашеле, в миндель-риссе [Любин, 1970]. Такая точка зрения серьезно обоснована тем, что в СССР отсутствуют хорошо стратифицированные археологические комплексы, более древние, чем средний ашель. Она пользуется широким признанием. Вместе с тем недавнее открытие выразительной и бесспорной стоянки миндельского времени Вертешсёллёш в Венгрии (см. выше, с. 43, 68), всего лишь в нескольких стах километров от границ Украины и Молдавии, наличие на юге Западной Европы ряда памятников олдувайского и древнеашельского времени, находка остатков удабнопитека в Грузии (см. с. 20), наконец, характер природных условий юга СССР в эоплейстоцене и нижнем плейстоцене — все это заставляет высказываться по данному вопросу гораздо осторожнее. Нам представляется возможным, более того — вероятным, вхождение некоторых южных областей СССР

в прародину человечества и обнаружение в будущем на территории Молдавии, юга Украины, Кавказа, Средней Азии и Казахстана выразительных, хорошо стратифицированных археологических остатков не только древнеашельской (это допускает и В. Н. Гладилин), но и олдувайской эпохи. Напомним, что 20 лет назад мировая наука о палеолите имела в своем активе множество блестящих достижений, но в то же время ни олдувайских орудий Эфиопии и Кении, ни костных остатков ископаемых людей Олдувайского ущелья, ни Вертешсёллёша не было известно. Отсутствуют какие-либо общие соображения, общие априорные аргументы, которые противоречили бы возможности открытия подобных олдувайских находок и на юге нашей страны.

В археологической литературе оживленно обсуждается также вопрос о путях возможного заселения южных районов нашей страны людьми ашельской и мустьерской эпох [Бибиков, 1961; Гладилин, 1976; Окладников, 1968, и др.]. Можно согласиться с В. П. Любиным, утверждающим, что это был длительный, сложный процесс, что заселение происходило из разных центров, в разное время и имело разные масштабы и темпы. Вероятны прерывистость продвижения людей в ряде направлений, оставление ими уже занятых территорий, повторное освоение последних [Любин, 1970]. Группы архантропов могли проникать на юг Украины из Центральной и Южной Европы, с Балканского полуострова, а также из Южной и Западной Азии через Кавказ.

Древнейшими археологическими памятниками СССР, принадлежность нижних культурных слоев которых к среднему ашелю можно считать доказанной, являются четыре высокогорные кавказские пещеры: Кударо I, III, Цонская и Азыхская (рис. 28).

В миндель-риссе, в среднем ашеле, климат в горах Кавказа был сухим и теплым, благоприятствовавшим расселению людей. Об этом свидетельствуют состав животных, на которых охотились ашельцы и кости которых найдены в нижних слоях названных пещер, а также характер растительности той эпохи, восстанавливаемый на основании изучения пыльцы, сохранившейся в пещерных отложениях. Вместе с тем обращает на себя внимание, что во всех этих четырех высокогорных пещерах отсутствуют культурные остатки самого конца ашеля, раннего мустье и позднего палеолита. Это, вероятно, было связано с периодическими ухудшениями климата (оледенениями), которые заставляли людей на долгий срок покидать горные районы [Любин, 1970].

Но сначала несколько слов вообще о заселении палеолитическим человеком пещер. Существует представление, что люди древнего каменного века выбирали для жилья пещеры коридорного типа, селились в темных переходах в глубине пещер, далеко от входа, чтобы тем самым защититься от холода и диких зверей. Это представление не совсем отвечает действительности. В глубине пещер господствовали мрак и сырость и отсутствовал выход для дыма от костров. Поэтому палеолитические люди селились там

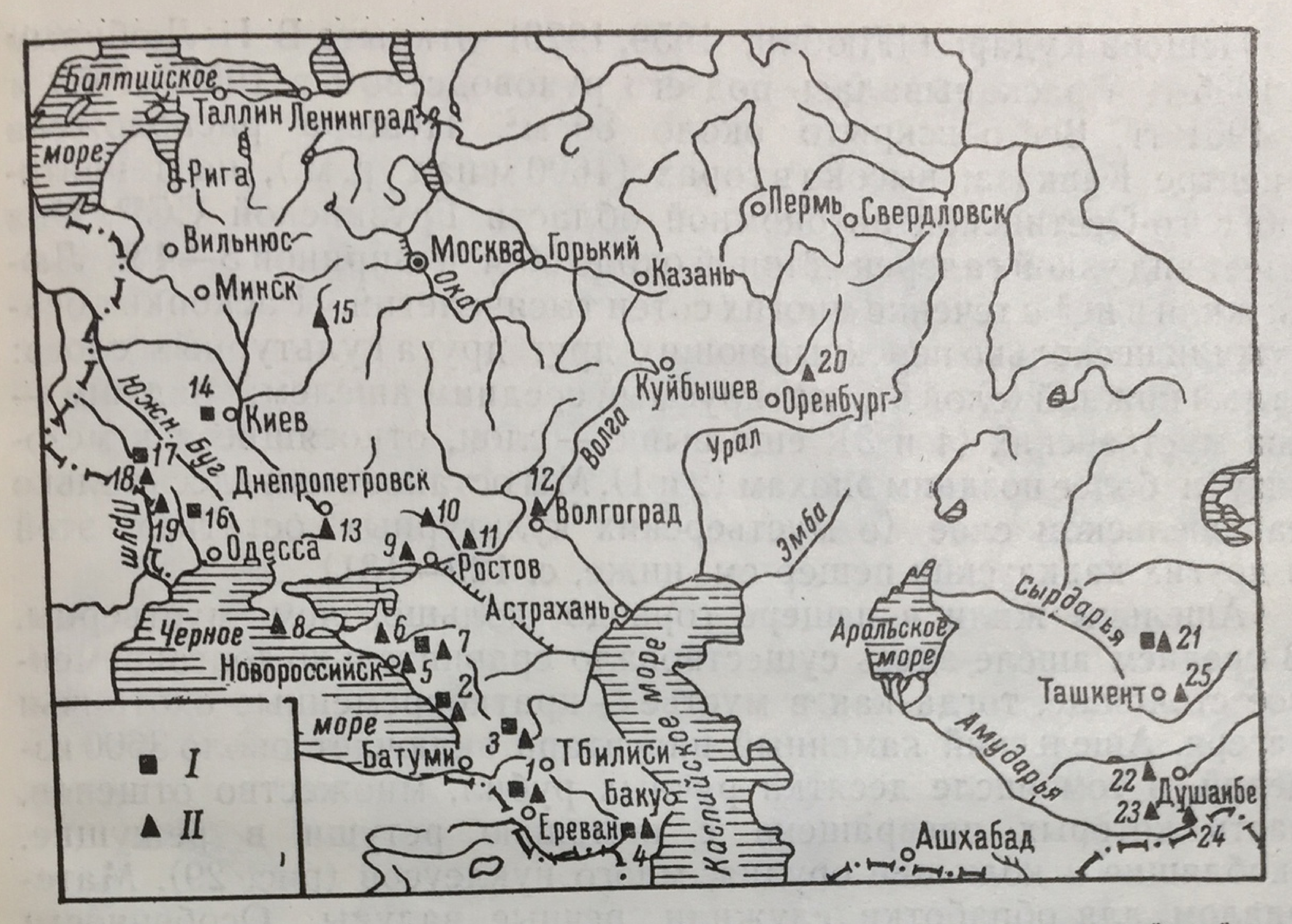

Рис. 28. Важнейшие древнепалеолитические местонахождения европейской части СССР, Кавказа, Средней Азии и Казахстана.

I — памятники ашельского времени; *II* — памятники мустьерского времени. *1* — ашельские и мустьерские местонахождения и пещеры Армении (Сатани-Дар, Арзни, Ереванская, Лусакерт I и др.); *2* — ашельские и мустьерские местонахождения Абхазин (Яштух и др.); *3* — ашельские и мустьерские местонахождения пещеры Юго-Осетии (Кударо I, III, Цонская, Лаше-Балта и др.); *4* — ашельские и мустьерские пещеры Азербайджана (Азыхская, Тагларская и др.); *5* — мустьерские пещеры окрестностей Сочи и Адлера (Ахтырская, Навалишенская, Малая Воронцовская и др.); *6* — Ильская; *7* — ашельские и мустьерские местонахождения и пещеры бассейна р. Кубани (Абадзехская, Монашеская, Губский навес № 1 и др.); *8* — мустьерские пещеры Крыма; *9* — Рожок; *10* — Деркул и Красный Яр; *11* — Хрящи; *12* — Сухая Мечетка; *13* — мустьерские местонахождения среднего течения Днепра; *14* — Житомирская; *15* — Хотылево и Бетово; *16* — Выхватинцы; *17* — Лука Врублевецкая; *18* — мустьерские стоянки правобережья Днестра (Молдова I, Стинка I и др.); *19* — мустьерские местонахождения и пещеры левобережья Прута (Мерсына, Старые Дрдуиторы, Бутешты и др.); *20* — Мысовая; *21* — ашельские и мустьерские местонахождения Южного Казахстана; *22* — Аман-Кутан; *23* — Тешик-Таш; *24* — мустьерские местонахождения Таджикистана; *25* — Оби-Рахмат.

редко. Чаще всего они жили в открытых неглубоких гротах или же просто на площадке под нависшей скалой. Если же их выбор останавливался на пещере коридорного типа, то селились обычно в ее устьевой части, у входа, куда проникали солнечные лучи, или же на площадке перед входом. Старались выбирать грот или пещеру, открывающуюся на юг, скалы которой охраняли бы от холодных северных ветров, и расположенную недалеко от источников воды и от выходов кремня, в местности, удобной для охоты. Скальные навесы защищали от ветра и горевшие под ними костры. Нередко под прикрытием скалы сооружались жилища из ветвей и шкур. В этих случаях скала как бы дублировала кровлю такого жилища. Заселение пещер часто было связано с овладением огнем. В то же время оно имело и свои технические предпосылки. Заселяя пещеры, люди должны были быть в достаточной мере сильны и вооружены, чтобы выгнать оттуда хищников, для которых пещеры нередко служили логовом.

Пещера Кударо I [Любин, 1959, 1970] открыта В. П. Любиным в 1955 г. и раскапывалась под его руководством в 1956—1959 и в 1961 гг. Всего вскрыто около 80 м². Пещера расположена в центре Кавказа, высоко в горах (1600 м над ур. м.), на территории Юго-Осетинской автономной области Грузинской ССР. Она имеет вид узкой галереи длиной около 50 м и шириной 3—4 м. Люди жили в ней в течение многих сотен тысячелетий. Раскопки обнаружили несколько перекрывающих друг друга культурных слоев: самый нижний (слой 5), датируемый средним ашелем; над ним — два мустьерских (4 и 3); еще выше — слои, относящиеся к мезолиту и более поздним эпохам (2 и 1). Мы остановимся здесь только на ашельском слое (о мустьерских культурных остатках этой и других кавказских пещер см. ниже, с. 129—131).

Ашельцы жили в пещере гораздо дольше, чем мустьерцы. В среднем ашеле здесь существовало сравнительно долговременное стойбище, тогда как в мустье — кратковременные охотничьи лагеря. Ашельский каменный инвентарь включает около 3600 изделий, в том числе десятки ручных рубил, множество отщепов, часть которых превращена с помощью ретуши в режущие, скоблящие и колющие орудия, много нуклеусов (рис. 29). Материалом для обработки служили речные валуны. Особенности среднего ашеля Кударо I — отсутствие леваллуазской техники раскалывания, сочетание массивных, грубых орудий из отщепов с очень мелкими, наличие небольшого числа мелких орудий, напоминающих более поздние эпохи палеолита. В культурном слое обнаружены места хранения сырья, нуклеусов и заготовок, следы огня, около 100 000 разбитых костей животных. Основным объектом охоты был пещерный медведь. Налицо также кости носорога, пещерного льва, барса, зубра, благородного оленя, горного козла, горного барана, дикобраза, макаки.

Пещера Кударо III [Любин, Левковская, 1972] расположена поблизости от Кударо I. Она открыта В. П. Любиным в 1955 г. и раскапывалась им в течение ряда лет, вплоть до 1977 г. Пещера коридорного типа, длиной несколько десятков метров. Стратиграфией близко напоминает Кударо I. Самый нижний, среднеашельский, слой перекрыт слоями мустьерскими, мезолитическим и, наконец, энеолитическим. В среднеашельских отложениях найдены ручное рубило и орудия из отщепов. Охотились здесь главным образом на пещерного медведя, а также на благородного оленя и горного барана.

Цонская пещера [Каландадзе, 1969] находится в нескольких километрах от Кударо, еще выше в горах, на высоте 2150 м над ур. м. Это самая обширная из палеолитических пещер Кавказа. Она обнаружена А. Н. Каландадзе в 1958 г. и раскапывалась под его руководством в 1958—1961, 1965 и 1968 гг. Раскопками было вскрыто более 100 м². В настоящее время раскопки продолжаются под руководством Д. М. Тушабрамишвили. Пещера коридорного типа, открыта на юг и хорошо обогревается солнечными лучами.

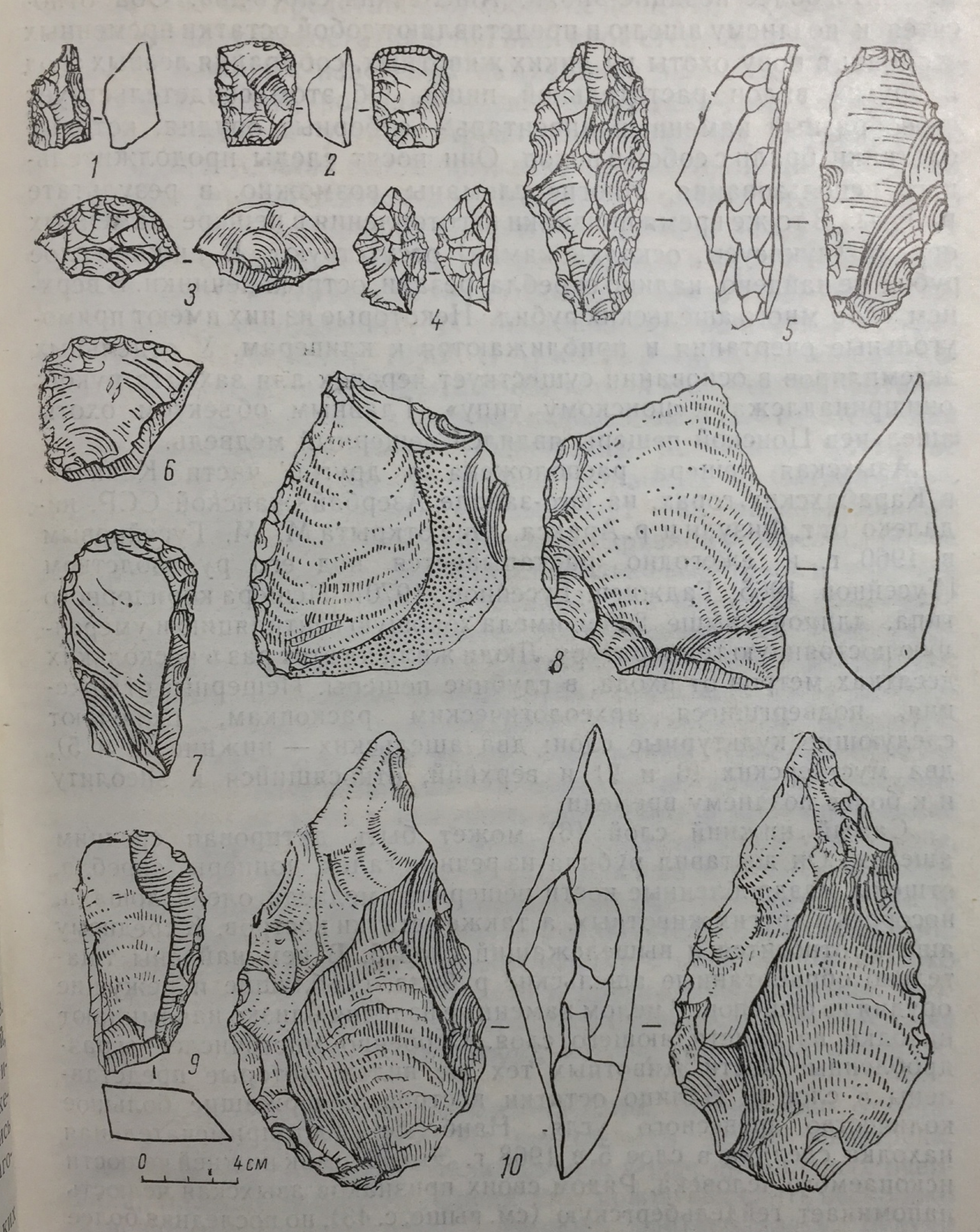

Рис. 29. Пещера Кударо I. Каменные орудия из среднеашельского культурного слоя (*1—10*). Раскопки В. П. Любина.

По стратиграфии напоминает Кударо: ашель, мустье, мезолит, энеолит и более поздние эпохи. Ашельских слоев два. Оба относятся к позднему ашелю и представляют собой остатки временных стойбищ в пору охоты на диких животных, собирания лесных ягод и других видов растительной пищи. Об этом свидетельствует своеобразный каменный инвентарь — отборные орудия, которые охотники брали с собой в поход. Они носят следы продолжительного использования. Многие сломаны, возможно, в результате работы. В то же время признаки изготовления в пещере каменных орудий (нуклеусы, осколки камня) отсутствуют. В нижнем слое рубил не найдено, налицо скребла, резаки, остроконечники. В верхнем слое много ашельских рубил. Некоторые из них имеют прямоугольные очертания и приближаются к кливерам. У отдельных экземпляров в основании существует черенок для захвата рукой; они принадлежат к «цонскому типу». Главным объектом охоты ашельцев Цонской пещеры являлся пещерный медведь.

Азыхская пещера расположена в другой части Кавказа, в Карабахских горах, на юго-западе Азербайджанской ССР, недалеко от г. Физули и р. Аракса. Она открыта М. М. Гусейновым в 1960 г. и ежегодно раскапывается под его руководством [Гусейнов, 1965; Гаджиев, Гусейнов, 1970]. Пещера коридорного типа, длиной свыше 200 м, имела хорошую вентиляцию и умеренную постоянную температуру. Люди жили на этот раз в нескольких десятках метров от входа, в глубине пещеры. Пещерные отложения, подвергшиеся археологическим раскопкам, включают следующие культурные слои: два ашельских — нижние (6 и 5), два мустьерских (3 и 2) и верхний, относящийся к энеолиту и к более позднему времени.

Самый нижний слой (6) может быть датирован средним ашелем. Он доставил рубила из речных галек, чопперы, скребла, отщепы, раздробленные кости пещерного медведя, оленя, лошади, носорога и других животных, а также остатки костров. К среднему ашелю относится и вышележащий слой 5. В нем найдены тщательно обработанные ашельские рубила, скоблящие и режущие орудия из отщепов. В целом каменные изделия близко напоминают находки из подстилающего слоя. Особенно многочисленны раздробленные кости животных тех же видов, которые представлены в слое 6. Налицо остатки костров, содержащие большое количество древесного угля. Наиболее достопримечательная находка сделана в слое 5 в 1968 г. Это обломок нижней челюсти ископаемого человека. Рядом своих признаков азыхская челюсть напоминает гейдельбергскую (см. выше, с. 43), но последняя более архаична. Азыхская челюсть, вероятно, принадлежала палеоантропу, неандертальцу, но примитивному, имевшему архаичные признаки, напоминавшие его предшественников, архантропов. Перед нами самые древние и примитивные из остатков ископаемого человека, известные в настоящее время на территории СССР.

Остальные, весьма многочисленные ашельские памятники Кавказа (рис. 28) представляют собой не пещеры, а местонахождения. Их культурные остатки в той или иной степени переотложены. Одним из наиболее известных памятников является Сатани-Дар в Армении. Холм, носящий название Сатани-Дар («бугор сатаны»), находится у горы Артин (Богутлю) на юго-западном склоне Арагаца, близ сел. Пирмалак, на высоте около 1650 м над ур. м. Древнепалеолитическое местонахождение открыто здесь в 1945 г. С. А. Сардаряном [Береговая, 1960] и затем в течение ряда лет исследовалось им, С. Н. Замятниным и М. З. Паничкиной, собравшими на поверхности холма большое число очень примитивных орудий, изготовленных из обсидиана (вулканическое стекло) и базальта [Паничкина, 1950]. В Армении распространены вулканические породы, и первобытные обитатели этих мест на протяжении всего каменного века широко использовали для изготовления орудий обсидиан, по своим техническим качествам почти не уступающий кремню. Среди орудий, собранных на Сатани-Даре, исследовавшая их Паничкина выделяет два разновременных комплекса. Изделия, относящиеся к древнему ашелю, более примитивны, грубы; их поверхность сильно выветрена и покрыта глубокой, бархатистой на вид патиной. Эти признаки позволяют отделить их от более молодого, позднеашельского комплекса.

Древнеашельский комплекс Сатани-Дара состоит из грубых, примитивных, массивных речных рубил, имеющих зигзагообразный рабочий край и неправильные очертания. Их несколько десятков. Основную же массу составляют толстые отщепы неправильных очертаний, слегка оббитые по краю и на конце и превращенные этим в режущие, скоблящие и прокалывающие орудия, а также чопперы и чоппинги. Найдены нуклеусы; удары, которыми с них скалывались отщепы, шли в разных направлениях. М. З. Паничкина обращает внимание на то, что в древнем ашеле орудия здесь изготовлялись почти исключительно из обсидиана, в то время как в позднем ашеле наряду с обсидианом широко использовались базальт, а отчасти и другие породы камня. Возможно, это объясняется тем, что древнеашельский человек еще плохо знал места залегания пород камня, пригодных для обработки.

Позднеашельские орудия Сатани-Дара значительно отличаются от древнеашельских. Их поверхность менее выветрена, слабее патинизирована. Рубила тоньше, более правильных очертаний, тщательнее оббиты. Среди них можно выделить несколько разновидностей; некоторые, возможно, употреблялись, будучи скрепленными с деревянной рукояткой. Тоньше и правильнее отщепы, из которых изготовлена основная масса орудий; некоторые из них, очевидно, также закреплялись в рукоятках. Более правильные очертания приобрели нуклеусы.

Второе ашельское местонахождение Армении — Арзни расположено в 18 км к северу от Еревана, на левом берегу р. Раздана

7*

(Занги), примерно на 80 м выше современного уровня реки. Оно было открыто в 1933 г. А. П. Демехиным, а в 1945 и в последующие годы исследовалось С. А. Сардаряном, С. Н. Замятниным и М. З. Паничкиной. Здесь также на поверхности собрано некоторое количество позднеашельских рубил из обсидиана. Они обычно покрыты матовой патиной и тщательно оббиты с двух сторон. Лезвие их в отличие от лезвия древнеашельских рубил Сатани-Дара большей частью прямое. Рубила эти гораздо менее массивны, сравнительно тонки. Вместе с рубилами найдено очень много отщепов, в большинстве своем более тонких и правильных, чем древнеашельские отщепы из Сатани-Дара, а также ряд нуклеусов. Многим нуклеусам предварительной оббивкой приданы очертания, приближающиеся к дисковидным. Тем самым достигалось отделение от них более тонких и имеющих более правильные очертания отщепов. Местонахождение Арзни, судя по характеру представленных в нем орудий и по технике их изготовления, одновременно позднему комплексу Сатани-Дара, а частично относится и к еще более поздней эпохе.

Третьим достопримечательным ашельским памятником Армении является Джрабер, примерно в 25 км к северу от Еревана, тоже в бассейне р. Раздана [Любин, 1961]. Он был открыт В. П. Любиным в 1958 г. Это также место находки каменных изделий на поверхности, но место очень своеобразное. Половину всех предметов составляют нуклеусы из обсидиана. Найдено много отщепов, осколков. Хорошо выражена леваллуазская техника обработки камня. Среди орудий выделяется несколько десятков рубил. Джрабер представлял собой позднеашельскую мастерскую обсидиановых орудий, существовавшую на месте выходов обсидиана. Люди приходили сюда только для раскалывания и обработки камня.

Другая группа ашельских и мустьерских памятников была обнаружена и исследована в 1934—1938 гг. на Черноморском побережье Кавказа, на территории Абхазии (Грузинская ССР), экспедицией, работавшей под руководством С. Н. Замятнина и при ближайшем участии Л. Н. Соловьева. Впоследствии изучением их занимались также Н. З. Бердзенишвили и И. И. Коробков [Замятнин, 1961а; Коробков, 1967, 1971]. Группа включает местонахождения Колхида (близ Гагры), Кюрдере, Сухуми, Яштух, Бырц, Гвард, Апианча, Атап, Гали, Чубурисхинджи и др. Как и в Армении, находки каменных изделий сделаны на поверхности, примерно в тех местах, где их оставили первобытные люди. Здесь выявлены охотничьи стойбища, мастерские, места изготовления орудий. На некоторые пункты первобытные охотники, видимо, многократно возвращались. Материал памятников, относящихся к древнему, среднему и позднему ашелю, демонстрирует чѐрты своеобразия ашельской культуры Абхазии, отличающие ее от ашеля других частей Кавказа. Рубил тут очень мало; они плоские. Зато техника леваллуа, отсутствующая в ашеле

Кударо, в Абхазии налицо. Но особенно характерны клектонские отщепы (неправильной формы, толстые, с гладкими ударными площадками, расположенными под тупым углом к плоскости брюшка) и разнообразные выемчато-зубчатые орудия, сделанные из таких отщепов и приспособленные для резания, скобления, прокалывания. Налицо также «унифасы» — рубящие и скребущие орудия из массивных отщепов, обработанные со спинки не ретушью по краям, а сплошной отеской, напоминающей отеску, которой подвергались рубила. Встречаются чопперы и нуклеусы.

Ашельские (а также мустьерские) местонахождения обнаружены В. П. Любиным в 1951 г. и в последующие годы в Центральном Закавказье, на территории Юго-Осетии (Грузинская ССР), поблизости от г. Цхинвали [Любин, 1977]. Наибольший интерес представляет Лаше-Балта.

В результате многолетних исследований С. Н. Замятнина, М. З. Паничкиной, А. А. Формозова, П. У. Аутлева и других археологов на Северном Кавказе, в бассейне р. Кубани и ее притоков, главным образом в районе Майкопа и Краснодара, а также на Тамани, открыто и изучено свыше 60 древнепалеолитических местонахождений. Не менее 10 из них имеют ашельский, а быть может, и более древний возраст [Замятнин, 1961а; Аутлев, 1963; Формозов, 1965]. Особенностью древнего палеолита Кубани, отличающей его от древнего палеолита Юго-Осетии и Армении, было широкое использование для изготовления орудий имевшегося здесь в изобилии высококачественного кремня. П. У. Аутлевым исследовано местонахождение Абадзехская, к югу от Майкопа. Судя по обилию расколотого кремня (более 2500 изделий), оно представляло собой мастерскую, место изготовления кремневых орудий. Датировать его ашелем позволяет характер рубил, отщепов и нуклеусов. Налицо техника леваллуа.

Несколько ашельских памятников известно в Северо-Восточном Приазовье, в бассейнах Миуса и Северного Донца. К ним относятся описанная С. Н. Замятниным находка ашельского рубила недалеко от стоянки Амвросиевка (УССР), на берегу впадающей в Миус речки Крынки, и расположенные на территории Ростовской области пункты находок значительного числа кремневых орудий — Хрящи, Михайловское, открытые в 1950 г. Г. И. Горецким, и Герасимовка, обнаруженная в 1959 г. Н. Д. Праcловым [Праслов, 1968].

Выразительным позднеашельским памятником Русской равнины является Житомирская стоянка, открытая В. А. Месяцем в 1959 г. и геологически датируемая самым концом рисского (днепровского) оледенения [Месяц, 1962]. Она расположена к востоку от Житомира возле с. Городище. Сильно патинизированные и выветренные кремневые изделия собраны в переотложенном состоянии на поверхности возвышенности, так что правильнее было бы говорить не о стоянке, а о местонахождении, подобном Сатани-Дару, Арзни и др. Среди инвентаря представлены

тщательно обработанные с обеих поверхностей небольшие, плоские позднеашельские рубила, а также нуклеусы, клектонские и леваллуазские отщепы и орудия (скребла, острия), сделанные из тонких отщепов.

Группа ашельских памятников известна дальше к западу, на берегах Днестра, на территории Молдавской и Украинской ССР. Они образуют как бы связующее звено между ашельскими находками Украины, олдувайскими и ашельскими находками, сделанными на юге Румынии в долине Дыржова близ Слатины [Николэеску-Плопшор, 1962], а также венгерской стоянкой Вертешсёллёш. Из них наиболее выразительным является грот Выхватницы на левом берегу Днестра недалеко от Рыбницы [Кетрару, 1973]. Он раскапывался Г. П. Сергеевым в 1946 г., а затем Н. А. Кетрару и Н. К. Анисюткиным в 1963, 1971 и 1972 гг. Раскопки вскрыли остатки охотничьих лагерей, в частности многочисленные раздробленные кости мамонта, шерстистого носорога, зубра, северного оленя, волка, пещерного медведя, льва. Подавляющее большинство костей мамонта принадлежало молодым особям. Исследованиями последних лет установлено, что грот был заселен древнепалеолитическими людьми дважды. В нем залегают два культурных слоя. Верхний (слой 2) доставил маленькие, тщательно обработанные бифасы так называемого типа микок, датирующегося поздним ашелем. Нижний (3) содержал главным образом нуклеусы, бесформенные архаичные отщепы и осколки камня. Состав фауны в обоих слоях очень сходен.

К гораздо более раннему времени принадлежит местонахождение Лука Врублевецкая на левом берегу Днестра, в 20 км от Каменец-Подольского, открытое в 1946 г. П. И. Борисковским и С. Н. Бибиковым и исследовавшееся П. И. Борисковским в 1947 и 1948 гг. [Борисковский, 1953]. Оно расположено у самой воды, на бечевнике Днестра, где собрано свыше 50 обработанных кремней древнепалеолитического облика. Это грубые, массивные отщепы неправильных очертаний, столь же примитивные кубовидные нуклеусы, от которых откалывались отщепы, и три массивных ручных рубила с зигзагообразным рабочим краем. Формы кремневых орудий Луки Врублевецкой и техника их изготовления позволяют отнести данное местонахождение к древнеашельскому или к среднеашельскому времени. Лука Врублевецкая демонстрирует своеобразный ашель, где в отличие от Сатани-Дара и Арзни и подобно Яштуху решительно преобладают архаичные клектонские отщепы, а рубила играют незначительную роль.

Памятники, относящиеся к ашельскому, а возможно, и к более раннему времени, открыты за последние два десятилетия и на территории азиатской части СССР. Они располагаются лишь в южных районах, не заходя севернее 53-й параллели. Можно предполагать, что первые группы архантропов начали проникать на территорию юга азиатской части СССР в начале среднего плейстоцена или даже еще в нижнем плейстоцене, двигаясь

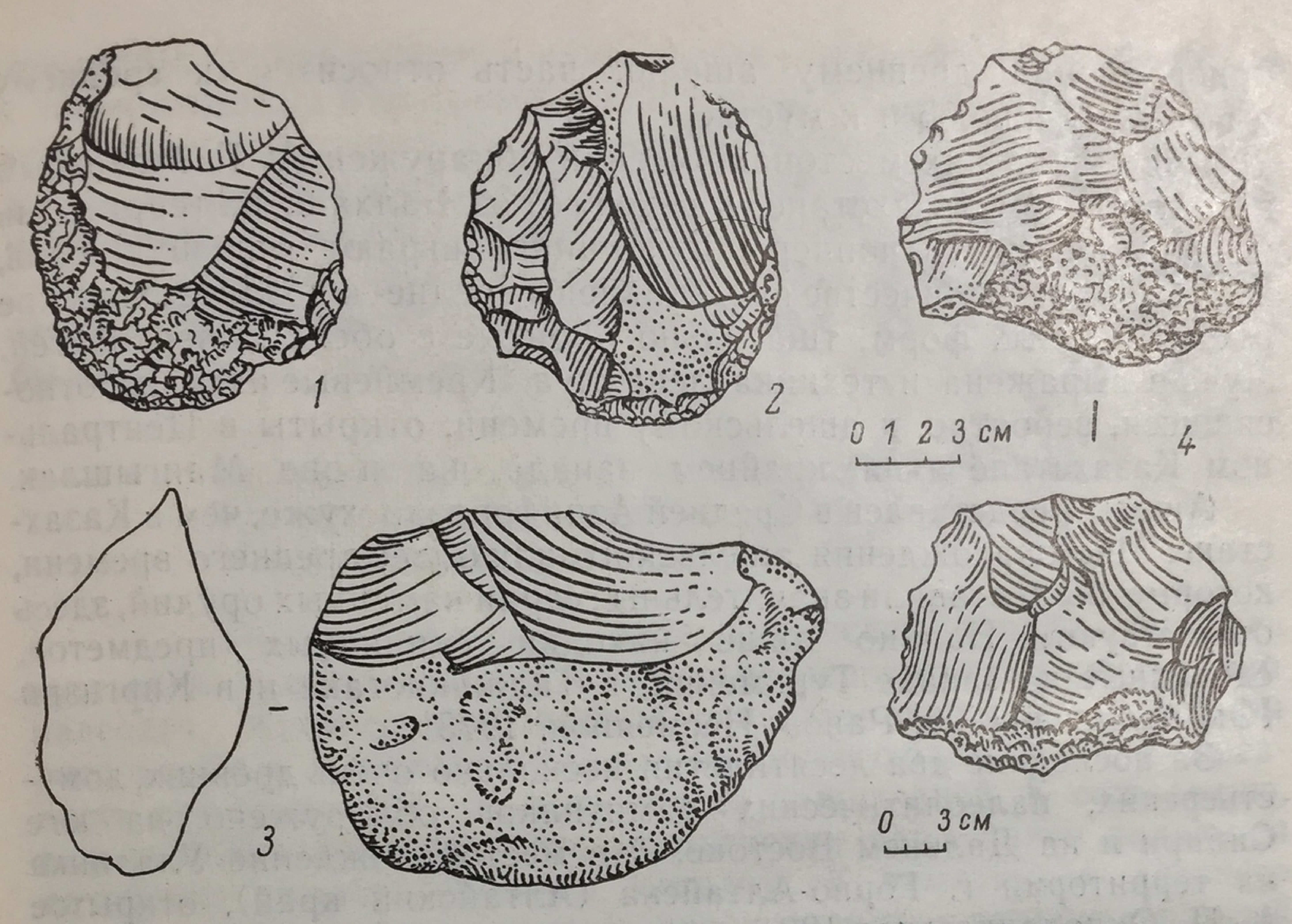

Рис. 30. Хребет Каратау в Южном Казахстане. Каменные изделия ашельского времени (*1—4*). По Х. А. Алпысбаеву.

разными путями: из Юго-Восточной Азии, из Южной Азии, с Ближнего Востока, наконец, из Восточной Европы [Окладников, 1968].

Наиболее богатые и выразительные из ашельских местонахождений сосредоточены в Южном Казахстане, к северу от Ташкента, в горах Каратау. Они были открыты в 1957 и 1958 гг. Х. А. Алпысбаевым и исследовались им в течение ряда лет [Алпысбаев, 1961]. В эоплейстоцене, нижнем и среднем плейстоцене территория Казахстана была гораздо в большей степени обводнена, чем в наши дни. Здесь водились многочисленные крупные млекопитающие — ископаемые виды слонов, носорогов, лошадей, оленей, бизонов — и складывалась благоприятная обстановка для жизни палеолитических людей. В Казахстане известно несколько десятков древнепалеолитических местонахождений. Около 20 из них расположено на территории хребта Каратау. Это — места находок на поверхности большого количества древних, сильно патинизированных кремневых изделий (рис. 30). Ашельские рубила немногочисленны и малотипичны. Преобладают чоппинги и чопперы, обнаруживающие аналогии с соанской культурой Пакистана и Индии. Много крупных клектонских отщепов и соответствующих им аморфных желваков-нуклеусов. Представлена незначительным числом экземпляров леваллуазская техника. Древнепалеолитические памятники Каратау охватывают очень большие промежутки времени. Часть их, вероятно,

одновременна древнему ашелю, часть относится к среднему и позднему ашелю и к мустье.

Ряд ашельских местонахождений обнаружен А. Г. Медоевым в Центральном Казахстане, к северу от оз. Балхаш, на территории Сары-Арки. Здесь чопперы и чоппинги играют меньшую роль, а в большом количестве представлены средне- и позднеашельские рубила разных форм, тщательно оббитые с обеих поверхностей. Лучше выражена и техника леваллуа. Кремневые изделия, относящиеся, вероятно, к ашельскому времени, открыты в Центральном Казахстане и на крайнем западе, на п-ове Мангышлак.

Ашель представлен в Средней Азии гораздо хуже, чем в Казахстане. Местонахождения ашельского или более древнего времени, которые бы доставили значительные серии каменных орудий, здесь отсутствуют. Налицо лишь находки единичных предметов, сделанные на западе Туркмении, в Таджикистане и в Киргизии [Окладников, 1966; Ранов, Несмеянов, 1973].

За последние два десятилетия несколько очень древних, домустьерских, палеолитических памятников обнаружено на юге Сибири и на Дальнем Востоке. Это местонахождение Улалинка на территории г. Горно-Алтайска (Алтайский край), открытое А. П. Окладниковым в 1961 г. и раскапывавшееся под его руководством в 1969 г. [Окладников, 1968; Окладников, Абрамова, 1974]. В нижнем слое найдено много примитивных и своеобразных изделий из галек кварцита: нуклеусы, чоппинги, чопперы, примыкающие к последним массивные скребла, а также грубые орудия с овальным выступом в виде носика. Представлена и леваллуазская техника раскалывания камня, правда в самых начальных ее формах. Окладников определяет Улалинку как древнейший из известных в настоящее время палеолитических памятников Сибири, обладающий самым примитивным по облику каменным инвентарем, и датирует его рисс-вюрмом, т. е. примерно самым концом ашеля.

В бассейне Амура и Зеи А. П. Окладниковым и его учениками А. П. Деревянко и Э. В. Шавкуновым обнаружены и исследованы три местонахождения — Филимошки, Кумары и Усть-Ту. Их каменные изделия по примитивности, аморфности, своеобразию во многом напоминают улалинские, а по древности, быть может, даже несколько их превосходят [Окладников, 1968; Окладников, Деревянко, 1973; Деревянко, 1975]. Здесь найдены гальки, превращенные с помощью грубой оббивки в нуклеусы, чоппинги, чопперы, примыкающие к ним массивные скребла и, наконец, орудия с массивным острием в виде клюва или носика. Эти изделия, в частности орудия с носиком, представлены большим количеством экземпляров, образующих устойчивые серии. Отщепы полностью отсутствуют.

К северу от Иркутска на высоких террасах правого берега Ангары, возвышающихся над уровнем реки на 100—120 м, Г. И. Медведевым в 1969 и в последующие годы найдено много

примитивных нуклеусов и отщепов, частично оббитых по краям и превращенных в орудия. Судя по формам этих изделий и по условиям залегания, одни из них можно отнести к разным стадиям ашеля, а другие к мустьерской эпохе и предположительно синхронизировать с риссом и рисс-вюрмом [Медведев, 1975].

К сожалению, во всех названных местонахождениях азиатской части СССР отсутствуют фаунистические остатки, которые могли бы подкрепить датировку.

НЕАНДЕРТАЛЕЦ, ЕГО ТЕХНИКА И ХОЗЯЙСТВО. КУЛЬТУРЫ МУСТЬЕРСКОЙ ЭПОХИ И ИХ РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Позднеашельская археологическая эпоха сменилась мустьерской, обозначаемой многими исследователями как средний палеолит. Мустьерская эпоха в основном совпадала с концом рисс-вюрма и с первыми фазами вюрмского оледенения. Ее древность примерно 100—35 тыс. лет до наших дней. К сожалению, только более поздняя часть мустьерских памятников поддается датировке радиоуглеродным методом. К памятникам древнего мустье, да и значительной части среднего мустье радиоуглеродный метод, как и калий-аргоновый, не применим. Их абсолютный возраст определяется лишь предположительно.

В конце ашеля и при переходе к мустьерской эпохе произошли существенные изменения в физическом строении человека. Архантропы (Homo erectus) трансформировались в так называемых палеоантропов, или неандертальских людей (рис. 31, 32). Их обозначают также Homo neanderthalensis, или Homo sapiens neanderthalensis, в отличие от Homo sapiens sapiens, человека современного физического типа, непосредственно сменившего неандертальца в основном уже при переходе от мустье к позднему палеолиту. Физическое строение неандертальца было более совершенным, чем архантропа. Вместе с тем неандерталец сохранял еще много примитивных черт. Он относится к следующей после архантропа ступени развития физического типа наших предков, непосредственно предшествующей ступени человека современного физического типа, или неоантропа.

Для черепа неандертальца характерны надглазничный валик, различно выраженный у разных территориальных групп, и довольно крупный лицевой отдел. На нижней челюсти, как правило, отсутствовал подбородочный выступ. Объем мозга у отдельных особей колебался от 900 до 1800 см³ при средней величине 1350 см³ [Кочеткова, 1973], что значительно превосходило средний объем мозга архантропов (1000 см³). Особенное развитие (по сравнению с архантропами) получила та область мозга, которая у современных людей связана со сложными формами пространственно-координированных функций, возникающих как при трудовых актах, так и при устной речи, а также с контролем этих процессов.

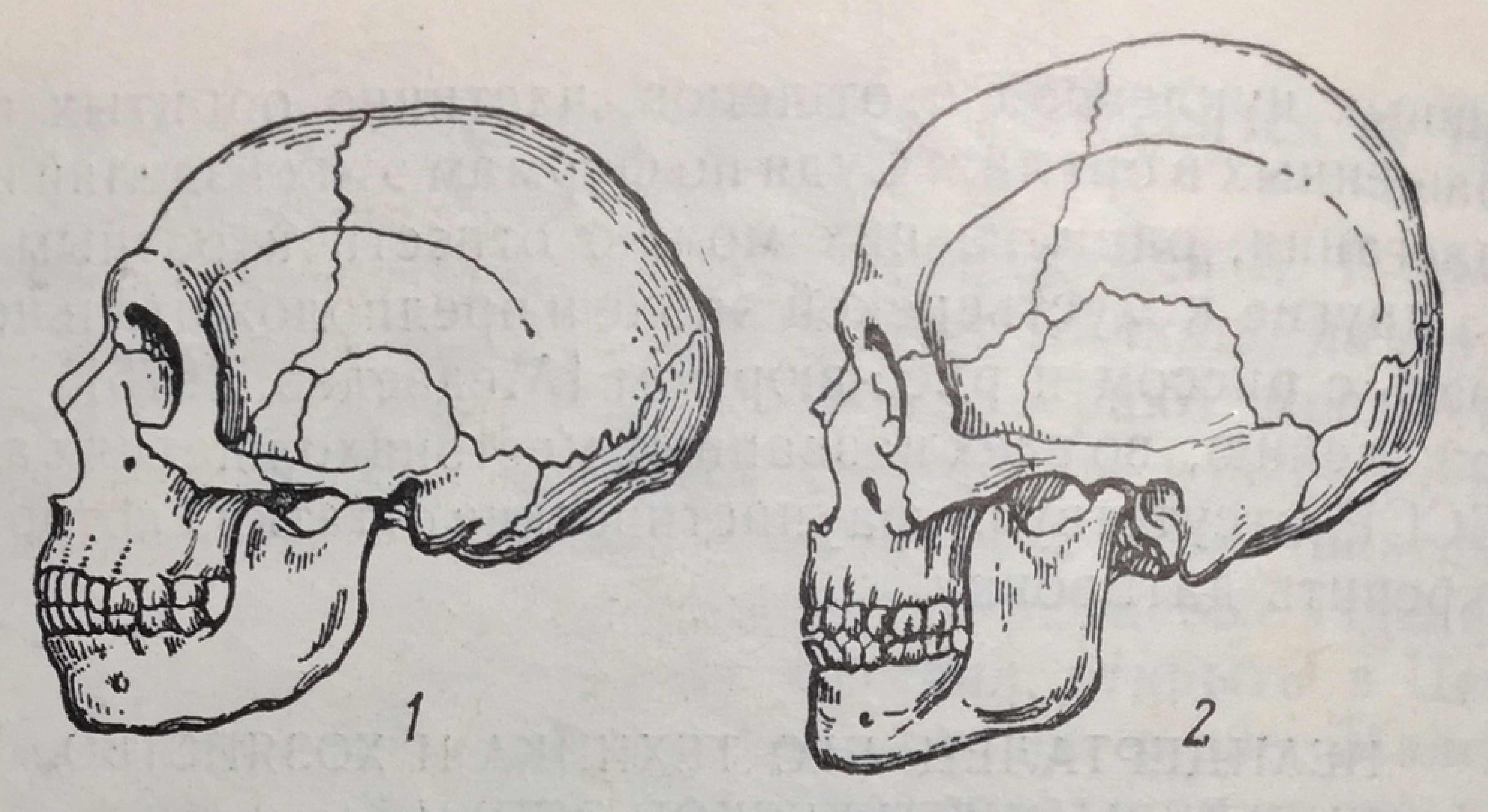

Рис. 31. Черепа неандертальца (*1*) и (для сравнения) современного человека (*2*).

В то же время структура мозга была примитивнее, чем у людей современного физического типа.

У последних получили развитие переднелобные отделы мозга, что, видимо, было связано с формированием тонко координированных движений. При трансформации палеоантропов в неоантропов произошло постепенное уменьшение темпов роста участков коры головного мозга, связанных с чувственными представлениями о мире, и усиление участков, которые осуществляют очень высоко организованные формы рационального поведения [Кочеткова, 1973].

Находки костей неандертальцев широко распространены в Европе от Гибралтара и Англии до Греции, Румынии и Крыма. За пределами Европы они обнаружены в Палестине, Ираке, в Средней Азии, на юге Китая, на Яве, в Северной и Центральной Африке [Рогинский, 1966а, 1966б]. Единичные зубы неандертальцев найдены также на Кавказе, в Турции, Иране и в некоторых других местах. Большей частью эти находки сделаны на мустьерских стоянках и в пещерах вместе с орудиями и другими культурными остатками того времени.

Физическое строение неандертальцев не было вполне однородным. Для них характерна полиморфность. Выделено несколько различающихся между собой групп палеоантропов [Алексеев, 1966, 1974; Рогинский, 1966а, 1966б; Якимов, 1967]. Их физический тип не являлся застывшим, замкнутым в себе. Это тип эволюционирующий, выявляющий как генетические связи с предшествующими ему формами, так и предпосылки к дальнейшему развитию. У отдельных неандертальцев встречались и более примитивные и более прогрессивные по сравнению с другими признаки, причем нередко более прогрессивные и более примитивные черты находились в смешении друг с другом. Не все различия между неандертальцами имеют, впрочем, генетический, стадиальный характер, связаны с большей архаичностью или с большей прогрессивностью. Ряд

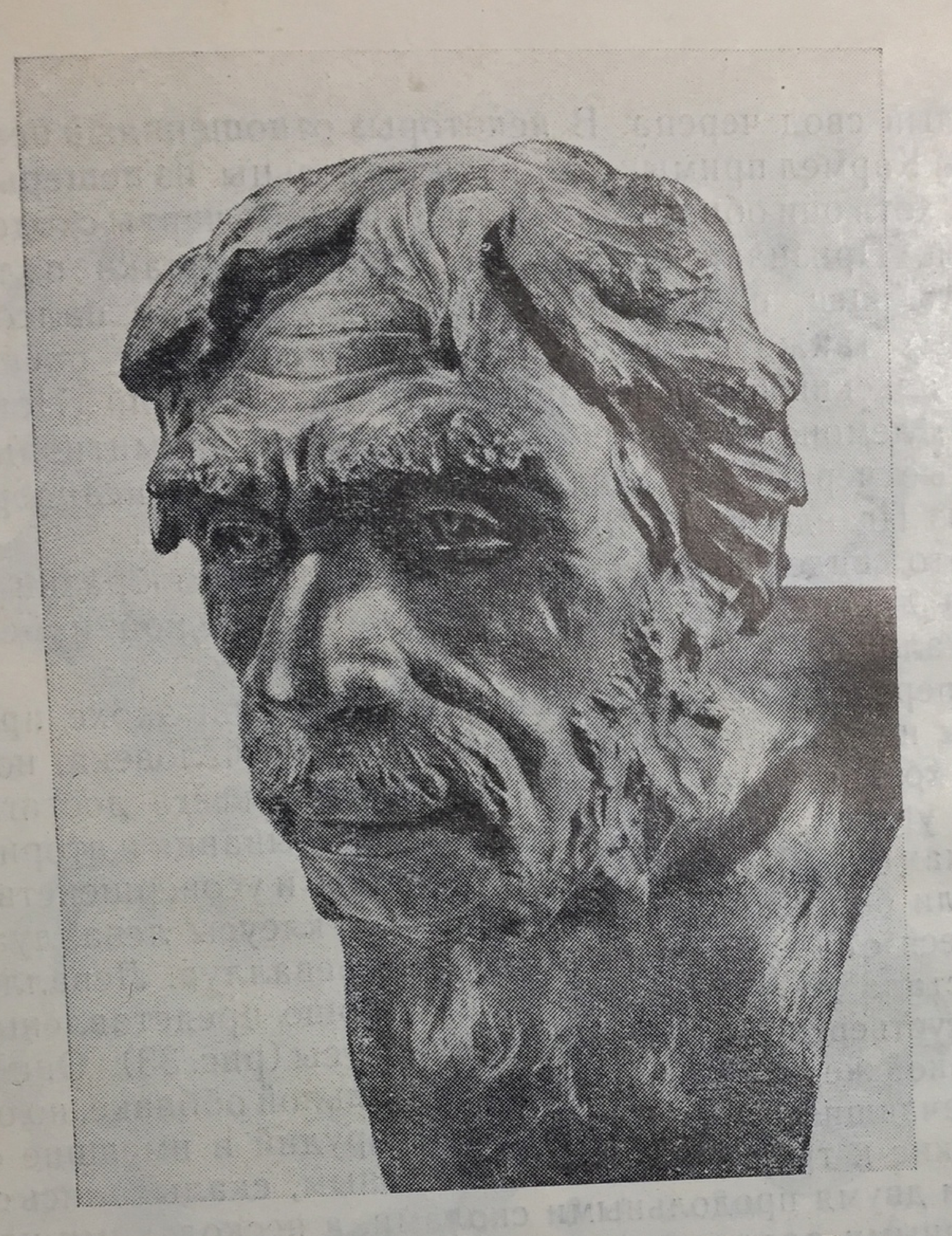

Рис. 32. Неандерталец из ла-Шапель-о-Сан. Реконструкция М. М. Герасимова.

различий носит собственно-расовый характер. По мнению многих исследователей, начальные этапы процесса возникновения рас восходят еще к древнему палеолиту, к палеоантропам, если не к более примитивным людям.

Среди европейских неандертальцев выделяют группу Шапель, или «классических неандертальцев», характеризующуюся массивностью скелета, очень крупным головным мозгом, вообще признаками морфологической специализации (рис. 32), а также группу Эрингсдорф, менее специализированную, приближающуюся по многим признакам к типу современного человека. Ряд антропологов исключает группу Шапель из числа предков современного человека (Homo sapiens) и считает, что она постепенно вымерла, не дав потомства. Но этот взгляд разделяется не всеми исследователями. Особую группу образуют палестинские неандертальцы, остатки которых найдены в пещерах горы Кармел. Они обладали рядом прогрессивных признаков, таких как подбородочный выступ (правда, еще слабо выраженный) и более высокий

и округлый свод черепа. В некоторых отношениях к неандертальцам горы Кармел примыкают неандертальцы из пещеры Шанидар в Ираке, хотя они обнаруживают и известные черты сходства с шапельцами. Признаки шапельцев, как и признаки палестинских неандертальцев, налицо на отдельных скелетах палеоантропов, находимых также в других странах. Особняком располагается неандертальский череп из Брокен-Хилла в Замбии (Центральная Африка), демонстрирующий одновременно примитивные и прогрессивные черты [9]. Особняком помещаются и неандертальские черепа из Нгандонга на Яве (Индонезия).

Все это свидетельствует о сложности, многообразии процесса развития древнейших людей, а также о сильной изменчивости неандертальцев.

При переходе от ашельской к мустьерской эпохе произошли перемены не только в физическом строении человека, но и в его технике, хозяйстве, образе жизни. Прежде всего достигла более высокого уровня развития техника раскалывания и вторичной обработки камня. Широко распространились и усовершенствовались (приобрели более правильную форму) нуклеусы леваллуа и откалывавшиеся от них отщепы и пластины леваллуа. Леваллуазская техника стала доминировать. Были хорошо представлены и собственно-мустьерские дисковидные нуклеусы (рис. 33). Они подвергались такой же тщательной предварительной оббивке, но отщепы, предназначавшиеся для изготовления орудий и имевшие очертания, близкие к треугольным или овальным, скалывались с них не одним или двумя продольными сколами, а несколькими ударами, направленными радиально от краев к центру. Их ударные площадки обычно располагались под прямым углом к нижней плоскости и, как у отщепов леваллуа, были покрыты фасетками, следами предварительной оббивки нуклеуса. Из отщепов, отколотых от леваллуазских черепаховидных и от мустьерских дисковидных нуклеусов (ядрищ), изготовлялась с помощью вторичной обра-
ботки по краям (ретуши) бо́льшая часть каменных орудий мустьер-
ской эпохи.

Долгое время считалось общепризнанным, что в мустьерскую
эпоху были только три основных типа каменных орудий: мустьер-
ский остроконечник, мустьерское скребло и обработанное с обеих
поверхностей маленькое рубильце позднеашельского типа. Однако
в результате усовершенствования методов определения и описа-
ния палеолитических каменных орудий в настоящее время можно
считать доказанным существование в мустье нескольких десятков
(свыше 60) типов изделий [Bordes, 1961, 1968]. Значительная
часть их представляет собой, правда, разновидности остроконеч-
ников, скребел и рубилец, но многие (в первую очередь выемчатые
и зубчатые орудия, а также скребки, резцы, проколки и др.) стоят
особняком.

[9] В прежней археологической литературе он обозначался как «родезиец».

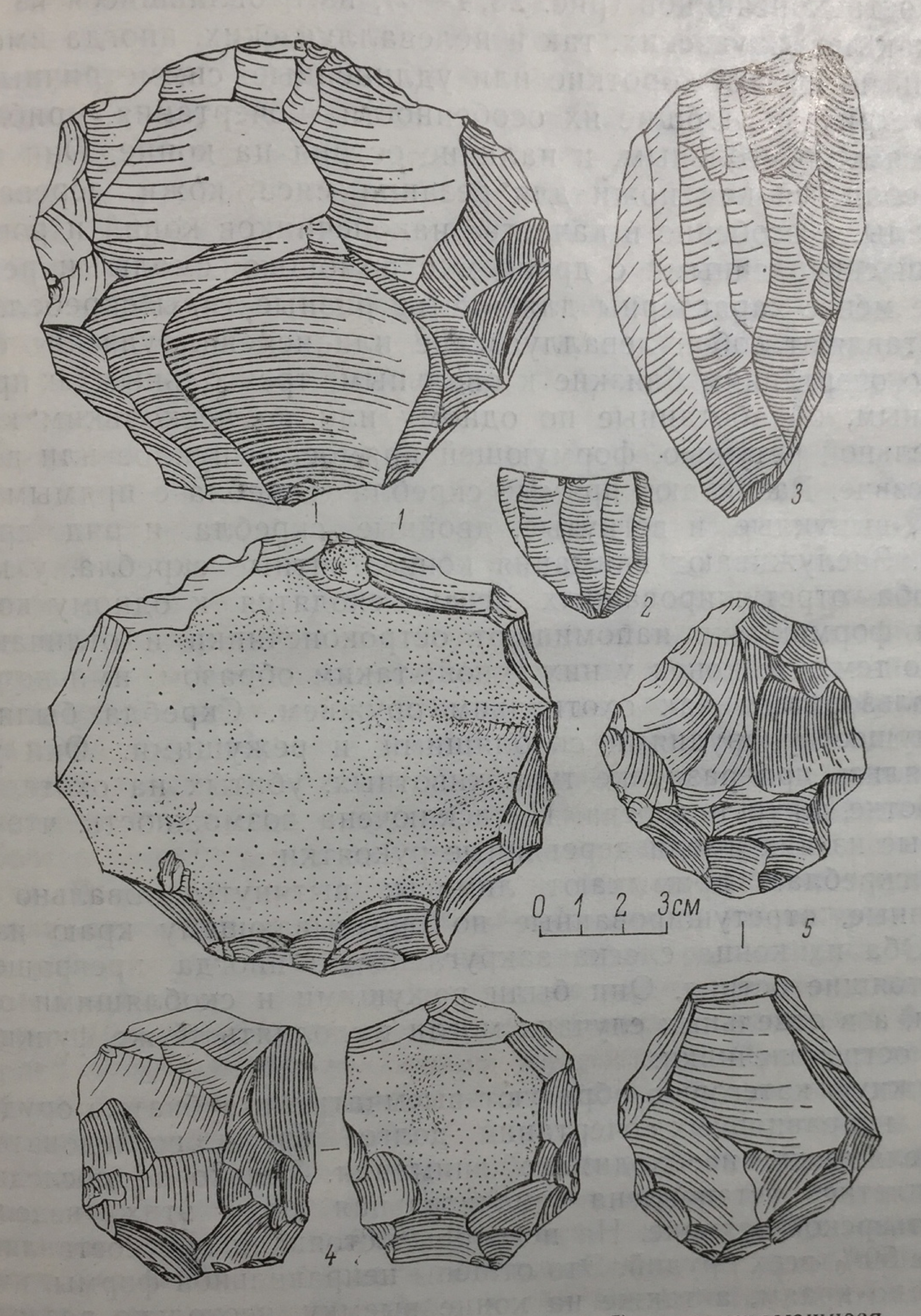

Рис. 33. Дисковидные нуклеусы (*1*, *4*, *5*) и зарождающиеся призматические нуклеусы (*2*, *3*) мустьерской эпохи. По Ф. Борду.

Характерными орудиями мустьерской эпохи являлись разные типы остроконечников (рис. 23, *4—6*), изготовлявшиеся из отщепов, как леваллуазских, так и нелеваллуазских, иногда имевшие ретушь по краям, короткие или удлиненные, симметричные или асимметричные. Общие их особенности — очертания, приближающиеся к треугольным, и наличие острия на конце. Они могли употребляться как ножи для резания мяса, кожи, дерева, как кинжалы, а особенно в качестве наконечников копий и рогатин, будучи скрепленными с древком с помощью смолы и ремней.

Не менее характерны для мустье разные типы скребел. Они представляют собой леваллуазские или нелеваллуазские отщепы, по очертаниям близкие к овальным, треугольным и прямоугольным, обработанные по одному или по нескольким краям тщательной ретушью, формующей прямое, выпуклое или вогнутое лезвие. Различают прямые скребла (скребла с прямым лезвием), выпуклые и вогнутые, двойные скребла и ряд других типов. Заслуживают внимания конвергентные скребла, у которых оба отретушированных лезвия сходятся к одному концу. Своей формой они напоминают остроконечники и отличаются только тем, что конец у них тупой; таким образом, ими не могли пользоваться как охотничьим оружием. Скребла были по преимуществу орудиями скоблящими и режущими. Они употреблялись при разделке туш животных, убитых на охоте, при обработке шкур и дерева. Не исключена возможность, что некоторые из них имели деревянные рукоятки.

К скреблам примыкают лимасы: вытянутые, овально заостренные, отретушированные по опоясывающему краю изделия. Оба их конца слегка закруглены, а иногда превращены в настоящие острия. Они были режущими и скоблящими орудиями, а в отдельных случаях могли выполнять те же функции, что и остроконечники.

Важную категорию образуют выемчатые и зубчатые орудия. Из-за неправильных очертаний долгое время исследователи не уделяли им необходимого внимания. Только за последнее десятилетие установлена значительная роль этих изделий в мустьерской технике. На некоторых стоянках они составляют свыше 50% всех орудий. Это отщепы неправильной формы, имеющие по краям, а также на конце выемку, несколько раздельных выемок или серию мелких смежных выемок и зубцов, полученных с помощью ретуши, сколов, а иногда образовавшихся в результате сработанности. Они могли служить для обтачивания деревянных предметов, резания и пиления.

Видное место в мустьерской технике занимали маленькие двусторонне обработанные рубильца разных форм (бифасы). Они меньше ашельских, сделаны из отщепов, кусков и плиток камня. Некоторые могли иметь то же назначение, что остроконечники и скребла, другие — служить ударным орудием. К ним примыкают обработанные с обеих поверхностей удлиненные листовидные

орудия правильных очертаний, служившие наконечниками копий, остриями и в отдельных случаях — режущими орудиями.

В мустьерскую эпоху встречаются и каменные изделия, характерные для позднего палеолита: удлиненные пластины, скребки с более узким, чем у скребел, выпуклым скоблящим лезвием, проколки, резцы. Правда, они изготовлены гораздо хуже, чем позднепалеолитические. Представлены сравнительно небольшим количеством экземпляров ножи с одним краем, обработанным затупливающей ретушью («ножи со спинкой», или «ножи с обушком»), чопперы, топорики и другие орудия.

Возникает естественный вопрос: откуда нам известно назначение различных каменных изделий, находимых при археологических раскопках.

Функции палеолитических каменных орудий можно установить с помощью изучения их форм, способа обработки, характера рабочего лезвия, а также привлекая сравнительный этнографический материал — описания каменных орудий, которые в недавнем прошлом бытовали у отдельных племен примитивных охотников-собирателей. За последние 40 лет С. А. Семенов и его сотрудники разработали еще один метод изучения функций первобытных орудий — по следам, которые длительная работа оставила на их поверхности [Семенов, 1957, 1968]. Этот метод получил название трасологического. Следы сработанности, изношенности каменных и костяных орудий выражаются в заполированности рабочего края, его забитости, в царапинах, штрихах на поверхности. В зависимости от того, как работали данным орудием — резали, скоблили или рубили, обрабатывали им шкуры, дерево или кость,— следы сработанности бывают различными. Иногда такие следы заметны невооруженным глазом, но чаще всего их можно обнаружить лишь при увеличении с помощью бинокулярной лупы или бинокулярного микроскопа. Применение в подобных случаях микрофотографирования позволяет получить объективную документацию той или иной сработанности.

Мустьерские орудия обрабатывались с помощью отбойника — округлого или удлиненного куска камня или голыша. При нанесении ретуши употреблялись ретушеры — куски камня или кости, которыми ударяли или надавливали по краю обрабатываемого орудия. Применялась и так называемая контрударная ретушь. Отщеп камня своим краем упирался в кусок кости, служивший наковальней, и резким ударом сверху по отщепу от его края в месте удара заставляли отделиться мелкую чешуйку. Так ретушировался весь край отщепа.

Наблюдения за техникой примитивных племен недавнего прошлого дают очень многое для понимания древнейшей техники обработки камня. Австралийцы, коренное население Австралии, еще в XIX в. следующим образом изготовляли свои орудия. Выбирался конусовидный кусок кварцита длиной около 20 см, имеющий на одном конце широкую площадку. Это ядрище австралиец брал

левой рукой и упирал заостренным концом в землю. В правой руке он держал маленький кварцитовый отбойник и наносил им по ядрищу сверху вниз ряд ударов. Таким путем откалывались треугольные отщепы, близко напоминавшие мустьерские и употреблявшиеся в качестве ножей и наконечников копий и секир. Практика в этой работе имела большое значение; существовали люди более и менее искусные в обработке камня. Но получение хорошего отщепа являлось все-таки делом удачи: бесчисленные забракованные отщепы показывают, как долго приходилось биться, чтобы получить хороший экземпляр.

Первобытную технику обработки камня помогают уяснить также опыты по его оббивке, проделанные некоторыми археологами. Плодотворные экспериментальные исследования в этой области производились несколько десятков лет тому назад В. А. Городцовым, а в более позднее время Ф. Бордом. Особенно широко изучение первобытной техники методом эксперимента развернул за последние годы С. А. Семенов [Семенов, 1963, 1968; Щелинский, 1974]. Им и его сотрудниками проделаны в экспедиционных, полевых, условиях массовые опыты по обработке камня и кости, по изготовлению первобытных каменных и костяных орудий палеолитических и неолитических типов и по выполнению различных работ с помощью орудий, изготовленных таким путем.

Описывая свои опыты, В. А. Городцов указывал, что мустьерская техника требует умения подготовить плоскости ударов у ядрищ и особой ловкости и силы в нанесении методических ударов отбойниками по ударным плоскостям ядрищ. «Заметив, что длинные осколки, отбитые мною от нуклеуса, имеют книзу большую толщину, а нередко и ломаются, не достигая нижнего основания нуклеуса, я стал подтесывать нижние концы нуклеусов, и дело пошло успешнее. Точно направленный удар в определенную точку ударной плоскости нуклеуса имеет решающее значение, но достижение такого удара на практике часто затрудняется несовершенством форм отбойников, рабочие концы которых обычно не равны и толсты, часто совершенно закрывают намеченные точки ударов, благодаря чему осколки отбиваются или слишком толстыми, или слишком тонкими, малыми. В общем результате мне все же удалось преодолеть встречавшиеся затруднения, и я мог сработать все формы орудий, встречаемые в стоянках мустьерского типа» [Городцов, 1935].

Эксперименты по изготовлению мустьерских инструментов, поставленные С. А. Семеновым и его учеником В. Е. Щелинским, привели их к заключению, что техника получения заготовок для орудий в виде отщепов и пластин в мустьерскую эпоху была весьма сложным технологическим процессом, который требовал от человека значительного опыта и технических знаний, точной координации движений, большого внимания и сосредоточенности при работе. Вместе с тем при соответствующей сноровке мустьерские ору-

дия делались сравнительно быстро — каждое за 5—10 мин.[10] Важным условием скалывания отщепов с нуклеуса была подготовка площадки в точке приложения удара. Специально обработанная, тонко фасетированная, выпуклая площадка позволяла нанести точно рассчитанный удар и отделить им сравнительно тонкий отщеп должной длины. Опытами установлено, что лучшие результаты скалывания леваллуазских и мустьерских отщепов получались тогда, когда человек держал нуклеус в руке без опоры. Если нуклеус лежал на земле, а тем более на твердой опоре, значительная часть ударной силы расходилась безрезультатно вследствие действия контрудара.

Люди мустьерской эпохи могли использовать для раскалывания камня также и огонь; это один из примитивнейших технических приемов. Андаманцы для получения осколков накаливали кусок кремня на костре, а затем опускали его в воду, где он раскалывался. Таким же способом раскалывали в начале XIX в. яшму и обсидиан индейцы Калифорнии. На палеолитических стоянках нередко находят обожженные кремни; возможно, некоторые из них свидетельствует о существовании аналогичной техники раскалывания. В. А. Городцов, основываясь на данных своих экспериментов, указывал, что расколоть камень с помощью огня, получив при этом пригодные для изготовления орудий отщепы, можно лишь в том случае, если кусок камня подвергается неравномерному нагреванию (один его конец лежит в костре, а другой выступает наружу).

В мустьерскую эпоху, как и перед тем, в среднем и позднем ашеле, обработка кости была еще очень слабо развита. Все же на некоторых мустьерских поселениях обнаруживают заточенные, подшлифованные обломки костей животных, превращенные в примитивные острия, шилья, наконечники, лопаточки. В этом отношении интересна уже упоминавшаяся (см. с. 85) стоянка Зальцгиттер-Лебенштедт (ФРГ), при раскопках которой найдены достигающий в длину 70 см обломок тщательно заостренного костяного кинжала или рогатины и дубинка из оленьего рога, по форме приближающаяся к кирке. В обоих случаях перед нами, вероятно, охотничье оружие [Grahmann, Müller-Beck, 1967].

Несомненно, существовала, как и в предшествующие эпохи, обработка дерева, хотя следы ее обнаруживают весьма редко. Так, в мустьерских слоях пещер Комб-Греналь и Пейрар на юге Франции выявлены отпечатки деревянных столбов 21 и 30 см в поперечнике, поддерживавших кровлю жилища [Bourdier, 1967; Sonneville-Bordes, 1967]. Один из скелетов неандертальцев, обнаруженных в пещере Мугарет-эс-Схул на горе Кармел в Палестине, принадлежавший мужчине старше 50 лет (Схул IX), имеет следы глубокой раны в бедро. Слепок внутренней поверхности раны позволил судить об оружии, которое пробило кость. Это было

[10] На изготовление рубила ашельского типа С. А. Семенов и его сотрудники тратили около 30 мин.

деревянное, возможно, закаленное на огне копье, овальное в сечении, со скошенным концом, имевшее 1.7 и 1.1 см в поперечнике. Оно проникло в человеческую кость на 5 см и не было извлечено из раны. Его бросили с исключительной силой в человека, сидевшего скорчившись или лежавшего на боку с согнутыми ногами. Оглушенный, с ногой, ставшей неподвижной, он уже не мог подняться. Жертву добили сильным ударом по голове, о чем свидетельствуют повреждения черепа. Можно считать бесспорным, что неандертальцы широко пользовались также деревянными дубинками, копательными палками, рогатинами, копьями.

Интересно наблюдение, сделанное во время раскопок мустьерского грота Ортюс на юге Франции [Lumley, 1972]. Раскопки эти производились с 1960 по 1964 г. В культурном слое обнаружена пыльца некоторых водных растений. Между тем грот возвышался над речной долиной на 200 м. Вероятно, в засушливые периоды, когда дождевая вода отсутствовала, обитатели грота вынуждены были спускаться за водой в долину и приносить ее оттуда. Вместе с речной водой попадала в грот и пыльца. Но это заставляет предполагать существование у неандертальцев каких-то вместелищ для переноса воды (бурдюки, деревянные сосуды и т. п.).

Первобытное охотничье хозяйство достигло в мустьерскую эпоху несколько более высокого уровня развития, увеличилось его значение по сравнению с собирательством. Это связано как с улучшением орудий производства, овладением огнем, изменением физического типа человека, так и с изменением общественных отношений, развитием и некоторым усложнением простейших форм коллективного труда. Показателем прогресса охотничьего хозяйства являются находимые на многих стоянках большие скопления костей убитых на охоте животных — мамонтов, пещерных медведей, бизонов, диких лошадей, антилоп, горных козлов и др.

Мамонт был одним из основных объектов охоты неандертальцев мустьерской эпохи, а также людей эпохи позднего палеолита. Представление об его облике позволили составить широко распространенные находки костей, трупов, сохранившихся главным образом на севере Сибири и на Аляске в слое вечной мерзлоты, и, наконец, реалистические изображения этих зверей, выполненные позднепалеолитическими людьми на камне, кости и на стенах пещер [Гарутт, 1960; Garutt, 1964]. По своим размерам мамонты были близки к современным слонам (их высота достигала 3.5 м), но в отличие от них были покрыты густой длинной шерстью бурого, а в отдельных местах рыжеватого или черного цвета, которая образовывала на плечах и груди длинную свисающую гриву. От стужи мамонта защищала не только эта шерсть, но и толстый слой подкожного жира. Зубы (обычно их всего четыре) весили каждый до 8 кг и были приспособлены для перетирания грубой растительной пищи. Они состояли из пластинок, покрытых эмалью, образовывавших на жевательной поверхности желобки с острыми краями,

своего рода терку. Бивни у некоторых животных достигали в длину 3 м. Вес каждого бивня доходил до 150 кг. Они более или менее сильно изгибались. Следы стирания на поверхности бивней позволяют предположить, что мамонты использовали их для разгребания снега зимой во время поисков корма. Вместе с тем в качестве орудия защиты или нападения бивни из-за своей сильной изогнутости были малопригодны.

Пищей мамонту служили травы, мхи, папоротники и мелкие кустарники, съедавшиеся им в огромных количествах (более 100 кг в день). Стада мамонтов водились в тундрах, а главным образом в травянистых степях и в лесостепи, вероятно, поблизости от водоемов. Мамонт хорошо переносил холод, но не может быть причислен к таким типичным арктическим животным, как северный олень или песец.

Бросается в глаза резкий контраст между очень примитивным охотничьим оружием неандертальцев и огромными размерами мамонтов, их мощным строением. Деревянное копье, даже оснащенное примитивным каменным наконечником такого типа, какой встречается на мустьерских стоянках, и брошенное с самого близкого расстояния, не могло прошибить толстую шкуру животного. Охота на него была удачной лишь в том случае, если она производилась коллективно, группой людей, насчитывавшей несколько десятков и даже сотен человек. Охотники могли нападать на одиночных зверей, на маленькие их группы, например на самок с детенышами [Верещагин, 1971]. На мамонтов могли устраивать облавы и гнать их к крутым обрывам, падая с которых животные разбивались, или к болотам, топям, где они вязли и становились добычей охотников.

Мамонт давал человеку большое количество мяса, жира, костей. Но успех охоты на него в большей мере, чем успех охоты на других животных, зависел от случайного стечения обстоятельств (пойдет ли животное по нужному пути, попадет ли оно в болото или в овраг и т. п.). Ловкость охотников и совершенство их оружия играли здесь сравнительно небольшую роль. Поэтому периоды изобилия пищи должны были чередоваться у людей с длительными голодовками. Значительные скопления костей мамонтов, обнаруживаемых при археологических раскопках, не должны нас обманывать относительно уровня развития охотничьего хозяйства того времени.

Мамонты как холодолюбивые животные были распространены в конце среднего и в верхнем плейстоцене (рисс, рисс-вюрм и вюрм) только в Европе и в Сибири. На юге Азии и в Африке их место занимали теплолюбивые виды слонов и носорогов, антилопы, газели, горные козлы, буйволы. Именно на этих животных там главным образом охотились неандертальцы и позднепалеолитические люди.

Одним из характернейших объектов охоты неандертальцев являлся также пещерный медведь. Он был примерно вдвое больше

современного бурого медведя; крупные самцы, поднявшись на задние лапы, достигали в высоту почти 2.5 м. В тундре и степях пещерные медведи встречались сравнительно редко, но зато они прекрасно чувствовали себя в горных, скалистых местностях, где завладели большей частью пещер. Находимые при раскопках кости пещерного медведя нередко носят следы болезненных изменений (воспаление суставов и т. п.), возникших вследствие обитания в темных и сырых пещерах. Иногда на стенах пещер обнаруживают царапины, нанесенные медведем, точившим здесь свои когти.

Охотясь на медведей, люди могли сбрасывать на них сверху тяжелые камни или использовать дубины и рогатины (рис. 34). Многие медвежьи черепа, находимые в палеолитических пещерах, проломаны, вероятно, в результате того, что люди сваливали сверху на головы животных каменные глыбы. При раскопках пещеры Покала близ Триеста (Италия) обнаружен медвежий череп с вонзившимся в него мустьерским кремневым остроконечником; возможно, это кремневое орудие представляло собой наконечник боевой секиры. В мустьерских пещерах Вильдкирхли, Петерсхёле и Драхенлох в Альпах, в Ахштырской пещере на Черноморском побережье Кавказа и на ряде других мустьерских стоянок найдены кости многих десятков и сотен пещерных медведей, разумеется убитых людьми в течение длительного времени.

Важным объектом охоты неандертальцев были бизоны (иначе — зубры), представлявшие собой вид диких быков. Они достигали в длину до 3.5 м, весили около тонны и являлись для человека очень опасным противником. Зубры обитали главным образом в открытых пространствах лугового и степного типов. Первобытные люди могли устраивать на них большие коллективные облавы, в частности путем «пускания огня», т. е. поджигания окружающей сухой степи. Довольно широко практиковалась и охота на северных оленей, хотя она достигла особенно большого развития в позднем палеолите, в частности в конце позднего палеолита.

При охоте на зубров, северных оленей и диких лошадей немалую роль должно было играть и само охотничье оружие. Восстановить характер последнего, а также определенные способы охоты позволяют некоторые археологические находки. Так, например, при раскопках мустьерской стоянки Ла Кина во Франции А. Мартеном найдено несколько костей, из которых торчали осколки кремня [Martin, 1907—1910]. Можно было бы предположить, что осколки застряли в костях во время раскалывания или разрезания последних с помощью кремневых орудий. Однако характер поверхности одной из костей показал, что животное еще жило некоторое время после того, как в его кость вонзился кремень. Очевидно, осколки кремня принадлежали наконечникам копий и вонзились в кости животных во время охоты. Одно из животных было ранено, но ускользнуло от погони и было убито лишь впоследствии. Этим и объясняются следы заживления вокруг травмати-

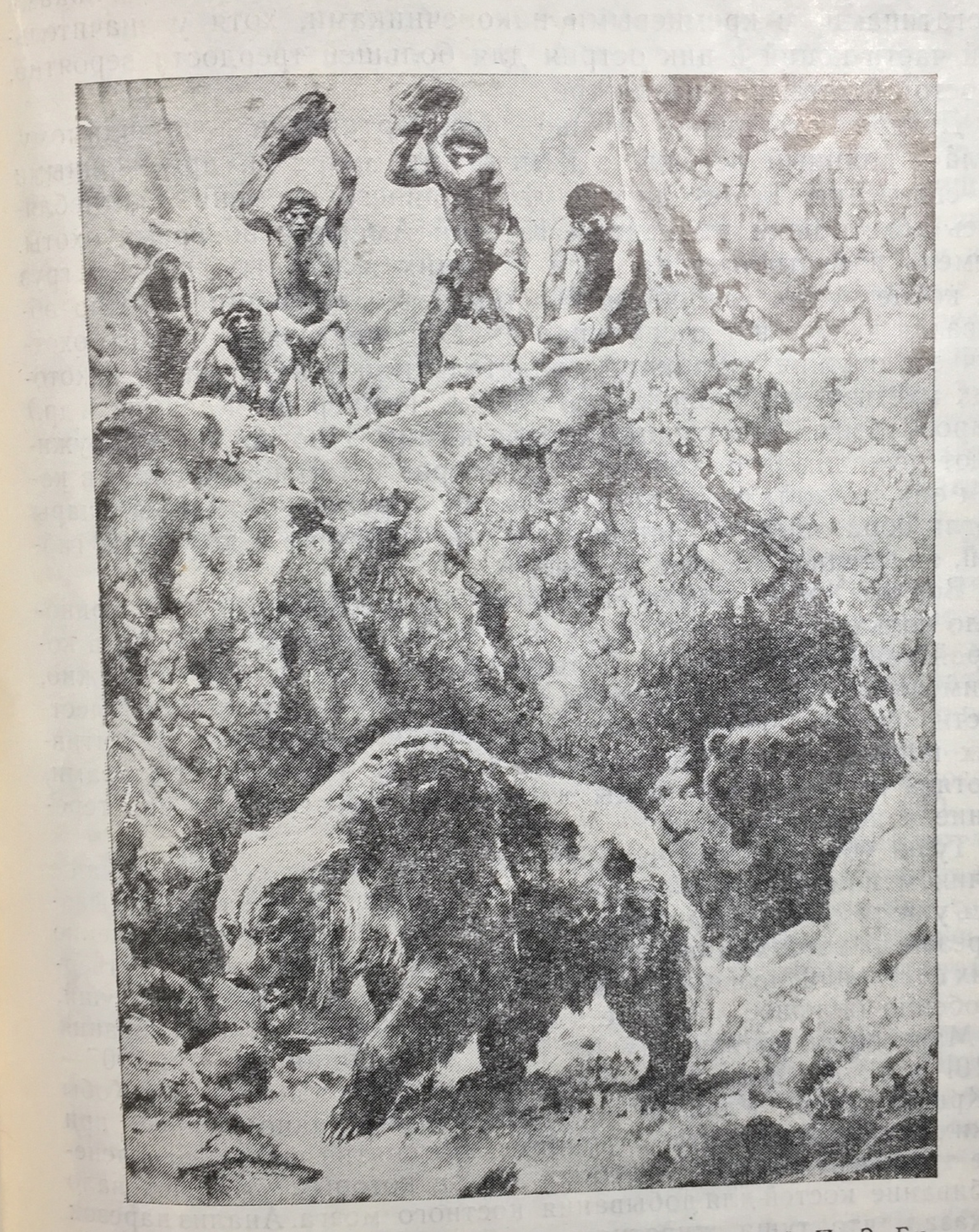

Рис. 34. Охота неандертальцев на пещерных медведей. По З. Буриану. Буриана.

вированного места на кости. Таким образом, неандертальцы пользовались в качестве охотничьего оружия копьями и пиками (рогатинами) с кремневыми наконечниками, хотя у значительной части копий и пик острия для большей твердости, вероятно, просто обжигались на костре.

Другое охотничье ружье неандертальцев,— по-видимому, бола́ — длинный ремень с каменными шарами, привязанными на его конце. Такое оружие до недавнего времени употреблялось некоторыми племенами Южной Америки во время охоты. Ремень накидывался на ноги бегущих животных, причем груз на конце ремня способствовал тому, что последний плотно обвивался вокруг ног и спутывал их. О существовании этого охотничьего оружия, возможно, свидетельствуют находки на некоторых мустьерских стоянках (Ла Кина, Ребиер во Франции и др.) шарообразных обтесанных кусков камня. Иногда их обнаруживают лежащими по три вместе, как раз в том положении, в каком они должны были привязываться к ремню. Каменные шары могли образовывать составную часть и кистеня с короткой, гибкой, оплетенной ремнем рукоятью.

Все это оружие было еще очень несовершенным. Оно приносило пользу главным образом при охоте облавой, загоном, в которой принимало участие большое количество людей; возможно, применялись горящие факелы и поджигание окружающей местности. Сходные способы охоты бытовали у наиболее примитивных племен Земли еще в XVIII—XIX вв. Наряду с облавами, охотясь на некоторые виды животных, использовали подстерегание и подкрадывание.

Туши убитых животных расчленялись на месте охоты, а чаще целиком или почти целиком приносились в стойбище и разделывались уже там. Проведенное рядом археологов тщательное изучение нарезок на костях животных, найденных при раскопках мустьерских поселений, позволило восстановить процессы разделки туши. Особенно большое значение имели в этой области исследования А. Мартена на материалах Ла Кина во Франции [Martin, 1907—1910] и Г. А. Бонч-Осмоловского на материалах Киик-Кобы в Крыму [1940]. Удалось выделить нарезки, наносившиеся при таких последовательных операциях, как снятие шкуры, расчленение туши и отделение мяса от костей, за которым уже следовало разбивание костей для добывания костного мозга. Анализ нарезок показал, что туша животного не разрубалась, а разрезалась. Следы скобления на многих костях свидетельствуют о том, что неандертальцы часто употребляли в пищу сырое мясо. Если бы куски расчлененной туши подвергались предварительному прожариванию на углях (о варке речи быть не может, так как сосуды, в которых пища могла бы вариться, тогда еще отсутствовали), мясо легко отделялось бы от кости и не было бы надобности скоблить последнюю. Таким образом, и после освоения огня им пользовались для приготовления пищи не систематически, а от случая к

случаю. Понадобилось очень долгое время, для того чтобы развились различные способы употребления огня в хозяйстве и в быту.

В некоторых мустьерских стоянках на костях установлены также следы вырезания из шкуры ремней и срезания сухожилий, использовавшихся для хозяйственных целей. В условиях холодного ледникового климата неандертальцы несомненно пользовались примитивной одеждой из шкур. При раскопках грота Ортюс во Франции [Lumley, 1972] удалось установить, что на хищников, таких как пантера, рысь, волк, люди охотились в основном ради их меха. В стойбище, судя по составу найденных там костей, приносились только шкуры этих животных, содранные на месте охоты. Сходные наблюдения были сделаны при раскопках в 1963—1964 гг. мустьерской стоянки Эрд в Венгрии близ Будапешта [Gábori-Csánk, 1968]. На пещерную гиену, волка и бурого медведя обитатели стоянки охотились только ради их шкур, которые одни (без других частей туши) приносились в охотничий лагерь. Главным же объектом охоты в Эрде являлись пещерные медведи. За время существования поселения здесь было убито 500—550 этих животных. Археолог В. Габори-Чанк и палеозоолог М. Крецой произвели тщательный подсчет возможного количества мяса, съеденного древними обитателями Эрда. При подсчете число особей животных, которым принадлежали найденные на стоянке кости, не просто умножалось на средний вес туши. Исследователи учитывали, кости каких частей туш были найдены при раскопках, какие части туш были съедены обитателями стоянки. В результате оказалось, что в общей сложности за время существования поселения в распоряжение его обитателей попало минимум 250—300 тыс. кг мяса. Разумеется, следует учесть, что группы неандертальцев периодически возвращались сюда в течение очень многих лет.

В мустьерскую эпоху практиковались также охота на птиц и ловля рыбы, особенно лосося. В соответствующих слоях пещеры Кударо I на Кавказе В. П. Любиным обнаружено, например, свыше 4400 позвонков лосося.

Судя по находкам терок и пестов из галек песчаника, сделанным на некоторых мустьерских стоянках, например А. П. Черным во время раскопок стоянки Молдова I на Днестре [Черныш, 1965; Рогачев, 1973], в мустьерскую эпоху высокого развития достигло собирательство, в частности растирание зерен дикорастущих растений на специальных зернотерках.

Некоторые группы людей вынуждены были в отдельных случаях прибегать и к людоедству. Вопрос о каннибализме палеолитического человека, и в том числе неандертальца, уже в течение ряда десятилетий оживленно обсуждается в археологической и антропологической литературе [из последних работ в этой области см.: Roper, 1969; Jacob, 1972]. Бо́льшая часть повреждений, обнаруженных на черепах и на других костях палеолитических людей, могла возникнуть и не в связи с вмешательством врагов, а в результате деятельности хищников, обвала камней с потолка пещеры

и других причин. Так, в пещере Шанидар на северо-востоке Ирака найдены скелеты семи неандертальцев, причем четверо из них погибли вследствие обвала [Solecki, 1971]. Поэтому допускать существование каннибализма в палеолите можно лишь очень осторожно, с многочисленными оговорками. Все же находка в пещере Крапина в Югославии Д. Горянович-Крамбергером значительного количества раздробленных и перемешанных с костями ископаемых животных костей неандертальцев является достаточно веским свидетельством людоедства. Аналогичные находки сделаны еще в нескольких мустьерских пещерах.

В мустьерскую эпоху изменился и характер поселений. Люди продолжали, как и прежде, устраивать свои становища на открытом воздухе по берегам рек, но гораздо чаще стали заселять навесы под скалами, гроты и пещеры. Среди мустьерских памятников отчетливо вырисовываются поселения разных типов: мастерские, стоянки-мастерские, места кратковременных остановок охотников, охотничьи лагеря, долговременные, «базовые», охотничьи поселения [Любин, 1970]. Для мастерских характерно обилие расколотого камня — нуклеусов, отщепов, осколков — и малое количество костей животных, остатков очагов. Среди них выделяются в свою очередь те, где производилось первичное раскалывание камня, изготовлялись нуклеусы и отщепы, и те, где осуществлялись все этапы изготовления орудий вплоть до ретуши. Они располагались обычно поблизости от выходов камня. Кратковременные охотничьи лагеря содержат мало культурных остатков, в частности каменных изделий. Найденные там кости принадлежат обычно лишь нескольким убитым поблизости животным. Очаги, как правило, отсутствуют. Долговременные охотничьи поселения характеризуются толстым, насыщенным большим числом каменных изделий и фаунистических остатков культурным слоем, а также хорошо выраженными очагами. Многие из таких поселений были обитаемы круглый год.

Мустьерские очаги, остатки костров обычно представляют собой блюдцеобразные углубления, заполненные древесным и костным углем и золой. Но в некоторых пещерах и стоянках Франции рядом с очагами обнаружены вертикально поставленные плиты камня или стенки из мелких камней, достигавшие 40—50 см в высоту и защищавшие костер от порывов ветра.

Раскопки мустьерских гротов и пещер Франции (Бом-Бонн, Ла Ферраси и др.) выявили вымостки из галек и плиток известняка площадью до 15 м². Они предохраняли обитателей поселения от сырости и грязи. Сейчас целесообразно остановиться на мустьерских жилищах.

Долгое время в археологической науке господствовало представление о палеолитических людях как о бродячих охотниках (номадах), устраивавших свои временные стойбища в пещерах или на открытом воздухе, не знавших ни оседлости, ни постоянных жилищ. Крупной заслугой советских археологов, в первую оче-

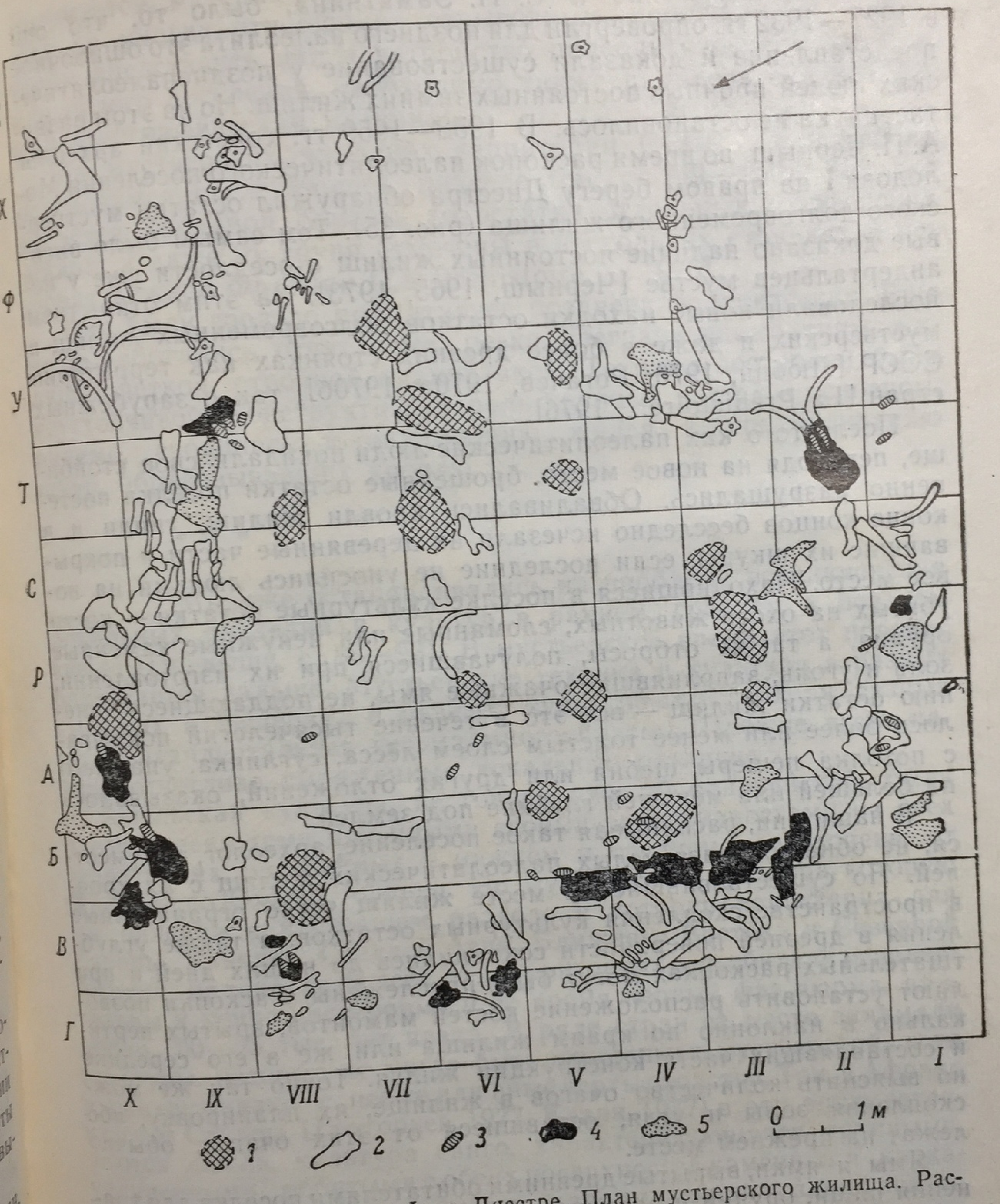

Рис. 35. Стоянка Молодова I на Днестре. План мустьерского жилища. Раскопки А. П. Черныша.

1 — остатки кострищ; *2* — остатки костей животных; *3* — зубы мамонтов; *4* — черепа мамонтов; *5* — лопатки мамонтов.

редь П. П. Ефименко и С. Н. Замятнина, было то, что они в 1927—1932 гг. опровергли для позднего палеолита это ошибочное представление и доказали существование у позднепалеолитических людей прочных постоянных зимних жилищ. Но на этом развитие науки не остановилось. В 1958—1959 гг. советский археолог А. П. Черныш во время раскопок палеолитического поселения Молодова I на правом берегу Днестра обнаружил остатки мустьерского долговременного жилища (рис. 35). Тем самым было впервые доказано наличие постоянных жилищ и оседлости уже у неандертальцев мустье [Черныш, 1965, 1973]. За этим открытием последовали новые находки остатков долговременных жилищ в мустьерских и даже в более древних стоянках как территории СССР [Любин, 1970; Рогачев, 1970а, 1970б], так и зарубежных стран [La Préhistoire..., 1976].

После того как палеолитические люди покидали свое стойбище, переходя на новое место, брошенные остатки поселка постепенно разрушались. Обваливались кровли жилищ, гнили и в конце концов бесследно исчезали их деревянные части и покрывавшие их шкуры, если последние не уносились людьми на новое место. Находившиеся в поселке культурные остатки — кости убитых на охоте животных, сломанные или ненужные каменные орудия, а также отбросы, получавшиеся при их изготовлении, зола и уголь, заполнявшие очажные ямы, не поддающиеся гниению остатки жилищ — все это в течение тысячелетий покрывалось более или менее толстым слоем лёсса, суглинка, упавшего с потолка пещеры щебня или других отложений, оказывалось на большей или меньшей глубине под землей.

В наши дни, раскапывая такое поселение, археолог, разумеется, не обнаруживает целых палеолитических жилищ с их кровлей. Но существовавшие на месте жилищ четко ограниченные в пространстве скопления культурных остатков, а также углубления в древней поверхности сохранились до наших дней и при тщательных раскопках могут быть прослежены. Раскопки позволяют установить расположение костей мамонтов, врытых вертикально и наклонно по краям жилища или же в его середине и составлявших часть конструкции жилья. Точно так же можно выяснить количество очагов в жилище, их планировку, ибо скопления золы и угля, оставшиеся от этих очагов, обычно лежат на прежнем месте.

Ямы и ямки, вырытые древними обитателями поселка для хранения пищи, орудий и различных предметов, для основания жердей и столбов, подпиравших кровлю жилья, осыпались, заплыли. Но тщательные раскопки, скрупулезная расчистка культурного слоя и древней поверхности, на которой жили палеолитические люди, позволяют раскрыть и эти ямки, выяснить их размеры, назначение, расположение. Так шаг за шагом археолог в процессе раскопок восстанавливает характер древнего поселения, размеры и конструкцию древних жилищ, значение тех или иных деталей-

Разумеется, материал, полученный в результате раскопок, является во многих отношениях отрывочным, неполным. Для того чтобы представить вид и устройство палеолитического жилища или целого поселения, необходимо также привлечь сравнительный этнографический материал.

На мустьерских жилищах территории СССР мы подробно остановимся в следующем разделе (см. с. 149—150). Что же касается Западной Европы, то остатки отдельных мустьерских жилищ и даже их групп отмечены в нескольких стоянках и пещерах Южной Франции [La Préhistoire..., 1976].

Они были гораздо примитивнее позднепалеолитических. Еще не выработались отчетливые, резко разграниченные типы жилищ с четкой, стройной планировкой. Техника постройки была неустойчивой. Конструктивная роль крупных костей в основном, видимо, сводилась к окаймлению жилья и придавливанию шкур, образовывавших кровлю.

* * *

Мы уже останавливались на проблеме возникновения локальных различий и культур в раннем, среднем и позднем ашеле (см. выше, с. 88—93). В мустьерское время этот процесс развивается дальше. Мустьерские техника и культура в разных стоянках и пещерах, в разных культурных слоях, у разных групп неандертальцев весьма многообразны. Прежде всего налицо отчетливо выраженные локальные различия.

Ашельская культура, не говоря уже об олдувайской, была представлена теми или иными своими разновидностями на всех территориях, заселенных в нижнем и среднем плейстоцене, от Франции до Южной Африки. Но мустьерская культура, которую мы описали в настоящем разделе и которая характерна для Европы, Кавказа, Средней Азии, Ближнего Востока и Северной Африки, налицо не на всех тех территориях, где обитали неандертальцы к конце рисс-вюрма и во время первых фаз вюрма, примерно 100—35 тыс. лет назад. В ряде стран ее место занимали культуры, которые не могут быть отнесены к мустьерской, хотя и обнаруживают с ней те или иные черты сходства. Так, в Африке к югу от Сахары [Григорьев, 1977; Кларк, 1977] в эту эпоху встречаются ашель, культура санго, характеризующаяся крупными, удлиненными, оббитыми с обеих поверхностей каменными кирками, культура форсмис, во многом напоминающая поздний ашель, а также сменяющие их и относящиеся главным образом уже к позднему палеолиту культуры калин и лупемба. Последние, подобно культуре санго, представлены удлиненными, оббитыми с обеих поверхностей кирками. На территории Пакистана и Индии [Борисковский, 1971] существовали своеобразные культуры, обозначаемые обычно как «средний палеолит Индии», или «средний каменный век Индии». Они имеют ряд черт сходства с мустье, но

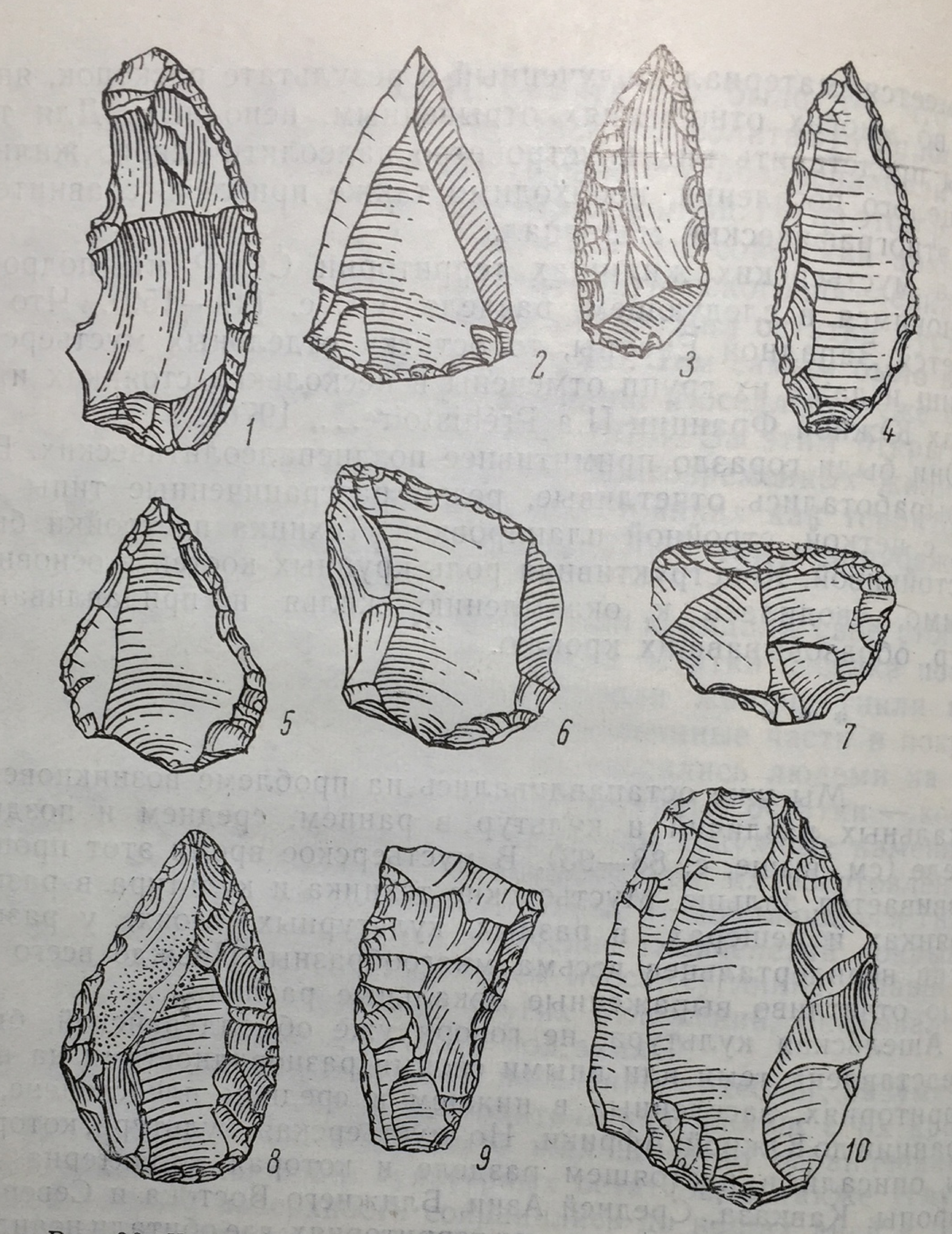

Рис. 36. Кремневые орудия типичного мустье Западной Европы. По Ф. Борду.

1, 6—9 — разные типы скребел; *2* — острие леваллуа; *3—5* — мустьерские остроконечники; *10* — отщеп леваллуа.

отличаются отсутствием хорошо выраженных остроконечников и общей атипичностью орудий. Отсутствуют характерные мустьерские памятники также в Юго-Восточной Азии.

Если мы перейдем теперь к тем территориям, где мустьерская культура представлена, то увидим, что она здесь гораздо более многообразна, чем ашельская. В Западной Европе в результате работ главным образом Ф. Борда [Bordes, 1968] установлено не менее четырех сосуществовавших на одних и тех же территориях вариантов мустьерской культуры (рис. 36—39). Каждый из них имеет в свою очередь более дробные подразделения. Назовем эти

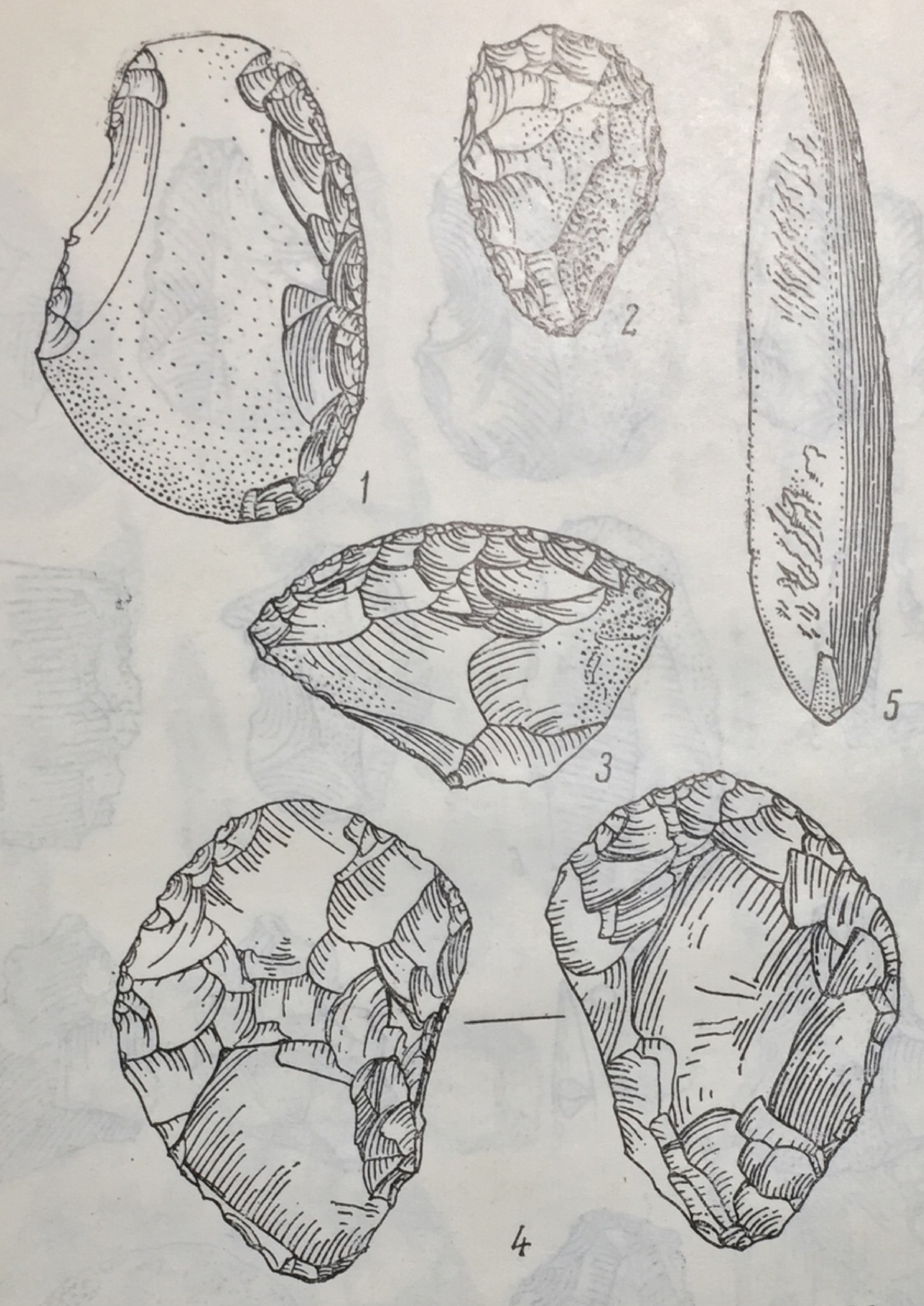

Рис. 37. Кремневые и костяные изделия мустье типа кина Западной Европы. По Ф. Борду.

1, 3, 4 — разные типы кремневых скребел; *2* — толстый кремневый скребок; *5* — костяной ретушер.

варианты: типичное мустье, характеризующееся многочисленными скреблами и остроконечниками разных типов, бифасы (рубильца) очень редки; мустье типа кина — ферраси, или шарантская культура, характеризующаяся преобладанием скребел (имеет две разновидности — тип кина с нелеваллуазской техникой раскалывания и тип ферраси с леваллуазской техникой); зубчатое мустье — преобладают выемчатые и зубчатые орудия неправильных очертаний, орудия других типов редки; мустье с ашельской традицией, характеризующееся преобладанием небольших, тщательно, сплошь обработанных с обеих поверхностей бифасов (рубилец), представлены, правда меньшим числом экземпляров, разные типы скребел, остроконечников, выемчатых и зубчатых орудий, изделий позднепалеолитических типов.

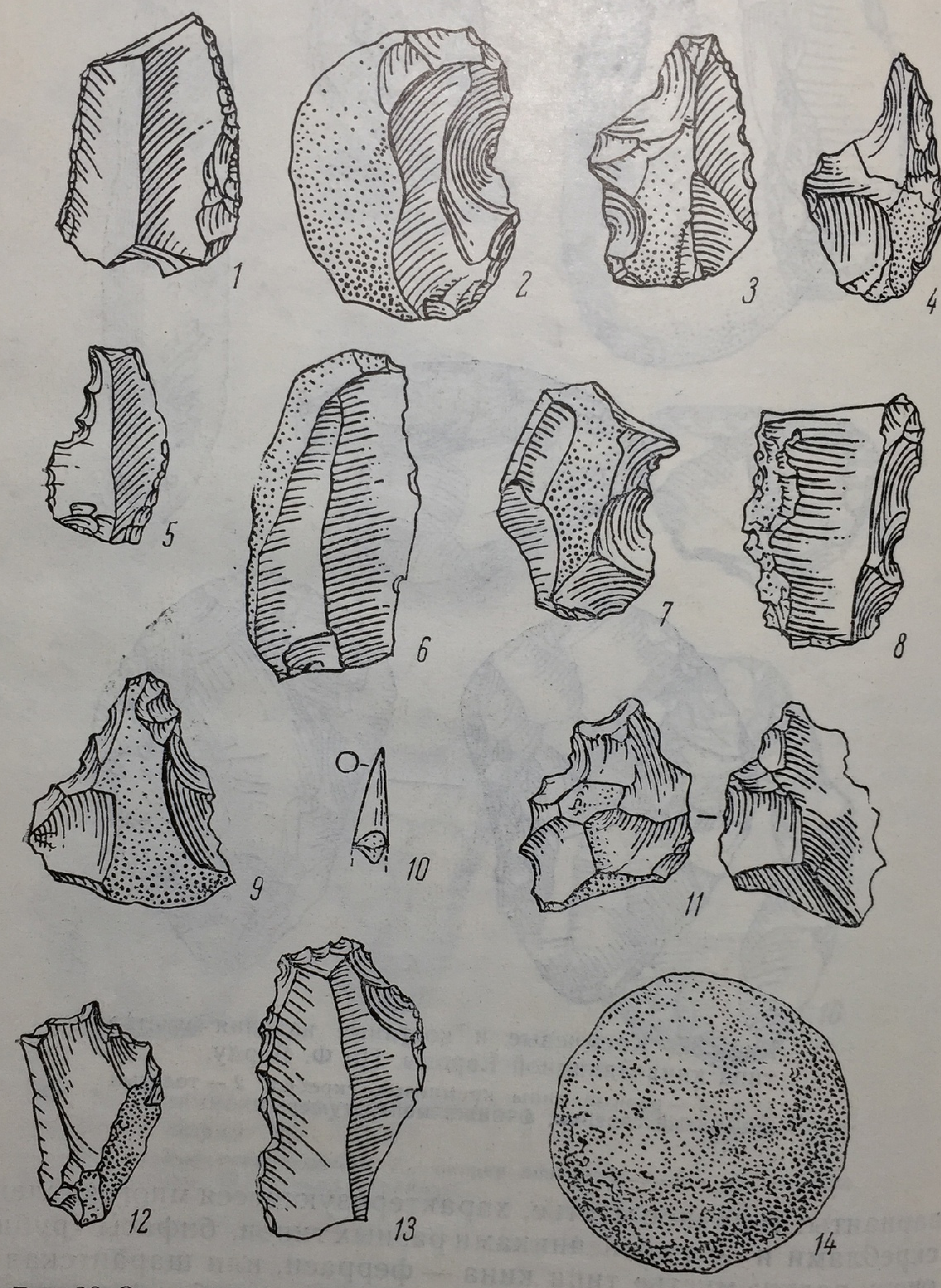

Рис. 38. Орудия зубчатого мустье Западной Европы По Ф. Борду.

1 — скребло; *2—4* — выемчатые орудия; *5, 7, 8, 11, 13* — зубчатые ору-
дия; *6* — «нож со спинкой»; *9* — тейякское острие; *12* — проколка; *10* —
обломок острич из рога северного оленя; *14* — бола́.

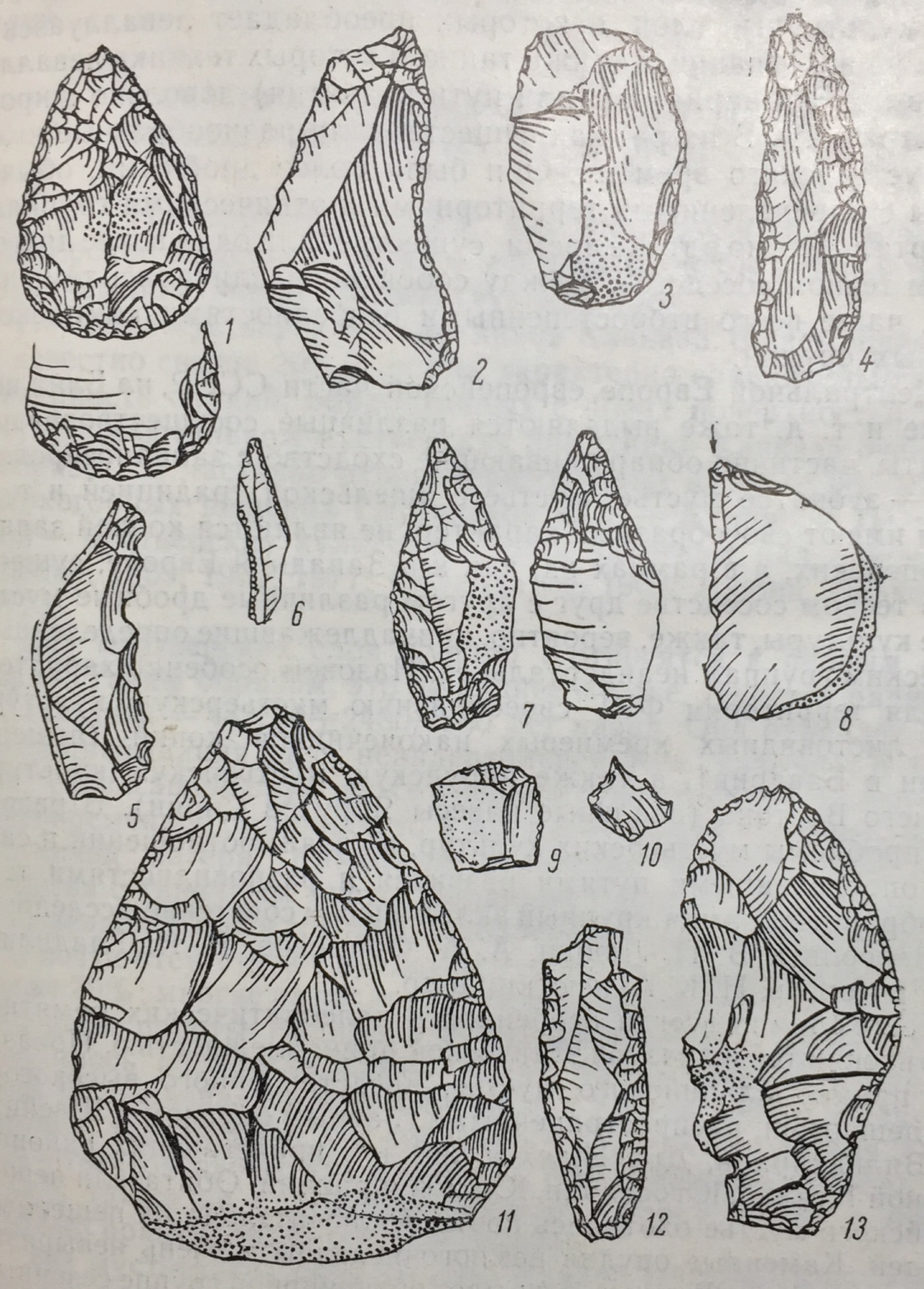

Рис. 39. Кремневые орудия мустье с ашельской традицией из Западной Европы. По Ф. Борду.

1, 7 — остроконечники с частичной обработкой с обеих поверхностей; *2, 4, 12, 13* — разные типы скребел; *3* — «нож со спинкой»; *5* — зубчатое орудие; *6* — пластинка с ретушью по краям; *8* — резец; *9* — скребок; *10* — проколка; *11* — бифас.

Мустьерская культура Западной Европы не исчерпывается этими четырьмя вариантами и их подразделениями. Налицо стоянки и культурные слои, в которых преобладает леваллуазская техника раскалывания, а также такие, в которых техника леваллуа отсутствует. Эти варианты (или пути развития) довольно широко распространены. В их рамках существовали разнообразные культуры мустьерского времени. Они были более дробными, обычно связаны с определенными территориями и этническими группами неандертальцев, но в то же время существовали одна возле другой, в самом тесном соседстве. Между собой они различались теми или иными, чаще всего второстепенными особенностями комплексов каменных орудий.

В Центральной Европе, европейской части СССР, на Ближнем Востоке и т. д. тоже выделяются различные сосуществовавшие варианты, частично обнаруживающие сходство с западноевропейскими,— зубчатое мустье, мустье с ашельской традицией и т. д. Но они имеют своеобразный характер, не являются копией западноевропейских, а в рамках их, как и в Западной Европе, существуют в тесном соседстве друг с другом различные дробные мустьерские культуры, также, вероятно, принадлежавшие определенным этническим группам неандертальцев. Назовем особенно характерную для территории ФРГ своеобразную мустьерскую культуру узких листовидных кремневых наконечников копий (пещеры Мауерн в Баварии), а также ябрудскую мустьерскую культуру Ближнего Востока (скальные навесы Ябруд в Сирии). В разработку проблемы мустьерских культур, их взаимоотношений и связей с определенными путями развития и разновидностями техники обработки камня крупный вклад внесли советские исследователи палеолита В. П. Любин, А. А. Формозов, В. Н. Гладилин, Г. П. Григорьев, Н. К. Анисюткин и др.

Вместе с тем не всегда особенности палеолитических памятников объясняются их разной этнической принадлежностью. Показателен пример альпийского мустье, представленного высокогорными пещерами, распространенными главным образом в Швейцарии (Вильдкирхли, Драхенлох и др.) и в прилегающих районах Северной Италии, Югославии, Южной Франции. Обитатели пещер альпийского мустье охотились почти исключительно на пещерных медведей. Каменные орудия немногочисленны и очень невыразительны, атипичны. Видимо, речь идет об обширной группе сезонных охотничьих лагерей, в которых люди задерживались лишь на короткое время.

Своеобразие многих мустьерских памятников что они представляют собой остатки поселения связано с тем, па (мастерская, сезонное стойбище и т. д.), того или иного тиформами хозяйства (охота на мамонта, или же обусловлено ведя). Наконец, в отдельных случаях охота на пещерного медтолько кажущимся и объясняется тем, своеобразие является не все поселение, а какая-то его часть, что раскопками вскрыто где были сосредоточены

лишь определенные формы человеческой деятельности и где поэтому были найдены лишь определенные категории каменных изделий.

ПАМЯТНИКИ МУСТЬЕРСКОЙ ЭПОХИ И ОСТАТКИ НЕАНДЕРТАЛЬЦЕВ НА ТЕРРИТОРИИ СССР

На территории СССР, как, впрочем, и за ее пределами, мустьерские пещеры, стоянки и местонахождения распространены шире, чем памятники предшествующих эпох.

Начнем с мустьерских памятников Кавказа. В настоящее время их известно свыше 200. Для них характерна сравнительная малочисленность орудий, обработанных с обеих поверхностей (бифасов). Но в остальном мустьерские памятники Кавказа очень многообразны. В частично охарактеризованных выше (с. 96—97) трех высокогорных пещерах Грузинской ССР — Кударо I, III и Цонской — мустьерские культурные слои залегают над ашельскими [Любин, 1959, 1970, 1977; Каландадзе, 1969; Любин, Левковская, 1972].

Два мустьерских слоя Кударо I относятся к первым фазам вюрма. Таким образом, это не раннее мустье. Имеется радиоуглеродная дата — 44 150±2400/1850 лет назад. Она отмечает самый конец пребывания здесь неандертальцев. Как указывает В. П. Любин, если в ашельскую эпоху в пещере существовало сравнительно долговременное стойбище, то в мустье — только кратковременные охотничьи лагеря. Каменный инвентарь обнаруживает черты сходства с типичным мустье Западной Европы, хорошо представлена леваллуазская техника. В коллекции, происходящей из раскопок, почти отсутствуют нуклеусы и отбросы, а законченных орудий свыше 70%; многие из последних сильно изношены и даже сломаны в процессе работы. Видимо, в мустьерскую эпоху в пещере не производилось обработки камня. Сюда приносились и интенсивно здесь использовались изготовленные в другом месте орудия. Это картина, характерная для временного охотничьего лагеря. Основным объектом охоты, как и в ашеле, был пещерный медведь. Охотились также на благородного оленя, бизона, козла и барана. Широко практиковалась ловля лососей.

Два мустьерских слоя пещеры Кударо III своими каменными изделиями близко напоминают соответствующие слои Кударо I. Но в Кударо III люди жили более продолжительное время. Охотились они на пещерного медведя, пещерного льва, носорога, благородного оленя, бурого медведя, рысь, птиц. Следы рыболовства не отмечены. Кости пещерного льва представлены почти исключительно фалангами. Быть может, это свидетельствует о том, что в пещеру приносили только шкуры львов, снятые на месте охоты.

Мустьерские культурные остатки Цонской пещеры сходны с таковыми в Кударо I и III. Это кратковременный охотничий лагерь, где орудия не изготовлялись, а только интенсивно исполь-

зовались и где налицо много каменных остроконечников, служивших наконечниками охотничьего оружия. Найдены изделия из обсидиана, принесенного, видимо, из далеких районов Южного Закавказья.

По материалам названных пещер В. П. Любин выделяет кударскую, или кударско-джручульскую, мустьерскую культуру, несколько отличающуюся от других мустьерских культур Кавказа [Любин, 1977]. К ней относится также пещера Джручула (Чиатурский район Грузинской ССР) в бассейне левого притока Риона р. Квирилы, точнее — два мустьерских слоя названной пещеры. Джручула была открыта Д. М. Тушабрамишвили в 1957 г. и раскапывалась под его руководством в 1958—1966 гг. [Тушабрамишвили, 1963].

В ближайшем соседстве с большинством поселений кударско-джручульской культуры, также на территории Юго-Осетии, были раскопаны памятники открытой и изученной В. П. Любиным в 1952—1961 гг. цхинвальской мустьерской культуры. Она представлена стоянками-мастерскими под открытым небом, с разрушенным культурным слоем [Любин, 1977].

В западной части Грузии, в долине р. Цхалцителы, находится Чахатская погребенная пещера, раскопанная Н. З. Бердзенишвили. После того как палеолитические люди покинули пещеру, она обвалилась. Поэтому обнаружить ее удалось случайно во время каменоломных работ в ущелье. Мустьерские культурные остатки залегают над позднеашельскими и представлены разными типами остроконечников и скребел, отдельными предметами позднепалеолитического облика. Обитатели пещеры охотились на тура, пещерного медведя, кабана и других животных. Чахатская пещера имела черты сходства с типичным мустье Западной Европы [Бердзенишвили, 1964].

Следует назвать еще мустьерскую стоянку Цопи к югу от Тбилиси (Марнеульский район Грузинской ССР). Она раскапывалась Г. К. Григолия в 1957—1958 гг. Среди кремневых орудий преобладают разные типы скребел и остроконечников. Представлены удлиненные пластинки, скребки и резцы позднепалеолитического облика. В культурном слое обнаружены очаги, обставленные камнями, а также яма хозяйственного назначения, дно и боковые стенки которой были покрыты почерневшим от огня слоем [Григолия, 1963]. В мустьерскую эпоху пещерные медведи, видимо, не водились в этих местах. Охотились на носорога, лошадь, осла, козла, благородного оленя, бизона и других животных.

В Дагестане мустьерская культура представлена рядом переотложенных местонахождений каменных орудий [Котович, 1964].

Наиболее интересным мустьерским памятником Северной Осетии является Лысая Гора в окрестностях г. Орджоникидзе. Это местонахождение было открыто В. П. Любиным в 1954 г. На поверхности найдены дисковидные и леваллуазские нуклеусы, отщепы, скребла, остроконечники, а также наконечник копья.

Гораздо выразительнее мустьерские памятники, известные на территории Азербайджанской ССР. Прежде всего это Азыхская пещера (см. выше, с. 98), где два мустьерских культурных слоя залегают над ашельскими [Гусейнов, 1965]. Они принадлежат к культуре, несколько напоминающей зубчатое мустье Западной Европы. Охотились мустьерские обитатели пещеры в основном на тех же животных, что и ашельцы, — на пещерного медведя, благородного оленя, носорога; только лошадь перестала входить в состав охотничьей добычи. В нескольких десятках метров от Азыхской расположена Тагларская пещера, раскапывавшаяся М. М. Гусейновым. Обнаруженные там мустьерские орудия принадлежат к иной культуре, напоминающей типичное мустье. На западе Азербайджана, в Казахском районе, мустьерские культурные остатки открыты Гусейновым в пещерах Дашсалахлы и Дамджилы на склонах горы Авейдаг. К местонахождениям, расположенным под открытым небом, принадлежит Чахмаклы в Западном Азербайджане, обнаруженное в 1965 г. М. М. Мансуровым и исследовавшееся им в 1965—1969 гг. [Коробков, Мансуров, 1972].

На территории Армении мустьерская культура долгое время была представлена только находками каменных орудий на поверхности земли [Паничкина, 1950]. На новый этап изучение палеолита Армении вступило в конце 60-х—начале 70-х гг., когда здесь обнаружили и раскопали ряд пещер, в которых сохранились непотревоженные мустьерские культурные слои с каменными орудиями, костями ископаемых животных, пыльцой растений. Из них наиболее важны Ереванская пещера, открытая в 1966 г. А. А. Азизяном и раскапывавшаяся в 1967—1968 и 1974 гг. Б. Г. Ерицяном [Ерицян, Семенов, 1971], а также Лусакерт I, открытая в 1968 г. А. А. Мартиросяном и раскапывавшаяся в 1970—1971 и 1975 гг. тоже Ерицяном [Ерицян, 1975].

Ереванская пещера расположена на правом берегу р. Раздана, в городской черте столицы Армении. Это широкая, неглубокая, полукруглая ниша в скале. Раскопки обнаружили шесть перекрывающих друг друга культурных слоев. Все они относятся к мустьерской эпохе и по характеру культурных остатков весьма сходны между собой. От нижних слоев к верхним заметно развитие техники обработки камня, но медленное, незначительное, без резких сдвигов, которые можно было бы связать с приходом новых этнических групп. Развитие шло в пределах одной и той же культуры. В период обитания в пещере неандертальцев (первые фазы вюрма) климат здесь был холодным. Характерными деревьями являлись сосна, ель, береза. Вместе с тем палеоботанические исследования, изучение пыльцы растений, сохранившейся в разных слоях пещеры, указывают на постепенное потепление климата от нижних слоев к верхним. С этими данными вполне согласуются и материалы, полученные в результате изучения костей ископаемых животных, найденных при раскопках. Обитатели пещеры

охотились на лошадь, носорога, быка, лося, пещерного медведя и т. д. Кости очень сильно раздроблены, вероятно, для добывания мозга и для использования в качестве топлива; многие обожжены. Орудия изготовлялись почти исключительно из обсидиана. Изредка использовались андезит, базальт и кремень. Сырье приносилось примерно за 30 км. Бифасов очень мало. Но остальные типы мустьерских орудий представлены хорошо — это разнообразные остроконечники, скребла, ножи, выемчатые формы, изделия позднепалеолитических типов. Ереванская пещера демонстрирует своеобразную мустьерскую культуру, отличающуюся от других мустьерских кавказских культур, обнаруживающую, по мнению Б. Г. Ерицяна, отдельные черты сходства как с типичным мустье, так и с мустье типа кина, и с тайяком.

Пещера Лусакерт I также расположена на правом берегу Раздана и представляет собой неглубокий, широкий грот. Раскопки вскрыли пять культурных слоев мустьерской эпохи, доставивших кости лошади, пещерного медведя и других животных и многочисленные изделия из обсидиана. В отличие от Ереванской пещеры слои здесь относятся к разным культурам, генетически не связаны между собой: видимо, оставлены селившимися здесь разными группами неандертальцев, каждая из которых имела свои традиции обработки камня.

Очень многочисленны мустьерские местонахождения и пещеры на Черноморском побережье Кавказа. Наиболее известной является Ахштырская пещера недалеко от Сочи, в Адлерском районе Краснодарского края. Она была открыта и исследовалась С. Н. Замятниным в 1936—1938 гг. В 1961—1965 гг. раскопки были продолжены М. З. Паничкиной, Е. А. Векиловой и М. Н. Грищенко [Замятнин, 1961а; Векилова, Грищенко, 1972]. Ахштырская пещера находится на правом берегу р. Мзымты, впадающей в Черное море. Река течет на дне глубокого ущелья, на 110 м ниже входа в пещеру. Последняя вследствие своего удобного расположения служила местом обитания для многих поколений людей в течение очень длительного времени, правда с большими перерывами. В верхней части отложений пещеры найдены остатки средневековой культуры и предметы, датирующиеся первыми веками нашей эры. Ниже залегал слой, относящийся к энеолиту (эпоха, переходная от неолита к бронзовому веку), а под ним — позднепалеолитический. В самом низу обнаружены четыре культурных слоя мустьерского времени. Таким образом, в пещере как бы отложилась вся история этой местности: от древнего палеолита до средневековья. Мустьерские слои содержали кости свыше 50 пещерных медведей, а также небольшое количество остатков благородного оленя, зубра, кабана, лисицы, дикого кота, лосося. Большой интерес представляет находка в верхних мустьерских слоях нескольких разрозненных человеческих костей. Они принадлежат, по определению А. А. Зубова, не неандертальцу, а ископаемому человеку современного физического типа. В некоторых местах люди такого

типа уже появились в конце мустьерской эпохи. Кремневые орудия из мустьерских слоев Ахштырской пещеры напоминают зубчатое мустье. Встречаются здесь и единичные рубила, обработанные с обеих поверхностей. Абсолютная дата верхней части мустьерских слоев 35 000±2000 лет назад (дата вышележащего позднепалеолитического слоя 19 550±500 лет), но она не может считаться бесспорной.

Недалеко от Ахштырской пещеры, в долине р. Кудепсты, расположена Навалишенская пещера. Она была открыта С. Н. Замятниным в 1936 г. и тогда же им раскапывалась. В 1965 г. раскопки были продолжены В. П. Любиным и В. Е. Щелинским [Замятнин, 1961а; Любин, Щелинский, 1967]. В отличие от Ахштырской пещеры Навалишенская не служила постоянной стоянкой, а посещалась людьми лишь во время сезонных охот на пещерного медведя. Зимой же она была недоступна и непригодна для обитания.

Мустьерские стойбища, тоже принадлежавшие охотникам на пещерных медведей, а по характеру каменных изделий относящиеся к разновидности зубчатого мустье, обнаружены в пещерах недалеко от Сочи (Краснодарский край РСФСР) — Ацинской, Малой Воронцовской, Хостинской I и II [Крайнов, 1947; Замятнин, 1961а; Любин, Соловьев, 1971]. Особенно обильные культурные остатки, в том числе кости свыше 50 убитых первобытными охотниками пещерных медведей, доставила Малая Воронцовская пещера. Радиоуглеродная дата ее мустьерских отложений 35 680±480 лет назад.

Хорошо представлена мустьерская культура на Северном Кавказе в бассейне Кубани [Формозов, 1965]. Наиболее выразительными памятниками являются Ильская стоянка, Монашеская пещера, Губский навес № 1.

Ильская расположена между Краснодаром и Новороссийском. Это остатки мустьерского стойбища на открытом воздухе. Она была обнаружена в 1898 г. де Баем, раскапывалась С. Н. Замятниным (1925, 1926 и 1928 гг.), В. А. Городцовым (1936 и 1937 гг.) и Н. Д. Прасловым (1963, 1967—1969 гг.), но пока раскопками вскрыта лишь сравнительно незначительная часть стоянки [Праслов, Муратов, 1970]. Судя по обширности поселения (его площадь примерно 10 000 м²) и по насыщенности культурного слоя, люди жили здесь долгое время и периодически снова возвращались. Вероятно, их привлекали стада зубров, водившихся в изобилии в степных просторах Северного Кавказа и служивших основным объектом охоты. 60% общего количества костей, найденных в культурном слое, принадлежит зубрам. Охотились также на мамонтов, лошадей, ослов, благородных оленей. Ильская стоянка является многослойной. Все слои относятся к мустьерской эпохе и сравнительно незначительно различаются своими культурными остатками. В окрестностях стоянки месторождения кремня отсутствуют, и поэтому орудия изготовлялись из менее пригодных пород

камня — роговика, доломита, яшмы и т. д. Среди находок обращают на себя внимание рубильца (бифасы), обработанные с обеих поверхностей. Этим Ильская отличается от большинства мустьерских памятников Кавказа и напоминает некоторые мустьерские пещеры Крыма. Выделяются листовидные наконечники копий, отретушированные с верхней и нижней поверхностей. Налицо разные типы дисковидных нуклеусов, скребел, остроконечников, удлиненные пластинки позднепалеолитического облика, несколько костяных наковаленок. В культурном слое прослежены участки, содержавшие много расколотого, частично обработанного камня и являвшиеся местом выделки орудий, а также участки с большим количеством расколотых костей, где, вероятно, разделывались туши убитых животных.

Открытые в 1961 г. П. У. Аутлевым Монашеская пещера и расположенный рядом с ней Губский навес № 1 находятся восточнее Ильской, в 40—45 км к юго-востоку от Майкопа [Любин, Аутлев и др., 1973]. Проведенное палеоботаниками изучение пыльцы показало, что палеолитические люди жили здесь долгое время и заселяли значительную территорию. Об этом, в частности, говорит обилие пыльцы сложноцветных (многие виды которых широко расселяются на вытаптываемых площадях) и лебедовых. Монашеская пещера представляет собой широкий скальный навес, под которым сохранились остатки долговременной стоянки-мастерской мустьерской эпохи (толщина культурного слоя около 1.5 м). Объектом охоты являлись лошадь и зубр. Для изготовления орудий использовался кремень местного происхождения. Но извлекать желваки кремня из толщи плотных известняков, видимо, было нелегко, и поэтому с каждого нуклеуса стремились сколоть максимальное число отщепов, вплоть до самых мелких. Среди орудий представлены разнообразные наконечники и скребла, напоминающие типичное мустье. Довольно много удлиненных пластин и орудий позднепалеолитических типов. Это позволяет В. П. Любину высказать предположение о позднемустьерском возрасте пещеры. Губский навес № 1 еще в меньшей мере, чем Монашеская пещера, мог защищать своих первобытных обитателей от дождя и ветра. Между тем люди заселяли здесь площадь около 200 м². Возможно, под прикрытием навеса они воздвигали дополнительно какие-то искусственные жилые сооружения. Налицо два культурных слоя: позднепалеолитический и залегающий под ним позднемустьерский, несколько более бедный, чем в Монашской пещере. Люди здесь также производили обработку кремня. Мустьерский кремневый инвентарь близко напоминает таковой в Монашской пещере. Любин выделяет на основании обоих памятников губскую мустьерскую культуру Прикубанья, отличающуюся от других мустьерских культур Кавказа, но вместе с тем, как и многие из них, несколько напоминающую типичное мустье.

В настоящее время на территории СССР, пожалуй, лучше всего известны мустьерские памятники Крыма, к которым мы те-

перь и перейдем.[11] Они сосредоточены в основном между Бахчисараем, Симферополем и Белогорском. В Крыму налицо несколько мустьерских культур, относящихся к разным путям развития кремневой техники. Мустье с ашельской традицией, почти вовсе отсутствующее на Кавказе, здесь представлено рядом выразительных памятников.

Первым мустьерским памятником, который стал известен в Крыму, является Волчий грот, открытый К. С. Мережковским в 1879 г., т. е. в то время, когда изучение палеолита и в России, и за рубежом делало свои первые шаги. Мережковский произвел в гроте небольшие раскопки, обнаружил культурные остатки мустьерского времени и определил их возраст. Но впоследствии это открытие было забыто, и только в 1938—1930 гг. О. Н. Бадер возобновил исследование Волчьего грота (Бадер, 1939]. В 1968 г. раскопки продолжил Николай Бадер [Бадер, 1969]. В гроте три культурных слоя: два нижних — мустьерские, а верхний знаменует уже самое начало позднего палеолита. Местом обитания людей в мустьерскую эпоху служил не столько сам грот, сколько впадина перед его входом, защищенная скалистыми стенами и хорошо обогреваемая солнцем. Раскрытые здесь нагромождения костей, вероятно, представляют собой остатки искусственного жилого сооружения, располагавшегося перед входом в грот; жилище было ограждено крупными костями мамонта и древесными ветвями.

Одним из весьма интересных мустьерских памятников Крыма является пещера Чокурча, находящаяся в 2 км от Симферополя. Она открыта в 1927 г. С. И. Забниным и раскапывалась в 1928 и в последующие годы Н. Л. Эрнстом и Б. И. Татариновым. Люди жили главным образом у защищенного нависающей скалой входа в пещеру. Остатки их культуры залегают в виде нескольких тонких прослоек, содержащих кремневые орудия, угли, золу и кости. Очевидно, в течение долгого времени, может быть, несколько поколений неандертальцев пользовалось пещерой как местом остановок во время своих охотничьих экспедиций. Охота велась по преимуществу на лошадь и антилопу-сайгу в определенные сезоны года, когда большие стада этих животных стекались из соседних степей на нетронутые пастбища Крымского предгорья. В меньших размерах охотились на мамонта, большерогого оленя, быка, песца и т. д. В те периоды, когда пещера не была занята людьми, в ней селились пещерные гиены; об этом свидетельствуют многочисленные находки их костей, а также костей животных, принесенных гиенами в пещеру и обглоданных там. Такие находки сделаны главным образом в прослойках, несодержащих культурных остатков и образовавшихся в промежутки между обитанием людей. Вероятно, охотники, возвращаясь в свое становище, должны были выгонять оттуда гиен.

[11] Обобщенную характеристику палеолита Крыма см.: [Ефименко, 1953; Гладилін 1971; Векилова, 1971].

Успешная охота на мамонтов, очевидно, появившихся однажды в большом количестве в окрестностях, сделала возможным продолжительное обитание людей в Чокурче. К этому времени относится сооружение перед входом в пещеру долговременного жилища [Любин, 1970], от которого дошло до нас большое скопление костей мамонтов, принадлежавших более чем 20 особям. Последнее состояло лишь из определенных частей скелетов: черепов, нижних челюстей, тазовых костей, костей конечностей, бивней. Под скоплением, представлявшим собой, вероятно, развалины кровли жилья, залегал слой золы, углей, кремневых изделий и обломков костей разных животных мощностью до 15 см. Люди расчленяли убитых ими мамонтов на месте охоты, значительную часть туши съедали там же, а головы и конечности как наиболее лакомые части притаскивали в пещеру, чтобы их доесть, а затем использовать при сооружении жилища. Кости мамонтов были расколоты для добывания костного мозга, а черепа пробиты для вскрытия мозговой полости. Это делалось большими камнями и специально подобранными гальками; они во множестве обнаружены в пещере и имеют на концах метки от ударов. Найдена, кроме того, специальная наковальня — плита известняка, на которой разбивались камни.

Вместе со следами трапезы в Чокурче сохранились и остатки костров, у которых обогревались и приготовляли себе пищу обитатели пещеры. Места костров и представляли собой неглубокие тазообразные впадины, заполненные углями, золой и пережженными костями. Топливом служило дерево, а также кости животных. Употребление костей в качестве топлива характерно не только для одной Чокурчи. Костное топливо в северных приледниковых районах начиная с мустьерского времени было господствующим на протяжении всего древнего каменного века. Свежие кости с сохранившимся на их поверхности жиром являются хорошим топливом, хотя и дают много чада. Брошенные в огонь, они медленно разгораются, но зато горят долго и жарко. Широкое использование костей в качестве топлива несомненно было связано с распространенными в палеолите в приледниковой полосе Европы и Азии безлесными ландшафтами и с крайней редкостью и несовершенством рубящих орудий.

Среди кремневых орудий Чокурчи особенно многочисленны скребла. Большим количеством экземпляров представлены остроконечники и очень тщательно обработанные с обеих сторон бифасы, свидетельствующие о близости Чокурчи к мустье с ашельской традицией. Многие из последних, вероятно, служили наконечниками охотничьего оружия. Найдены обломки костей, употреблявшихся в качестве наковаленок и отжимников при обработке кремневых орудий, а также несколько костей, обточенных и заостренных на конце,— видимо острия и шилья.

Грот Киик-Коба (рис. 40) принадлежит к самым достопримечательным палеолитическим памятникам не только Крыма, но и

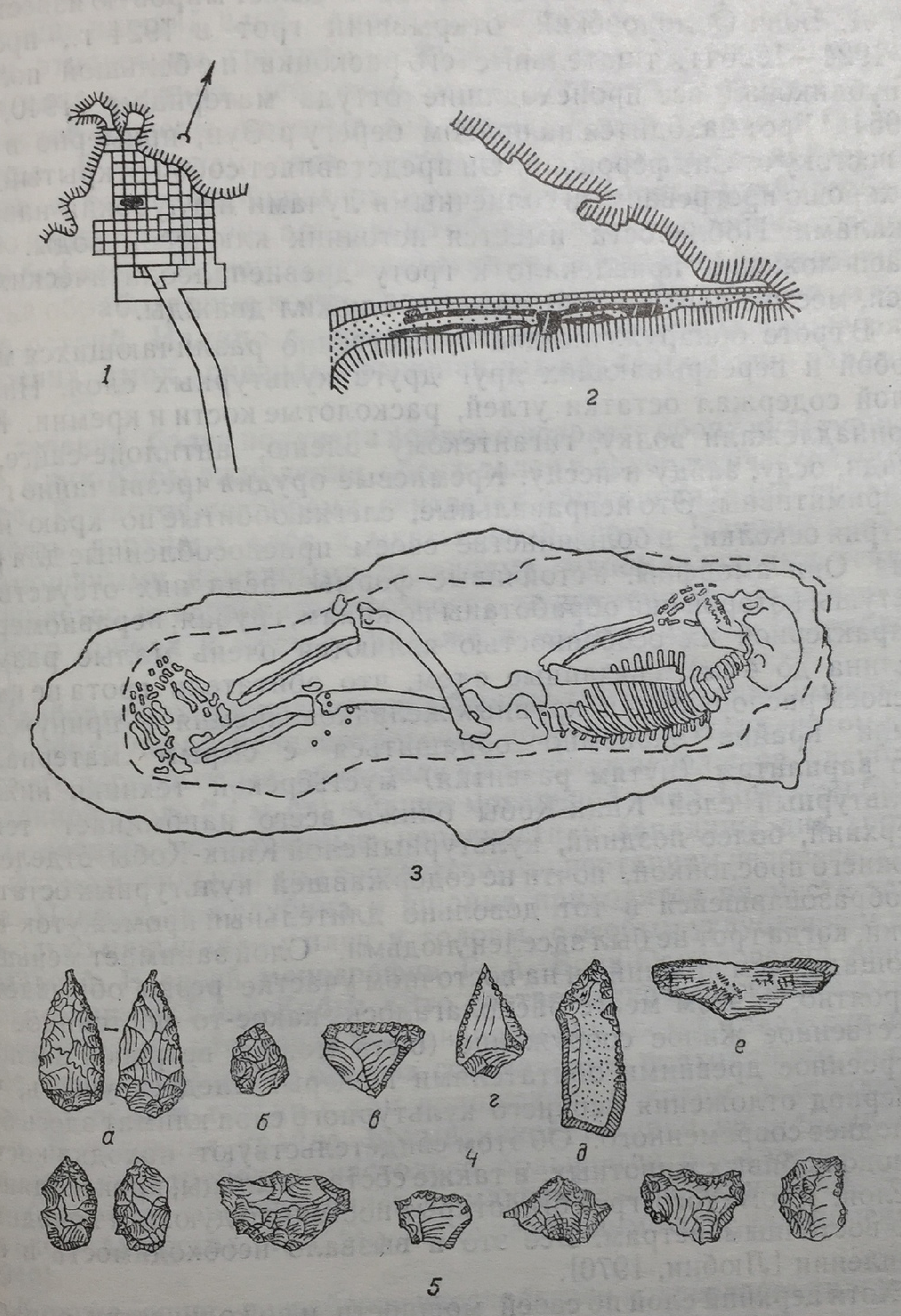

Рис. 40. Киик-Коба. Раскопки Г. А. Бонч-Осмоловского.

1 — план пещеры (клетки — площадь раскопок, черный овал — погребение неандертальца); *2* — разрез пещеры (черные полосы — верхний и нижний культурные слои, которые на месте погребения сливаются); *3* — реконструкция погребения неандертальца (пунктир — нижние границы могильной ямы, сплошная линия — верхние границы); *4* — кремневые орудия из верхнего культурного слоя (*а*, *б* — бифасы; *в* — скребло; *г*, *д* — остроконечники; *е* — костяной отжимник); *5* — кремневые орудия из нижнего культурного слоя.

всей территории Советского Союза и имеет мировую известность. Г. А. Бонч-Осмоловский, открывший грот в 1924 г., произвел в 1924—1926 гг. тщательные его раскопки и с большой полнотой опубликовал все происходящие оттуда материалы [1940, 1941, 1954]. Грот находится на правом берегу р. Зуи, примерно в 25 км к востоку от Симферополя. Он представляет собой открытый на юг и хорошо прогреваемый солнечными лучами неглубокий навес под скалами. Поблизости имеется источник ключевой воды. Такое расположение привлекало к гроту древнепалеолитических людей, местом обитания которых он служил дважды.

В гроте обнаружены два существенно различающихся между собой и перекрывающих друг друга культурных слоя. Нижний слой содержал остатки углей, расколотые кости и кремни. Кости принадлежали волку, гигантскому оленю, антилопе-сайге, лошади, ослу, зайцу и песцу. Кремневые орудия чрезвычайно грубы и примитивны. Это неправильные, слегка оббитые по краю или у острия осколки, в большинстве своем приспособленные для резания. Они аморфны. Устойчивые формы среди них отсутствуют. Ретушь, которой они обработаны по краям, грубая, неравномерная. Характерной их особенностью являются очень малые размеры (длина до 4 см), связанные с тем, что обитатели грота не имели в своем распоряжении крупных желваков кремня и принуждены были крайне экономно обращаться с сырым материалом. По вариантам (путям развития) мустьерской техники нижний культурный слой Киик-Кобы ближе всего напоминает тейяк. Верхний, более поздний, культурный слой Киик-Кобы отделен от нижнего прослойкой, почти не содержавшей культурных остатков и образовавшейся в тот довольно длительный промежуток времени, когда грот не был заселен людьми. Слой занимает меньшую площадь, чем нижний, и на восточном участке резко обрывается. Вероятно, в этом месте располагалось какое-то постоянное искусственное жилое сооружение (быть может, ветровой заслон), устроенное древними обитателями пещеры. Следует учесть, что в период отложения верхнего культурного слоя климат здесь был холоднее современного. Об этом свидетельствуют находки костей холодолюбивых животных, а также состав пыльцы, происходящей из слоя. Кроме того, грот был открыт постоянно дующим холодным юго-восточным ветрам. Все это и вызвало необходимость в его утеплении [Любин, 1970].

Хотя верхний слой по своей мощности и по количеству обработанных кремней уступает нижнему, в нем найдено в 10 раз больше костей. Они принадлежат мамонту, шерстистому носорогу, зубру, лошади, благородному и гигантскому оленям, пещерной гиене и другим животным. Многие расколоты для добывания костного мозга или же обожжены. Кремневые орудия резко отличаются от найденных в нижнем слое и напоминают мустье с ашельской традицией. Как указывает Г. А. Бонч-Осмоловский, хаотическое многообразие нижнего слоя сменилось здесь привычными, удобными

в работе типами орудий. Можно предполагать, что люди, оставившие верхний слой, не были непосредственными потомками людей, оставивших нижний слой, а принадлежали к разным культурам, разным этническим группам неандертальцев. Тут наблюдается совсем иная картина, чем, скажем, в шести мустьерских слоях Ереванской пещеры, которые все принадлежат к одной и той же культуре. В верхнем слое встречены дисковидные нуклеусы, скребла и остроконечники разных типов. Характерной особенностью является обилие аккуратно обработанных с обеих поверхностей бифасов. Присутствуют костяные наковальни, отжимники и слегка обработанные кости, возможно использовавшиеся в качестве острий. Налицо остатки нескольких очагов, а также ряд небольших ямок, очевидно выкопанных для сохранения запасов пищи.

В течение более полувека вопрос о возрасте обоих культурных слоев Киик-Кобы оживленно обсуждался в археологической литературе. В настоящее время считается общепризнанной принадлежность верхнего слоя к мустьерской эпохе. Нижний слой с его аморфными каменными изделиями, напоминающими тейяк, большинство исследователей относит ко времени, переходному от позднего ашеля к мустье, или же к началу мустье [Гладилін, 1971].

Наиболее интересная находка был сделана под нижним слоем. Здесь обнаружено неандертальское погребение. В скалистом дне грота его первобытные обитатели выдолбили небольшое углубление длиной около 2.1 м, служившее могильной ямой. При этом были использованы естественные неровности и западины дна грота. По форме могильная яма соответствует очертаниям человеческого тела. Наибольшая глубина и ширина приходятся на месте таза, несколько меньшая — у плеч и головы, с особым углублением для последней. В своей монографии Г. А. Бонч-Осмоловский пишет о погребении из Киик-Кобы: «Это соответствие выражено с такой отчетливостью, что когда после извлечения костей и зачистки ямы в нее лег для примерки один из сотрудников подходящего роста, то он мог лежать только в том положении, в каком находился труп. В условиях крайне примитивной техники выдалбливание подобной ямы требовало настолько большой затраты энергии, что углубление ее производилось с максимальной экономией, т. е. только в тех местах, где это было необходимо для захоронения» [1940].

К сожалению, погребение впоследствии подверглось сильному разрушению. В своем первоначальном положении на дне могильной ямы сохранились лишь кости правой голени и обеих стоп. Кроме того, на соседних участках обнаружены остатки кисти и один зуб. Остальные кости погибли, однако изучение сохранившихся бесспорно свидетельствует о принадлежности их неандертальскому человеку (видимо, это был представитель группы Шапель).

Кости неандертальца из Киик-Кобы очень тщательно изучил Г. А. Бонч-Осмоловский [1941, 1954]. Важные дополнительные материалы были получены также в результате проведенного Д. Г. Рохлиным рентгенологического исследования. Рохлин, несколько разойдясь с первоначальным предположением Бонч-Осмоловского о принадлежности скелета мужчине, пришел к выводу, что скелет скорее всего принадлежал женщине средних лет, находившейся в расцвете сил, не обнаруживавшей никаких признаков старения; ей было меньше 40 лет, быть может даже меньше 35 лет. Рост ее равнялся 155—159 см. Она не страдала ни одним заболеванием, которое надолго сделало бы ее неработоспособной. Поэтому наиболее вероятным является предположение, что она погибла от какого-то остро протекавшего заболевания, не оставившего никаких следов на сохранившихся костях. Бонч-Осмоловский показал, что кости кисти киик-кобинца отличаются большой массивностью и шириной; сама кисть была очень широка и груба по своему строению. Рентгенологическое изучение костей выявило изменения в надколеннике, возможно возникшие в результате частого и продолжительного стояния на коленях во время тяжелой работы. На фалангах нескольких пальцев стопы выявлены также изменения — результат травмы или, быть может, обморожения [Рохлин, 1965].

По сохранившимся в нетронутом состоянии костям можно целиком восстановить положение скелета и трупа. Покойник лежал на правом боку со слегка подогнутыми ногами. Такая поза вообще характерна для мустьерских погребений. Ноги располагались несколько выше головы, что, по-видимому, объясняется трудностью углубления ямы в сплошном и плотном известняке.

Не вполне ясно, с каким из двух слоев Киик-Кобы связано погребение, к какому этапу древнего палеолита оно относится (время, переходное от позднего ашеля к мустье или мустье?). В погребение врезалась яма, вырытая людьми, оставившими верхний слой, и это обстоятельство делает вопрос о культурных напластованиях Киик-Кобы очень сложным и запутанным. В своей монографии о Киик-Кобе Г. А. Бонч-Осмоловский отнес погребение к верхнему культурному слою [1940].

В нескольких десятках сантиметров от основного погребения найден скелет ребенка неандертальца в возрасте 5—7 месяцев, лежавшего в могильной яме на левом боку в утробном положении [Vlček, 1976]. Можно предположить, что он одновременен основному погребению и связан с ним.

За последнее десятилетие, когда археологи все больше стали склоняться к мысли, что все палеолитические памятники, существовавшие на территории Крыма и уцелевшие до наших дней, уже выявлены и разведаны, совершенно неожиданные и исключительно важные открытия были сделаны в 7 км к северу от г. Белогорска (Восточный Крым). Впервые палеолитические кремневые орудия обнаружил в этих местах В. Ф. Петрунь в 1964 г. [Петрунь, 1969].

Но надо было выяснить, откуда они происходят. С этой целью начиная с 1969 г. здесь систематически производятся раскопки под руководством Ю. Г. Колосова. Оказалось, что расположенные по соседству гроты и скальные навесы возникли сравнительно поздно, в послепалеолитическое время, и не содержат остатков культуры древнего каменного века. Но здесь же тянутся естественные насыпи, образовавшиеся на месте гротов, разрушившихся в древности. Там, под насыпями, и было открыто 14 палеолитических поселений, в том числе пять мустьерских: Ак-Кая III, Заскальная III, V, VI и IX. Два из них — Заскальная V и VI — доставили кости неандертальских людей [Колосов, 1977; Колосов, Харитонов, Якимов, 1974].

Заскальная V — многослойное поселение. В напластованиях толщиной 4.5 м залегают перекрывающие друг друга шесть мустьерских культурных слоев. Верхние представлены большим числом кремневых орудий сравнительно крупных размеров. Много тщательно обработанных бифасов. Это мустье с ашельской традицией, обнаруживающее в то же время элементы сходства с мустьерскими памятниками, характеризующимися листовидными наконечниками. Фаунистические остатки принадлежат мамонту, лошади, антилопе-сайге. В нижних слоях кремневые орудия более мелкие (в среднем до 5 см в поперечнике). Бифасов меньше. Встречаются орудия позднепалеолитического облика. Это другая мустьерская культура (микромустье — по Ю. Г. Колосову). Фауна: мамонт, лошадь, антилопа-сайга, волк, беркут. Обломок затылочной части черепа молодого неандертальца найден в 1970 г. вместе с мустьерскими кремневыми орудиями и костями ископаемых животных в траншее на растоянии 15 м от стоянки. Он, видимо, был вымыт из какого-то мустьерского слоя.

Заскальная VI находится в 70 м от Заскальной V и содержит шесть мустьерских культурных слоев. Четыре верхних (слои I—III, IIIa) относятся к мустье с ашельской традицией. Фаунистические остатки принадлежат мамонту, лошади, антилопе-сайге, ослу, благородному и северному оленям, волку. Интересна находка восьми кремневых орудий, специально сложенных в ямку, и кремневого наконечника копья длиной 11.7 см, тщательно обработанного с обеих поверхностей. В 1972 г. в слое III открыты обломок нижней челюсти неандертальца, принадлежавший девочке 10—12 лет, ряд зубов и костей руки неандертальского человека. Слой IV доставил сравнительно немного бифасов, а находки культурных остатков, сделанные в слое V, самом нижнем, вообще очень немногочисленны.

В этих же местах, в 10 км к востоку от Белогорска, Ю. Г. Колосов обнаружил в 1973 г. мустьерский грот Пролом, раскопки которого доставили кости мамонта, антилопы-сайги, лошади, гигантского и северного оленей, пещерного медведя, песца и многочисленные кремневые орудия, близкие к мустье с ашельской традицией. В 1974 г. он же открыл поблизости, в балке Красной, первую

в Крыму мустьерскую стоянку под открытым небом с хорошо сохранившимся культурным слоем, доставившим много костей мамонтов и кремневых орудий.

Грот Шайтан-Коба расположен между Симферополем и Бахчисараем. Он был открыт С. Н. Бибиковым в 1928 г. и раскапывался Г. А. Бонч-Осмоловским в 1929—1930 гг. Шайтан-Коба — неглубокий навес под скалами, находившийся недалеко от месторождений хорошего кремня. Добывание кремня не представляло для обитателей грота особых трудностей, и они не были вынуждены экономить сырье. Поэтому орудия, происходящие из Шайтан-Кобы, крупнее орудий Киик-Кобы, поэтому же в Шайтан-Кобе очень много не использованных в качестве орудий пластин и отщепов кремня. Костные остатки принадлежат главным образом антилопе-сайге (5 особей) и ослу (5). Охота производилась кроме того, на мамонта, зубра, благородного и северного оленей, лошадь, волка, пещерную гиену, пещерного льва, песца. Такой состав фауны свидетельствует о суровых ледниковых климатических условиях начала вюрма. В Шайтан-Кобе представлены два мустьерских культурных горизонта, тесно связанных между собой. Особенностью кремневых изделий Шайтан-Кобы является хорошо выраженная леваллуазская техника раскалывания, которую демонстрируют как нуклеусы, так и отщепы и пластины. Среди орудий преобладают разные типы скребел и остроконечников. Налицо зубчатые орудия, а также небольшое число резцов и скребков, напоминающих поздний палеолит. Бифасы почти вовсе отсутствуют. В верхнем горизонте появляются призматические нуклеусы позднепалеолитических типов и увеличивается число удлиненных пластин. Верхний горизонт можно предположительно датировать позднемустьерским временем, отнести его к числу наиболее поздних из мустьерских памятников Крыма, а нижний — концом среднемустьерского времени. Шайтан-Коба демонстрирует своеобразную крымскую мустьерскую культуру леваллуазского характера, возможно проникшую сюда из Передней Азии через территории Болгарии и Румынии [Колосов, 1972].

Наряду с Киик-Кобой к числу наиболее достопримечательных палеолитических памятников Крыма принадлежит грот Староселье. Он находится близ Бахчисарая, был открыт А. А. Формозовым в 1952 г. и раскапывался им же в 1952—1956 гг. [Формозов, 1958]. Раскопками вскрыто 250 м² — наибольшая изученная археологами площадь среди всех крымских мустьерских пещер. Грот расположен недалеко от воды, обращен входом на запад и хорошо защищен от холодных северных и восточных ветров. Площадь грота в палеолите была около 400 м². Местонахождение хорошего черного кремня заключено в самом гроте и несомненно использовалось первобытными людьми для изготовления орудий. Все эти обстоятельства создавали весьма благоприятные условия для поселения здесь людей мустьерской эпохи. Мустьерские обитатели Староселья охотились главным образом на ослов.

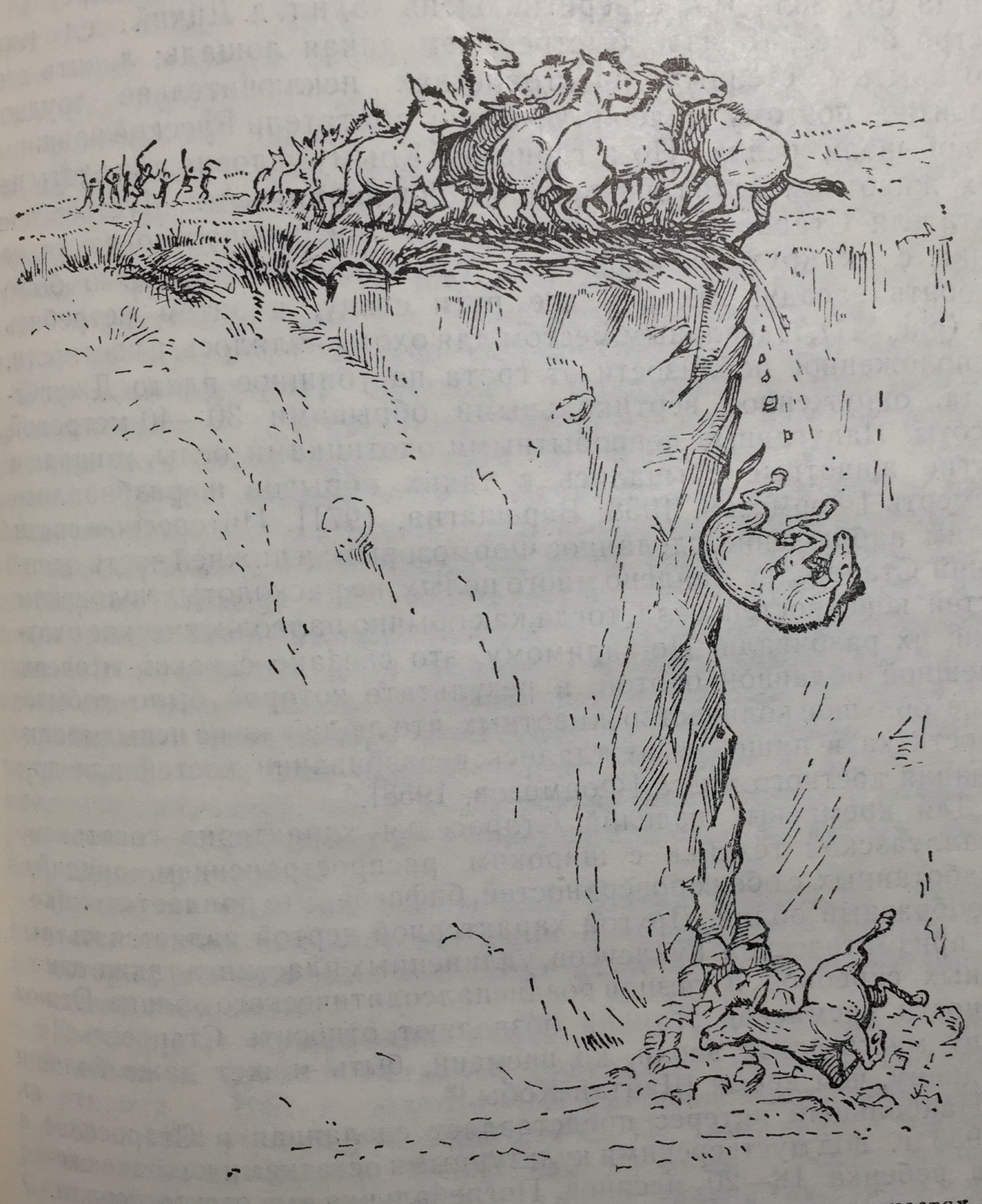

Рис. 41. Охота первобытных людей на диких ослов в окрестностях Староселья. Реконструкция Н. К. Верещагина.

Раскопками обнаружены кости не менее 287 особей этих животных. Гораздо реже охотничьей добычей становились лошадь (16 особей), антилопа-сайга (14), мамонт (8), сибирский насорог (4), лисица (5), волк (6), северный олень (5) и т. д. Дикий осел очень быстро бегает, гораздо быстрее, чем дикая лошадь; ловить его в открытых степных пространствах исключительно трудно. Вероятно, поэтому палеолитические обитатели Русской равнины не добывали ослов. Но в гористом Крыму условия для охоты на этих животных были гораздо более благоприятными. Мустьерские обитатели Староселья при охоте на них могли использовать узкие балки с их крутыми обрывами, где относительно легко было устроить засаду, закрыть все пути стаду, а затем истребить его (рис. 41). Идеальным местом для охоты являлось, в частности, расположенное поблизости от грота пастбищное плато Джугут-Кала, окруженное вертикальными обрывами 30—40-метровой высоты. Напуганные первобытными охотниками ослы, лошади и другие животные срывались с таких обрывов и разбивались насмерть [Формозов, 1958; Верещагин, 1971]. Интересно в связи с этим наблюдение, сделанное Формозовым: в нижней части отложений Староселья найдено много целых, не расколотых человеком костей конечностей осла, тогда как обычно палеолитические охотники, их разбивали. По-видимому, это связано с какой-то очень успешной облавной охотой, в результате которой было добыто такое большое количество животных, что люди уже не испытывали недостатка в пище, не нуждались в разбивании костей для добывания костного мозга [Формозов, 1958].

Для кремневых изделий Староселья характерно сочетание леваллуазской техники с широким распространением орудий, обработанных с обеих поверхностей, бифасов. Это придает стоянке своеобразный облик. Другой характерной чертой является наличие призматических нуклеусов, удлиненных пластин, а также единичных скребков и резцов позднепалеолитического облика. Особенности кремневой техники позволяют относить Староселье к концу мустьерской эпохи, ко времени, быть может даже более позднему, чем время Шайтан-Кобы.[12]

Наибольший интерес представляет сделанная в Староселье в 1953 г. под мустьерскими культурными остатками находка скелета ребенка 18—20 месяцев. Погребальная яма отсутствовала. Труп, вероятно, был положен на поверхность пола пещеры и прикрыт слоем земли и камней. А. А. Формозов, обнаружив человеческие кости и учтя большую научную значимость подобного открытия, немедленно прекратил раскопки и дал знать в Академию наук СССР. Комиссия в составе Я. Я. Рогинского, С. Н. Замят-

[12] Напластования Староселья, содержащие мустьерские кремневые орудия, достигают в ряде мест 4 м толщины. А. А. Формозов считает их практически одновременными, едиными, позднемустьерскими. Однако В. Н. Гладилин высказал предположение о наличии здесь двух близких друг к другу по времени жилых горизонтов.

нина и М. М. Герасимова, сразу же прибывшая на место раскопок для изучения остатков человека и извлечения их из слоя, пришла к заключению о позднемустьерском возрасте скелета. Восстановленный с большим искусством М. М. Герасимовым из отдельных кусков череп ребенка оказался, по заключению Я. Я. Рогинского и других антропологов, принадлежащим человеку современного физического типа, имеющим лишь отдельные неандертальские признаки. Налицо своеобразное сочетание примитивных и сапиентных признаков. Бросаются в глаза круто поднимающийся кверху лоб и наличие подбородочного выступа. К числу неандертальских признаков могут быть отнесены большая толщина скуловых отростков лобной кости и крупные размеры зубов; некоторые из последних больше зубов современного взрослого человека.

Ряд исследователей сближает старосельца с отдельными представителями прогрессивных палестинских палеоантропов, являющимися переходным типом от неандертальца к Homo sapiens. Другие исследователи рассматривают старосельца как Homo sapiens, имеющего лишь отдельные первобытные пережитки [Рогинский, Левин, 1963; Алексеев, 1966]. Находка в Староселье достопримечательна как свидетельство тесных генетических связей, существовавших между человеком современного физического типа (Homo sapiens) и его предком — неандертальцем, как доказательство того, что превращение неандертальца в человека современного физического типа совершалось, помимо других территорий, и на юге нашей страны. Раскопки в Староселье продемонстрировали, что в мустьерскую эпоху наряду с доминировавшими неандертальцами уже начали кое-где возникать люди современного типа.

Список мустьерских памятников Крыма далеко не исчерпывается семью наиболее важными и интересными пещерами, на которых мы остановились. Здесь известно свыше 40 местонахождений этой эпохи.

К северу от Крыма одним из важнейших мустьерских поселений является Сухая Мечетка (Сталинградская стоянка). Она была открыта в 1951 г. геологом М. Н. Грищенко и раскапывалась в 1952 и 1954 гг. под руководством С. Н. Замятнина. Стоянка расположена на окраине Волгограда, на правом склоне балки Сухая Мечетка, близ пос. Рынок, и представлена залегающим на глубине около 20 м хорошо выраженным, непереотложенным культурным слоем, содержащим многочисленные культурные остатки [Замятнин, 1961б]. Культурный слой был вскрыт раскопками на очень большой площади — около 650 м². Фаунистические остатки и пыльца ископаемых растений свидетельствуют о том, что в период существования стоянки здесь господствовали степные ландшафты, засушливый и континентальный климат. На основании геологических данных стоянку предположительно датируют концом рисс-вюрмского межледниковья и началом вюрма [Александрова, 1974. Люди жили на берегу водного потока, на невысокой

заболоченной террасе. Поселение было покинуто мустьерскими охотниками, видимо, в связи с нередким подтоплением его частыми разливами — первыми предвестниками начавшейся хвалынской трансгрессии Каспийского моря, во время которой площадь стоянки оказалась покрытой водами Каспия.

Обитатели Сухой Мечетки, как и обитатели Ильской, охотились главным образом на зубров. В культурном слое найдены также остатки антилопы-сайги, мамонта, лошади и др. Среди зубров преобладали молодые, которых легче было загнать и убить. Кремневые орудия представлены главным образом разными типами скребел, остроконечников и бифасов. Встречены изделия, напоминающие позднепалеолитические.

После того как люди покинули стоянку, брошенные ими культурные остатки, в частности кремневые орудия, почти не претерпели перемещения. С. Н. Замятнин в процессе раскопок отметил такой любопытный факт. На одном участке найдены два обломка крупного кремневого остроконечника, лежавшие на расстоянии 50 см друг от друга. Орудие было поломано в древности. Здесь же находились мелкие осколки, получившиеся при изготовлении остроконечника. Нижняя его часть отсутствовала и была обнаружена в 3 м от места находки остальных частей. Становятся ясными происшедшие здесь события: орудие было разбито, когда его уже почти закончили, причем два обломка упали тут же и остались в окружении осколков, полученных в процессе изготовления, нижний же конец сломавшегося орудия мастер в досаде отбросил в сторону. В культурном слое раскрыты остатки костров, для разжигания которых использовалась древесина хвойных деревьев.

Несколько мустьерских местонахождений открыто в 1951—1954 гг. М. З. Паничкиной и З. А. Абрамовой на Средней Волге, между г. Куйбышевом и устьем Камы,— Красная Глинка, Тунгуз и др.

На Южном Урале (Башкирская АССР), в 40 км к западу от Магнитогорска, находится стоянка Мысовая, образующая как бы соединительное звено между мустьерскими памятниками европейской и азиатской частей СССР. Она открыта в 1961 г. Г. Н. Матюшиным и раскапывалась под его руководством в 1962—1968 гг.; происходящий отсюда древнепалеолитический материал был изучен О. Н. Бадером [Бадер, Матюшин, 1973]. Нижний слой стоянки доставил несколько десятков мустьерских кремневых изделий — нуклеусов, остроконечников, скребел, бифасов. Фаунистические остатки отсутствуют. Но техника обработки кремня и формы орудий позволяют уверенно датировать этот комплекс мустьерским временем. Находки на Мысовой свидетельствуют о заселении Южного Урала людьми мустьерской эпохи.

В Приазовье и Донбассе следует в первую очередь назвать многослойное мустьерское поселение Рожок на северном побережье Азовского моря, в 45 км к западу от Таганрога, открытое в 1961 г. Н. Д. Праcловым и раскапывавшееся под его руковод-

ством в 1961 и 1962 гг. [Борисковский, Праслов, 1964; Праслов, 1968]. Оно содержит шесть мустьерских слоев, доставивших в общем однородные культурные остатки, во многом напоминающие таковые в Сухой Мечетке. Основным объектом охоты и здесь являлся зубр. Охота производилась, кроме того, на осла, гигантского оленя, лошадь, волка. В одном из слоев (IV) найден зуб, принадлежавший человеку современного физического типа; это перекликается с находкой костей человека современного типа в мустьерской пещере Староселье в Крыму и в мустьерском слое Ахштырской пещеры на Кавказе.

Несколько десятков более бедных мустьерских стоянок и местонахождений известно в Северо-Восточном Приазовье, где для их изучения много сделал Н. Д. Праслов. Отметим Носово I на правом берегу Миусского лимана; культурный слой здесь содержал, помимо кремневых орудий, настоящую россыпь красной охры, несомненно служившей для окраски тела и орудий. Дальше, к северу, в бассейне Северского Донца, недалеко от Ворошиловграда, располагаются местонахождения Деркул и Красный Яр, исследовавшиеся еще в 1924—1933 гг. П. П. Ефименко и С. Н. Замятниным. Назовем также Белокузьминовку в Донецкой области, открытую Д. С. Цвейбель в 1968 г. и раскопанную под ее руководством в 1968—1970 гг. Особенно следует остановиться на стоянках Антоновка I и II, находящихся в 40 км к юго-западу от Донецка. Они расположены одна возле другой, открыты и исследованы В. Н. Гладилиным в 1962—1965 гг. (Гладилин, 1976). Культурный слой обеих стоянок разрушен. Все же в Антоновке II сохранились кости зубра и лошади. Основное, что доставили обе стоянки, это расколотый и обработанный кремень: Антоновка I — свыше 5 тыс. экз., Антоновка II — около 8 тыс. Среди инвентаря много скребел, скребел-ножей и бифасов разных типов. В Антоновке II больше остроконечников, чем в Антоновке I, и гораздо лучше выражена леваллуазская техника. Обе стоянки представляют особую, антоновскую культуру, относящуюся к пути развития мустье с ашельской традицией: Антоновка I — более ранний, а Антоновка II — более поздний ее этап.

Около 50 мустьерских местонахождений исследовано по течению Днепра, между Кременчугом и Запорожьем [Смирнов, 1973]. Наибольшей известностью пользуется стоянка Кодак, расположенная на правом берегу Днепра близ Днепропетровска. Ее открыл в 1932 г. А. В. Добровольский, а раскапывал в 1934—1935 гг. Т. Т. Тесля. В окрестностях с. Старый Кодак, в балках Сажавка и Средняя, в слое древних озерно-речных отложений на глубине свыше 20 м найдены расколотые кости и каменные орудия. Кости принадлежат мамонту, шерстистому носорогу, лошади, зубру, большерогому и северному оленям, льву, бурому медведю и другим животным. Кремневые изделия типично мустьерские — дисковидный нуклеус, остроконечники, скребла. Назовем еще местонахождение Круглик на правом берегу Днепра, в 25 км к северу

от Запорожья, открытое и исследованное в 1946 г. В. Н. Даниленко. Кремневые изделия здесь во многом напоминают таковые в нижнем слое Киик-Кобы. Наконец, следует упомянуть расположенное на левом берегу Днепра к северо-востоку от Круглика местонахождение Орел, открытое и исследованное в 1955—1956 гг. А. В. Бодянским. Многочисленный кремневый инвентарь этой стоянки имеет в общем позднемустьерский характер.

Ряд местонахождений известен в бассейне Десны, а также в верховьях Оки между 52 и 54° с. ш. Они принадлежат к числу наиболее северных из достоверных мустьерских памятников территории СССР. Особенно важными и интересными являются Хотылево и Бетово, находящиеся на правом берегу Десны недалеко от Брянска.

Местонахождение Хотылево расположено в 18 км к северо-западу от Брянска. Оно было открыто Ф. М. Заверняевым и раскапывалась под его руководством в 1960—1968 гг. [Заверняев, 1971]. Мустьерские культурные остатки залегали в переотложенном состоянии, в древнем галечнике, на глубине 15—20 м от поверхности. Выраженный культурный слой с очагами, скоплениями костей отсутствовал, но фаунистические остатки сохранились. Они принадлежали мамонту, волку, благородному и северному оленям, лошади, зубру и т. д. Раскопки доставили около 19 тыс. кремней со следами обработки рукой человека. Представлены дисковидные нуклеусы, разные типы скребел, остроконечников, бифасов, а также небольшое число листовидных наконечников копий с двусторонней обработкой. Хорошо выражена леваллуазская техника раскалывания кремня. Условия залегания находок, как и характер кремневого инвентаря, позволяют предположительно датировать Хотылево раннемустьерским временем, рисс-вюрмом или самым началом вюрма.

Стоянка Бетово находится в 10 км выше Хотылева. Она была открыта Л. М. Тарасовым в 1971 г. и раскапывалась под его руководством в 1971—1977 гг. [Тарасов, 1977]. В культурном слое, залегающем на глубине 5—6 м от поверхности, обнаружены кости мамонта, шерстистого носорога, песца и других животных, а также много довольно атипичных кремневых изделий, примыкающих к зубчатому мустье (нуклеусы, зубчатые и выемчатые орудия из осколков плитчатого кремня, скребла-ножи, единичные бифасы и др.).

Большое число выразительных мустьерских поселений под открытым небом и пещер известно на юго-западе европейской части СССР, в бассейне Днестра и Прута, на территории Молдавской ССР и Черновицкой области УССР. В их изучение первостепенный вклад внесли А. П. Черныш, Н. А. Кетрару и Н. К. Анисюткин. Мы в основном будем следовать за выводами Анисюткина, касающимися культурной принадлежности этих памятников. Последние образуют несколько территориальных и культурных групп.

Одна группа, молодовская, включает стоянки Молодова I и V, расположенные на правом берегу Днестра, в Черновицкой области [Черныш, 1965, 1973].

Молодова I открыта И. Ботезом в 1928 г. Широкие раскопки, при которых было вскрыто 400 м², произвел здесь А. П. Черныш в 1955—1963 гг. Всего стоянка содержит пять мустьерских культурных слоев, перекрывающих друг друга. Наиболее многочисленные и интересные культурные остатки доставил IV слой, в котором на глубине 11.5—12 м от поверхности земли в 1958—1959 гг. Черныш открыл остатки жилого сооружения — первого долговременного жилища мустьерской эпохи, ставшего известным археологической науке. Они представляли собой овальную выкладку специально подобранных крупных костей мамонта (рис. 35). Ширина пояса костей достигала в среднем 0,6—1.6 м. Общая площадь развалин жилища 10 × 7 м, площадь его внутренней части, окаймленной поясом из костей, 8 × 5 м. Последний включал 12 расколотых черепов мамонтов, 34 лопатки и тазовые кости, 51 кость конечностей, 15 бивней и 5 нижних челюстей. Внутри кольца (пояса) из костей была сосредоточена основная масса палеолитических культурных остатков, обнаруженных в этом слое, в том числе и следы 15 костров, представлявшие собой овальные зональные пятна толщиной всего 1—2 см; видимо, каждый из костров горел недолго. Черныш справедливо предполагает, что овальное ограждение из крупных костей, окружающее интенсивное скопление культурных остатков, являлось остатками основания стены долговременного крупного наземного жилища мустьерского времени. Жилище, вероятно, напоминало шалаш. Его каркас сооружался из крупных жердей, покрывавшихся шкурами мамонтов; последние в нижней части придавливались костями конечностей. Распространение остатков мамонта дает Чернышу основание предполагать, что главная камера жилища разделялась перегородкой из стоявших вертикально костей на две части. Ряд крупных зубов мамонта, лежавших в одинаковом положении, жевательной поверхностью вверх, недалеко от стен шалаша, мог быть использован неандертальцами в качестве сидений. Культурный слой в пределах жилища достигал в толщину 12—15 см. За пределами жилища он был более тонким, содержал немного культурных остатков; на этих участках люди, вероятно, жили и трудились под открытым небом — здесь тоже сохранились остатки костров.

Обитатели молодовского жилища, кроме мамонта, охотились на северного оленя, лошадь, зубра, шерстистого носорога, лося, бурого медведя. Кремневый инвентарь, найденный в IV слое, насчитывал 32 тыс. экз. Хорошо выражена леваллуазская техника раскалывания кремня. Налицо разные типы скребел, остроконечников, зубчатых и выемчатых орудий. Бифасы отсутствуют. Наряду с преобладающими леваллуазскими и дисковидными нуклеусами имеются призматические нуклеусы, удлиненные пласти-

ны, а также единичные орудия позднепалеолитических типов. В культурном слое найдено несколько десятков круглых, овальных и кубообразных галек главным образом песчаника, имеющих хорошо заглаженные грани и использовавшихся в качестве терок и пестов [Черныш, 1965]. Вероятно, они служили для толчения и растирания растительной пищи, в первую очередь зерен дикорастущих растений. С этими находками можно сопоставить обнаружение здесь крупного клиновидного каменного изделия длиной 23.5 см, с плоским нижним рабочим концом; оно, возможно, являлось примитивным землекопным орудием, тоже связанным с собирательством. В культурном слое залегали и куски краски.

Радиоуглеродные определения свидетельствуют о том, что IV слой Молодовы I имеет древность свыше 44 тыс. лет. Это начало вюрма, позднемустьерское время. Здесь представлена своеобразная молодовская мустьерская культура, отличительной особенностью которой является леваллуазская техника раскалывания. К той же культуре относятся остальные мустьерские слои Молодовы I (I—III и V).

Молодовскую культуру демонстрируют и четыре самых нижних слоя (11б, 11, 12а, 12) поселения Молодова V, расположенного на правом берегу Днестра, поблизости от Молодовы I. Стоянка Молодова V была открыта А. П. Чернышом в 1948 г. и раскапывалась под его руководством в 1951—1964 гг. [Черныш, 1965, 1973]. Она содержит серию очень богатых позднепалеолитических слоев, на которых мы останавливаться не будем. Мустьерские слои Молодовы V залегли на глубине 8.5—11 м от поверхности и были вскрыты раскопками на площади 264 м². В слоях 11 и 12 (самый нижний) обнаружены остатки жилищ, напоминающих мустьерское жилище Молодовы I. Слой 11 Молодовы V имеет радиоуглеродные даты свыше 40.5 и 45.6 тыс. лет назад.

Более чем в 45 км выше по Днестру расположена стинковская группа мустьерских памятников. Наиболее выразительным среди них является стоянка Стинка I, лежащая на правом берегу Днестра недалеко от Хотина. Она была открыта в 1964 г. Н. К. Анисюткиным и раскапывалась под его руководством в течение ряда лет, содержит два мустьерских слоя [Анисюткин, 1969]. Стинка I интересна своим кремневым инвентарем, существенно отличающимся от орудий молодовской культуры. Почти отсутствуют леваллуазские техника и скербла. Многочисленны мелкие атипичные отщепы и осколки, а также зубчатые и выемчатые орудия. Анисюткин определяет Стинку I и другие аналогичные стоянки, расположенные поблизости, как зубчатое мустье с тейякской традицией и предполагает, что стоянки этой группы охватывают более широкий промежуток времени (в рамках мустье), чем молодовские; наиболее ранние из них древнее молодовских, а наиболее поздние моложе.

Третья группа мустьерских памятников юго-запада СССР представлена гротом Бутешты на левобережье Прута (север

Молдавской ССР), исследованным в 1963—1968 гг. Н. А. Кетрару и Н. К. Анисютиным [Кетрару, 1973]. Раскопки обнаружили кости пещерного медведя (преобладают), мамонта, шерстистого носорога, лошади, зубра, северного оленя и т. д., а также кремневые изделия, демонстрирующие леваллуазскую технику; налицо остроконечники, скребла, бифасы. От стоянок молодовской группы Бутешты отличаются в основном наличием бифасов.

Наконец, к четвертой группе относятся расположенные тоже на севере Молдавской ССР, в левобережье Прута, грот Старые Друиторы и местонахождение Мерсына, открытые в 1958 г. Н. А. Кетрару и исследованные этим археологом при участии Н. А. Анисюткина в 1958—1968 гг. [Кетрару, 1973]. Грот Старые Друиторы первоначально служил убежищем пещерным медведям. Их кости найдены в самом основании отложений, заполняющих грот; они не сопровождаются палеолитическими орудиями и следами костров и, таким образом, не связываются с охотничьей деятельностью первобытных людей. Выше залегают два древнепалеолитических культурных слоя (IV и III), над ними — позднепалеолитический слой (II), а еще выше слой, относящийся к эпохе металла и к средневековью. Древнепалеолитические слои доставили много кремневых изделий, причем III слой содержал также кости лошади, зубра, северного оленя, пещерного медведя и других животных, на которых охотились первобытные обитатели Попрутья. В кремневом инвентаре не представлена леваллуазская техника, много мелких клектонских отщепов, а также зубчатых орудий, бифасов мало. Такой же характер носит собранная на поверхности кремневая индустрия местонахождения Мерсына, расположенного в 24 км от Старых Друитор.

Названные четыре группы мустьерских памятников свидетельствуют о достаточно сложной и многообразной этнической картине юго-запада нашей страны в конце рисс-вюрма и в начале вюрма, примерно 40—100 тыс. лет назад.

Итак, в мустьерскую эпоху Кавказ, Крым, а также территории европейской части СССР, расположенные между Волгой, Днестром и Прутом, к югу от 50° с. ш., были заселены людьми. Известны отдельные мустьерские памятники в бассейне Десны, на Оке, на Волге, на Южном Урале, в некоторых других местах и севернее, примерно до 55° с. ш. Что же касается появившихся за последние годы сообщений о находках мустьерских орудий на Крайнем Севере европейской части СССР, по течению Печоры и Вычегды, то тщательная проверка показала их недостоверность [Гуслицер, 1976].

В азиатской части СССР памятники мустьерской культуры лучше всего выражены на территории Узбекистана. Мы начнем со знаменитого грота Тешик-Таш (рис. 42, 43). Его открытие не явилось случайной удачей археолога. Еще за 10—15 лет до этого события виднейшие советские исследователи древнего каменного века Д. Н. Анучин, В. А. Городцов, П. П. Ефименко и другие

писали о вероятности находок палеолитических культурных остатков в Средней Азии и о необходимости поставить там систематические поиски палеолита. С целью таких поисков Академия наук СССР и командировала в 1938 г. А. П. Окладникова в юго-западную часть Узбекистана, где уже были найдены Г. В. Парфеновым пещеры со следами жизни людей каменного века. Поиски увенчались удачей. Окладников нашел следы мустьерского человека в Тешик-Таше. В 1938—1939 гг. этот памятник был им раскопан и тщательно изучен [Окладников, 1949].

Грот Тешик-Таш находится в горной, сильно пересеченной местности, в отрогах Гиссарского хребта, в долине Тургандарьи (18 км от г. Байсуна Сурхандарьинской области Узбекской ССР); это одна из самых сухих и жарких местностей Советского Союза. Грот неглубокий; он открывается на северо-восток и имеет 20 м в ширину, 21 м в глубину и до 9 м в высоту. Раскопки обнаружили пять культурных слоев, разделенных не содержащими находок прослойками. Таким образом, грот был заселен и посещаем людьми в течение довольно продолжительного времени. Характер культурных остатков во всех пяти слоях в общем почти одинаков. Они относятся к мустьерской эпохе и содержат остатки костров и сделанные из кремнистого известняка нуклеусы, отщепы, остроконечники, скребла, редкие бифасы; представлена леваллуазская техника. Обращает на себя внимание обилие нуклеусов и отбросов производства (отщепов, осколков) по сравнению с законченными орудиями. Это объясняется тем, что кремнистый известняк легко добывался в большом количестве неподалеку от грота. Найдены также осколки кости, использованные при обработке каменных орудий в качестве наковаленок и отжимников. Характер культурных остатков позволяет датировать Тешик-Таш этапом развитого мустье. В то время как во многих мустьерских пещерах основным топливом служили кости убитых на охоте животных, обитатели Тешик-Таша кость в качестве топлива почти не употребляли. Очевидно, хватало дерева, росшего поблизости.

Природные условия в этом районе в эпоху существования неандертальского человека были близки к современным; возможно, что климат являлся лишь несколько более влажным и холодным. Флора и фауна были примерно такими же, как в настоящее время.

Подавляющее большинство костей (649 из 667) принадлежало сибирскому горному козлу. Неандертальцы, обитавшие в гроте, убили не менее 38 горных козлов. Кроме того, найдено немного костей лошади, оленя, медведя, леопарда, птиц. Судя по составу найденных в гроте костей, охотники расчленяли туши убитых козлов на месте и в пещеру приносили только лучшие части.

В самом верхнем культурном слое Тешик-Таша было обнаружено неандертальское погребение, принадлежащее мальчику 8—9 лет. Расположение и сохранность человеческих костей свидетельствуют о том, что труп древние обитатели грота не бросили

Рис. 42. Тешик-Таш. Раскопки А. П. Окладникова.

1 — разрез пещеры (черные полосы — мустьерские культурные слои); *2* — план пещеры (клетки — площадь раскопок); *3* — череп мальчика-неандертальца; *4* — мальчик-неандерталец (реконструкция М. М. Герасимова); *5—8* — каменные изделия (*5* — скребло, *6* — бифас, *7* — остроконечник, *8* — дисковидный нуклеус); *9* — костяная наковаленка.

на поверхности, а тщательно засыпали землей. Около человеческих костей располагалось несколько пар крупных козлиных рогов, образовывавших круг. Видимо, это один из элементов зарождающегося погребального культа.

Внешний облик неандертальца из Тешик-Таша (рис. 43) восстановлен М. М. Герасимовым [Герасимов, 1964]. Предпринятое Г. Ф. Дебецем, М. А. Гремяцким, Н. А. Синельниковым и В. В. Бунаком изучение костных остатков показало, что на костях, особенно на черепе, хорошо представлены неандертальские признаки [Дебец, 1940; Гремяцкий, 1949; Синельников, Гремяцкий, 1949; Бунак, 1951б; новейшие обобщения и оценку материалов см.: Алексеев, 1973]. Череп крупный, массивный; стенки его очень толстые (в полтора раза больше средней их толщины на черепах современных детей того же возраста). Черепная крышка низкая, лоб сильнонаклонный, затылок выступающий и как бы сплюснутый в вертикальном направлении. Надглазничный валик сильно развит, подбородочный выступ отсутствует, зубы крупные. Если принадлежность скелета из Тешик-Таша неандертальскому человеку установлена бесспорно и никаких сомнений не вызывает, то возможность отнесения его к той или иной группе неандертальцев уже около 40 лет очень оживленно дискутируется в советской и зарубежной антропологической литературе. Первоначально многие исследователи рассматривали мальчика из Тешик-Таша как представителя «классических неандертальцев» группы Шапель. Однако за последнее время среди антропологов большее признание получает отнесение его к «прогрессивным неандертальцам» типа Эрингсдорф или типа неандертальцев Палестины [Алексеев, 1973].

Открытие грота Тешик-Таш явилось крупным событием в науке. Это была первая находка костей неандертальца и остатков мустьерской культуры для всей Северной и Средней Азии. Тем самым был нанесен удар распространенным в буржуазной науке расистским построениям, согласно которым неандерталец и человек современного физического типа представляют собой не две ступени развития, а обособленные расы и люди современного физического типа чуть ли не с эоплейстоцена существовали где-то в центре Азии, в то время как неандертальцы жили в Европе и на Ближнем Востоке. Наряду с Киик-Кобой Тешик-Таш является одним из самых достопримечательных палеолитических памятников в мире.

Неандертальцами был обитаем также грот Амир-Темир («Тамерланова пещера»), расположенный недалеко от Тешик-Таша,— очень сырая гигантская горизонтальная щель, открытая на северо-восток. В его нижнем культурном слое А. П. Окладниковым в 1939 г. были найдены такие же, как в Тешик-Таше, орудия из кремнистого известняка, кости горного козла и остатки костров. Культурных остатков немного. Очевидно, низкий и сырой грот был неудобен для жилья и служил только временным убежищем людям мустьерского времени.

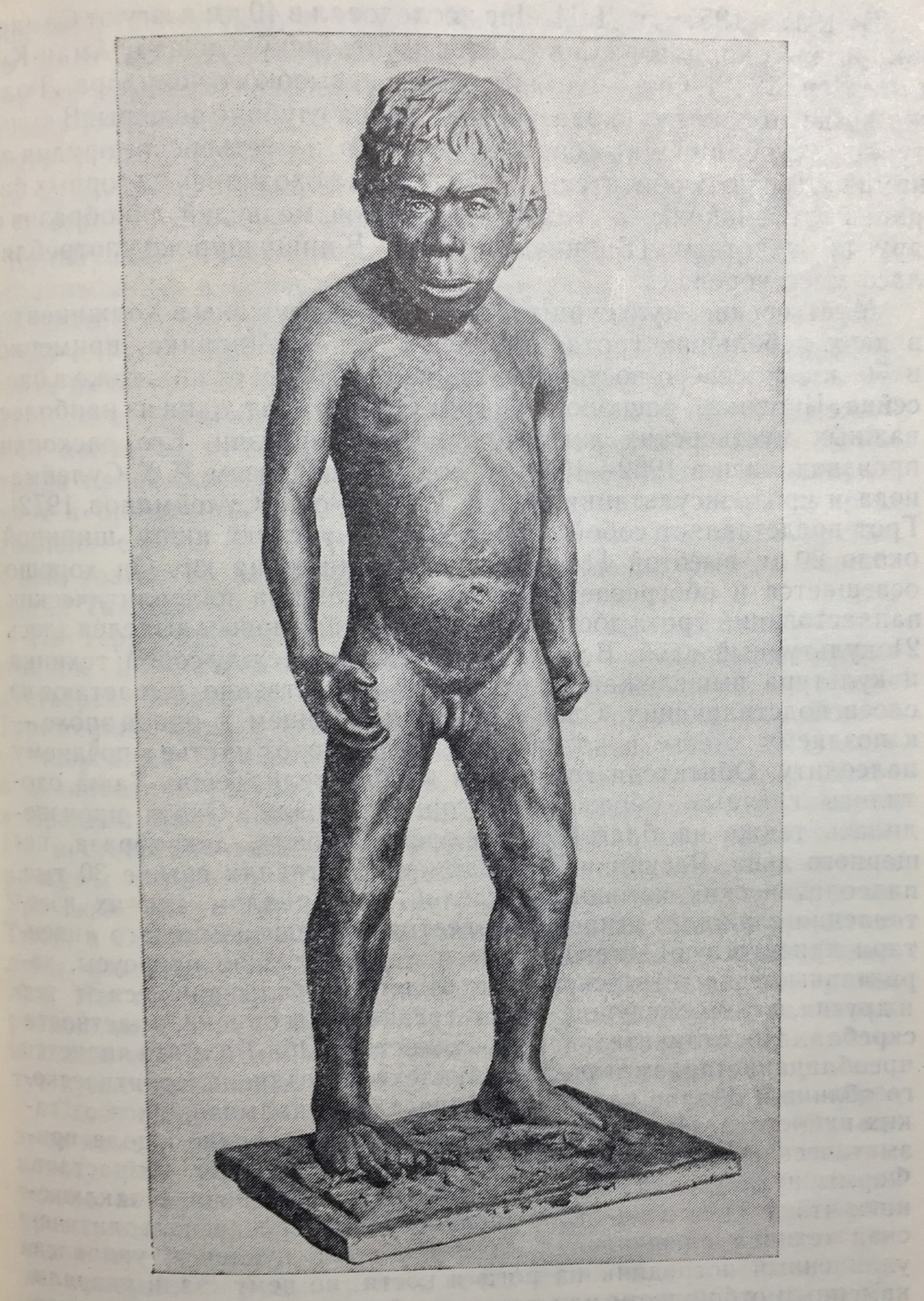

Рис. 43. Мальчик из Тешик-Таша. Реконструкция М. М. Герасимова.

В 1947—1957 гг. Д. Н. Лев исследовал в 40 км к югу от Самарканда, высоко в горах, в ущелье, мустьерскую пещеру Аман-Кутан [Лев, 1949]. Она имеет вид узкого невысокого коридора. Люди жили не только у входа, но и в темной глубине пещеры. В культурном слое найдены остатки костров и мустьерские орудия из камня. Древние обитатели Аман-Кутана охотились на горных баранов (муфлонов), а также на маралов, медведей, дикобразов и других животных [Бибикова, 1958]. В пищу широко употреблялось мясо черепах.

Мустьерские культурные остатки обнаружены в Ходжикенте, в двух небольших гротах на левом берегу Чирчика, примерно в 70 км к северо-востоку от Ташкента. В 8 км от них, тоже в бассейне Чирчика, расположен грот Оби-Рахмат, один из наиболее важных мустьерских памятников Средней Азии. Его раскопки производились в 1962—1970 гг. под руководством Р. Х. Сулейманова и при консультации М. М. Герасимова [Сулейманов, 1972]. Грот представляет собой небольшую округлую нишу шириной около 20 м, высотой 11—12 м, обращенную на юг. Он хорошо освещается и обогревается солнцем. Толщина палеолитических напластований грота достигает 10 м. Сулеймановым выделен здесь 21 культурный слой. Все они тесно связаны между собой; техника и культура вышележащих слоев непосредственно вырастают из слоев подстилающих. Слои относятся в общем к одной эпохе — к позднему мустье и ко времени перехода от мустье к позднему палеолиту. Обитатели грота, как и обитатели Тешик-Таша, охотились главным образом на горного козла. Охота производилась также на благородного оленя, кабана, дикообраза, пещерного льва. Раскопки Оби-Рахмата доставили свыше 30 тыс. палеолитических каменных изделий. Материалом для их изготовления служил в основном известняк. Среди каменного инвентаря присутствуют дисковидные и леваллуазские нуклеусы, характерные для мустьерской эпохи отщепы, откалывавшиеся от тех и других, а также ведущие мустьерские типы орудий, в частности скребла. Но отличительной особенностью Оби-Рахмата является преобладание призматических нуклеусов позднепалеолитического облика и обилие удлиненных пластин, откалывавшихся от таких нуклеусов. При этом от нижних слоев к верхним доля призматических нуклеусов и удлиненных пластин все возрастает. Формы нуклеусов и пластин привели Сулейманова к заключению, что и здесь уже была распространена позднепалеолитическая техника расщепления камня: в край нуклеуса упирался удлиненный посредник из рога и кости; по нему сзади ударяли каменным отбойником или деревянной колотушкой; в результате от призматического нуклеуса откалывалась длинная узкая пластинка [Семенов, 1968]. От нижних слоев к верхним увеличивается и число изготовленных из удлиненных пластин орудий позднепалеолитического облика, в первую очередь резцов. Оби-Рахмат относится к той же своеобразной мустьерской культуре Средней

Азии, что и Тешик-Таш, а также Ходжикент, причем характеризует самые поздние этапы ее развития и постепенное вырастание здесь же позднего палеолита. К этой же культуре принадлежит стоянка Кутурбулак, в 100 км к западу от Самарканда, раскопанная в 1971—1973 гг. Н. Х. Ташкенбаевым. Она содержит пять культурных слоев, близко напоминающих друг друга.

Другая мустьерская культура Средней Азии представлена в Кульбулаке — многослойной стоянке под открытым небом, расположенной в окрестностях г. Ангрена, к юго-востоку от Ташкента. Ее систематические раскопки производит начиная с 1963 г. М. Р. Касымов [Касымов, 1972а]. Стоянка содержит девять культурных слоев, из которых три верхних — позднепалеолитические, а пять нижних — мустьерские (самый нижний, может, даже является позднеашельским). В мустьерских слоях Кульбулака преобладают выемчатые и зубчатые орудия, а также отщепы и орудия тайякского типа. Леваллуазская техника представлена слабо. Это своеобразная культура зубчатого мустье. К ней, возможно, относится и местонахождение Бозсу в окрестностях Ташкента.

На территории Узбекистана известен также ряд более бедных стоянок и местонахождений. Отдельные маловыразительные мустьерские находки сделаны на территории Киргизии, а также Туркмении, вплоть до Красноводского полуострова. Богаче мустьерскими остатками Таджикистан [Ранов, 1965, 1971], хотя и значительно уступает в этом отношении Узбекистану (всего в Средней Азии отмечено свыше 100 мустьерских памятников). Из мустьерских местонахождений Таджикистана назовем Кайраккумы недалеко от Ленинабада, Джар-Кутан поблизости от Ура-Тюбе, Кара-Буру на берегу Вахша, в окрестностях Курган-Тюбе, и Семиганч в 30 км к востоку от Душанбе. Все они представлены находками на поверхности большого числа каменных изделий. На площадке перед пещерой Огзи-Кичик, на юге страны, раскопками В. А. Ранова в 1971 г. обнаружены, помимо каменных изделий, кости ископаемых животных. Однако неясно, единый ли тут культурный комплекс или налицо разновременные примеси.

Особую группу мустьерских памятников Средней Азии образуют каменоломни и камнеобрабатывающие мастерские [Окладников, 1966; Касымов, 1972б]. Это места, где залегают сравнительно легкодоступные первобытному человеку пласты кремня, пригодного для обработки. В течение многих тысячелетий, начиная с мустьерской эпохи и кончая неолитом, люди приходили сюда, выламывали куски кремня, превращали их в нуклеусы, откалывали от нуклеусов отщепы и пластины, а затем с помощью оббивки и ретуши делали из тех и других орудия. Характерная особенность первобытных каменоломен и кремневых мастерских — огромное количество лежащих на поверхности кусков, осколков, отщепов и пластин кремня, а также каменных отбойников, носящих следы ударов. Орудия очень редки, да и то большей частью

незаконченные (полуфабрикаты) или сломанные в процессе изготовления. Кости животных, следы жилищ и костров отсутствуют. При датировке возникает немало трудностей. Отщепы, получившиеся при самом первом раскалывании кремня, и начатые обработкой, но не законченные каменные орудия могут относиться к позднему палеолиту или даже к неолиту, однако иметь очень грубый, архаичный облик, напоминающий олдувайские или ашельские изделия. Эта грубость, примитивность не является в данном случае свидетельством их древнего возраста, она просто отражает определенные этапы изготовления тех или иных незаконченных предметов. Чтобы отличить найденные на поверхности, на территории кремневой мастерской, действительно древние камни от поздних заготовок и полуфабрикатов, нужны большой опыт и острое критическое чутье археолога. Все же тщательное изучение первобытных каменоломен и кремневых мастерских Средней Азии, проводившееся в течение многих лет рядом исследователей, с учетом не только типов представленных там каменных заготовок и изделий, но и характера поверхности последних, степени патинизации, состава пород, подвергшихся обработке, равно как и всестороннее обсуждение результатов такого изучения, позволили прийти к обоснованным выводам о мустьерском возрасте части комплексов этих мастерских (другие комплексы относятся к позднему палеолиту и неолиту). Мустьерские каменоломни и кремневые мастерские открыты и изучены в Капчигае, в 40 км к югу от Ферганы (Киргизская ССР), а также в Учтуте и Иджонте, недалеко от г. Навои Бухарской области (Узбекская ССР). Близкую аналогию мустьерским каменоломням и камнеобрабатывающим мастерским Средней Азии демонстрируют раскопанные в 1968 г. в Швейцарии остатки открытой разработки кремня, сделанной в известняке [Schmid, 1972]. Они также датируются мустьерской эпохой. Кроме множества кремневых отщепов и единичных мустьерских орудий, здесь найдены обломки оленьих рогов, вероятно употреблявшихся для выламывания камня.

На территории Казахской ССР мустьерские местонахождения известны примерно в тех же районах, где открыты памятники более древних эпох (см. выше, с. 103—104): в Южном и Центральном Казахстане и на п-ове Мангышлак. В Сибири и на Дальнем Востоке мустьерские памятники распространены там же, где и более древние,— Приамурье, Ангара, Алтай. На Алтае раскопаны две пещеры: Усть-Канская [Руденко, 1960] и Страшная [Окладников, Муратов, Оводов, Фриденберг, 1973]. Обе они находятся в бассейне р. Чарыша к юго-западу от г. Горно-Алтайска. Их разделяет около 160 км.

Усть-Канская пещера была открыта и исследовалась С. И. Руденко в 1954 г. Древние обитатели ее охотились на сибирского носорога, пещерного медведя, винторогую антилопу, яка, лошадь, волка, бурого медведя и т. д. Остатки мамонта отсутствуют. Среди каменных изделий налицо леваллуазские и диско-

видные нуклеусы, много леваллуазских отщепов, есть остроконечники, скребла, несколько скребков и резцов. Анализ каменного инвентаря позволил Н. К. Анисюткину и С. Н. Астахову прийти к заключению о позднемустьерском возрасте пещеры [Анисюткин, Астахов, 1970]. Вместе с тем сюда заходили первобытные охотники и в более поздние эпохи.

Пещера Страшная была открыта в 1966 г. и раскапывалась под руководством Н. Д. Оводова в 1969—1970 гг. Обитатели ее охотились на мамонта, сибирского носорога, пещерного медведя, лошадь, зубра и других животных. Каменный инвентарь близок к инвентарю Усть-Канской пещеры.

На территории Хакасской автономной области, в бассейне Енисея, З. А. Абрамова исследовала в 1975 г. пещеру Двуглазка, в которой под позднепалеолитическим культурным слоем залегали два мустьерских.

НАЧАЛЬНЫЕ ЭТАПЫ ИСТОРИИ ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА. ПЕРВОБЫТНОЕ СТАДО[1]

Древнейшей эпохой человеческой истории явилась эпоха первобытнообщинного строя — самая первая, начальная социально-экономическая формация. Возникновение в результате величайшего исторического скачка человеческого общества из стада обезьян было вместе с тем возникновением первобытнообщинного строя. Первобытнообщинный строй в свою очередь сменился рабовладельческим.

Классическое определение первобытнообщинного строя (его называют еще иногда первобытнокоммунистическим или доклассовым обществом) дано в произведениях основоположников марксизма-ленинизма.

Для первобытнообщинного строя характерны крайне низкий уровень развития производительных сил, исключительная примитивность человеческих орудий и оружия. В этих условиях люди не могли бороться с силами природы и хищными животными в одиночку. Чтобы существовать, они вынуждены были жить и работать сообща, и их общий, коллективный труд вел к общей, коллективной собственности на средства производства и на продукты труда. Коллективизм в производстве дополнялся коллективизмом в потреблении. При первобытнообщинном строе отсутствовали частная собственность на средства производства, эксплуатация человека человеком, классы и отделенная от народа принудительная власть. Это был доклассовый общественный строй. Люди жили отдельными небольшими группами, общинами; в рамках каждой такой общины и господствовали общий труд и общественная собственность; в рамках каждой такой общины уравнительно разделялись продукты общего труда, которых едва хватало на всех.

История первобытнообщинного строя охватывает свыше 2 млн лет. Первобытное общество в своем развитии прошло через ряд этапов, существенно различавшихся между собой. Пони-

[1] Проблемы ранних этапов первобытных общественных отношений подробно рассматриваются в ряде работ советских исследователей. В первую очередь см.: [Семенов, 1966, 1974; Першиц, 1967; Бутинов, 1968; Кабо, 1968; Бромлей, Першиц, 1972; Першиц, Монгайт, Алексеев, 1974; Алексеев, 1975; Файнберг, 1975; Алексеева, 1977].

мание истории первобытнообщинного строя, а также истории любого из его этапов невозможно без научной периодизации.

Мы уже освещали (см. с. 16—18) археологическую периодизацию каменного века. Она была положена в основу характеристики жизни древнепалеолитических людей. Археологическая периодизация является общепризнанной и пользуется широкой известностью. Основоположники марксизма-ленинизма положительно отзывались о ней и использовали ее основные деления в своих трудах.[2] Советские историки и археологи, применяя в наши дни археологическую периодизацию, вкладывают в ее деления широкое содержание. Для советских исследователей палеолит и неолит — не «эпоха оббитого камня» и «эпоха шлифованного камня», а этапы развития первобытного человечества, различавшиеся уровнем развития производительных сил. Это же относится и к более дробным археологическим эпохам, которые также в большинстве своем выделяются сообразно с успехами в производстве средств к жизни.

Но все же археологическая периодизация, даже если рассматривать ее деления как этапы развития первобытной техники, хозяйства, культуры, является сравнительно узкой и неполной. Подлинная периодизация первобытной истории должна охватывать этапы развития общественных отношений, ступени развития первобытнообщинного способа производства.

Такая периодизация разработана в трудах основоположников марксизма-ленинизма. Ими выделены и охарактеризованы основные этапы развития первобытнообщинного строя: первобытное стадо, родовая община и разложение первобытного общества. Они различаются между собой степенью развития производительных сил, уровнем сначала развития, а затем разложения общего труда и общей собственности на средства производства, равно как на продукты производства. Они различаются степенью развития разделения труда, сначала естественного впоследствии общественного, степенью крепости родовых связей, сначала развивающихся, затем ломающихся.

Основой всей первобытной истории является род. История первобытного общества — это в основном история возникновения, развития и разложения рода (родовой общины), сначала материнского, затем отцовского. Вместе с тем существовал весьма своеобразный начальный этап развития первобытного общества, когда родовая община еще не оформилась, когда первые люди жили стадами. Определение древнейших человеческих групп как стад можно найти в работах Ф. Энгельса.[3]

[2] *Маркс К.* Капитал, т. 1.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 191; *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 29, 30, 160.

[3] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 40.— Энгельс применяет термин Horde и к животным, и к древнейшим людям. Слово это в данном случае правильнее

Развивая это положение, В. И. Ленин выделял эпоху первобытного стада как древнейший этап, в отличие от более позднего этапа — первобытной коммуны (первобытной общины),[4] и говорил также о стаде обезьян, берущих палки, о первобытных людях и о людях, объединенных в клановые общества,[5] отмечая, таким образом состояние, когда уже существовали первобытные люди, но еще отсутствовало родовое (клановое) общество.

Положение о первобытном стаде (или о первобытном человеческом стаде) как о начальном этапе первобытного общества является в значительной мере теоретическим. Оно ни в какой мере не опровергается новыми археологическими, палеоантропологическими и этнографическими материалами, ставшими известными за последние полвека.

Каким археологическим эпохам соответствовал этап первобытного стада? В согласии со многими советскими исследователями автор настоящей книги считает, что эпохой первобытного стада был древний палеолит, а переход от древнего палеолита к позднему, от неандертальского человека к человеку современного физического типа (Homo sapiens) явился вместе с тем переходом от первобытного стада к родовой общине.

Характеристика общественных отношений эпохи первобытного стада очень трудна. Археологические и палеоантропологические остатки скудны и отрывочны, а среди примитивных племен недавнего времени не известно ни одного, находившегося на данной ступени развития. В материалах по их этнографии приходится вскрывать пережитки более древних периодов общественного развития. Подобные пережитки в той или иной мере имелись у многих племен и народов. Блестящие образцы такого именно подхода к материалам этнографии мы находим в произведениях основоположников марксизма-ленинизма, в первую очередь в книге Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Эпоха первобытного стада — глубоко своеобразный, начальный этап развития первобытнообщинного строя, резко качественно отличный от всех последующих. Здесь еще не оформились древнейшие сколько-нибудь стабилизировавшиеся, сколько-нибудь ясно выраженные общественные образования — род и племя, только вызревали предпосылки их оформления. Можно предполагать, что именно из-за глубокого качественного своеобразия этого периода основоположники марксизма-ленинизма применяли к нему термин, связанный в значительной степени с животным миром, — «первобытное стадо».

Материалы древнепалеолитических пещер, стоянок и местонахождений освещают крайне примитивное, неустойчивое хозяй-

перевести как «стадо», а не «орда», ибо в русском языке термин «орда» к животным обычно не применяется. См. также: Энгельс — Петру Лавровичу Лаврову, 12—17 ноября 1875 г.— Маркс К., Энгельс Ф. соч., т. 34, с. 138.

[4] *Ленин В. И.* А. М. Горькому.— Полн. собр. соч., т. 48, с. 232.

[5] *Ленин В. И.* Государство и революция.— Полн. собр. соч., т. 33, с. 10.

ство самые первые этапы развития техники; они свидетельствуют о том, что в процессе развития первобытного стада нельзя выделить обособленные, качественно отличные этапы, отделенные друг от друга более или менее резкими сдвигами, крутыми поворотами. Здесь был налицо один непрерывный процесс, заключавшийся в росте производительных сил, в увеличении власти человека над природой. Древнейшее человечество, от которого до нас дошли древнепалеолитические памятники, жило отдельными, обособленными первобытными стадами, бродившими по крайне редко заселенной территории с места на место в поисках охотничьей добычи и растительной пищи, укрывавшимися от хищных животных и всецело зависящими от природы. Оседлость и искусственные жилища только начали возникать; обитание в таких жилищах чередовалось с постоянными перекочевками. Каждая группа вероятно, насчитывала 10—30 человек; кругозор ее был ограничен, едва ли она вступала в какие-либо постоянные отношения с другими подобными же группами. Труд, изготовление орудий, коллективное производство — основное отличие этих первобытных человеческих групп от стад животных. Но следует учитывать качественное своеобразие древнейшего труда, еще очень примитивного. «Мы не будем рассматривать здесь первых животнообразных инстинктивных форм труда. Состояние общества, когда рабочий выступает на товарном рынке как продавец своей собственной рабочей силы, и то его уходящее в глубь первобытных времен состояние, когда человеческий труд еще не освободился от своей примитивной, инстинктивной формы, разделено огромным интервалом».[6] Положение К. Маркса о «примитивном», «животнообразном» характере древнейшего труда хорошо иллюстрируется первобытным характером древнепалеолитической (особенно олдувайской) техники, о котором говорилось выше, ее чрезвычайно медленным, порой почти незаметным (пачка I Олдувайского ущелья, пещера синантропов и Чжоукоудяне) развитием, возвращением человека к старым формам орудий и вторичным отбрасыванием их, отсутствием стандартизации. Именно такие особенности древнейшей техники и ее развития были неизбежны при «животнообразных» формах труда в условиях постоянных перекочевок групп людей с места на место, распада и вымирания отдельных групп, отсутствия устойчивых межгрупповых связей. Эпоху первобытного стада характеризуют аморфность, недифференцированность общественных отношений, вероятно, отсутствие общинного домашнего хозяйства, яркими памятниками которого являются позднепалеолитические коллективные зимние жилища с их сложной планировкой.

Однако есть и другая сторона вопроса. Основные признаки первобытнообщинного строя уже налицо в первобытном стаде, хотя и находились в состоянии формирования. Было бы ошибоч-

[6] *Маркс К.* Капитал, т. 1.— Маркс К., Энгельс Ф., Соч. т. 23, с. 189.

но преуменьшать принципиальные отличия древнепалеолитических людей, начиная с Homo habilis, от антропоидов. В то время как антропоиды кормились всегда на очень ограниченной территории, но вместе с тем не имели постоянных стойбищ, куда бы они регулярно возвращались, и ночевали каждый раз на новом месте, древнепалеолитические люди начиная с олдувайской эпохи бродили в поисках охотничьей добычи и растительной пищи на более обширных территориях, но часто возвращались на свои стойбища и приносили туда охотничью добычу. О широких районах перекочевок древнепалеолитических людей по сравнению с антропоидами свидетельствуют находки при раскопках стоянок и пещер древнего палеолита отдельных камней, принесенных за несколько десятков километров. О том, что они периодически возвращались на свои стойбища, свидетельствуют раскопки поселений, которые были заселены людьми (с перерывами) в течение долгого времени. По убедительному предположению С. Уошбарна, расширению ареалов перекочевок древнейших людей в значительной степени способствовало возникновение и распространение у них охотничьего хозяйства. По мере развития систематической охоты, становившейся постоянным элементом хозяйства, дичь, спасаясь от преследования, начинала убегать из районов обитания человека. Это вынуждало людей, преследуя дичь, выходить за первоначальные границы, в пределах которых они кочевали.

С другой стороны, показательны факты, отмеченные А. П. Окладниковым при раскопках грота Тешик-Таш. Неандертальцы, убивая горных козлов, съедали на месте лишь незначительную часть туши. Самые же лучшие, мясистые части добытого животного приносились в пещеру. Вряд ли одна забота о собственном пропитании заставляла первобытных охотников брать на себя нелегкий труд переноски этого груза, быть может, на довольно далекие расстояния. Вероятно, тут играло роль естественно выросшее внутри первобытного коллектива чувство солидарности и взаимной помощи [Окладников, 1949]. Подобные наблюдения сделаны и на других мустьерских стоянках. Эти факты показывают одну из форм осуществления уравнительного распределения внутри первобытного стада. С ними следует сопоставить находку Р. Солецким в мустьерском слое пещеры Шанидар скелета взрослого неандертальца, у которого при жизни в не очень молодом возрасте правая рука была ампутирована по локоть [Коробков, 1963; Solecki, 1971]. Человек выздоровел после этой серьезной операции и продолжал жить в своем коллективе, что, разумеется, не было бы возможно без развитой внутри групп неандертальцев взаимопомощи.

Борьба человека с природой была на этой ступени развития исключительно тяжелой и суровой. Уровень развития производительных сил являлся еще столь низким, способы добывания пищи еще столь ненадежными, что частое голодание, а вместе

с тем и огромная смертность оказывались неизбежными. Следует отметить еще один момент, на который обращает внимание Д. Г. Рохлин. Съедобность или несъедобность тех или иных частей животных и растений устанавливалась древнейшими людьми нередко на горьком опыте. Каждая попытка расширить ассортимент продуктов питания могла сопровождаться печальными последствиями, в частности гибелью [Рохлин, 1965]. Исследования французского антрополога А. Валлуа и советского антрополога В. П. Алексеева показывают, как низка была средняя продолжительность жизни древнейших людей, как велика была тогда смертность, особенно в детском возрасте [Vallois, 1961; Алексеев, 1972]. Из 22 синантропов, черепа которых дошли до нас и были изучены, 68.2% умерли в возрасте до 14 лет, 13.6% — в возрасте 15—30 лет, 13.6% — в возрасте 40—50 лет и только один человек — 4.6% — умер в возрасте 50—60 лет. Из 39 неандертальцев, черепа которых дошли до нас и были изучены, 38.5% умерли в возрасте до 11 лет, 10.3% — в возрасте 12—20 лет, 15.4% — в возрасте 21—30 лет, 25.6% — в возрасте 31—40 лет, 7.7% — в возрасте 41—50 лет и только один человек — 2.5% — умер в возрасте 51—60 лет. Что же касается позднепалеолитических людей, то теперь можно считать установленным, что продолжительность их жизни в среднем не превосходила продолжительность жизни неандертальцев и архантропов. Разумеется, эти цифры являются приблизительными, как данные любого выборочного обследования, но они отражают огромную смертность людей древнего каменного века. Средняя продолжительность жизни палеолитических и неолитических людей с учетом детской смертности, т. е. средняя длительность поколения, лишь немного превышала 20 лет. Люди каменного века умирали, едва успев оставить потомство.

Говоря о большой смертности древнейших людей, необходимо также отметить, что в те эпохи особенно велика была смертность женщин. Большинство их умирало в возрасте до 30 лет. Почти все неандертальцы и позднепалеолитические люди, дожившие до 40 лет,— это мужчины. Особенно ощутимо стала преобладать женская смертность над мужской в мезолите, неолите и в эпоху бронзы. Более ранняя смертность женщин в первобытные времена, вероятно, была обусловлена беременностью и родами, а также гораздо более длительным (по сравнению с отправляющимися в охотничьи экспедиции мужчинами) пребыванием в антисанитарных жилищах и поселках (теснота, темнота, сквозняки, гниющие отбросы). Последнее обстоятельство объясняет и то, почему преобладание женской смертности над мужской было меньше заметно в древнем палеолите, когда оседлость только начинала возникать и развиваться.

В результате столь большой смертности и столь малой продолжительности жизни древнейших людей контакты между сменяющими друг друга поколениями, периоды совместной жизни смежных поколений были очень короткими. Но те из древней-

ших людей, которым удалось выжить в крайне суровой борьбе, отличались очень сильным телосложением. Характерно, что архантропы, неандертальцы, как и сменившие их позднепалеолитические люди, страдали почти исключительно травматическими повреждениями и ревматизмом. Многих болезней, которым были подвержены люди более поздних эпох, например туберкулез, сифилис, да и кариес зубов, они не знали. В пище палеолитических людей присутствовало почти столь же мало раздражителей, портящих зубы, как и в пище хищников. Грубая пища укрепляла зубы, десны и челюсти: обеспечивала постоянный и многообразный массаж десен, гимнастику для зубов, челюстей и жевательной мускулатуры [Рохлин, 1965]. Интересно также полное отсутствие признаков рахита на скелетах молодых и взрослых палеолитических людей. Видимо, в раннем детстве они питались пищей, достаточно богатой витаминами [Vallois, 1961].

Крайне тяжелые условия существования палеолитического человека, голодовки влекли за собой в отдельных случаях людоедство. Уже упоминалась (с. 120) пещера Крапина в Югославии, где найдены раздробленные кости неандертальцев. Людоедство продолжало встречаться и в позднем палеолите.

Приведенные факты хорошо иллюстрируют слова В. И. Ленина: «Что первобытный человек получал необходимое, как свободный подарок природы,— это глупая побасенка... Никакого золотого века позади нас не было, и первобытный человек был совершенно подавлен трудностью существования, трудностью борьбы с природой».[7]

С большой смертностью было связано крайне медленное увеличение численности человечества. Население было еще очень редким. Французские археологи и антропологи полагают, что на территории Франции жило не более 60 тыс. неандертальцев. Высказывается также предположение, что общее население земного шара в мустьерскую эпоху не превышало 1 млн. человек [Deevey, 1960]. Разумеется, подобные подсчеты, как справедливо указывает В. П. Алексеев [1975], не основаны ни на каких твердых данных и носят интуитивный характер.

Сплочению выделившихся из животного состояния человеческих коллективов способствовала речь, важнейшее средство общения и передачи информации, а также накопленного опыта.

Мышление возникло у древнейших людей одновременно с речью и было с ней неразрывно связано. Так же как и речь, мышление в своем возникновении и развитии было непосредственно связано с трудом. В процессе трудовой практики человек все более и более овладевал окружающей природой, все лучше познавал окружающее.

Можно предполагать, что очень медленно и постепенно внутри первобытного стада развивалось простейшее, естественное

[7] *Ленин В. И.* Аграрный вопрос и «критики Маркса».— Полн. собр. соч., т. 5, с. 103.

разделение труда в зависимости от особенностей пола. Первоначально мужчины и женщины, по-видимому, занимались одним и тем же трудом, в равной мере участвовали в охоте и собирательстве. Но в мустьерскую эпоху внутри первобытного стада охота постепенно начинала сосредоточиваться в руках мужчин, в то время как собирательство целиком оставалось в руках женщин.

П. П. Ефименко [1953] развил предположение о том, что существование в мустьерскую эпоху двух важнейших категорий орудий (как теперь установлено, каждая из них в свою очередь включает ряд дробных типов)— скребел и остроконечников — является показателем развивавшегося разделения труда между полами.

По аналогии с австралийцами и эскимосами XIX в., находившимися, правда, на значительно более высокой ступени развития, чем люди мустьерской эпохи, П. П. Ефименко высказал мысль, что мустьерские скребла были женскими ножами, служившими для обработки продуктов охоты и собирательства, в то время как мустьерские остроконечники — это мужское оружие — наконечники копий, кинжалов, ножей.

В первобытном стаде даже в более позднюю эпоху его развития имелось немало пережитков звериного, вероятно, не только в отношениях между отдельными людскими группами, но и внутри каждой группы. Дикий животный эгоизм еще время от времени прорывался сквозь отношения первобытнообщинного строя. Характерно, что один из черепов питекантропов, принадлежащий мужчине, имеет пролом, видимо сделанный крупным каменным орудием. На некоторых черепах синантропов заметны признаки насильственной смерти. Многочисленные следы тяжелых ранений, нанесенных камнем или дубиной, отмечены на головах палеонтропов, например на четырех черепах с Явы (нгандонгцы), на черепах из Эрингсдорфа (ГДР)— один из последних имеет в области над орбитами следы действия острым орудием,— из Палестины и из пещеры Шанидар. К этим фактам привлекает внимание Я. Я. Рогинский [1947]. Кармельский неандерталец (Палестина) был тяжело ранен деревянным копьем в бедро (см. выше, с. 113).

Даваемая здесь характеристика первобытного стада является в значительной степени негативной: аморфность, недифференцированность, отсутствие. Но люди этой эпохи обладали трудом и речью, изготовляли каменные и деревянные орудия, коллективно охотились на разнообразных животных и собирали растительную пищу, имели стойбища, на которые периодически возвращались. Они крайне медленно совершенствовали свои орудия, способы добывания пищи, начинали сооружать искусственные жилища, овладевали огнем. За этим скрывается длительный процесс развития первобытного общества, переход к более сложным формам первобытнообщинных отношений.

* * *

Необходимо учитывать сложность процесса перехода от животного к человеку. На начальном этапе развития первобытного общества, в эпоху первобытного стада, сохранялось еще немало пережитков животного состояния. Характернейшим является то, что в эту эпоху в отличие от всех последующих менялись не только техника, орудия, хозяйственные отношения, но и сам физический тип человека; при этом в формировании физического типа человека большую роль играли биологические факторы: приспособление к среде, отбор, содействовавший этому приспособлению.

Огромные исторические эпохи отделяют нас, современных людей, от кроманьонцев и других представителей человечества второй половины древнего каменного века. А между тем физический тип человека на протяжении этих эпох, наполненных огромным историческим содержанием, не подвергся сколько-нибудь существенным изменениям. По своему физическому строению позднепалеолитические люди не больше отличались от современных людей, чем человеческие расы наших дней различаются между собой.

Различий между древним и поздним палеолитом было несравненно меньше, чем между поздним палеолитом и XX веком. Ведь и первая, и вторая половины древнего каменного века соответствуют определенным, и притом довольно ранним этапам одного и того же первобытнообщинного строя. Однако различия в физическом типе человека той и другой эпохи очень велики. Если позднепалеолитический человек своим физическим строением существенно не отличается от современных людей, то физическое строение неандертальца не может быть приравнено к физическому строению ни одной современной человеческой расы.

Примитивное физическое строение питекантропа, синантропа, неандертальца ограничивало трудовые способности, тормозило развитие техники. В процессе общественного труда их физическое строение менялось. И лишь при переходе к позднему палеолиту возник подготовленный миллионами лет предыдущего развития тип человека, строение которого давало возможность не только изготовить кремневый нож, но и управлять электростанцией, а также не ставило препятствий для дальнейшего безграничного развития техники и культуры. В позднем палеолите и в последующие эпохи человек, воздействуя на окружающую природу, изменял и свою собственную — это заключалось в выработке новых рефлексов, новых навыков труда, новой культуры; строение человеческих костей, мускулов, их взаимосвязанность, строение человеческого мозга оставались в отличие от эпохи первобытного стада неизменными. Данные факты показывают глубокое своеобразие начального этапа первобытного общества, когда у людей сохранялось еще много непреодоленных пережитков их животного прошлого.

* * *

Проблемы древнейших форм семейных отношений служат предметом горячих дискуссий в литературе по истории первобытного общества и на современном уровне наших знаний не могут считаться окончательно решенными [см.: Бромлей, Першиц, 1972; Першиц, Монгайт, Алексеев, 1974]. Автор данной книги примыкает к тем исследователям [Семенов, 1974], которые считают, что положение Ф. Энгельса об отсутствии в начале человеческой истории оформившейся семьи и о господстве тогда беспорядочных половых отношений[8] выдержало испытание временем.

Можно предполагать, что на ранних этапах развития первобытного стада не было каких-либо брачных запретов, каких-либо позитивных социальных норм, регулирующих половые отношения. Допускалось брачное общение как между братьями и сестрами, так и между родителями и детьми. Но неупорядоченные брачные отношения не исключали существования временных и постоянных брачных пар, возникавших и распадавшихся в зависимости от желаний как той, так и другой стороны. Никаких социальных норм, которые бы регулировали образование и распад подобных брачных пар, не было.

Такое состояние не сохранилось ни у одного из современных племен, но оно восстанавливается по слабым пережиткам, отмеченным у многих племен и народов. Ф. Энгельс, полемизируя с К. Каутским, писал: «С такой же достоверностью, как там, где земля при принудительном переделе периодически вновь возвращается в общее владение, можно сделать заключение о прежней полной общности земли,— с такой же достоверностью можно, по моему мнению, заключать о первобытной общности женщин повсюду, где женщины периодически возвращаются — реально или символически — в состояние общности. А это происходит не только у Ваших обитателей полуострова Калифорнии, но — либо реально, либо символически — также и у очень многих других индейских племен, кроме того, у финикийцев, вавилонян, индийцев, славян, кельтов,— следовательно, было давным-давно и притом широко распространено,— и целиком опровергает психологический аргумент ревности».[9]

Формы группового брака, сохранявшиеся до недавнего времени у некоторых племен, сопровождались своеобразными и сложными условиями, что с необходимостью указывает на предшествующий им период неупорядоченных половых отношений, соответствующий древнейшему этапу истории человечества.

[8] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства.— Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., т. 21, с. 37—41.

[9] Энгельс — Карлу Каутскому, 10 февраля 1883 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 35, с. 363.

Из такого первобытного состояния неупорядоченных половых отношений, вероятно, еще на ступени древнего палеолита (быть может, в мустьерскую эпоху) стал постепенно возникать групповой брак. Как известно, основные положения о групповом браке, сменившемся позднее парной семьей, развиты в книге Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и в других его произведениях и основываются в большой мере на исследованиях прогрессивного американского этнографа и социолога прошлого века Л. Моргана [1934]. В противовес ученым, предполагающим существование парной семьи на протяжении всего палеолита, начиная с олдувайской эпохи, мы опять-таки считаем в согласии со значительной частью советских исследователей [Бромлей, Першиц, 1972; Першиц, Монгайт, Алексеев, 1974; Семенов, 1974], что эти основные положения Энгельса на современном уровне науки не могут быть отброшены в качестве устарелых.

О групповом браке как о закономерной ступени развития первобытной семьи свидетельствуют довольно широко распространенные пережитки групповых брачных отношений, сохранявшиеся у ряда племен и народов иногда вплоть до XIX в. и описанные многими историками, путешественниками и этнографами.[10] Наличие в прошлом группового брака помогает также восстановить метод реконструкции исчезнувших форм семьи на основании изучения систем родства. Семья развивается значительно быстрее, чем системы родства, которые лишь через долгие промежутки времени регистрируют прогресс, проделанный семьей. В результате у многих племен и народов системы родства не соответствуют существующим у них формам семьи и отражают формы семьи, давно пережитые этими народами. Речь идет о классификационных системах родства, различающих не отдельных родственников, а их группы. Так, например, у североамериканских индейцев, ирокезов, в XIX в. была парная семья, однако ирокез называл своими сыновьями и дочерьми не только своих детей, но и детей своих братьев, а они называли его отцом. Точно так же и ирокезка называла своими детьми и детей своих сестер, а они ее называли матерью. Таким образом, система родства ирокезов (так называемая турано-ганованская) свидетельствовала о существовании у них в прошлом группового брака, при котором целые группы мужчин и женщин находились в брачном общении и имели общих детей. Сходные классификационные системы родства описаны у ряда других племен.

Групповой брак ни в какой мере не исключал брачных пар, правда легко расторжимых. Более того, можно предполагать, судя по сравнительному энтографическому материалу, что пре-

[10] *Энгельс Ф.* 1) Происхождение семьи, частной собственности и государства.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 34—85; 2) Вновь открытый пример группового брака.— Там же, т. 22, с. 364—367.

обладали именно такие брачные пары, имевшие в то же время право на групповое брачное общение, осуществлявшееся лишь в отдельных случаях.

* * *

Очень немногое можно сказать об общественных представлениях эпохи первобытного стада. Здесь сказывается исключительная древность этого времени и скудость дошедших до нас источников.

К. Маркс и Ф. Энгельс, характеризуя древнейшее стадное сознание, указывали, что оно является прежде всего осознанием ближайшей, чувственно воспринимаемой среды и осознанием ограниченной связи с другими лицами и вещами, находившимися вне начинающего сознавать себя индивида. В то же время оно — осознание природы, которая первоначально противостоит людям как совершенно чуждая, всемогущая и неприступная сила, к которой люди относятся совершенно по-животному и власти которой они подчиняются, как скот.[11]

В эту эпоху идеи, представления людей об окружающем мире определялись их бессилием перед природой — низким уровнем экономического развития. Люди еще не имели сколько-нибудь отчетливых и полных представлений о себе и о том, что их окружало. Первоначально зарождалось только сознание отдельных практических, полезных действий.

* * *

Проблемы первобытного стада, как мы уже неоднократно отмечали, особенно оживленно дискутируются в современной науке. Даже среди советских исследователей, в равной мере стоящих на позициях марксизма-ленинизма, налицо серьезные разногласия по некоторым относящимся сюда очень важным вопросам. В советской науке о первобытном обществе за последние 15—20 лет произошел коренной пересмотр ряда положений, еще сравнительно недавно считавшихся общепризнанными. Многое оказывается шатким, спорным, еще недостаточно устоявшимся. В заключении настоящей главы кратко остановимся на некоторых из спорных положений.

Начну с теории двух скачков, создателями и сторонниками которой является ряд советских антропологов и философов [Рогинский, 1977; Якимов, 1967; Семенов, 1966]. Согласно этой теории, в эволюции человека необходимо выделить два узловых пункта, два переломных момента. Первый скачок, отмеченный началом изготовления орудий, соответствует переходу от ископаемых человекообразных обезьян к древнейшим людям. Второй скачок,

[11] *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология.— Соч., т. 3, с. 29.

меньшего значения, соответствует переходу от неандертальцев к людям современного физического типа. Этот скачок произошел на грани древнего и позднего палеолита. Социальные закономерности, появившиеся в зачаточном виде вместе с древнейшими людьми, приобрели действительно господствующее значение в жизни человеческих коллективов только при переходе к позднему палеолиту. Таким образом, стадия питекантропов и неандертальцев, древний палеолит, эпоха первобытного стада, была периодом формирования человека и человеческого общества. С переходом к позднему палеолиту и с возникновением Homo sapiens начался продолжающийся до настоящего времени период готового, сложившегося человеческого общества. Только тогда, согласно взглядам некоторых сторонников теории двух скачков, возникла первая в человеческой истории общественно-экономическая формация, первобытнообщинный строй. Первобытное же стадо предшествовало этой общественно-экономической формации.

Одним из важнейших аргументов в пользу отделения эпохи первобытного стада от всей последующей истории человечества сторонники теории двух скачков считают тот бесспорный факт, что в древнем палеолите относительно небольшие прогрессивные изменения в культуре сопровождались чрезвычайно значительными переменами морфологической структуры питекантропов и неандертальцев. Таким образом, в развитии последних большую роль еще играл естественный отбор, вообще биологические закономерности. После перехода к позднему палеолиту и возникновения Homo sapiens наблюдается противоположная картина: гигантский по своим масштабам культурный прогресс при относительной устойчивости строения организма самих людей; определяющее значение получили социальные законы развития людей. Качественная грань, отделяющая первобытное стадо от первобытнообщинного строя, не только не менее глубока, чем рубежи между общественно-экономическими формациями, но и несравненно более значительна, ибо она отделяет формирующееся общество от готового общества.

По поводу теории двух скачков можно отметить следующее. Трактовка перехода от животного к человеку, от стада животных к человеческому обществу как величайшего скачка, разделяющего два качественно, принципиально различных состояния, является бесспорной. С такой трактовкой согласны все советские исследователи. Но многие из них отрицают наличие качественного сдвига, скачка, разделяющего древний и поздний палеолит, а также отрицают глубокое своеобразие первобытного стада, отделяющее его от всех последующих этапов первобытной истории. Автор настоящей книги стоит на несколько иных позициях. Он согласен со сторонниками теории двух скачков, когда они синхронизируют этап первобытного стада с древним палеолитом, подчеркивают глубокое качественное своеобразие этой эпо-

хи и трактуют переход от древнего к позднему палеолиту, от первобытного стада к родовой общине как скачок. Однако он рассматривает первобытное стадо в качестве начального этапа развития первобытнообщинного строя и полагает, что с появлением Homo habilis и олдувайской техники начинается история человеческого общества. Скачок несравненно меньшего значения, отделяющий древний палеолит от позднего, разделял два этапа одной, первобытнообщинной общественно-экономической формации.

Разумеется, всюду здесь скачок понимается не как мгновенное событие, а в философском смысле слова, как переход от одного качества к другому. Предпосылки такого скачка постепенно вызревали в предшествующую зону.

С этой дискуссией тесно связаны споры о том, в какую археологическую эпоху совершился переход от первобытного стада к родовой общине. Археологические открытия последних 20 лет значительно изменили наши представления о древнем палеолите, в частности о технике, образе жизни, хозяйстве людей средне-, позднеашельской и мустьерской эпох. Оказалось, что уровень развития их культуры был гораздо более высоким, чем представляли раньше. Относительная сложность и развитость культуры и хозяйства, вероятно, в какой-то мере отражают усложнение социальной организации общества. В связи с новыми открытиями и возникшими в их результате новыми представлениями некоторые советские археологи, специально занимающиеся проблемами древнего палеолита, считают невозможным говорить о первобытном стаде в применении к мустье и даже к позднему и среднему ашелю [Черныш, 1965; Любин, 1970, и др.]. Они признают необходимым опустить верхнюю границу эпохи первобытного стада в древнее мустье и даже в древний ашель. Но вместе с тем по-прежнему остается бесспорным, что только в течение древнего палеолита в отличие от всех последующих эпох происходили значительные изменения морфологической структуры самого человека. Это, по нашему мнению, свидетельствует в пользу расшифровки древнего палеолита как особой, качественно своеобразной эпохи первобытной истории. Впрочем, переход от древнего палеолита к позднему, от первобытного стада к родовой общине нельзя понимать схематически, упрощенно. В мустьерскую эпоху медленно, постепенно, в разных формах вызревали элементы позднепалеолитической техники и культуры. Точно так же в первобытном стаде вызревали элементы родового строя. Мустьерская эпоха, как теперь становится все более и более ясно, не была отделена от позднего палеолита непроходимой гранью. Здесь шел сложный процесс длительного вызревания предпосылок перехода к следующему состоянию.

ПЕРЕХОД К ПОЗДНЕМУ ПАЛЕОЛИТУ И ОФОРМЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ФИЗИЧЕСКОГО ТИПА ЧЕЛОВЕКА

ПОЗДНИЙ ПАЛЕОЛИТ

Мустьерская археологическая эпоха сменилась поздним (или верхним) палеолитом, возраст которого примерно 35—10 тыс. лет назад. Переход к позднему палеолиту выразился в очень важных изменениях в технике, формах хозяйства, образе жизни, общественных отношениях, идеологии, в самом физическом типе человека. Остановимся сначала на изменениях в области техники обработки камня.

В позднем палеолите широкое, массивное, дисковидное ядрище (нуклеус) мустьерского времени сменилось хорошо ограненным, вытянутым ядрищем призматических очертаний (рис. 44, *1*). От него откалывались уже не широкие отщепы, а узкие удлиненные кремневые пластины с правильным параллельным огранением. Эти пластины имели острые прямые края. Многие из них без всякой вторичной обработки (ретуши) использовались для резания и скобления. Часть же превращалась с помощью ретуши и сколов в разнообразные, хорошо выраженные изделия (рис. 44, *2—22*). Функции резания, пиления, скобления, долбления, прокалывания того или иного материала теперь в гораздо большей степени, чем в древнем палеолите, разделились между различными орудиями.

Пластины иногда откалывались от призматического ядрища с помощью каменного отбойника. Отделение их могло производиться и костяными отбойниками, подобными тем, которые употреблялись коряками еще в XIX в. При откалывании пластин использовался и посредник — продолговатый заостренный кусок кости, который упирали в ядрище и по которому ударяли каменным отбойником. Так отбивали камень в XVIII—XIX вв. многие племена североамериканских индейцев. Некоторые группы позднепалеолитических людей, жившие в южных широтах по морским берегам, могли оббивать ядрища и с помощью твердых раковин, употреблявшихся в качестве отбойника.

Н. Н. Миклухо-Маклай следующим образом описывал оббивку обсидиана обитателями островов Адмиралтейства (к северу от Новой Гвинеи), которые славились своим искусством в этой области и своими прекрасными обсидиановыми клинками: «Взяв большой кусок обсидиана в руки, я захотел попробовать, легко

ли получить подобный осколок и сумею ли я отколоть его сам. Однако же, как ни пробовал, как ни вертел камень, я не отколол ни одного сколько-нибудь годного осколка. Туземцы смеялись, а я должен был сознаться, что не умею отколоть и, передав кусок обсидиана одному из них, стал смотреть, как он приступит к делу. Он встал, подошел к морскому берегу и поднял небольшую раковину; присев затем снова около меня, он положил обсидиан на подошву левой ноги так, что гладкая и широкая поверхность камня приходилась наверху. При втором или третьем легком ударе плоской стороной принесенной раковины отскочило несколько осколков, совершенно подобных виденным. Выбирая разные стороны и края большого куска обсидиана и ударяя раковиной с разной силой но всегда слегка, он получал осколки различной формы — то узкие, то широкие» [1950, с. 275].

Однако чаще всего кремневые пластины отделялись не с помощью удара, а с помощью сильного нажима на край ядрища костяным или каменным отжимником. У некоторых племен индейцев Северной Америки еще в XIX в. это делалось следующим образом. Ядрище лежало на земле и придерживалось ногами. Сверху на него давили отжимником, привязанным к концу длинной палки; в эту палку работающий упирался обеими руками и грудью (рис. 44, *16*).

В позднем палеолите наряду с оббивкой камня распространился и новый, весьма совершенный для этого времени технический прием — отжимная ретушь. О ее существовании свидетельствуют прекрасные, так называемые солютрейские кремневые наконечники копий, имеющие правильную листовидную форму (рис. 44, *9*, *10*), очень тонкие и тщательно отретушированные с обеих поверхностей. Выщербинки, получившиеся в результате ретуширования, плоские и длинные; они сплошь покрывают поверхность орудия, а не сосредоточены лишь у краев. Такая ретушь, как свидетельствуют многочисленные этнографические наблюдения, могла получиться лишь в результате нажима.

Этот способ обработки камня можно представить из имеющегося описания изготовления наконечников копий коренным населением Западной Австралии еще в конце XIX в. От кварцитового ядрища ударом каменного отбойника, тесла или костяного долота откалывали отщеп треугольных очертаний. Брали его в левую руку и оббивали со всех сторон каменным молоточком. После такой предварительной формовки приступали к отделке краев. Это было очень трудное занятие, требовавшее терпения и длительного времени. Большой кусок камня служил рабочим столом или наковальней. В качестве подстилки использовали два-три слоя коры. Австралиец садился перед камнем. Пальцами левой руки он брал наконечник, прижимая его одним краем к наковальне; в правой руке он держал отжимник — короткую заостренную палочку из кости кенгуру или эму — и, надавив острым концом отжимника на край наконечника, отделял от

последнего тонкие чешуйки кварцита. По мере повторения таких действий отжимник постепенно передвигался от основания к острию наконечника. Затем наконечник переворачивался на другую сторону, и работа возобновлялась. Время от времени австралиец натачивал конец костяного отжимника на куске базальта, иногда натачивал на базальте и сам наконечник. В процессе работы острие нередко ломалось, когда наконечник был уже готов, и все приходилось начинать снова.

Отжимная ретушь была в XIX в. широко распространена и у других племен, сохранивших в своем быту каменные орудия. Есть ее описание у эскимосов, североамериканских индейцев, огнеземельцев. Эскимосы, изготовляя наконечники копий и стрел, кусок кремня раскалывали отбойником, а затем получившиеся таким образом отщепы тщательно обрабатывали отжимником. Отжимник состоял из двух частей: рукоятки из моржового клыка и крепко привязанной к ее концу заостренной палочки из твердой кости или рога. Употреблялся он следующим образом. На левую руку для предохранения ее от повреждения клали кусок кожи.[1] Обрабатываемый отщеп захватывали этой рукой и крепко держали пальцами. Отжимник брали в правую руку и надавливали им вдоль края отщепа, делая 30—40 нажимов в минуту. Подобным же способом индейцы Северной Америки изготовляли свои наконечники копий и стрел из кварца, обсидиана, яшмы, кремня и других пород камня. У некоторых индейских племен изготовление такого наконечника занимало всего 25—40 мин.

Считается общепризнанным, что шлифовка камня возникла и распространилась только в неолите. Однако это не совсем верно. Не говоря уже о том, что в позднем палеолите развились натачивание и шлифовка кости, здесь зародились также натачивание и шлифовка камня. В позднепалеолитических поселениях Костенки IV на Дону, Молодова V на Днестре, Виллендорф в Австралии, Буреть на Ангаре найдены небольшие шлифованные диски из камня. Но примеры шлифовки камня в позднем палеолите исключительно редки. Шлифовка камня не играла сколько-нибудь существенной роли в технике того времени.

В позднем палеолите возникло также сверление, применявшееся по преимуществу к кости, но иногда и к камню. Тем самым был практически открыт принцип ротационного вращательного движения, лежащий в основе ворота, блока и, главное, колеса. Без колеса, как и без огня, не была бы возможна вся наша современная техника и культура.

В качестве материала для изготовления орудий первобытные люди наряду с камнем широко использовали кости убитых на

[1] Австралийцы, изготовляя свои наконечники, не пользовались кожей для предохранения рук и часто до крови резали руки лезвием наконечника и отделяемыми от него чешуйками. Даже не имеющие ретуши осколки кремня, как и многих других пород камня, очень остры, и ими легко порезаться.

охоте животных. Кость была ценна благодаря ее твердости, вязкости, упругости и сравнительной легкости обработки. Но обработка кости распространилась не сразу. В древнем палеолите она развита еще слабо. Костяных изделий было немного. И они являлись очень примитивными. Широко же распространились разнообразные орудия из кости, рога и бивня мамонта только в позднем палеолите.[2] Это, вероятно, было связано с развитием охотничьего хозяйства, а также с общим ростом трудовых навыков и трудового опыта. Кость представляет собой продукт охоты, и степень ее освоения в первобытной технике является одним из показателей высоты развития охотничьего хозяйства. В то же время обработка кости у различных групп первобытных охотников практиковалась очень неравномерно. Больше всего она была распространена у обитателей северных приледниковых тундр и холодных степей, не имевших в достаточном количестве дерева для своих хозяйственных надобностей. У позднепалеолитических обитателей тропико-экваториального пространства она была развита в значительно меньшей степени. Там кость, да и кремень заменялись твердыми породами дерева, и особенно бамбуком. Стебли бамбука очень прочны, тверды, содержат много кремнезема. Они сравнительно легко раскалывались, давая при этом твердые острые обломки и лучинки, которые могли успешно заменять костяные и кремневые наконечники копий и дротиков, а также другие орудия из кости и кремня.

Палеолитические орудия из бамбука, как и подавляющее большинство деревянных, не дошли до нас. В результате палеолитическая техника тропических стран при сравнении с палеолитической техникой Сибири и Европы выглядит более бедной, чем она была в действительности. Показательно, что в XIX в. эскимосы и многочисленные племена северо-востока Сибири изготовляли разнообразные орудия и оружие из кости, ископаемых бивней мамонта, рога северного оленя и клыков моржа, тогда как у тасманийцев, австралийцев, охотничьих племен Индокитая и Индонезии, бушменов Южной Африки обработка кости была развита очень слабо.

Один из важнейших технических приемов, которым обрабатывались кость и рог,— резание, вероятно, первоначально возник при обработке дерева, при изготовлении деревянных орудий. Есть все основания предполагать, что в позднем палеолите техника обработки дерева также усовершенствовалась, а применение его стало более разнообразным.

У австралийских племен XIX в. дерево служило для изготовления копий, копьеметалок, дубин, бумерангов, копательных палок, снарядов для добывания огня, рыболовных крючков, корытец, лодок-однодеревок, рукояток топоров, тесел и ножей. Приемы

[2] Подробное описание палеолитической техники обработки кости см.: [Герасимов, 1941; Гвоздовер, 1953; Семенов, 1968].

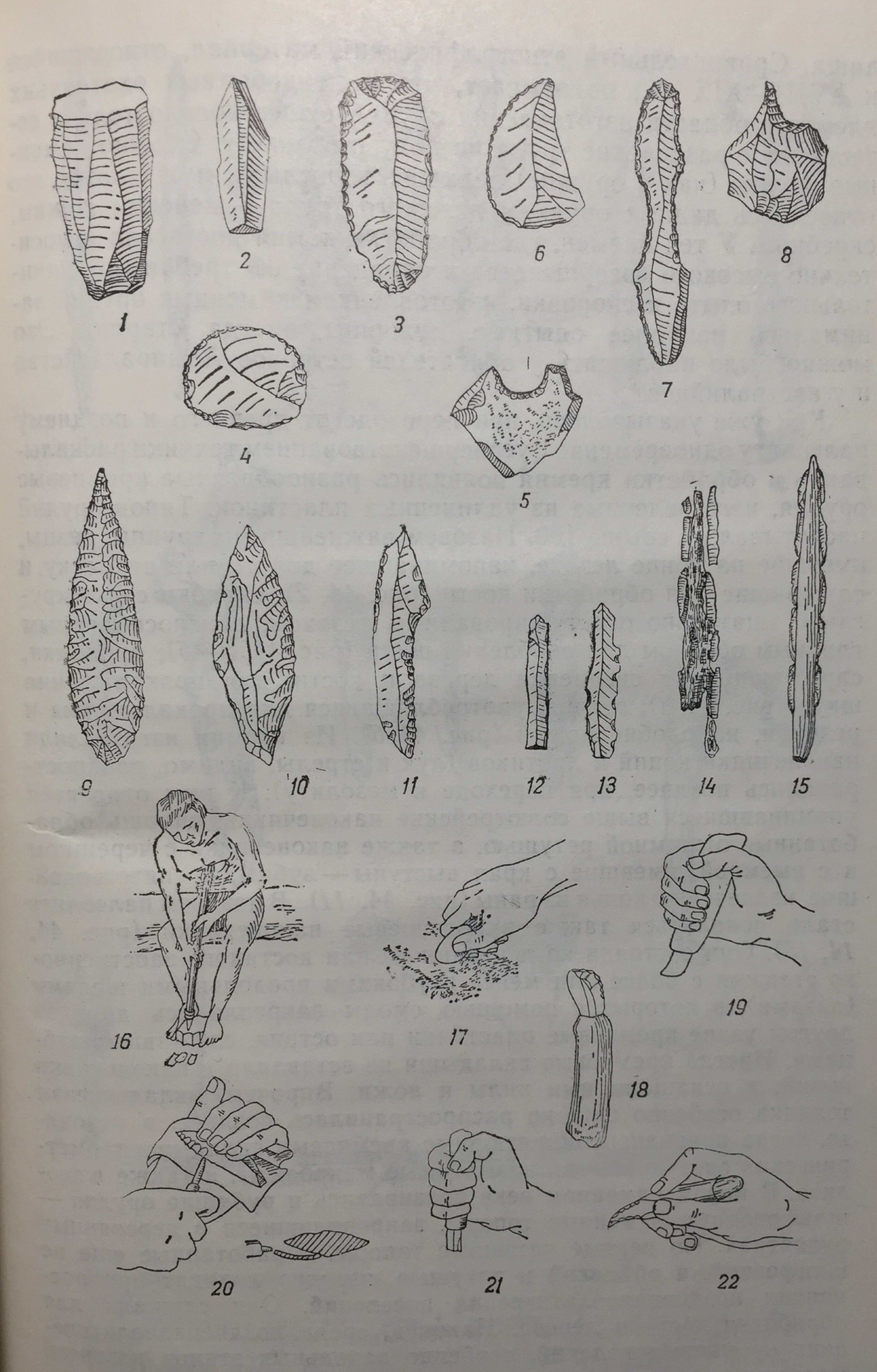
обработки дерева у австралийцев были довольно разнообразны. Простая дубина изготовлялась перед охотой с помощью топора и тесла из подходящего сука дерева; она подвергалась лишь очень незначительной обработке и поэтому была обычно кривой и неровной. После охоты ее выбрасывали или же сжигали в костре. Иначе делался бумеранг — своеобразная плоская и изогнутая метательная дубина, одно из искуснейших орудий австралийцев. Для изготовления бумеранга отрубали кусок твердого дерева с подходящим изгибом. Топором с него снимали кору. Кусок дерева клали на землю и, плотно придерживая ногой, резали, а потом скоблили каменным теслом. Отделывали бумеранг каменным скребком, после чего шлифовали на шлифовальном камне. Когда бумеранг становился совершенно гладким, на его поверхность каменным сверлом наносили узор. Затем бумеранг клали на несколько недель в воду, на несколько дней — в песок, нагревали на огне и, наконец, обмазывали жиром, чтобы предохранить от раскалывания. Только после этого бумеранг был готов. Дерево для древка копья австралийцы отрубали с помощью топора, обрабатывали каменными теслами и скребками, скребками из раковин и подшлифовывали на шлифовальном камне. Если копье было целиком из дерева, то его острие для большей твердости закаляли на огне; иногда древко копья делали составным — из древесных пород различной твердости и веса. Подобным же способом обрабатывали рукоятки топоров. Для того чтобы размягчить и согнуть прут, служивший рукояткой, его помещали в тлеющий огонь или в горячую воду.

Можно предполагать, что технические приемы, которые употреблялись в позднем палеолите при обработке дерева, во многом напоминали описанные приемы, бытовавшие еще в XIX в. у австралийцев.

В древнем каменном веке общественное разделение труда отсутствовало. Постепенно развивалось только естественное разделение труда по полу и возрасту. Отсутствовали ремесленники, специально занимавшиеся изготовлением каких-либо изделий для обмена, для продажи. Техника и хозяйство были еще столь примитивны, что каждый член первобытной общины умел в равной степени охотиться, ловить рыбу, собирать растительную пищу, изготовлять необходимые каменные, деревянные, костяные орудия, обрабатывать шкуры, сооружать первобытные жи-

Рис. 44. Позднепалеолитические каменные орудия и обработка камня в позднем палеолите.

1 — призматическое ядрище (нуклеус); *2* — резец; *3, 4* — скребки; *5* — вогнутый скребок для обтачивания стержней; *6* — острие с затупленным краем (нож); *7* — орудие для резания и скобления; *8* — проколка (сверло); *9, 10* — солютрейские наконечники копий и дротиков; *11* — наконечник с выемкой; *12, 13* — пластинки-вкладыши; *14* — остатки костяного стержня с кремневыми вкладышами по обеим сторонам (стоянка им. Талицкого близ Перми); *15* — реконструкция костяного наконечника с кремневыми вкладышами; *16* — откалывание кремневых пластин от призматического нуклеуса с помощью костяного отжимника; *17* — обработка шкуры с помощью кремневого скребка; *18* — кремневый нож в рукоятке из рога (стоянка Мальта близ Иркутска); *19* — работа кремневым ножом; *20* — обработка кремневой пластинки с помощью отжимной ретуши; *21* — работа кремневым резцом; *22* — работа кремневой проколкой (*17, 19, 21, 22* — по С. А. Семенову).

1
2
3
6
7
8
4
5
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22

лища. Сравнительный этнографический материал, относящийся к XVIII—XIX вв., показывает, что у первобытных охотничьих племен в области изготовления орудий существовало только естественное разделение труда по полу и возрасту. Обычно каменные орудия (как и оружие) делались взрослыми мужчинами; это относилось даже к орудиям женского труда — женским ножам, скребкам. У тех племен, где обработка камня достигала относительно высокого совершенства и овладение ею требовало значительного опыта и сноровки, изготовлением каменных орудий занимались наиболее опытные мужчины, иногда старики. Это можно было наблюдать у обитателей островов Адмиралтейства и у австралийцев.

Как уже указывалось, при переходе от древнего к позднему палеолиту одновременно с усовершенствованием техники раскалывания и обработки кремня появились разнообразные кремневые орудия, изготовленные из удлиненных пластинок. Типов орудий насчитывалось свыше 100. Назовем важнейшие их группы: резцы, имевшие на конце лезвие, напоминавшее долото или стамеску, и служившие для обработки кости (рис. 44, *2*); скребки с полукруглым, тщательно отретушированным лезвием, приспособленным главным образом для скобления шкур (рис. 44, *3—5*); проколки, служившие для сверления дерева и кости, для прокалывания шкур (рис. 44, *8*); острия, употреблявшиеся для прокалывания и резания, наподобие ножей (рис. 44, *6*). Из кремня изготовляли наконечники копий и дротиков (лук и стрелы, видимо, распространились позднее, при переходе к мезолиту). К ним относятся упоминавшиеся выше солютрейские наконечники, сплошь обработанные отжимной ретушью, а также наконечники с черешком и с выемкой, имевшие с края выступы — зубцы, препятствовавшие извлечению копья из раны (рис. 44, *11*). В позднем палеолите стали появляться также вкладышевые наконечники (рис. 44, *14*, *15*). Они состояли из деревянного или костяного заостренного стержня с более или менее глубокими продольными щелями (пазами), в которых с помощью смолы закреплялись друг за другом узкие кремневые пластинки или острия, служившие зубцами. Иногда кремневые вкладыши не вставляли в наконечники копий, а оснащали ими пилы и ножи. Впрочем, вкладышевая техника особенно широко распространилась позднее, в мезолите, когда появились миниатюрные кремневые вкладыши геометрических очертаний, так называемые микролиты, а также в неолите. В новом каменном веке развивались и рубящие орудия — шлифованные каменные топоры, закреплявшиеся в деревянных рукоятках. Но первые каменные топоры, обработанные еще не шлифовкой, а оббивкой и ретушью, изредка находят при раскопках позднепалеолитических поселений. Они служили для обработки кости и дерева. Наконец, среди позднепалеолитических кремневых изделий, особенно начальных этапов позднего палеолита, встречаются серии переживающих с древнего палеолита изделий мустьерских типов.

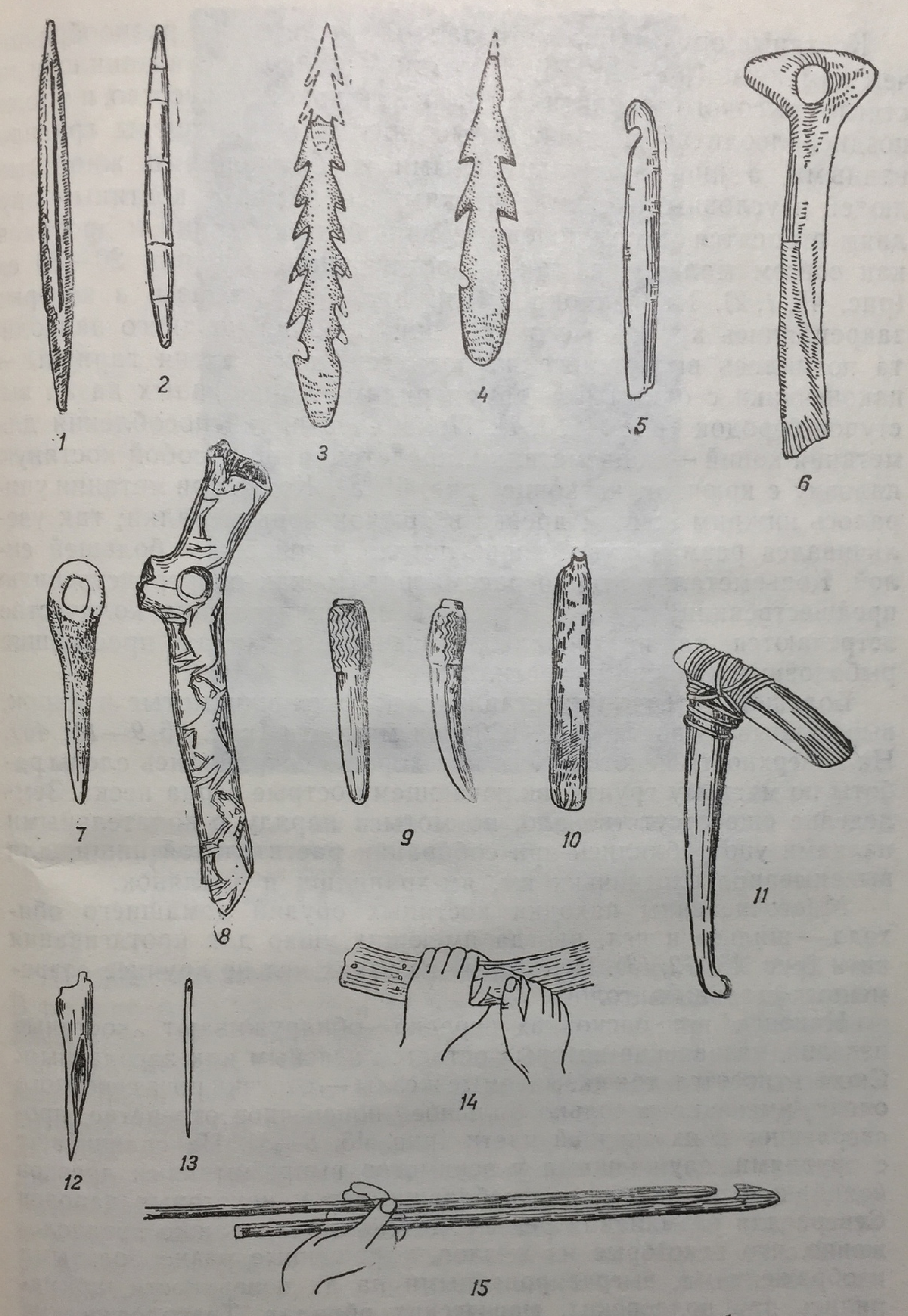

Рис. 45. Позднепалеолитические орудия из кости, рога и бивня мамонта.

1, 2 — наконечники копий и дротиков; 3, 4 — гарпуны; 5 — копьеметалка; 6—8 — жезлы; 9, 10 — наконечники мотыг; 11 — чукотская мотыга XIX в. (для сравнения); 12 — шило; 13 — игла с ушком; 14 — нанесение с помощью кремневого орудия гравированного изображния на кости (по М. М. Герасимову); 15 — австралийская копьеметалка XIX в (для сравнения).

Костяные орудия позднего палеолита не менее разнообразны, чем каменные (рис. 45, 46). В позднем палеолите возникло и достигло высокого развития изобразительное искусство, и многие позднепалеолитические костяные предметы украшены гравированными, а иногда скульптурными изображениями животных, людей и условными схематическими знаками. К костяным орудиям относятся многочисленные наконечники копий и дротиков, как совсем маленькие, так и достигающие в длину 20—30 см (рис. 45, *1*, *2*). Иногда они имели продольные пазы, в которых закреплялись кремневые вкладыши. В конце позднего палеолита появились вырезанные из рога северного оленя гарпуны — наконечники с одним или двумя рядами обращенных назад выступов-бородок (рис. 45, *3*, *4*). Появились и приспособления для метания копий — копьеметалки, представляющие собой костяную палочку с крючком на конце (рис. 45, *5*). Копье при метании упиралось нижним концом древка в крючок копьеметалки; так увеличивался размах руки, копье летело дальше и с большей силой. Копьеметалку можно рассматривать как непосредственную предшественницу лука и стрел. В незначительном количестве встречаются на позднепалеолитических стоянках простейшие рыболовные крючки из кости.

Большой интерес представляют наконечники мотыг и кирок, вырезанные из кости, рога и бивня мамонта (рис. 45, *9—11; 46*). На поверхности некоторых из них хорошо сохранились следы работы по мягкому грунту, включающему острые зерна песка. Земледелие еще отсутствовало, но мотыги наряду с копательными палками употреблялись при собирании растительной пищи, для выкапывания охотничьих ям, ям-хранилищ и землянок.

Многочисленны находки костяных орудий домашнего обихода — шильев и игл, иногда имеющих ушко для протягивания нити (рис. 45, *12*, *13*). Некоторые из таких игл не крупнее современных стальных иголок.

Наконец, при раскопках нередко обнаруживают костяные изделия, назначение которых остается неясным или загадочным. Сюда относятся так называемые жезлы — отрезки рога северного оленя, имеющие довольно большое поперечное отверстие, просверленное в их средней части (рис. 45, *6—8*). Их сравнивают с орудиями, служившими у эскимосов выпрямителями древков копий, и с орудиями, употреблявшимися у некоторых народов Севера для разминания ремней. Высказывают также предположение, что некоторые из жезлов, украшенные разнообразными изображениями, выгравированными на их поверхности, применялись при колдовских, магических обрядах. Трасологические исследования, проведенные С. А. Семеновым, не обнаружили на этих предметах следов использования их для разминания ремней и свидетельствуют скорее в пользу расшифровки их как выпрямителей древков [Семенов, 1968]. К костяным изделиям, назначение которых неясно, относятся разнообразные лопаточки, стержни и кольца.

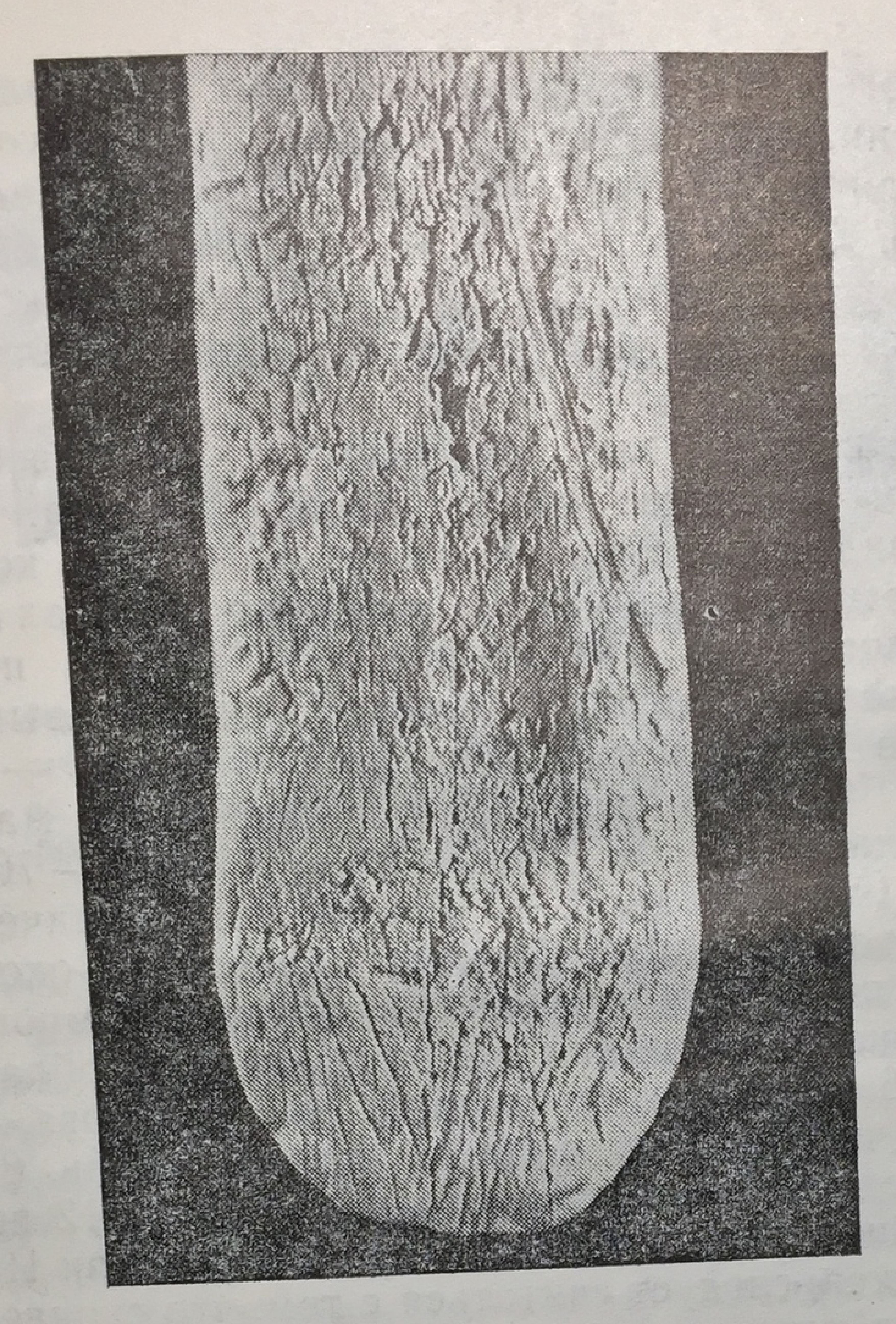

Рис. 46. Рабочий конец костяной мотыги из поздне-палеолитического поселения Пушкари I на Десне. Увеличенная фотография. Видны продольные штрихи, получившиеся в результате землекопной работы.

Продолжительность позднего палеолита около 25 тыс. лет. В течение этого времени первобытная техника медленно развивалась, люди постепенно вырабатывали новые, более совершенные формы каменных и костяных орудий. Но для позднего палеолита невозможно создать обобщенную археологическую периодизацию, которая была бы применима ко всем территориям, заселенным людьми, и подобную той периодизации, которая существует для древнего палеолита (олдувайская, древнеашельская, средне- и позднеашельская и мустьерская эпохи). Более совершенная и многообразная позднепалеолитическая культура по-разному развивалась у отдельных групп человечества. Черты локального разнообразия выражены в позднем палеолите гораздо резче, чем в древнем; здесь представлено больше дробных культур и они очерчены четче. Поэтому, изучая позднепалеолитические памятники отдельных территорий, приходится для каждой из них разрабатывать особую периодизацию. В позднем палеолите можно выделить ряд крупных регионов, в каждом из которых развитие культуры имело свои особенности, в целом отличающие этот

регион от соседних: Западная Европа, Центральная Европа, Русская равнина, Пиренейский и Апеннинский полуострова, Крым, Кавказ, Северная и Южная Африка, Восточное Средиземноморье, Сибирь и др. Существовали в их пределах и более дробные историко-культурные области [Чебоксаров, Чебоксарова, 1971], также различавшиеся между собой рядом культурно-бытовых особенностей.

Появление нового, более эффективного оружия было связано с дальнейшим развитием охотничьего хозяйства. О прогрессе последнего свидетельствуют огромные скопления костей убитых на охоте животных, обнаруживаемые при раскопках позднепалеолитических поселений [Верещагин, 1971]. Так, например, на стоянке Мальта (под Иркутском) найдены кости свыше 400 северных оленей, в Амвросиевке (Донецкий бассейн) — 1000 зубров, в Пушкарях (под Новгород-Северским) — 65 мамонтов, на стоянке Кирилловской (на территории Киева) — 70 мамонтов, в Межиричах (под Каневым) — 110 мамонтов. Количество подобных примеров очень велико. Показателен состав охотничьей добычи, остатки которой обнаружены в результате многолетних раскопок Мезинской стоянки (Черниговская область, берег р. Десны): 116 мамонтов, три шерстистых носорога, 61 лошадь, 17 овцебыков, пять зубров, один гигантский олень, 83 северных оленя, семь медведей, пять росомах, 59 волков, 112 песцов, одна лисица, 11 зайцев, четыре байбака, семь куропаток [Шовкопляс, 1965]. Разумеется, следует считаться с тем, что скопления костей образовались в течение длительного времени; в некоторых же случаях первобытные люди специально сносили кости из разных мест для использования в качестве строительного материала. Но, с другой стороны, не все кости, валявшиеся в палеолитическом охотничьем стойбище, сохранились от разрушения, дошли до нас и вскрыты археологическими раскопками. В действительности их было гораздо больше.

Позднепалеолитические способы охоты на мамонтов, вероятно, близко напоминали способы, бытовавшие у неандертальцев. По-прежнему практиковались коллективные облавы с использованием естественного рельефа местности, глубоких оврагов, крутых береговых обрывов и топей. Можно предполагать, что старые способы охоты на мамонтов дополнились ловлей этих животных в специально вырытые ямы. Еще в XIX в. бушмены и другие охотничьи племена с помощью простых деревянных заостренных палок выкапывали ямы глубиной до 2 м и ловили в них таких крупных животных, как антилопы и даже слоны. Несомненно, что и позднепалеолитические люди обладали техническими возможностями для выкапывания подобных ловчих ям. Об этом свидетельствуют обнаруженные при раскопках позднепалеолитических поселений землянки и ямы глубиной 1 м и более.

Охотничьи ямы могли выкапываться с помощью деревянных копательных палок и мотыг с костяными наконечниками. Ямы

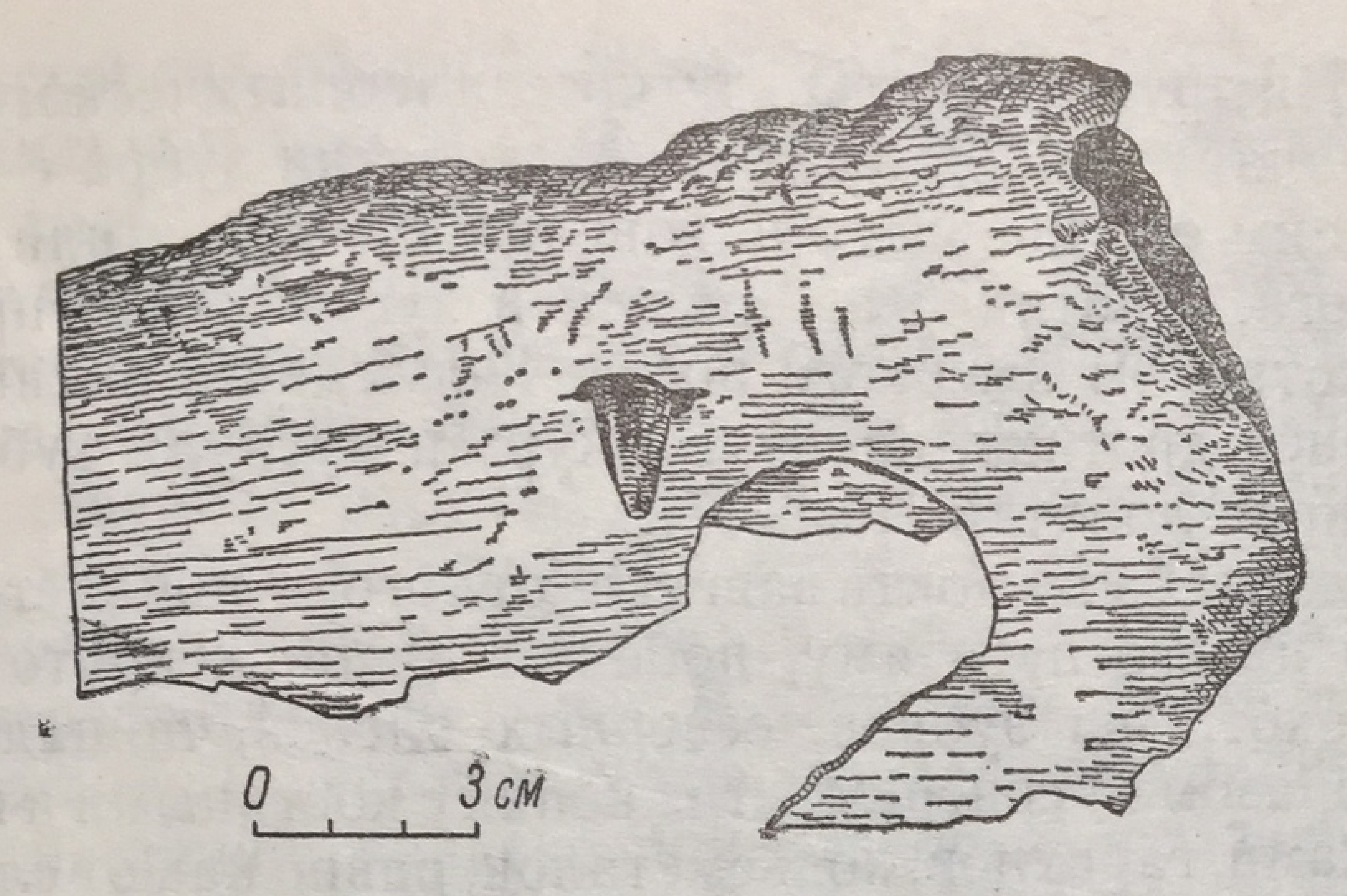

Рис. 47. Позднепалеолитическая стоянка Кокорево I на Енисее. Лопатка зубра с пронзившим ее насквозь наконечником копья из оленьего рога. Раскопки З. А. Абрамовой.

располагались на обычном пути животных (например, по дороге к водопою) или же в местах, куда животных загоняли. Сверху их маскировали сучьями и ветвями, а в дно вертикально втыкали острием вверх, кол, с тем, чтобы животное, падая, напоролось на него. Подобным способом ловили не только мамонтов и носорогов, но и лошадей, бизонов, северных оленей, медведей, а также более мелких животных. Яма необязательно должна была вмещать всего зверя целиком. Достаточно, если в нее попадали и в ней застревали или ломались только ноги животного. Наблюдения этнографов и путешественников свидетельствуют о большой эффективности и в то же время простоте такого способа ловли крупных млекопитающих. Попавшего в яму обессиленного мамонта добивали, кидая в него крупные камни и копья. Но последние не служили основным оружием охоты на мамонта, так как не могли пробить его толстую шкуру. Характерно, что в позднепалеолитическом искусстве отсутствуют изображения мамонтов, пронзенных копьями. В редких случаях люди могли использовать мясо и кости трупов естественно погибших животных, залегающие в слое вечной мерзлоты.

Наряду с мамонтом важным объектом охоты были зубр, северный олень, дикая лошадь. Особенно много давала позднепалеолитическому человеку охота на северного оленя: мясо, шкуры, такой прекрасный материал для изготовления оружия, орудий и рукояток, как кость и рог, а также сухожилия и шерсть, служившие для получения нитей и веревок. Копье с каменным или костяным наконечником (а также гарпун), бессильное против мамонта, пронзало шкуру зубра, оленя, лошади. Ярким свидетельством пробивной силы подобного оружия является находка, сделанная в 1962 г. при раскопках стоянки Кокорево I на левом берегу Енисея, в 230 км выше Красноярска [Абрамова, 1964]. В третьем культурном слое, имеющем древность 13—14 тыс. лет, среди очагов, камен-

ных орудий и других остатков позднепалеолитического охотничьего лагеря обнаружен обломок левой лопатки зубра с вонзившимся, пробившим его насквозь наконечником копья или дротика из оленьего рога. Дротик был брошен в зубра сзади преследовавшим его охотником высокого роста. Последний, видимо, промахнулся, и конец дротика, пронзив шкуру и мускулы зубра, застрял в толстом крае лопатки (рис. 47).

Успех охоты на мамонта зависел от того — попадет ли мамонт в вырытую на его пути яму, побежит ли он к крутому обрыву. Успех же охоты на зубров, северных оленей, лошадей зависел главным образом от совершенства копий с костяными и каменными наконечниками, гарпунов, копьеметалок, равно как от слаженности всего охотничьего коллектива. Более совершенное охотничье оружие позволило применять наряду с большими коллективными облавами, особенно успешными при охоте на лошадей, подкрадывание к пасущимся животным и длительное преследование их. При этом добычей становились главным образом молодые животные, быстрее ослабевавшие и отстававшие. О подобных способах охоты свидетельствуют как этнографические параллели, так и характер костных остатков животных, встречаемых на позднепалеолитических стоянках (на многих стоянках значительно преобладают кости молодых особей). Новые приемы охоты требовали значительной организованности и строгого распределения задач между охотниками, не говоря уже о том, что нужно было прекрасно знать повадки зверя. Интересна находка в гроте Ла Ваш, на юге Франции (деп. Арьеж), в культурном слое, относящемся к концу позднего палеолита и имеющем радиоуглеродную дату 12 700 лет назад, изогнутого конца рога северного оленя длиной около 15 см, с двумя отверстиями — сквозным и несквозным. Вероятно, перед нами охотничий рог, которым подавали сигналы на охоте [Romain, Nougier, 1968].

Немалую роль в хозяйстве людей позднего палеолита, особенно в конце этой эпохи, играла охота на мелких животных: зайцев, сурков, а также на птиц. Она производилась в основном с помощью силков и петель [Замятнин, 1960]. На ряде позднепалеолитических стоянок найдены кости сотен зайцев и сурков.

Иногда люди охотились на зверей исключительно из-за их меха. При раскопках стоянки Мальта недалеко от Иркутска и стоянки Авдеево близ Курска найдены скелеты песцов, кости которых лежали в анатомическом порядке Очевидно, с песцов были содраны шкуры, а тушки их брошены неиспользованными. Однако такие факты довольно редки. Позднепалеолитическое охотничье хозяйство было еще первобытным и сравнительно малоразвитым. Удача охоты еще во многом зависела от случайного стечения обстоятельств. В этих условиях частым был голод и неизбежным являлось уравнительное распределение продуктов.

Продолжало существовать и рыболовство. Оно по-прежнему играло в хозяйстве весьма незначительную роль. Находки костей

рыб при раскопках позднепалеолитических стоянок редки. Только в новом каменном веке рыболовство получило высокое развитие, появились лодки и сети.

Одновременно с охотой достигло более высокого уровня и собирательство. Особенно развилось оно в южных, далеких от ледника районах. Но и на позднепалеолитических поселениях, расположенных севернее, нередко обнаруживают наконечники мотыг, камни, на которых растирались зерна, а также вырезанные на кости изображения растений; все это — свидетельства регулярного собирания растительной пищи. В частности, большое количество плит-зернотерок и пестов, служивших для растирания зерен дикорастущих растений, найдено при раскопках позднепалеолитических поселений Костенки IV на Дону и Чулатово II на Десне близ Новгород-Северского [Рогачев, 1973; Воеводский, 1952]. Палеолитическое собирательство было важным звеном того процесса, который подготовил возникновение неолитического земледелия.

Развивались и техника приготовления пищи. На позднепалеолитических поселениях обнаружены даже ямы, в которых запекалось мясо.

* * *

К числу наиболее важных элементов культуры, характеризующих поздний палеолит, бесспорно принадлежат долговременные жилища. Мы уже останавливались на проблеме палеолитических жилищ в разделе, посвященном мустьерской эпохе (с. 120—123, 149—150). Теперь нам предстоит специально рассмотреть те из них, которые относятся к позднему палеолиту.[3]

Первые остатки долговременного позднепалеолитического жилища были обнаружены и правильно описаны и определены И. Байером в 1919—1920 гг. во время раскопок стоянки Лангманнерсдорф в Австрии. Но любопытно, что, хотя после того, в 20—30-х гг., Байер опубликовал много разнообразных работ, посвященных палеолиту, он не придал значения своему открытию. Не придали ему значения и современные Байеру западноевропейские исследователи. Только в начале 30-х гг. проблема палеолитических жилищ была поставлена на широком материале советскими археологами, доказавшими существование в позднем палеолите оседлости и долговременных жилых сооружений. Почему так произошло? Исследования палеолита в СССР в 20-х гг. представляли собой в основном непосредственное продолжение дореволюционных работ в этой области. Лишь на рубеже 20—30-х гг. совершилась перестройка советской археологической науки, в том

[3] Освещение проблемы палеолитических жилищ см.: [Ефименко, 1953; Борисковский, 1958; Шовкопляс, 1958; Пидопличко, 1969, 1976; Рогачев, 1970а; 1970б; Сергин, 1974]. Она рассматривается также в многочисленных монографиях и статьях, посвященных отдельным памятникам.

числе и науки о палеолите. Советские археологи поставили перед собой задачу овладеть марксистско-ленинской теорией, исследовать палеолитические памятники не как самоцель, а как исторический источник. Эта перестройка методов и задач была нелегким делом. Но она открыла совершенно новые горизонты. Одним из результатов явилась небольшая книжка главы советской школы изучения палеолита П. П. Ефименко «Значение женщины в ориньякскую эпоху», вышедшая в 1931 г. в г. Ленинграде. На основе критического анализа статей ряда археологов XIX—XX вв., посвященных описанию раскопок некоторых позднепалеолитических стоянок, Ефименко установил, что на этих стоянках были найдены остатки долговременных зимних жилищ, но исследователи не сумели правильно понять и оценить свои открытия. Он сравнил данные открытия с остатками позднепалеолитического жилища, обнаруженными Байером в Лангманнерсдорфе, и с остатками позднепалеолитического жилища, раскопанными в 1927 г. С. Н. Замятниным на стоянке Гагарино в верховьях Дона. В результате Ефименко в согласии с Замятниным пришел к выводу, что поздний палеолит был временем, когда уже появилась оседлость. Вслед за тем Ефименко установил связь между существованием долговременных зимних жилищ и распространением своеобразных женских изображений с подчеркнутыми признаками женщины-матери. Стремясь объяснить такую связь, Ефименко выдвинул гипотезу, что в позднем палеолите возникли материнский родовой строй и связанный с ним культ женщин-прародительниц. Это был очень важный исторический вывод. Изучение палеолита стало превращаться в один из разделов исторической науки, а палеолитические культурные остатки начали использоваться как источники познания истории первобытного общества. Тогда же, в 30-х гг., Ефименко и другие советские археологи, главным образом в процессе исследования костенковско-боршевских стоянок на Дону под Воронежем, постепенно выработали новую методику раскопок палеолитических поселений (см. с. 65—66, 122). В результате ее применения на позднепалеолитических стоянках СССР на протяжении 30—70-х гг. удалось обнаружить и изучить остатки многих постоянных зимних жилищ разных типов (рис. 48). Долгое время большинство зарубежных археологов игнорировало палеолитические жилища, открытые советскими исследователями, или же считало их специфической локальной особенностью палеолита СССР. Однако за последние 25 лет Б. Клима, Ф. Прошек и другие обнаружили остатки позднепалеолитических жилых сооружений на территории Чехословакии [Klima, 1963; Prošek, 1961], М. и В. Габори — в Венгрии [Gábori M., Gábori V., 1958], Я. Козловский — в Польше [Kozłowski, Kubiak, 1971], А. Леруа-Гуран, Ф. Борд и др.— во Франции [Leroi-Gourhan, Brézillon, 1966, 1972; Bordes, 1968], А. Руст и др.— на севере ФРГ [Rust, 1962, 1965]. Снова вернулись к жилищам Лангманнерсдорфа австрийские ученые, показав их значение в сопоставлении с позднепалеолитическими

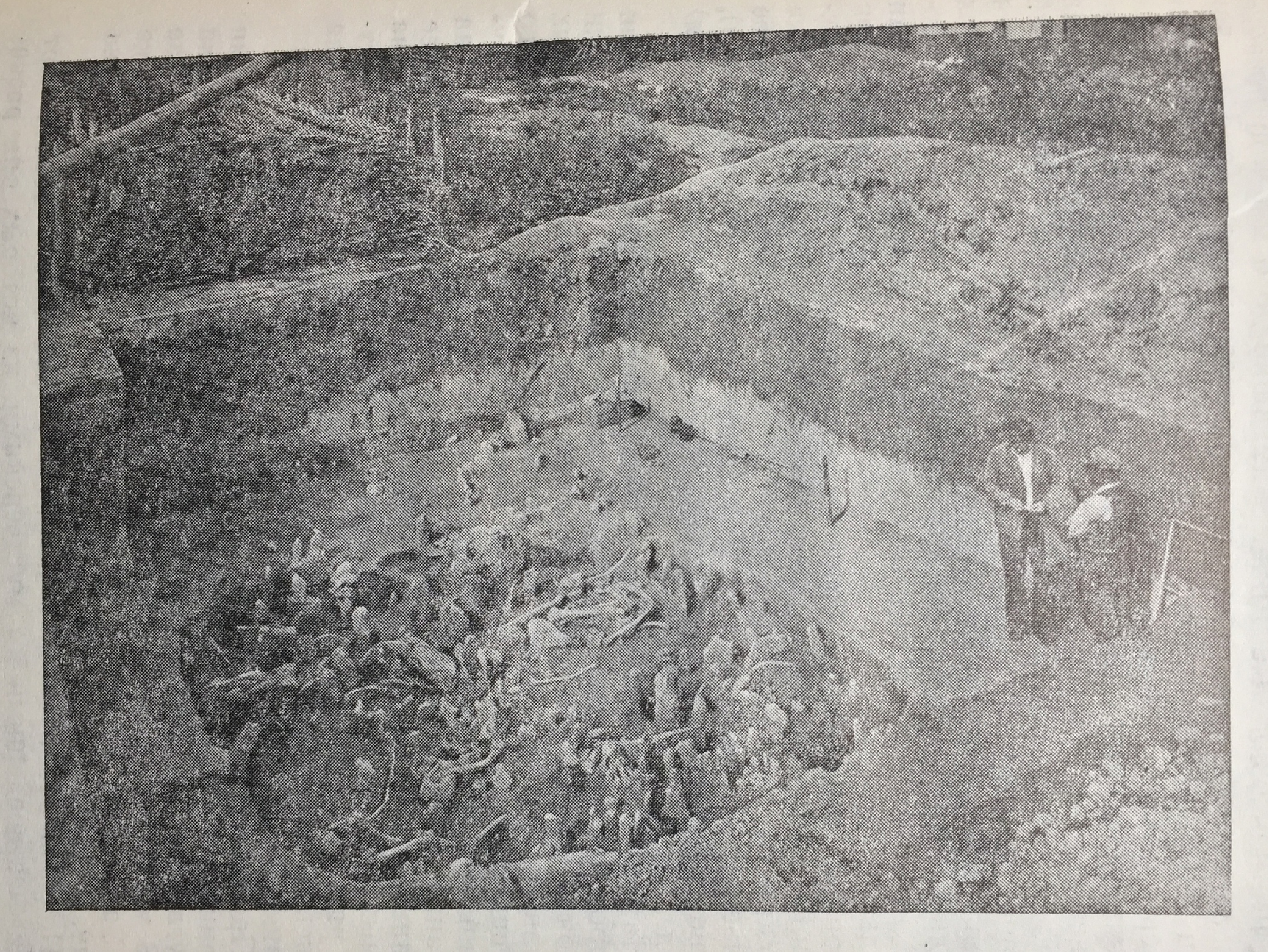

Рис. 48. Тельманская позднепалеолитическая стоянка в Костенках. Верхний культурный слой. Раскопки П. П. Ефименко остатков первобытного жилища.

жилищами, открытыми и изученными советскими археологами [Angeli, 1952—1953].

В настоящее время на территории Европы и Сибири раскопаны остатки приблизительно 200 позднепалеолитических жилищ. Наиболее распространенным типом являются небольшие хижины, округлые или овальные в плане, имевшие до 6 м в поперечнике, с одним очагом, расположенным чаще всего в центре (рис. 48—50). Среди них выделяют наземные жилища, пол которых находился примерно на том же уровне, что и окружающая местность, а также полуземлянки и землянки с полом, значительно углубленным по сравнению с окружающей местностью. Часть небольших хижин характеризуется крупными, эффектными нагромождениями костей и бивней мамонтов и костей других животных. Эти кости и бивни составляли важнейший элемент конструкции жилищ. Но во многих небольших хижинах подобные нагромождения костей отсутствовали. Их каркас, вероятно, образовывали жерди и прутья. Остатки небольших округлых или овальных в плане хижин открыты при раскопках позднепалеолитических поселений Гагарино, Костенки IV, Тельманская на Дону, Мезин, Межиричи, Добраничевка на Украине, Буреть, Мальта в Сибири, Спадзиста в Кракове (Польша), Петржковице и Дольни-Вестонице (Чехословакия), Шагвар (Венгрия), Елькниц (ГДР), Арси-сюр-Кюр (Франция) и т. д.

Наряду с маленькими хижинами в позднем палеолите были распространены длинные многоочажные дома. В основном они состояли как бы из нескольких слившихся овальных и округлых в плане небольших хижин или шалашей. По длинной оси такого жилища располагалась цепочка очагов. Остатки подобных сооружений открыты в поселениях Костенки IV на Дону, Пушкари I на Украине, в Борнеке (ФРГ) и Пенсеване (Франция). Еще более крупный жилой комплекс с девятью очагами, находившимися на равных расстояниях друг от друга по его длинной оси, и с множеством разнообразных ям, служивших для приготовления пищи и для хранения запасов, был раскопан в верхнем культурном слое стоянки Костенки I на Дону.

Промежуточное положение между небольшими хижинами и длинными многоочажными жилищами занимают овальные или округлые жилые сооружения обычно с одним очагом, но имевшие 7—8 м и больше в поперечнике. Остатки их открыты на стоянке им. Замятнина (Костенки II) и в Аносовке II (Костенки XI) на Дону, а также в ряде других поселений.

Позднепалеолитические жилища имеют много общих черт с предшествовавшими им мустьерскими, из которых они развились, но в то же время являются гораздо более совершенными и демонстрируют ряд особенностей, отсутствовавших в мустьерской и более древней технике домостроительства. Обращают на себя внимание устойчивость формы круглых и овальных жилищ с одним очагом в центре, наличие многочисленных специально вырытых

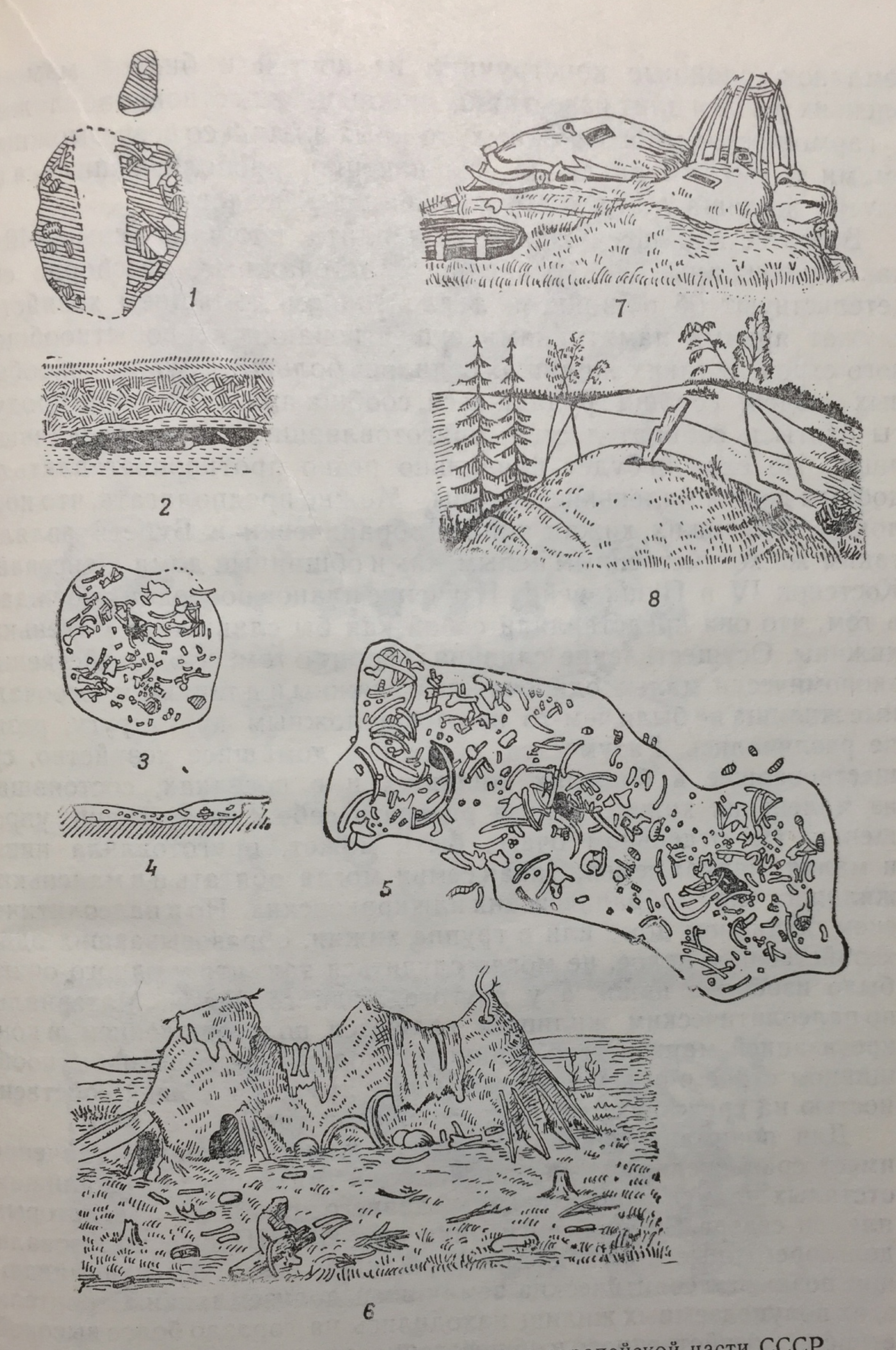

Рис. 49. Позднепалеолитические жилища европейской части СССР.

1 — план жилища из Гагарина; *2* — разрез жилища из Гагарина (черным цветом обозначен палеолитический культурный слой); *3* — план жилища верхнего культурного слоя Тельманской стоянки (черным цветом обозначен очаг на дне жилища); *4* — разрез жилища верхнего культурного слоя Тельманской стоянки, *5* — план пушкаревского жилища (черным цветом обозначены очаги на дне жилища); *6* — реконструкция пушкаревского жилища; *7* — чукотская землянка XVIII в.; *8* — землянка североамериканских индейцев XVIII в. (*7*, *8* — для сравнения).

землянок, сложные конструкции из костей и бивней мамонта, оленьих рогов и плит известняка, наконец, существование сложных и гармоничных многоочажных длинных жилищ со всевозможными ямами и ямками различного назначения, располагавшимися как внутри жилища, так и в его ближайшем соседстве.

Большие жилища позднего палеолита, площадью свыше 40 м², как одноочажные, так особенно многоочажные, бесспорно свидетельствуют об общинном, коллективном домашнем хозяйстве, служат яркими памятниками существования первобытнообщинного строя. В таких жилищах селились большие группы первобытных людей, сообща трудившиеся, сообща присваивавшие продукты охоты и собирательства, приготовлявшие и распределявшие пищу. Но едва ли будет правильно резко противопоставлять подобным домам маленькие хижины. Можно предполагать, что поселок из маленьких хижин типа Добраничевки и Бурети являлся таким же хозяйственным целым, как и общинные дома Пенсевана, Костенок IV и Пушкарей I. Изучение планов последних убеждает в том, что они представляли собой как бы слившиеся маленькие хижины. Осуществление слияния говорит о том, что хозяйственно, экономически малые одноочажные хижины и длинные многоочажные жилища не были чем-то противоположным друг другу, резко не различались. Разумеется, общинное домашнее хозяйство, существовавшее в больших жилищах и в поселках, состоявших из маленьких хижин, нельзя рисовать себе схематически, упрощенно. На отдельном очаге, быть может, приготовляла пищу и малая, парная семья; такая семья могла обитать и в маленьких жилищах типа добраничевских или краковских. Но в палеолитическом общинном доме или в группе хижин, образовывавших одно хозяйственное целое, не могло случиться так, что у одного очага было изобилие пищи, а у другого люди голодали. Материалы по палеолитическим жилищам являются подтверждением и конкретизацией марксистско-ленинских положений о первобытнообщинном строе с присущим ему общим трудом и общей собственностью на средства и продукты производства.

Для понимания палеолитических жилищ большое значение имеет сравнительный этнографический материал по жилищам отсталых племен относительно недавнего прошлого. У некоторых племен севера Сибири и Америки еще в XVIII в. существовали долговременные полуподземные жилища, кое в чем напоминающие позднепалеолитические землянки и полуземлянки. Строители этих полуподземных жилищ находились на гораздо более высокой ступени хозяйственного и общественного развития, нежели позднепалеолитические люди. Но образ жизни племен Крайнего Севера, занимавшихся охотой, рыболовством и собирательством, во многом напоминал образ жизни первобытных обитателей ледниковой Европы и Сибири. Это и привело к совершенно независимому возникновению у тех и у других во многом сходных типов жилищ. У чукчей и эскимосов в XVII—XVIII вв. для устройства жилища

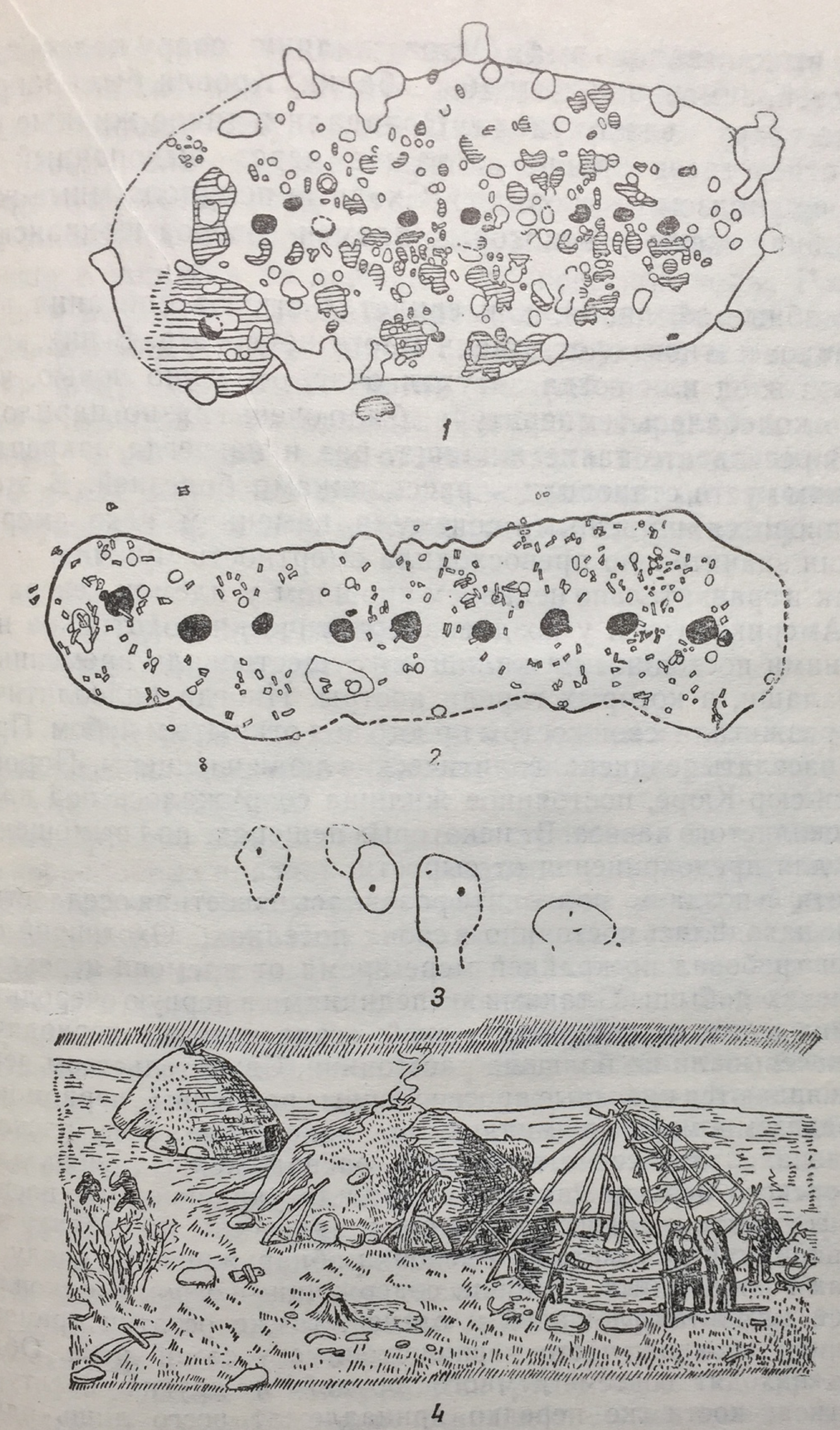

Рис. 50. Позднепалеолитические жилища европейской части СССР и Сибири (на планах черными пятнами и точками показаны очаги на дне жилищ).

1 — план жилища верхнего культурного слоя Костенок I (контурами, заштрихованными параллельными линиями, а также контурами без штриховки обозначены разного рода хозяйственные ямы и углубления); *2* — план жилища нижнего культурного слоя Костенок IV (контурами обозначены ямки на дне жилища); *3* — план поселка из Бурети (контурами показаны границы жилищ); *4* — реконструкция поселка из Бурети.

в земле выкапывалась яма. Остов жилища сооружался из китовых костей, заменявших столбы и балки. Кровля была закруглена и имела снаружи вид купола. Попадали в такое жилище сверху, через отверстие в кровле, а также через выкопанный рядом с ним полуподземный коридор. Сходные полуподземные жилища были обнаружены у некоторых племен североамериканских индейцев.

Подобные землянки, как свидетельствуют описания путешественников и этнографов, имели много неудобств. В них, когда открывали вход или когда затухал очаг, особенно ночью, часто и быстро колебалась температура, было очень грязно, царило зловоние. В результате такие жилища, раз и навсегда закрепленные на одном месте, становились рассадниками болезней. В этой связи становится понятным, почему в каменном веке смертность женщин значительно превосходила смертность мужчин.

Как в сравнительно недавнем прошлом у племен севера Сибири и Америки, так и у позднепалеолитических охотников наряду с зимними постоянными жилищами существовали временные летние шалаши, в которых горели костры. Иногда палеолитические люди разжигали свои костры просто под открытым небом. Продолжали заселять позднепалеолитические люди и пещеры. Порой, как в Арси-сюр-Кюре, постоянное жилище сооружалось под прикрытием скалистого навеса. В некоторых пещерах пол вымощен гальками для предохранения от сырости.

Хотя в позднем палеолите развилась известная оседлость, люди не находились постоянно в своих поселках. Охотничий образ жизни требовал по крайней мере время от времени перекочевок в поисках добычи. С такими экспедициями в первую очередь была связана охота на северных оленей, стада которых периодически перекочевывали на большие расстояния. Свидетельством перекочевок являются красивые просверленные раковины черноморских и средиземноморских моллюсков, находимые при раскопках позднепалеолитических поселений, расположенных очень далеко от морского берега. Раковины служили украшениями, носились в качестве бус и подвесок; они были принесены на стоянку за несколько сотен километров. Раскопки обнаруживают наряду с остатками постоянных стойбищ, содержащими огромные скопления костей мамонтов, лошадей и оленей, также остатки временных сезонных стоянок, часто расположенные у самой реки. Обычно здесь находят совсем немного орудий и других культурных остатков; кости же нередко принадлежат всего лишь одному животному (например, мамонту), убив которого люди устраивали привал тут же, на месте удачной охоты. В позднем палеолите, как и в мустьерскую эпоху, существовали кремневые мастерские, места, служившие преимущественно для раскалывания кремня и изготовления орудий. Культурный слой там переполнен отщепами, осколками, нуклеусами, тогда как законченные орудия встречаются в очень небольшом количестве.

Появление новых типов поселений и жилищ было связано с общим усложнением быта и развитием простейшей утвари и одежды. Глиняная посуда, керамика, в древнем каменном веке отсутствовала, она впервые возникла только в неолите. В позднем палеолите в качестве сосудов в отдельных случаях использовались черепа животных и человека. Изготовлялись, вероятно, простейшие чаши и корытца из дерева и из древесной коры. Распространение в позднем палеолите кремневых скребков и проколок, а также костяных игл с ушком свидетельствует о развитии обработки шкур. Последние могли употребляться для покрытия жилищ и изготовления одежды. Из шкур вырезались и ремни. Ткачество в палеолите еще отсутствовало, но прядение нитей из шерсти диких животных и из волокон дикорастущих растений, видимо, существовало; нити могли изготовлять также из сухожилий.

ФИЗИЧЕСКИЙ ОБЛИК ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ЧЕЛОВЕКА

При переходе от древнего к позднему палеолиту из неандертальца, палеоантропа, возник человек современного физического типа, неоантроп.

Неандерталец сохранял в своем строении ряд примитивных, обезьяноподобных признаков. У позднепалеолитического человека был высокий лоб. На черепе его отсутствовал массивный сплошной надглазничный валик. Нижняя челюсть имела такой же, как у нас, подбородочный выступ. Объем мозга в основном не превосходил объем мозга неандертальца, но строение его было более совершенным, больше были развиты лобные доли. Кости скелета позднепалеолитических людей являлись менее массивными, более тонкими, чем у неандертальцев. У них уже вполне сформировались прямая походка и современная человеческая рука, обладавшая способностью наносить метко направленные удары. В целом позднепалеолитические люди принадлежали к современному типу человека (Homo sapiens sapiens) и по своему физическому строению почти не отличались от современных людей [Гохман, 1966].

На протяжении десятков тысячелетий позднейшей человеческой истории, вплоть до настоящего времени, физическое строение человека уже не претерпевало сколько-нибудь заметных изменений. Вырабатывались новые навыки труда, новая культура, новые рефлексы, но строение человеческих костей, мускулов, их взаимосвязанность оставались почти неизменными. Антропологи отмечают только явление грацилизации, т. е. некоторое незначительное уменьшение общей массивности скелета, включая и череп [Дебец, 1961; Чебоксаров, Чебоксарова, 1971]. Но грацилизация не выражала собой процесса биологического усовершенствования. Менее грацильные представители современного человечества не стоят ближе к нашим предкам, чем более грацильные. Процесс граци-

лизации происходил далеко не у всех народов. Он не имел всеобщего, стадиального характера и поэтому не может сравниваться с процессами перехода от архантропов к палеоантропам и далее к неоантропам.

Время возникновения человека современного физического типа явилось также и временем возникновения различных человеческих рас, которые можно непосредственно связать с современными расами. Человеческие расы отличаются друг от друга второстепенными внешними физическими признаками, не имеющими решающего значения для жизни человека в обществе и для покорения им природы. Независимо от таких расовых признаков, как цвет кожи, форма и цвет волос и глаз, ширина скул, форма черепа и т. д., все люди в одинаковой мере приспособлены к покорению окружающей природы, к созданию самых сложных форм техники, культуры, общественных отношений. Все современные человеческие расы принадлежат к одному виду Homo sapiens sapiens и к одной и той же стадии его развития. Ни об одной из современных рас нельзя сказать, что она стоит ближе к нашим животным предкам, чем другие.

В позднем палеолите впервые выступают в ряде случаев признаки трех основных современных расовых типов: европеоидного, негроидного и монголоидного. Наибольшую известность получила европеоидная раса позднего палеолита, которую часто называют кроманьонской.[4] Для кроманьонцев характерны высокий рост, удлиненный череп, отсутствие надглазничного валика, широкое и низкое лицо, массивная нижняя челюсть с сильно выступающим подбородком. Кроманьонцы были распространены в позднепалеолитическое время в Европе. Скелеты их найдены на территории Франции, ФРГ и других стран. Ряд находок сделан на территории СССР. Погребение старика кроманьонца, умершего в возрасте 55—65 лет, открыл О. Н. Бадер в 1964 г. на позднепалеолитической стоянке Сунгирь в окрестности г. Владимира.[5] Детский скелет обнаружен А. Н. Рогачевым в 1953 г. на берегу Дона, на стоянке Костенки XVIII. В том же году П. И. Борисковским был открыт скелет пожилого кроманьонца при раскопках позднепалеолитической стоянки им. Замятнина (Костенки II; рис. 51). Еще раннее, в 1936 г., С. Н. Бибиков обнаружил два скелета кроманьонцев — мужчины и женщины — в мезолитической пещере Мурзак-Коба в Крыму. Признаки кроманьонского типа отмечены в некоторых местах Северной Африки (Афалу-бу-Руммель и Мехта-аль-Арби в Алжире и др.).

В позднем палеолите Европы некоторые исследователи выделяют еще одну расу, очень близкую к кроманьонской. Это раса

[4] Кроманьонцами иногда называют вообще позднепалеолитических людей. Но такое обозначение страдает неточностью.

[5] Антропологическое изучение двух скелетов подростков, найденных О. Н. Бадером в 1969 г. при продолжении раскопок той же стоянки, еще не закончено, и их расовая принадлежность не вполне выяснена.

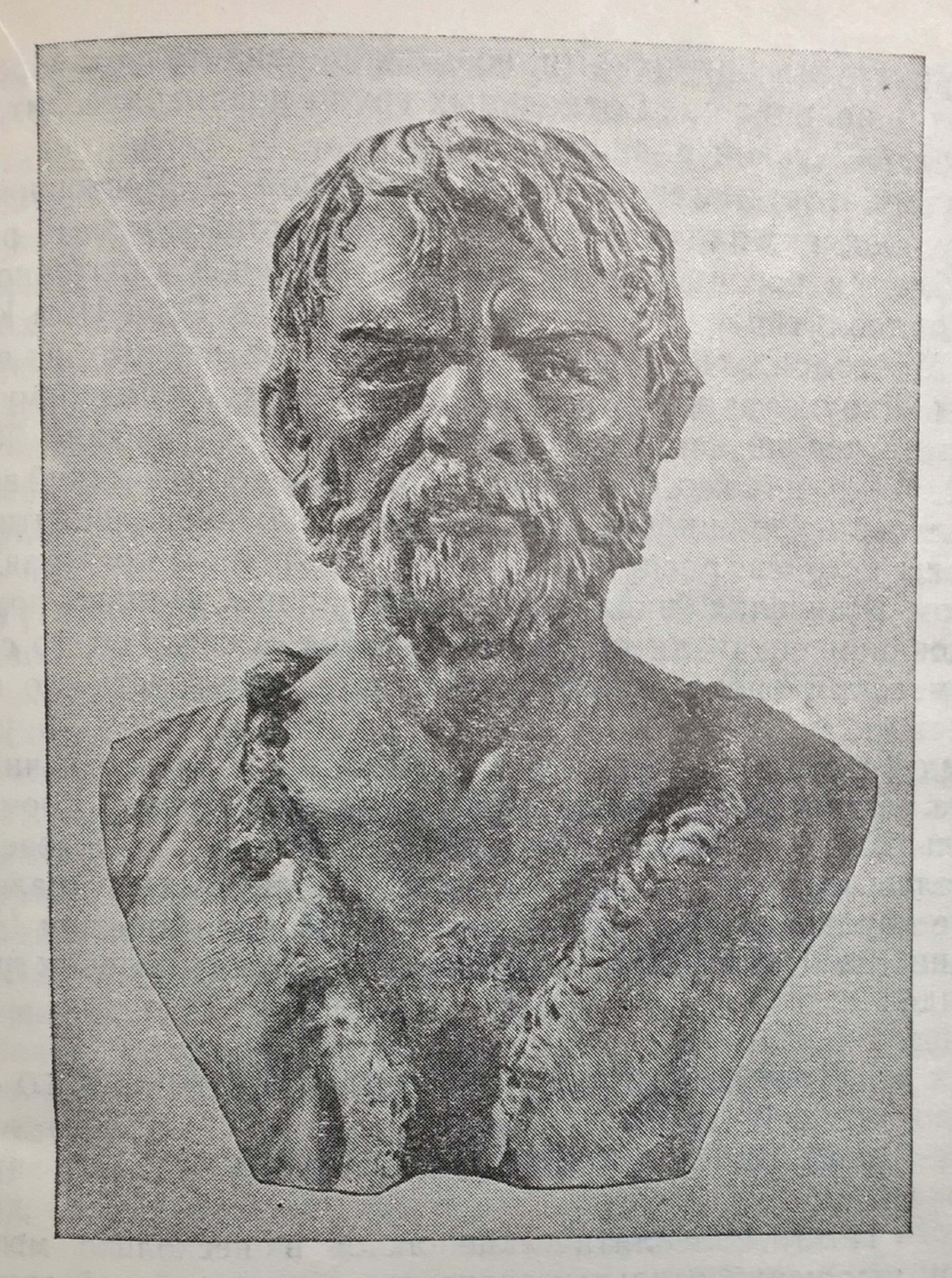

Рис. 51. Кроманьонец из стоянки им. Замятнина (Костенки II). Реконструкция М. М. Герасимова.

брно-пржедмости. К ней относится скелет ребенка в погребении, открытом А. Н. Рогачевым в 1952 г. на стоянке им. Городцова (Костенки XV) под Воронежем.

Представители негроидного расового типа отличались от кроманьонцев меньшим ростом, несколько иными пропорциями конечностей (очень удлиненное предплечье, удлиненные голени), уплощенным переносьем, прогнатизмом (косая постановка зубов, выступающих вперед), умеренно развитым подбородком. Остатки позднепалеолитических негроидов обнаружены в некоторых местах Африки: в Асселяре на севере Мали, в Флорисбаде и Фиш-Хуке на территории ЮАР и в других пунктах. В 1954 г. А. Н. Рогачев открыл скелет с отдельными негроидными признаками при раскопках позднепалеолитической стоянки Маркина Гора (Костенки XIV). Находка в Костенках скелетов как с европеоидными, так

и с негроидными признаками, возможно, свидетельствует о значительных передвижениях отдельных групп позднепалеолитических обитателей Русской равнины.

На территории Северной, Центральной и Восточной Азии в эпоху позднего палеолита существовал монголоидный расовый тип. Обломок черепа монголоида обнаружен в культурном слое позднепалеолитического поселения Афонтова Гора II, в Красноярске. Монголоидные признаки отмечены на черепах из верхней пещеры Чжоукоудянь близ Пекина, относимых к позднему палеолиту, и на черепе из пещеры Дун-дянь-янь в Люцзяне (Южный Китай), тоже, видимо, имеющем позднепалеолитический возраст.

В литературе иногда упоминается позднепалеолитическая эскимоидная раса, распространенная в Европе и представленная скелетом Шанселад, найденным во Франции. Однако новейшие исследования показали отсутствие глубокой связи этого скелета с эскимосским типом и обосновали принадлежность его к типу европеоидному.

Следует иметь в виду, что древнейшие расы значительно меньше различались между собой, чем современные. Кроме того, у отдельных представителей позднепалеолитического человечества выделялись признаки различных рас. Людей позднего палеолита вообще характеризовал краниологический полиморфизм (частое сочетание на одном черепе особенностей разных расовых групп).[6]

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА. ЗАСЕЛЕНИЕ АМЕРИКИ И АВСТРАЛИИ

Позднепалеолитические люди в несколько меньшей степени, чем неандертальцы, зависели от окружающей природы. Их техника и охотничье оружие были более совершенными. Они умели изготовлять меховую одежду, сооружать сложные, искусно построенные жилища. Поэтому они смогли расселиться на более обширной территории, чем неандертальцы, и освоить многие области, до того необитаемые. Плотность населения, оставаясь еще ничтожной, все же несколько увеличилась.

Постепенно расселяясь, позднепалеолитические люди освоили весьма обширные области Крайнего Севера. Еще в 1949 г. в докладе «О древнем заселении территории СССР» С. Н. Замятнин высказал и обосновал мысль, что северная половина европейской части СССР была заселена палеолитическими людьми, причем не только в позднем палеолите, но даже в эпохи, предшествовавшие максимальному, рисскому, оледенению. Эта мысль

[6] Проблема происхождения рас выходит за рамки настоящей книги. Освещение ее см.: [Нестерух, 1958, 1970; Бунак, 1959; Чебоксаров, Чебоксарова, 1971; Алексеев, 1974].

первоначально не встретила отклика и поддержки у других специалистов. Сам доклад был опубликован только спустя 12 лет [Замятнин, 1961а]. Однако в начале 60-х гг. сыктывкарские исследователи, археолог В. И. Канивец, геолог Б. И. Гуслицер и др., вооруженные научным предвидением Замятнина, развернули поиски палеолита в, казалось бы, безнадежных для этого районах — на Крайнем Севере, на территории Коми АССР, по течению р. Печоры,— и в результате открыли и раскопали там, в том числе севернее 65° с. ш., ряд позднепалеолитических стоянок и пещер (стоянка Бызовая, Медвежья пещера и др.). Было доказано, что северо-восток европейской части СССР, вплоть до Полярного круга, населяли редкие, разбросанные группы позднепалеолитических охотников на мамонтов и пещерных медведей [Гуслицер, Канивец, 1965; Канивец, 1976].

Точно так же теперь доказано, что позднепалеолитические люди заселяли северо-восток азиатской части СССР — территорию Якутии и Камчатки. Первые позднепалеолитические стоянки были открыты в Якутии, по течению Лены, между Киренском и Якутском, А. П. Окладниковым несколько десятков лет тому назад [Окладников, 1968]. Начиная с 1967 г. Ю. А. Мочанов обнаружил и раскопал ряд позднепалеолитических памятников в бассейне правого притока Лены р. Алдана, а также в еще более северных и северо-восточных районах Якутии [Мочанов, 1977]. Для них получено значительное количество радиоуглеродных дат. Наиболее интересна и выразительна Дюктайская пещера на правобережье Алдана. Древность ее палеолитических культурных слоев 13—12 тыс. лет назад. Стоянки Верхне-Троицкая и Нижне-Троицкая имеют радиоуглеродные даты 18—14 тыс. лет назад, а древность некоторых памятников достигает 35—30 тыс. лет. Все они относятся, по предположению Мочанова, к дюктайской позднепалеолитической культуре и были оставлены охотниками на мамонтов, шерстистых носорогов и бизонов, обитавшими на северо-востоке Сибири 35—11 тыс. лет назад.

На Камчатке палеолит открыт Н. Н. Диковым в 1964 г. и представлен двумя нижними слоями Ушковских стоянок, имеющими радиоуглеродные даты 14—10 тыс. лет назад [Диков, 1969]. Находки в Якутии и на Камчатке в сопоставлении с позднепалеолитическими памятниками Аляски позволяют уверенно говорить о том, что и Чукотка также была заселена группами позднепалеолитических людей.

* * *

Америка, бесспорно, не входит в пределы той территории, где совершилось выделение человека из животного состояния. Там отсутствовали человекообразные обезьяны, из которых могли бы развиться люди. Древнепалеолитические памятники на терри-

тории Америки тоже неизвестны. Но поздний палеолит установлен здесь за последние десятилетия твердо и непреложно [обзоры проблемы американского палеолита см.: Береговая, 1967; Абрамова, 1973; Ларичева, 1976; Bordes, 1968]. К сожалению, далеко не все радиоуглеродные даты, относящиеся к каменному веку Америки, неоспоримы; нередко речь идет не о хорошо выраженном культурном слое, доставившем многочисленные датированные культурные остатки, а о датированных углях или обожженных костях, связь которых с древними орудиями не вполне ясна [Bordes, 1968]. Такое обстоятельство затрудняет точное определение времени первого проникновения людей в Америку, а также разработку периодизации и культурной истории палеолита Нового Света.

В настоящее время большинство исследователей считает, что наиболее древние археологические памятники Америки относятся к начальным этапам позднего палеолита. Распространенные только в Северной Америки, эти стоянки предшествуют появлению высокосовершенных кремневых наконечников стрел и копий, свойственных финальным этапам позднего палеолита Нового Света. При раскопках найдены орудия из оббитых галек и из небольших отщепов и пластинок; те и другие обнаруживают аналогии с позднепалеолитическими изделиями Азии и Европы, хотя и имеют много своеобразного. К более поздним эпохам — древностью 25—10 тыс. лет назад — относятся североамериканские культуры сандия, кловис, фолсом и др. Они принадлежали племенам охотников на мамонтов и бизонов и характеризуются разнообразными, очень тщательно изготовленными кремневыми наконечниками охотничьего оружия, по своему совершенству не уступающими солютрейским позднепалеолитическим наконечникам Западной Европы. Для этих культур, особенно для более поздних из них, распространявшихся 15—10 тыс. лет назад, археологи располагают значительным количеством хорошо проверенных радиоуглеродных дат. Что же касается Южной Америки, то древнейшие достоверные археологические памятники, представленные там, на крайнем юге, в Патагонии, имеют радиоуглеродные даты около 11 тыс. лет назад и, таким образом, относятся к самому концу позднего палеолита.

По предположению подавляющего большинства исследователей, в частности особенно много занимавшихся этими вопросами советских и американских, заселение Америки началось 35—30 тыс. лет назад. Группы позднепалеолитических охотников, обитавших на крайнем северо-востоке Сибири, в первую очередь на Чукотке, начали в поисках новых мест охоты проникать на Аляску по сухопутному мосту, существовавшему в некоторые периоды верхнего плейстоцена на месте Берингова пролива. Затем, в течение ряда тысячелетий, они распространились по всему Американскому материку, вплоть до его крайнего юга, который был предположительно заселён 14—12 тыс. лет назад.

* * *

Юго-Восточная Азия, включая сюда и острова Малайского архипелага, была заселена людьми начиная с самых ранних этапов древнего палеолита. Ярким свидетельством этого являются остатки питекантропов, обнаруженные на Яве, а также многочисленные находки древнепалеолитических каменных орудий [Борисковский, 1971]. Следует учитывать, что на протяжении многих отрезков плейстоцена острова Хайнань, Калимантан (Борнео), Суматра и Ява были связаны с Индокитайским полуостровом сухопутными мостами. Сплошного моста суши между Азией и Австралией в плейстоцене не было. Но существовал обширный массив суши — Сунда, или азиатский континентальный шельф, представлявший собой продолжение Азиатского материка, соединявшее его с Малаккой, Суматрой, Явой и Калимантаном. Размеры Сунды на разных этапах плейстоцена колебались. Юго-восточнее располагался плейстоценовый материк Сахул, включавший Австралию, Новую Гвинею и Тасманию и отделенный от Сунды проливами.

Археологические разведки и раскопки последнего десятилетия доставили много новых важных материалов по палеолиту Малайского архипелага и Новой Гвинеи. На Филиппинских островах, кроме нескольких древнепалеолитических местонахождений, в пещерах Табон и Пиландук (о-в Палаван) исследованы позднепалеолитические культурные слои, имеющие радиоуглеродные даты соответственно 30.5 и 28 тыс. лет назад. На о-ве Тимор, тоже помимо находок древнепалеолитических каменных орудий на поверхности земли, в пещере Уай-Бобо II обнаружен позднепалеолитический культурный слой с радиоуглеродной датой 13 400 лет назад. Наконец, стоянка Косипе на юго-востоке Новой Гвинеи доставила каменные орудия, имеющие радиоуглеродную дату 26 тыс. лет назад; таким образом, Новая Гвинея была заселена в позднем палеолите. Что же касается остальных частей Океании — островов Полинезии, Микронезии и Меланезии (за исключением Новой Гвинеи), то там отсутствуют археологические памятники, имеющие древность более 3—4 тыс. лет; только на о-ве Новая Ирландия (архипелаг Бисмарка, сравнительно недалеко от северо-восточного побережья Новой Гвинеи) недавно открыты каменные отщепы, датируемые 8 тыс. лет назад.

Австралия по тем же причинам, что и Америка, не может быть включена в пределы предполагаемой прародины человечества. Неизвестен в Австралии и достоверный древний палеолит. Еще недавно считалось общепризнанным, что люди впервые проникли сюда лишь на рубеже палеолита и мезолита, около 10 тыс. лет назад. Однако за последние годы благодаря широкому развертыванию полевых археологических работ, а особенно благодаря применению к археологическим находкам радиоуглеродного метода датирования существование в Австралии палеолита бесспорно

установлено. Проблемы первого заселения Австралийского материка и материалы по палеолиту этой страны подробно трактуются в монографиях В. Р. Кабо и Дж. Малвени, за которыми мы будем следовать [Кабо, 1969; Mulvaney, 1969].

Австралия была заселена людьми 35—30 тыс. лет назад, если не раньше. Позднепалеолитические люди впервые проникли сюда из Юго-Восточной Азии. Пользуясь простыми плотами или лодками из коры, они постепенно преодолели проливы, отделявшие Сунду от материка Сахул. Уровень океана был тогда значительно ниже, чем в наши дни (на 80—100 м, может быть, и больше). В результате значительная часть археологических памятников первого проникновения людей в Австралию должна была впоследствии оказаться под водой. Вероятно, этим объясняется, что наиболее ранние датированные палеолитические памятники, известные в Австралии в настоящее время, сосредоточены главным образом не на севере материка, как того следовало бы ожидать, а на юге.

К сожалению, радиоуглеродные даты палеолитических памятников Австралии являются изолированными и существуют обособленно от ряда известных палеолитических культур. Здесь мы встречаемся с трудностями, аналогичными тем, которые возникают при изучении каменного века Америки.

Поздний палеолит Австралии имеет много аналогий с поздним палеолитом и мезолитом Юго-Восточной Азии, в частности с распространенной на Индокитайском полуострове хоабиньской мезолитической культурой. В австралийской позднепалеолитической технике отсутствовали призматические нуклеусы и узкие удлиненные пластинки с параллельным огранением, характерные для позднего палеолита Европы и Сибири, но зато были широко распространены орудия из крупных кусков и отщепов камня. Наиболее древние радиоуглеродные даты доставила стоянка Манго, расположенная примерно в 1000 км к западу от Сиднея,— 32—25 тыс. лет назад. Ряд других стоянок и гротов имеет даты в пределах от 26 до 10 тыс. лет назад. В то же время некоторые древние культуры Австралии — карта, каперти, гамбир,— предположительно относимые к концу позднего палеолита и к началу мезолита, лишены радиоуглеродных датировок. Выдающийся интерес представляют скальные навесы культуры оэнпелли на севере страны (п-ов Арнхемленд). Их нижние культурные слои, датируемые радиоуглеродным методом 24—19 тыс. лет назад, доставили орудия из кусков и отщепов камня и, самое поразительное, топоры с подшлифованным лезвием; некоторые имеют опоясывающий желобок, облегчавший скрепление с рукояткой. Таким образом, в позднем палеолите Австралии уже возникла шлифовка каменных орудий.

Что же касается Тасмании, то наиболее древние археологические памятники, открытые на ее территории, имеют радиоуглеродную дату около 18 тыс. лет назад и тоже относятся к палеолиту [Bowdler, 1974].

* * *

В некоторых работах зарубежных историков и археологов встречается трактовка Юго-Восточной Азии как территории, где культура развивалась замедленно по сравнению с другими частями Азии и с Европой и где царила вековая отсталость. Большое количество фактов резко противоречит подобным утверждениям [Борисковский, 1971; Solheim, 1969; Gorman, 1972]. В пещере Ниа на о-ве Калимантан в культурном слое, имеющем радиоуглеродную дату 41 тыс. лет назад, т. е. относящемся к той эпохе, когда в Европе и на Ближнем Востоке еще в основном существовали поздние неандертальцы, найден череп человека современного физического типа (Homo sapiens). В пещере Духа на северо-западе Таиланда во время раскопок 1966 г. в культурных слоях, относящихся к самому концу позднего палеолита и к началу мезолита и имеющих радиоуглеродные даты 11—8 тыс. лет назад, найдены примитивные зернотерки и остатки растений, предположительно являющихся ранними культивированными разновидностями. Таким образом, тут налицо свидетельства зарождающегося земледелия, одного из древнейших в мире. На северо-востоке Таиланда недавно обнаружены остатки ранней металлургии меди, существовавшей около 5 тыс. лет назад. Наконец, упомянутые выше находки подшлифованных топоров на севере Австралии заставляют предполагать еще более раннее появление шлифовки каменных орудий в Индокитае и допускают возможность того, что неолит Юго-Восточной Азии представлял собой самый древний неолит в мире.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ ЭПОХИ ПОЗДНЕГО ПАЛЕОЛИТА ПРОБЛЕМА МАТЕРИНСКОЙ РОДОВОЙ ОБЩИНЫ

Между древним и поздним палеолитом есть немало признаков тесной связи. Они заметны при изучении физического строения позднепалеолитических людей, а также при изучении их техники, хозяйства, жилищ и поселений. Отдельные формы позднепалеолитических кремневых орудий имеют своих предшественников в мустьерской технике, и отдельные элементы позднепалеолитического хозяйства вырастают из мустьерских. Изучая мустьерские археологические памятники, можно проследить, как у неандертальцев медленно, постепенно возникают предпосылки перехода к позднему палеолиту. Но если мы сопоставим даже самые поздние мустьерские памятники с самыми ранними позднепалеолитическими, нам бросится в глаза довольно резкое различие между теми и другими. Нам не удается установить постепенного перехода через ряд промежуточных ступеней от мустьерской эпохи и культуры к позднепалеолитической. Не удастся устано-

вить и постепенного перехода через ряд промежуточных ступеней от неандертальца к современному физическому типу человека — у крайних экземпляров позднепалеолитических, мезолитических и неолитических групп черепов налицо все переходные формы, тогда как последняя группа в целом довольно резко отличается от неандертальской. А с предшественниками — Homo erectus и Homo habilis — неандертальца связывает множество переходных форм, о которых не всегда можно сказать, к кому они ближе — к Homo erectus или к неандертальцу.

Чем же объясняется такое сравнительно резкое различие между древним палеолитом и поздним, между неандертальцем и позднепалеолитическим человеком?

Для современной археологической и антропологической науки является бесспорным, вытекающим из всего ставшего известным к нашим дням огромного археологического и антропологического материала, что поздний палеолит был закономерной ступенью в развитии человеческой культуры, сменившей ступень древнего палеолита. Несомненно в такой же мере и то, что неандерталец и позднепалеолитический человек (Homo sapiens) представляют собой две закономерные ступени развития физического типа человека. Значительная часть советских антропологов, археологов и этнографов (в том числе и автор настоящей книги) связывает переход от древнего палеолита к позднему с переходом от первобытного стада к следующему этапу истории первобытного общества — материнской родовой общине — и рассматривает этот переход как скачок в развитии первобытнообщинного строя. На протяжении всей эпохи первобытного стада, всего древнего палеолита, шло медленное, постепенное развитие техники и охотничьего хозяйства; последнее становилось более продуктивным и устойчивым. Зарождалось усложненное собирательство. Появлялись первые формы оседлости и искусственные жилища. Люди расселялись по более обширной территории и начинали меньше зависеть от окружающей природы. Взаимосвязанно с этим в процессе труда претерпевал некоторые изменения и физический тип человека. Происходили известные изменения и в общественных отношениях, выразившиеся, в частности, в развитии естественного разделения труда между полами. Нарастание таких мелких количественных изменений привело к возникновению нового качества — материнской родовой общины, сменившей первобытное стадо. С этим событием была связана и, очевидно, в какой-то мере им обусловлена сравнительно быстрая трансформация неандертальца в человека современного физического типа, неоантропа.

Переход от древнего палеолита к позднему, от первобытного стада к материнской родовой общине явился скачком в философском смысле слова. Скачок был подготовлен длительнейшим постепенным развитием и занял у различных групп неандертальцев, вероятно, не одно тысячелетие. Процесс был очень сложным. Его

нельзя трактовать упрощенно, схематически. Предпосылки перехода к новому состоянию вызревали медленно и постепенно еще в среднем и позднем ашеле, а особенно в мустьерскую эпоху. Такие факты, отмеченные в некоторых мустьерских и даже ашельских пещерах и стоянках, как широкое развитие леваллуазской техники обработки камня, начало обработки кости, подъем продуктивности охотничьего и собирательского хозяйства, появление жилых сооружений (см. выше, с. 122—123, 149), наконец, возникновение зачатков изобразительного искусства и погребального культа (с. 213—215), свидетельствуют о том, что позднепалеолитическое общество и его культура не появились около 35 тыс. лет назад мгновенно, в готовом виде. Их возникновению, а также становлению Homo sapiens и материнской родовой общины предшествовали сложные и многообразные предпосылки. Но вместе с тем ошибкой было бы ставить знак равенства между древним и поздним палеолитом или же игнорировать резкий перелом на рубеже этих двух эпох.

Материнский род — основа всей первобытной истории — описан, правда в довольно развитом, а часто и деформированном виде, у многих племен и народов. Классическая характеристика материнского рода дается в книге Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Материнский род представлял собой группу людей, связанных узами родства и общим происхождением. При групповом браке, существовавшем в эпоху возникновения материнского рода, отец был неизвестен, родство и происхождение считались только по женской линии. Важнейшими признаками рода являлись экзогамия, т. е. запрет браков внутри рода, а также общее хозяйство, которое вели члены рода, сообща трудившиеся и сообща жившие в больших общинных домах или в группах маленьких жилищ. Брак был обычно матрилокальным: мужья переходили в род к своим женам. Наиболее характерная для материнского рода форма семьи — парная семья,— легко расторжимый брачный союз, развившийся из группового брака и нередко сочетавшийся с его пережитками. Домашнее хозяйство велось коллективно, основные орудия производства, охотничьи и рыболовческие угодья находились в общей собственности всего рода или чаще каких-то его более мелких подразделений, род наследовал имущество своих сородичей, и поэтому хозяйственные функции парной семьи могли иметь только второстепенное значение; домашний труд женщин носил в значительной мере общественный характер.

Уже отмечалось (с. 171—173), что проблемы первобытного стада и начальных форм семейных отношений оживленно обсуждаются в современной советской литературе по истории первобытного общества и далеки от окончательного решения. Столь же дискуссионными являются проблемы, связанные с последующими этапами развития первобытных общественных отношений,— соотношения материнского и отцовского родов, соотношения

рода и общины и др. Здесь тоже до конца споров еще далеко, хотя многое в ходе научных дискуссий выясняется, утверждается или, напротив, отбрасывается как устаревшее, чтобы больше к нему не возвращаться. Наиболее обоснованной, с нашей точки зрения, является трактовка данных вопросов, развиваемая в работах А. И. Першица, Ю. В. Бромлея, Ю. И. Семенова и Л. А. Файнберга [Бромлей, Першиц, 1972; Першиц, Монгайт, Алексеев, 1974; Семенов, 1974; Файнберг, 1975]; при этом следует иметь в виду, что между названными исследователями в свою очередь имеются порой существенные разногласия.

За последние годы в специальной литературе высказывалась мысль, что отцовский род возникает одновременно с материнским, а иногда и раньше его и что ошибочно рассматривать материнский и отцовский род как два последовательных этапа развития первобытных общественных отношений. С этой мыслью трудно согласиться. Правы, по нашему мнению, те исследователи, которые утверждают, что современный этнографический материал ни в коей мере не поколебал тезиса Ф. Энгельса об историческом приоритете материнской родовой организации. Первичность счета родства по женской линии и первичность материнского рода связаны с тем, что отец при групповом браке был неизвестен. О первичности материнского рода свидетельствуют пережитки его, сохранившиеся у ряда народов и племен в рамках отцовского рода, а также то, что этнография знает много фактов перехода именно от материнского рода к отцовскому, а не наоборот [Бромлей, Першиц, 1972]. Вместе с тем было бы неправильным противопоставлять материнский род общине. Род представлял собой материнскую родовую общину и являлся хозяйственной единицей (или целиком, или чаще в виде более мелких групп сородичей), ведшей общее хозяйство.

Первобытное стадо было очень примитивной и застойной общественной организацией. В труде людей оставалось немало пережитков инстинктивного. Устойчивые связи между отдельными первобытными стадами отсутствовали. Первобытное стадо было эндогамной группой, т. е. брачные отношения осуществлялись внутри его, между родственниками. Таким образом, господствовало кровосмешение, которое тормозило развитие физической природы человека и в конечном счете приводило к вырождению. Новейшие исследования подтверждают тот давно установленный факт, что кровосмешение оказывает вредное влияние на потомство [Файнберг, 1975]. Особенно сильно вредные последствия кровосмешения должны были сказываться в мустьерскую эпоху, когда из-за постепенного зарождения и развития оседлости нейтрализация, связанная с перекочевками, характерными для предыдущей эпохи, перестала существовать.

Но внутри первобытного стада развивался труд, менялись общественные отношения. Развивались и брачные запреты; первобытное стадо обуздывало зоологический индивидуализм. В результате дальнейшего развития запретов браков между родствен-

никами эндогамное первобытное стадо распалось на несколько экзогамных родов, браки внутри которых были запрещены. Так возникла первая устойчивая, оформленная общественная организация — материнская родовая община; появилась форма социальных отношений, наиболее характерная для первобытнообщинного строя в целом.

Проблема происхождения экзогамии очень сложна. Хотя ей посвящена обширная литература, нельзя все же считать ее разрешенной. Интересна гипотеза С. П. Толстова, сводящаяся к тому, что общественно нерегулируемые половые отношения в первобытном стаде должны были сопровождаться беспрерывными конфликтами, тормозившими хозяйственную деятельность коллектива. Постепенно вводя экзогамию, примитивное человеческое общество стремилось вообще запретить половое общение в рамках своего хозяйственного коллектива. Этим обуздывались тормозившие первобытное общественное и хозяйственное развитие зоологические инстинкты человека, в частности инстинкты ревности [Толстов, 1935]. Сходные концепции были развиты и рядом других исследователей [Файнберг, 1975].

Можно предполагать, что древнейшей формой материнского родового строя являлась дуальная организация, в которой два экзогамных рода были связаны друг с другом и представляли собой зародыш племени. Здесь господствовал экзогамный дуально-родовой групповой брак, из которого, вероятно, в результате дальнейшего развития брачных запретов возникла парная семья.

Но каковы доказательства существования материнской родовой общины именно в позднем палеолите? Вопрос этот следует рассматривать не изолированно, а на общем фоне последовательного развития древнейшего человечества. Материнская родовая община представляла собой определенный закономерный этап истории первобытного общества, этап, которому предшествовала эпоха первобытного стада и который сменился в свою очередь эпохой отцовского рода. Поздний палеолит — это тоже определенный этап развития культуры, техники, хозяйства древнейших людей; ему предшествовал древний палеолит, а на смену ему пришли мезолит и неолит. Попытки превратить каменный век в пеструю бессистемную мозаику разных племен и культур, разных форм хозяйства и семейных отношений, по нашему мнению, ошибочны.

«Как Дарвин положил конец воззрению на виды животных и растений, как на ничем не связанные, случайные, „богом созданные" и неизменяемые, и впервые поставил биологию на вполне научную почву, установив изменяемость видов и преемственность между ними,— так и Маркс положил конец воззрению на общество, как на механический агрегат индивидов, допускающий всякие изменения по воле начальства (или, все равно, по воле общества и правительства), возникающий и изменяющийся случайно, и впервые поставил социологию на научную почву,

установив понятие общественно-экономической формации, как совокупности данных производственных отношений, установив, что развитие таких формаций есть естественно-исторический процесс».[7] Эта чеканная ленинская формулировка имеет самое прямое отношение к истории древнейшего человечества.

Сложную, многообразную культуру позднего палеолита невозможно синхронизировать с начальным этапом первобытного общества, с эпохой первобытного стада, которую характеризуют многочисленные пережитки животного состояния. Невозможно ее синхронизировать и с эпохой патриархального рода, когда начинает развиваться общественное разделение труда и появляются первые формы эксплуатации человека человеком. Если исходить из представлений о закономерном, последовательном развитии первобытнообщинного строя, то единственным этапом, с которым можно сопоставить, синхронизировать поздний палеолит, окажется этап материнской родовой общины.

Но есть и прямые свидетельства существования материнской родовой общины в позднем палеолите. Это большие долговременные позднепалеолитические жилища, обитатели которых вели общее хозяйство, столь характерное для эпохи материнской родовой общины. Домашний труд женщин носил в таких жилых сооружениях в известной мере общественный характер, интересовал всю общину или скорее ее часть, поселившуюся совместно. Мы уже указывали (с. 192), что было бы неправильно противопоставлять этим домам маленькие хижины позднего палеолита. Группа маленьких хижин, слившихся в одно длинное многоочажное жилище, как и поселок из нескольких неслившихся, расположенных поблизости одна от другой маленьких хижин, представляли, надо думать, однородное явление, единое хозяйственное целое. Едва ли форма и планировка позднепалеолитических жилищ могут дать ответ на вопрос, какая форма семьи — групповая или парная — этим жилищам соответствовала, были ли они местом обитания целой общины или группы парных семей. Бесспорно лишь, что если в маленьких хижинах и жили парные семьи, то они резко, принципиально отличались от моногамной семьи классового общества. Их хозяйственные функции были незначительными на фоне общего хозяйства, которое вели родовая община и ее подразделения.

В настоящее время доказано существование искусственных жилых сооружений, обнаруживающих некоторые черты сходства с позднепалеолитическими, уже в древнем палеолите. Это позволяет некоторым исследователям высказывать мысль о возникновении материнской родовой общины в мустьерскую эпоху (но не отрицать существование последней в позднем палеолите). Мы уже останавливались на этом вопросе (с. 173). Подчерк-

[7] *Ленин В. И.* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? — Полн. собр. соч., т. 1, с. 139.

нем, что мустьерские жилища гораздо примитивнее позднепалеолитических и встречаются очень редко. Они являются, по нашему мнению, одним из многочисленных, ставших в настоящее время известными свидетельств постепенного вызревания в рамках древнего палеолита предпосылок перехода к следующей эпохе. Но на протяжении палеолита археологические и антропологические материалы позволяют констатировать лишь один резкий, крутой перелом: между древним и поздним палеолитом. Только этот перелом поддается синхронизации с таким крупным историческим скачком, как переход от первобытного стада к родовой общине. В развитии палеолита нет другого переломного момента подобного выдающегося значения.

О существовании в позднем палеолите материнской родовой общины свидетельствуют также находки в позднепалеолитических поселениях реалистических и в то же время очень своеобразных изображений обнаженных женщин с подчеркнутыми признаками женщины-матери. Чаще всего это статуэтки, иногда гравюра на камне или кости. Изображения, как показали исследования П. П. Ефименко и С. Н. Замятнина, были связаны с культом женщины-прародительницы и с охотничьими магическими обрядами [Ефименко, 1953; Замятнин, 1961а; Абрамова, 1966]. Эти формы религиозных верований и обрядов возникают и развиваются в эпоху материнской родовой общины. Тотемистические религиозные верования и обряды, распространяющиеся в позднем палеолите, также характерны для родового строя.

Материнская родовая община, сменившая первобытное стадо, являлась гораздо более прогрессивной и развитой общественной огранизацией. Дело заключалось не только в запрете кровосмешения. Вероятно, здесь дальше развилось естественное разделение труда между полами, а затем и между возрастами. Возникшие междуродовые связи делали возможным объединение нескольких родов (хотя бы при больших облавных охотах) и обмен техническими достижениями. В связи с этим развитие техники в позднем палеолите шло гораздо быстрее, чем раньше. Важнейшей производительной силой являлся сам человек. Его физическое строение в позднем палеолите (в отличие от примитивного физического строения неандертальца) не было препятствием для дальнейшего развития техники.

В антропологической литературе оживленно обсуждаются вопросы, на какой территории свершилось превращение неандертальцев в людей современного физического типа и все ли неандертальцы или же только некоторые их группы явились предками позднепалеолитических людей. Ряд советских и зарубежных антропологов предполагает, что различные группы неандертальцев принимали неодинаковое участие в формировании людей современного физического типа. Согласно их предположениям, поздние неандертальцы западноевропейской группы Ша-

пель либо вовсе не приняли участия в процессе формирования современного человека, либо, не будучи исходным предковым типом для Homo sapiens, служили дополнительным материалом при происходившем смешении человеческих групп. Аргументы в пользу такой постановки вопроса являются весьма серьезными, но не бесспорными и не общепризнанными. Некоторые советские и зарубежные антропологи допускают возможность трансформации в людей современного физического типа и неандертальцев группы Шапель.[8] В любом случае следует учитывать всю сложность перехода от палеоантропа к неоантропу. Находка в пещере Староселье в Крыму, как и ряд других аналогичных находок, сделанных в других местах, свидетельствует о том, что в отдельных случаях представители неоантропов возникли из неандертальцев еще в конце мустьерской эпохи.

* * *

При переходе к позднему палеолиту произошли крупные изменения не только в технике, хозяйстве и общественных отношениях первобытных людей, но и в их идеологических представлениях. Наиболее ярко это выразилось в появлении и развитии изобразительного искусства.

При раскопках некоторых мустьерских стоянок найдены куски красной и черной минеральной краски, служившей для расцвечивания тела, орудий и оружия; некоторые из них стерты в процессе употребления. Обнаружены и куски камня, на которых такая краска растиралась. Известна также находка в мустьерской стоянке Ла Ферраси во Франции плиты камня с располагающимися на ее поверхности несколькими небольшими круглыми ямками (правда, ознакомление с этим камнем на месте показывает, что ямки очень неглубокие, невыразительные, почти сливающиеся с неровной естественной поверхностью плиты; в противовес их описаниям и публикациям во многих работах следует подчеркнуть, что ямки не образуют устойчивых пар). В той же Ла Ферраси отмечена находка обломка кости с параллельными нарезками и куска камня, имеющего следы полос, нанесенных краской [Bourdier, 1967]. На мустьерской стоянке Тата в Венгрии [Vértes, 1964] открыты овальный, тщательно обрезанный и отполированный до зеркального блеска предмет из пластины, отделенной от зуба мамонта, сохранивший следы окраски красной охрой («чуринга»), а также слегка отшлифованный округлый нуммулит с вырезанным на его поверхности крестообразным знаком (возможно, амулет). Все эти находки могут рассматриваться как свидетельства крайне медленного зарождения искусства у неандертальцев.

[8] Освещение разных точек зрения по данному вопросу см.: [Рогинский, Левин, 1963; Якимов, 1967; Алексеев, 1974; Рогинский, 1977; Brace, 1964, Bordes, 1972; Howells, 1973].

Вполне вероятно, что зачатки изобразительного искусства в мустьерскую эпоху не сводятся к перечисленным выше предметам. С. Н. Замятнин высказал очень интересную мысль, что группы из двух-трех шаровидных камней, раскрытые на ряде мустьерских стоянок, в действительности представляют собой не остатки охотничьего оружия типа бола́, а выложенные на земле какие-то зачаточные формы изображений [1961а]. Такая интерпретация, возможно, применима не ко всем мустьерским каменным шарам, а лишь к некоторым, в частности к шарам из глины, которые из-за своей мягкости и хрупкости не могли служить охотничьим оружием. Развивая эту мысль, А. Д. Столяр создал обобщающую концепцию происхождения позднепалеолитического искусства из мустьерских, а быть может, и несколько более древних выкладок камней, а также костей и черепов убитых на охоте животных. Эти выкладки являлись своеобразными памятниками натурально-анималистического символизма [Столяр, 1972].

Но настоящие памятники искусства, настоящие изображения появились только в позднем палеолите. Они очень многочисленны и разнообразны [Окладников, 1967; Абрамова, 1966, 1972]. К ним относятся вырезанные из бивня мамонта, кости и камня, а в отдельных случаях вылепленные из глины статуэтки животных и женщин и изображения животных и людей, гравированные на кусках камня, на обломках кости и рога, а чаще всего на орудиях и подвесках. В позднем палеолите костяные изделия нередко покрывались орнаментом в виде зигзагов, треугольников, ромбов и даже меандра. Известны единичные находки черепов и крупных костей мамонта с нанесенным на них красной краской геометрическим орнаментом. Наконец, к произведениям позднепалеолитического изобразительного искусства принадлежат изображения животных и, гораздо реже, людей, сделанные минеральной краской (иногда они многокрасочные) в глубине пещер, на стенах и на потолке. Нередко такие изображения выполнены с поразительным реализмом.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПЕРВОБЫТНЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ВЕРОВАНИЙ

Реакционные буржуазные ученые немало занимаются извращением истории первобытной религии. Их цель — во что бы то ни стало доказать изначальность религии в человеческом обществе, доказать, что религиозность — основное отличие человека от животного и что всякая религия, в том числе и первобытная, играет благотворную роль в развитии человечества. В этом отношении показательны сочинения известного зарубежного этнографа, католического патера В. Шмидта. В своей многотомной работе «Происхождение идеи бога» он утверждал, что религия изначальна и что древнейшей формой религии было единобожие (монотеизм). Вера в единого бога возникла, по словам Шмидта,

у первобытных дикарей в результате «божественного откровения». Шмидт далеко не одинок в своих утверждениях.

Правительства многих империалистических государств в своей колониальной политике широко используют, всячески поддерживают и укрепляют распространенные среди части населения колоний или некоторых бывших колоний первобытные суеверия и дикие колдовские обряды. Такая практика колониалистов и неоколониалистов находит теоретическую поддержку в произведениях ряда буржуазных этнографов и антропологов. Так, например, представитель функциональной школы в этнографии английский ученый Р. Ферс в своей книге, посвященной хозяйству маори (Новая Зеландия), писал, что, принимая во внимание существенную роль магии в примитивном производстве, ее организующее влияние, значение, которое она имеет в деле концентрации внимания туземца на его работе, сообщая ему сознание ответственности, понимаешь, что нельзя легкомысленно и невежественно ее ломать; немногие европейцы знают, в какой сильной степени производство и благосостояние туземцев зависят от полного сохранения всей их магической системы.

Советским исследователям, занимающимся изучением первобытных религиозных верований, приходится неустанно бороться против подобных утверждений.

Условия возникновения первобытных религиозных верований и характерные для последних черты освещены в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Основоположники марксизма-ленинизма указывают, что первобытная религия является фантастическим отражением в головах людей господствующих над ними сил природы. Если в классовом обществе религия порождена бессилием эксплуатируемых классов в борьбе с эксплуататорами, то первобытная религия порождена бессилием дикаря в борьбе с природой. Первобытная религия, не являясь орудием эксплуатации в руках господствующего класса (классы в первобытном обществе отсутствуют), вредна, не способствует, а препятствует борьбе человека с природой. Классическое определение К. Маркса «Религия есть *опиум* народа»[9] применимо и к первобытной религии.

Религия в человеческой истории неизначальна. Если труд, изготовление орудий отмечают собой появление человеческого общества, то к религии это ни в коей мере не относится. Возникновению первобытных религиозных верований предшествовал весьма длительный безрелигиозный (или дорелигиозный) период, совпадающий с самыми начальными периодами истории первобытнообщинного строя, археологически — с олдувайской эпохой, древним ашелем и значительной частью среднего и позднего ашеля. В то время как история человечества имеет продолжитель-

[9] *Маркс К.* К критике гегелевской философии права.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 415.

ность свыше 2 млн 600 тыс. лет, первые религиозные верования, судя по современным археологическим данным, начали зарождаться у первобытных людей менее 400 тыс. лет назад.

Безрелигиозный период нельзя трактовать как эпоху господства материалистического мировоззрения. Дело заключается совсем в другом. На самых начальных этапах истории первобытного общества уровень развития производительных сил был столь низок, что интересы людей не выходили за пределы непосредственного труда по добыванию пищи, по обеспечиванию своего существования в данный момент. Бессильный перед окружающей природой, человек еще не сознавал своего бессилия. Какой-либо отлет сознания от действительности был невозможен. Сознание было непосредственно связано с трудом, непосредственно вплетено в практику и не могло создавать религиозных абстракций. Отсутствовал важнейший элемент всякой религии — вера в сверхъестественное, наделение ложными свойствами окружающих предметов и явлений природы.

Безрелигиозный период был, таким образом, обусловлен исключительной примитивностью общественного бытия древнейших людей. Бессилие дикаря в борьбе с природой, хотя и имело место уже в олдувайскую эпоху, свыше 2 млн лет назад, не породило в те же времена фантастических религиозных представлений. Последние сложились у древнейших людей не сразу. Вещи и явления природы не сразу стали раздваиваться в их сознании: неудачи в борьбе с окружающей природой создали в конечном счете фантастические, извращенные представления о них. Но это было самым начальным этапом развития человеческого сознания. Сперва возникло сознание, человек вступил в борьбу с природой. И лишь на определенном этапе развития практической деятельности произошло ее раздвоение на деятельность, реально направленную к достижению желаемого результата, и на деятельность, направленную к достижению этого результата лишь символически, деятельность ненужную, бесполезную и в конечном счете вредную [Францев, 1959; Токарев, 1965; Семенов, 1966].

Олдувайская эпоха и древний ашель не имеют каких-либо свидетельств даже зарождающихся религиозных верований. Правда, тут налицо негативные доказательства, которые всегда уязвимы. И действительно, 20 и более лет тому назад археологическая наука для дошелльской и шелльской эпох и для начала ашельской эпохи (они соответствуют олдуваю и древнему ашелю современных археологических периодизаций) располагала лишь аллювиальными, переотложенными местонахождениями каменных орудий. Ни остатков очагов, ни каких-либо культовых сооружений там не могло сохраниться, даже если бы они и существовали. В наши же дни положение коренным образом изменилось. Открыто и раскопано (см. выше, с. 57) значительное количество стоянок олдувайской и древнеашельской эпох, в которых культурный слой сохранился непотревоженным, «запечатан-

ным». Несомненно, в таких стоянках уцелели бы остатки погребений и свидетельства культовых обрядов, если бы они тогда существовали. Таким образом, отсутствие свидетельств зарождавшихся религиозных верований для олдувайской и древнеашельской эпох является достаточно твердо установленным фактом и не может быть объяснено характером источников, которыми располагает современная археология палеолита.

Первобытные религиозные верования и обряды начали зарождаться в мустьерскую эпоху, а быть может, и несколько раньше — в позднем ашеле. Свидетельством их являются в первую очередь мустьерские погребения. Они раскопаны и изучены в довольно большом количестве. Погребения неандертальцев из Киик-Кобы в Крыму и Тешик-Таша в Узбекистане были описаны выше (с. 139—140, 152—154). Широкой известностью пользуются также неандертальские погребения из пещер Спи в Бельгии, Ла Ферраси, Ле Мустье и Ла Шапель-о-Сен во Франции (по последней получила название неандертальская группа Шапель), Мугарет-эт-Табун и Мугарет-эс-Схул на Ближнем Востоке.

Мустьерские погребения раскапывались в разное время, людьми разной научной квалификации, порой — далекими от серьезной науки дилетантами, использовавшими археологические раскопки для наживы и саморекламы. В результате вопрос о мустьерских погребениях Западной Европы долгие годы был очень запутан. Важный критический анализ описаний и отчетов о раскопках был проделан С. Н. Замятниным и значительно прояснил проблему [Замятнин, 1961а; см. также: Окладников, 1952].

Все мустьерские погребения располагаются в пещерах, служивших местом обитания; могильники, находящиеся за пределами поселений, неизвестны. Углубления, в которых лежат скелеты, небольшие, нечетко очерченные, но бесспорно вырытые или выдолбленные людьми специально для того, чтобы поместить туда покойника. Мертвец помещался в таком углублении в позе спящего — на боку, со слегка подогнутыми коленями — и сверху прикрывался землей и камнями; именно благодаря этому трупы не были растащены хищниками. Скорченные скелеты с коленями, подогнутыми к самому подбородку, еще отсутствовали. Вместе с некоторыми погребенными найдены куски красной краски. Но неясно, были ли они специально положены в могилу или являлись обычным составным элементом мустьерского культурного слоя, в котором располагается погребение. Это же следует сказать о находках в отдельных погребениях кремневых орудий и костей животных. Быть может, они представляли собой погребальные приношения, намеренно положенные вместе с мертвецом. Но не исключена возможность того (это особенно подчеркивает С. Н. Замятнин), что они проникли в могилу из залегающего выше или по соседству палеолитического культурного слоя. Окрашенные погребения, покрытые красной краской, еще отсутствовали.

А. П. Окладников обращает внимание на то, что головы погребенных (там, где это можно было установить) обращены на восток или на запад. Погребения, ориентированные на юг или на север, неизвестны. Наконец, выдающийся интерес представляет факт, отмеченный в гроте Тешик-Таш: погребение неандертальца было окружено крупными рогами сибирского горного козла.

В мустьерскую эпоху погребальные обряды только начинали зарождаться и были гораздо проще, примитивнее, чем те, которые широко распространились в позднем палеолите, неолите и в эпоху бронзы. Материалы мустьерских погребений еще не говорят о появлении веры в загробную жизнь, веры в душу, ведущую отдельное от тела существование (так называемые анимистические верования, анимизм). Свидетельством подобных верований были бы скорченные и окрашенные погребения, погребальные приношения, специально положенные в могилу; все это появилось при переходе к позднему палеолиту. Можно предполагать, что у неандертальцев лишь начала зарождаться вера в сверхъестественное — неотъемлемый признак каждой религии. Вероятно, по представлениям людей той эпохи, связь человека с группой не рушилась и после смерти: труп члена коллектива по-прежнему был с ним связан — как живому члену коллектива его товарищи оказывают взаимопомощь, так и по отношению к трупу они связаны определенными обязанностями, сводящимися в первую очередь к его погребению.

Некоторые археологические находки позволяют предполагать, что в мустьерскую эпоху (быть может, в конце ашеля) наряду с зачатками погребальной обрядности начали появляться слабые зачатки других первобытных религиозных верований — тотемизма и фетишизма. Свидетельством этого, возможно, является открытие в высокогорных мустьерских пещерах Драхенлох (Швейцария) и Петерсхёле (ФРГ) черепов пещерных медведей, помещенных в специальные ящики, сложенные из грубых плит камня [Ефименко, 1953; Müller-Karpe, 1966]. Основным объектом охоты у обитателей обеих пещер был пещерный медведь. От успеха охоты на него зависело их существование. Естественно предположить, что черепа пещерных медведей служили фетишами, объектами колдовских действий, из которых впоследствии, в позднем палеолите, развились тотемистические религиозные верования и обряды. С колдовскими действиями, возможно, связаны и козлиные рога, размещенные вокруг неандертальского погребения в Тешик-Таше. Подобно тому как у обитателей Драхенлоха и Петерсхёле главным объектом охоты был пещерный медведь, все существование обитателей Тешик-Таша зависело от успеха охоты на горных козлов. Рога последних могли быть объектом зарождающихся колдовских (магических) действий, переплетающихся здесь с зарождающимся культом мертвых.

Драхенлох и Петерсхёле раскапывались свыше 50 лет назад исследователями не особенно высокой квалификации. Опубликованные ими описания раскопок имели много неясностей. Все это

ставило под сомнение свидетельства зарождающегося медвежьего культа у неандертальцев. Но за последние полтора десятилетия получены новые, тщательно проверенные материалы, целиком подтверждающие даваемую здесь интерпретацию находок в высокогорных альпийских пещерах. Е. Бонифе и Г. Лаплас в 60-х гг. во время раскопок пещеры Регурду на юго-западе Франции в мустьерском культурном слое открыли несколько сооружений из камней, в которых были погребены кости бурого медведя. В одном случае кости пяти-шести медведей были покрыты как бы облицовкой, опалубкой из камней; в другом — кости медведя лежали в четырехугольной яме и были покрыты плитой камня около 2 м в поперечнике и весом 850 кг; в третьем — как бы грубой облицовкой из голышей камня покрыт череп медведя (Bonifay, 1965]. В свете материалов Регурду находки в Драхенлохе и Петерсхёле, а также в Тешик-Таше могут уверенно рассматриваться как свидетельства зарождения религиозных верований и обрядов охотничьей магии и тотемизма у неандертальцев.[10]

Таким образом, в процессе развития первобытного стада в нем начали возникать религиозные верования и обряды в виде представлений о сверхъестественном, фетишизма, погребального культа, простейших колдовских церемоний. Они не составляли основы всего миросозерцания первобытных людей, а были лишь пустоцветом, растущим на живом дереве плодотворного, истинного, могучего, всесильного, объективного, абсолютного человеческого познания.[11] Предпосылки возникновения этих ложных, фантастических представлений об окружающем кроются в бессилии первобытного человека перед природой, низком уровне экономического развития первобытных эпох. В результате у первобытных людей с практическими навыками и познаниями, с правильными понятиями, выработанными в течение очень длительного времени в процессе трудовой практики, тесно переплетались разного рода фантастические представления, дикие и вредные обычаи и запреты.

При переходе к позднему палеолиту произошел существенный сдвиг в первобытных религиозных верованиях. Только начиная с позднего палеолита можно говорить о сложившейся первобытной религии, о появлении одной из важнейших и характернейших ее форм — анимизма; с последним были тесно связаны и переплетались тотемизм, магия и др.

Анимизм[12] — вера в душу, которую имеют человек и все окружающие животные, растения, неодушевленные предметы, вера

[10] Новые исследования, проведенные в пещере Базуа на северо-западе Италии, показали, что обнаруженные там следы палеолитических колдовских магических церемоний относятся не к мустьерской эпохе, как это первоначально полагали, а к концу позднего палеолита. Они имеют радиоуглеродную дату 12 340±160 лет до наших дней.

[11] См.: *Ленин В. И.* К вопросу о диалектике.— Полн. собр. соч., т. 29, с. 322.

[12] От латин. anima — «душа».

в загробную жизнь души. О возникновении в позднем палеолите анимизма свидетельствуют позднепалеолитические погребения, весьма отличающиеся от мустьерских. Появляются погребения в сильно скорченном положении, с коленями, подогнутыми почти до самого подбородка. Такого положения можно было достигнуть лишь обвязывая мертвеца ремнями или намеренно спеленывая его. Нередко покойника посыпали красной охрой. В погребениях находят каменные и костяные орудия и предметы вооружения, специально положенные в могилу, а также большое число бус и подвесок из кости. Некоторые погребения обставлены плитами и выкладками из костей — остатками погребальных сооружений. Появляются коллективные могильники и захоронения одних черепов.

Погребения в скорченном положении были описаны в сравнительно недавнем прошлом у ряда отсталых племен (андаманцы, папуасы, эскимосы и др.). Этот обряд во многих случаях был связан с верой в загробную жизнь мертвеца и с желанием обезвредить его, лишить возможности вредить оставшимся в живых. Можно предполагать, что сходные верования возникали и у людей позднего палеолита. Находки в погребениях положенных туда орудий, оружия и украшений также связаны с верой в загробную жизнь. Эти вещи, по представлениям людей, должны были служить покойному в загробном мире. С верой в загробную жизнь было, вероятно, связано и окрашивание трупа в красный цвет. Красная краска у многих отсталых племен недавнего прошлого символизировала кровь или огонь.

Наряду с анимизмом в позднем палеолите возникла и распространилась другая форма религиозных верований, тесно с ним переплетающаяся,— тотемизм (зачатки его отмечены в некоторых мустьерских пещерах). Пережитки тотемизма существовали до недавнего времени у очень многих племен земного шара; пожалуй, наиболее полно тотемические верования описаны у австралийцев и североамериканских индейцев.

На основании данных этнографии можно выделить следующие признаки тотемизма. Родовые группы носят имена животных, растений и в виде исключения — неодушевленных предметов. Животное или растение, именем которого род себя называет, признается родоначальником или родственником, т. е. тотемом данного рода, связанным с ним тесными, неразрывными узами.

С тотемными животными и растениями связаны различные формы пищевых и охотничьих запретов. Иногда мясом тотема вовсе нельзя питаться. Чаще на тотема разрешается охотиться, но после охоты нужно в торжественной, культовой обстановке принести ему извинения за то, что его убили, поблагодарить за то, что он дал себя убить, и совершить очистительные обряды. Тушу убитого животного кладут на почетное место; животное гладят, называют старшим братом или старшей сестрой.

Тотемные животные почитаются. В их честь устраиваются празднества, сопровождающиеся магическими, колдовскими действиями, которые будто бы должны способствовать процветанию тотема, его быстрейшему размножению. На празднестве люди подражают своему тотему, маскируются в его шкуру, инсценируют охоту на него. Иногда выполняется обряд церемониального поедания тотема. Кости тотема, его лапы, хвост, голова, рога, зубы и т. п. считаются священными фетишами, наделенными сверхъестественными свойствами.

Тотемизм — форма религиозных верований, характерная для примитивных охотничье-собирательских племен. Возникновение его связано с возникновением родового строя. Тотемизм является первой своеобразной формой культа предков.

Было бы ошибкой связывать все позднепалеолитические изображения животных с тотемическими религиозными верованиями. Многие произведения палеолитического искусства удовлетворяли зарождающиеся эстетические потребности первобытных людей. Но часть памятников палеолитического искусства связана с первобытными религиозными верованиями и обрядами и их отражает. К таким произведениям относятся изображения хвостатых людей в звериных шкурах, с рогами на голове. В большинстве случаев это изображения предков-тотемов — фантастических существ, совмещающих в себе признаки людей и животных, персонажей зарождающейся мифологии. Иногда же здесь, возможно, воспроизведены участники колдовских церемоний, замаскированные в шкуры животного-тотема и подражающие ему. Назовем также найденное в позднепалеолитической пещере Раймонден во Франции вырезанное на костяной подвеске изображение сцены поедания тотема-бизона, от которого сохранились несъеденными только голова и передние ноги. Оно имеет полные аналогии в обрядах, сохранявшихся еще в XIX в. у некоторых отсталых племен.

Важным элементом первобытной религии являлось колдовство, или магия. Магия была основана на убеждении, что подобное замещает подобное и что часть замещает целое. «Пусть живой зверь будет так же пронзен копьем, как пронзено это его изображение или как пронзен этот его череп»,— такова логика первобытной магии.

Памятниками магии служат позднепалеолитические изображения бизонов, хищников и других животных, пронзенных копьями и гарпунами. По представлениям людей, они должны были способствовать удачной охоте. Колдовские обряды нередко совершались в удаленных, труднодоступных, абсолютно темных закоулках пещер, куда надо было ползти сотни метров по извилистым коридорам и где при свете факела или жировой лампы (кусок камня с выдолбленным на его поверхности углублением, в которое наливался животный жир, служивший горючим) наносились магические изображения. На юго-западе Франции в

пещерах Монтеспан и Тюк д'Одубер, прославившихся позднепалеолитическими настенными изображениями зверей, в подобных закоулках обнаружены отпечатки ног палеолитических людей, хорошо сохранившиеся потому, что они оказались покрытыми натеком извести, а также потому, что впоследствии в эти пещеры никто не проникал. Отпечатки ног принадлежали подросткам 11—14 лет и взрослым людям. Значительная часть отпечатков оставлена людьми, ступавшими или только на пятки, или только на носки. Возможно, здесь совершались церемонии посвящения подростков в следующую возрастную группу.

Магические обряды в позднем палеолите были тесно связаны с анимистическими и тотемистическими верованиями. В таком виде первобытное колдовство широко распространялось у многих отсталых племен XIX в., а пережитки его сохранились в некоторых местах и по сей день.

Все эти формы первобытных религиозных верований своей установившейся обрядностью, культовыми запретами закрепляли тупую придавленность человека внешней природой, сковывали общественное развитие, которое совершалось наперекор религиозным догмам и запретам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наша работа посвящена в основном эпохе первобытного стада, эпохе существования древнепалеолитической культуры, а также возникновению человека современного физического типа (Homo sapiens) и позднепалеолитической культуры. Важные и сложные вопросы развития позднепалеолитического человечества освещены по необходимости довольно бегло. Большое внимание, уделенное в работе археологическому материалу, объясняется тем, что при изучении начального этапа истории первобытного общества археологические памятники являются основным источником.

Мы ознакомились с тем, как люди в древнейшие эпохи своего существования только начинали покорять окружающую природу. Впоследствии, на протяжении нового каменного века, эпохи бронзы и ранней эпохи железа, людям пришлось пройти еще длительный и тяжелый путь, прежде чем они создали более высокую культуру, характерную для классового общества. Но тогда развитие человечества шло уже несколько быстрее и укладывалось не в десятки и сотни тысячелетий, а в тысячелетия и века. Постепенно при переходе к новому каменному веку первобытные люди научились изготовлять более совершенные каменные топоры, молотки, серпы, наконечники стрел и копий, широко используя шлифовку, пиление и сверление камня, научились изготовлять глиняную посуду (керамику). Возникли скотоводство и земледелие. Вместе с тем совершился переход от периода преимущественного присвоения готовых продуктов природы к периоду усвоения методов повышения производства продуктов природы с помощью человеческой деятельности. Вслед за усовершенствованием техники обработки камня возникла обработка металлов: сначала меди и бронзы, затем железа. Постепенно все дальше и дальше развивалось разделение труда. Развитие обработки железа было связано с появлением ремесла и ремесленников, с заменой прежнего общинного труда трудом индивидуальным, частным. Теперь уже члены общины стали каждый в одиночку заниматься производством одного какого-нибудь продукта и продавать его на рынке. Прежняя общинная собственность сменилась частной собственностью на средства и на продукты производства. Совер-

шился переход от первобытнообщинного строя к классовому обществу.

Но в нашей книге рассматривались лишь самые начальные этапы истории первобытного общества, самые первые шаги людей на пути покорения окружающей природы. Ценой величайших усилий, ценой огромного труда давались им эти первые шаги. Миллионы лет понадобились для того, чтобы бесформенные куски камня превратились в первые грубые каменные орудия, для того, чтобы люди научились пользоваться огнем, для того, чтобы возникли первые жилища.

Беспомощные перед силами природы, не знающие своих собственных сил, люди в огромном количестве гибли в этой борьбе.

Однако, несмотря на колоссальные трудности, с которыми древнейшим людям приходилось сталкиваться, которые им приходилось преодолевать, они неуклонно продвигались по пути прогрессивного исторического развития. Ими были сделаны важнейшие открытия, важнейшие культурные приобретения, которые легли в основу всего позднейшего развития человеческой культуры, вплоть до наших дней. Разве была бы возможна жизнь современных людей без знания огня? А ведь впервые овладели огнем и научились его искусственно добывать люди древнего каменного века. Современная техника не смогла бы существовать без простейших механических приспособлений, таких как рычаг, клин и т. д. Но ведь древнейшим рычагом была копательная палка древнего палеолита, древнейшим клином — ручное рубило. Так обстоит дело не только в области техники. Возьмем ли мы историю языка, историю семьи, историю искусства, занимаясь их изучением, мы неизбежно должны углубиться в древнейшее прошлое человечества — всюду самые первые шаги были сделаны древнейшими людьми. Культура древнего каменного века была фундаментом для всей позднейшей человеческой культуры. Этим она особенно интересна и важна для нас.

ЛИТЕРАТУРА

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология.— Соч., т. 3, с. 7—544.
Энгельс Ф. Анти-Дюринг.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 5—338.
Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 486—499.
Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 23—178.
Энгельс Ф. Вновь открытый пример группового брака.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 364—367.
Ленин В. И. А. М. Горькому.— Полн. собр. соч., т. 48, с. 230—233.
Ленин В. И. О государстве.— Полн. собр. соч., т. 39, с. 64—84.
Абрамова З. А. К вопросу об охоте в верхнем палеолите.— СА, 1964, № 4.
Абрамова З. А. Изображения человека в палеолитическом искусстве Евразии. М.— Л., 1966.
Абрамова З. А. Древнейшие формы изобразительного творчества. (Археологический анализ палеолитического искусства).— РФИ, 1972.
Абрамова З. А. К вопросу о культурных связях Азии и Америки в позднем палеолите.— КСИА, 1973, вып. 137.
Авдусин Д. А. Археология СССР. 2-е изд. М., 1977.
Александрова М. В. Стратиграфическое положение культурного слоя мустьерской стоянки Сухая Мечетка как основание геологической датировки и палеогеографической реконструкции.— ПЧПС, 1974.
Алексеев В. П. Гоминиды второй половины среднего и начала верхнего плейстоцена Европы.— ИГПЧ, 1966.
Алексеев В. П. Палеодемография СССР.— СА, 1972, № 1.
Алексеев В. П. Положение тешик-ташской находки в системе гоминид.— АРПП, 1973.
Алексеев В. П. География человеческих рас. М., 1974.
Алексеев В. П. Возникновение человека и общества.— ПО, 1975.
Алексеева Л. В. Полицикличность размножения у приматов и антропогенез. М., 1977.
Алиман А. Доисторическая Африка. М., 1960.
Алпысбаев Х. А. Открытие памятников древнего и позднего палеолита в Южном Казахстане.— СА, 1961, № 1.
Алпысбаев Х. А., Костенко Н. Н. Геолого-исторические условия хребта Каратау в эпоху палеолита.— В кн.: Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968.
Анисюткин Н. К. Мустьерская стоянка Стинка на Среднем Днестре.— Археол. сб. Гос. Эрмитажа, 1969. № 11.
Анисюткин Н. К., Астахов С. Н. К вопросу о древнейших памятниках Алтая.— В кн.: Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970.
Анучин Д. Н. Открытие огня и способы его добывания. 2-е изд. М., 1923.
Арциховский А. В. Основы археологии. М., 1954.
Аутлев П. У. Абадзехская нижнепалеолитическая стоянка. Майкоп, 1963.
Бадер Н. О. Новые работы в Волчьем гроте.— АО 1968 года, 1969.
Бадер О. Н. Крупнейшая мустьерская стоянка у Волчьего грота в Крыму.— Вестн. древн. ист., 1939, № 1.

Бадер О. Н., Матюшин Г. Н. Новый памятник среднего палеолита на Южном Урале.— СА, 1973, № 4.
Бердзенишвили Н. З. Новый памятник каменного века в ущелье Цхалцитела. Тбилиси, 1964.
Береговая Н. А. Палеолитические местонахождения СССР. М.— Л., 1960.
Береговая Н. А. Открытия палеолита в СССР (1958—1968 гг.).— ПиН, 1972, т. VII. (МИА, № 185).
Береговая Н. А. Древнейшие культурные традиции Американской Арктики и их связи с северо-востоком Сибири (по раскопкам 1955—1964 гг.).— В кн.: История и культура народов севера Дальнего Востока. М., 1967.
Бибиков С. Н. О южных путях заселения Восточной Европы в эпоху древнего палеолита.— Четвертичный период. Киев, 1961, вып. 13—15.
Бибикова В. И. Некоторые замечания по фауне из мустьерской пещеры Аман-Кутан I.— СА, 1958, № 3.
Биологические предпосылки гоминизации. Матер. к симпозиуму. М., 1976.
Бонч-Осмоловский Г. А. Грот Киик-Коба. М.— Л., 1940.
Бонч-Осмоловский Г. А. Кисть ископаемого человека из грота Киик-Коба. М.— Л., 1941.
Бонч-Осмоловский Г. А. Скелет стопы и голени ископаемого человека из грота Киик-Коба. Редакция и дополнения В. В. Бунака. М.— Л., 1954.
Борисковский П. И. Освоение огня.— Кратк. сообщ. Ин-та ист. мат. культ., 1940, вып. 6.
Борисковский П. И. Палеолит Украины. М.— Л., 1953.
Борисковский П. И. Изучение палеолитических жилищ в Советском Союзе.— СА, 1958, № 1.
Борисковский П. И. К вопросу о древнейших землекопных орудиях.— В кн.: Исследования по археологии СССР. Сб. ст. в честь проф. М. И. Артамонова. Л., 1961.
Борисковский П. И. Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии. Л., 1971.
Борисковский П. И., Праслов Н. Д. Палеолит бассейна Днепра и Приазовья. М.— Л., 1964. (САИ. А1—3).
Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973.
Бромлей Ю. В., Першиц А. И. Ф. Энгельс и проблемы первобытной истории.— В кн.: Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса. М., 1972.
Бунак В. В. Происхождение речи по данным антропологии.— ПЧДРЧ, 1951а.
Бунак В. В. Муляж мозговой полости палеолитического детского черепа из грота Тешик-Таш.— Сб. Музея антропол. и этногр., 1951б, т. XIII.
Бунак В. В. Череп человека и стадии его формирования у ископаемых людей и современных рас. М., 1959.
Бунак В. В. Краткий обзор таксономических и филетических схем гоминид.— ИГПЧ, 1966а.
Бунак В. В. Речь и интеллект, стадии их развития в антропогенезе.— ИГПЧ, 1966б.
Бутинов Н. А. Первобытнообщинный строй. (Основные этапы и локальные варианты).— ПИДО, 1968.
Векилова Е. А. Каменный век Крыма. Некоторые итоги и проблемы.— ПиН, 1971, т. VI. (МИА. № 173).
Векилова Е. А., Грищенко М. Н. Результаты исследования Ахштырской пещеры в 1961—1965 гг.— ПиН, 1972, т. VII. (МИА. № 185).
Величко А. А. Природный процесс в плейстоцене. М., 1973.
Верещагин Н. К. Охоты первобытного человека и вымирание плейстоценовых млекопитающих в СССР.— В кн.: Материалы по фаунам антропогена СССР. Л., 1971.
Воеводский М. В. Палеолитическая стоянка Рабочий Ров (Чулатово II).— В кн.: Ископаемый человек и его культура на территории СССР. М., 1952. (Уч. зап. Моск. гос. ун-та. Вып. 158).
Возникновение рода Homo и его эволюция.— ВА, 1972, вып. 41.
Гаджиев Д. В., Гусейнов М. М. Первая для СССР находка ашельского человека (Азербайджан, Азыхская пещера).— В кн.: Юбилейный сборник Уче-

ных записок Азгосмединститута. Баку, 1970 (Уч. зап. Азгосмединститута. Т. XXXI).
Гарутт В. Е. Мамонт в изображении человека верхнего палеолита.— ПиН, 1960, т. IV. (МИА. № 79).
Гвоздовер М. Д. Обработка кости и костяные изделия Авдеевской стоянки.— ПиН, 1953, т. II. (МИА. № 39).
Генинг В. Ф. Этнический процесс в первобытности. Свердловск, 1970.
Герасимов М. М. Обработка кости на палеолитической стоянке Мальта.— ПиН, 1941, т. I. (МИА, № 2).
Герасимов М. М. Люди каменного века. М., 1964.
Гладилін В. М. Ранний палеолит Украины.— В кн.: Археологія Української РСР. Т. I. Киев, 1971.
Гладилин В. Н. Проблемы раннего палеолита Восточной Европы. Киев, 1976.
Городцов В. А. К истории развития техники первобытных каменных орудий.— СЭ, 1935, № 2.
Гохман И. И. Ископаемые неоантропы.— ИГПЧ, 1966.
Гремяцкий М. А. Череп ребенка-неандертальца из грота Тешик-Таш.— ТТ, 1949.
Григолия Г. К. Палеолит Квемо-Картли. Тбилиси, 1963.
Григорьев Г. П. Палеолит Африки.— В кн.: Возникновение человеческого общества. Палеолит Африки. Л., 1977. (Сер. «Палеолит мира»).
Григорьева Г. В. Локальные варианты культуры позднего палеолита юга СССР (степная зона).— В кн.: VII Международный конгресс доисториков и протоисториков. Докл. и сообщ. археол. СССР. М., 1966.
Громов В. И. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР. (Млекопитающие, палеолит). М., 1948.
Гусейнов М. М. О результатах археологических раскопок в Азыхской пещере.— В кн.: Археологические исследования в Азербайджане. Баку, 1965.
Гуслицер Б. И. О недостоверности некоторых местонахождений палеолита и ископаемой фауны на территории Коми АССР.— БКИЧП, 1976, № 45.
Гуслицер Б. И., Канивец В. И. Палеолитические стоянки на Печоре.— СППВЦЕ, 1965.
Данилова Е. И. Кисть и стопа гоминид и близких им форм.— ИГПЧ, 1966.
Дарвин Ч. Происхождение человека и половой отбор.— Собр. соч. Т. V. М., 1953.
Дебец Г. Ф. Об антропологических особенностях человеческого скелета из пещеры Тешик-Таш.— Тр. Узб. филиала АН СССР. Сер. I. История, археология, Ташкент, 1940, вып. I.
Дебец Г. Ф. Территория СССР и проблема родины человека.— Кратк. сообщ. Ин-та этногр., 1952, т. XVII.
Дебец Г. Ф. О некоторых направлениях изменений в строении человека современного вида.— СЭ, 1961, № 2.
Деревянко А. П. Каменный век Северной, Восточной и Центральной Азии. Курс лекций. Новосибирск, 1975.
Джамбазов Н. Новые данные о стратиграфии палеолита в Болгарии.— СППВЦЕ, 1965.
Диков Н. Н. Верхний палеолит Камчатки.— СА, 1969, № 3.
Долуханов П. М. Хронология палеолитических культур.— В кн.: Проблемы абсолютного датирования в археологии. М., 1972.
Ерицян Б. Г. Новая нижнепалеолитическая пещерная стоянка Лусакерт I (Армения).— КСИА, 1975, вып. 141.
Ерицян Б. Г., Семенов С. А. Новая нижнепалеолитическая пещера «Ереван».— КСИА, 1971, вып. 126.
Ефименко П. П. Первобытное общество. 3-е изд. Киев, 1953.
Ефименко П. П. Костенки I. М.— Л., 1958.
Заверняев Ф. М. Нижнепалеолитическое местонахождение у с. Хотылево на Десне.— ПиН, 1971, т. VI. (МИА. № 173).
Замятнин С. Н. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода.— ПЧДРЧ, 1951.
Замятнин С. Н. Некоторые вопросы изучения хозяйства в эпоху палеолита.—

В кн.: Проблемы истории первобытного общества. М., 1960. (ТИЭ. Нов. сер. Т. 54).
Замятнин С. Н. Очерки по палеолиту. М.— Л., 1961а.
Замятнин С. Н. Сталинградская палеолитическая стоянка.— КСИА, 1961б, вып. 82.
Зубов А. А. Систематические критерии рода Homo и его эволюция.— ВА, 1973, вып. 43.
Иванова И. К. Геологический возраст ископаемого человека. М., 1965.
Иванова И. К. О следах деятельности ископаемых гоминид в отложениях эоплейстоцена и раннего плейстоцена Европы.— В кн.: Геология и фауна нижнего и среднего плейстоцена Европы. М., 1972.
Иванова И. К. Прародина человека.— Природа, 1974, № 10.
Итс Р. Ф. Введение в этнографию. Л., 1974.
Кабо В. Р. Первобытная община охотников и собирателей (по австралийским материалам).— ПИДО, 1968.
Кабо В. Р. Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии. М., 1969.
Кабо В. Р. Тасманийцы и тасманийская проблема. М., 1975.
Каландадзе А. Н. Разыскания по археологии доантичной Грузии. Автореф. докт. дис. Тбилиси, 1969.
Канивец В. И. Палеолит крайнего северо-востока Европы. М., 1976.
Касымов М. Р. Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак в Узбекистане.— ПиН, 1972а, т. VII. (МИА, № 185).
Касымов М. Р. Кремнеобрабатывающие мастерские и шахты каменного века Средней Азии. Ташкент, 1972б.
Кетрару Н. А. Памятники эпох палеолита и мезолита. Кишинев, 1973.
Кларк Дж. Д. Доисторическая Африка. М., 1977.
Клейн Л. С. О типичных приемах современной критики марксизма в археологии.— СА, 1968, № 4.
Ковнурко Г. М. К изучению свойств кремня.— КСИА, 1962, вып. 92.
Колосов Ю. Г. Шайтан-Коба — мустьерска стоянка Криму. Київ, 1972.
Колосов Ю. Г. Белая скала. Симферополь, 1977.
Колосов Ю. Г., Харитонов В. М., Якимов В. П. Открытие скелетных остатков палеоантропа на стоянке Заскальная VI в Крыму.— ВА, 1974, вып. 46.
Коробков И. И. Новые данные о неандертальских скелетах из пещеры Шанидар (Ирак).— ВА, 1963, вып. 15.
Коробков И. И. Итоги пятилетних исследований Яштухского палеолитического местонахождения.— СА, 1967, № 4.
Коробков И. И. К проблеме изучения нижнепалеолитических поселений открытого типа с разрушенным культурным слоем.— ПиН, 1971, т. VI. (МИА, № 173).
Коробков И. И., Мансуров М. М. К вопросу о типологии тейякско-зубчатых индустрий.— ПиН, 1972, т. VII. (МИА, № 185).
Косвен М. О. Очерк истории первобытной культуры. 2-е изд. М., 1957.
Котович В. Г. Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964.
Кочеткова В. И. Основные этапы эволюции мозга и материальной культуры древних людей.— ВА, 1967, № 26.
Кочеткова В. И. Палеоневрология. М., 1973.
Крайнов Д. А. Новые мустьерские стоянки Крыма и Кавказа.— БКИЧП, 1947, № 9.
Кригер Н. И. Четвертичные отложения Африки и Передней Азии. М., 1962.
Кричевский Е. Ю. Ленин и проблема родового строя.— Проблемы ист. докапиталист. обществ, 1934, № 1.
Лавик-Гудолл Д. ван. В тени человека. М., 1974.
Ларичев В. Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. Ч. 1. Азия и проблема родины человека (история идей и исследования). Новосибирск, 1969.
Ларичев В. Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. Ч. 2. Азия и проблема локальных культур (исследования и идеи). Новосибирск, 1972.
Ларичева И. П. Палеоиндейские культуры Северной Америки. Новосибирск, 1976.
Лев Д. Н. Древний палеолит в Аман-Кутане. Самарканд, 1949.
Левин М., Поршнев Б., Струве В. Против антинаучных теорий возникновения и развития человеческого общества.— Коммунист, 1955, № 9.

Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970.
Липс Ю. Происхождение вещей. М., 1954.
Любин В. П. Высокогорная пещерная стоянка Кударо I.— Изв. Всесоюзн. Геогр. о-ва, 1959, № 91.
Любин В. П. Верхнеашельская мастерская Джрабер.— КСИА, 1961, вып. 82.
Любин В. П. К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий.— ПиН, 1965, т. V. (МИА. № 131).
Любин В. П. Нижний палеолит.— КВ, 1970.
Любин В. П. Мустьерские культуры Кавказа. Л., 1977.
Любин В. П., Аутлев П. У., Гричук В. П., Губонина З. П., Моносзон М. М. Мустьерская стоянка в Губском навесе 1 (Прикубанье).— КСИА, 1973, вып. 137.
Любин В. П., Левковская Г. М. Пещера Кударо III.— ПиН, 1972, т. VII. (МИА. № 185).
Любин В. П., Соловьев Л. Н. Исследование Малой Воронцовской пещеры на Черноморском побережье Кавказа (раскопки 1950, 1951, 1964 гг.).— ПиН, 1971, т. VI. (МИА. № 173).
Любин В. П., Щелинский В. Е. Исследование Навалишенской пещеры в 1965 г.— КСИА, 1967, вып. 111.
Марков К. К., Величко А. А. Четвертичный период (ледниковый период — антропогеновый период). Т. III. М., 1967.
Марков К. К., Величко А. А., Лазуков Г. И., Николаев В. А. Плейстоцен. М., 1968.
Марков К. К., Лазуков Г. И., Николаев В. А. Четвертичный период (ледниковый период — антропоген). Т. I, II. М., 1965.
Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Л., 1976.
Медведев Г. И. Местонахождения раннего палеолита в Южном Приангарье.— В кн.: Древняя история народов юга Восточной Сибири. Вып. 3. Иркутск, 1975.
Месяц В. А. Находки древнепалеолитических орудий в районе Житомира.— КСИА, 1962, вып. 92.
Миклухо-Маклай Н. Н. Острова Адмиралтейства. Очерки из путешествия в Западную Микронезию и Северную Меланезию.— Собр. соч. Т. II. М.— Л., 1950
Монгайт А. Л. Археология Западной Европы. Каменный век. М., 1973.
Морган Л. Г. Древнее общество. Л., 1934.
Мочанов Ю. А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск, 1977.
Нестурх М. Ф. Человеческие расы. 2-е изд. М., 1958.
Нестурх М. Ф. Приматология и антропогенез (обезьяны, полуобезьяны и происхождение человека). М., 1960.
Нестурх М. Ф. Проблема первоначальной прародины человечества.— УИЧ, 1964.
Нестурх М. Ф. Происхождение человека. 2-е изд. М., 1970.
Николэеску-Плопшор К. С. К изучению палеолита Румынии.— СА, 1962, № 3.
Окладников А. П. Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш.— ТТ, 1949.
Окладников А. П. О значении захоронений неандертальцев для истории первобытной культуры.— СЭ, 1952, № 3.
Окладников А. П. Палеолит и мезолит Средней Азии.— В кн.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.— Л., 1966.
Окладников А. П. Утро искусства. Л., 1967.
Окладников А. П. Сибирь в древнекаменном веке. Эпоха палеолита.— В кн.: История Сибири Т. I. Л., 1968.
Окладников А. П., Абрамова З. А. Первоначальное освоение палеолитическим человеком Сибири и Дальнего Востока.— ПЧПС, 1974.
Окладников А. П., Деревянко А. П. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток, 1973.
Окладников А. П., Муратов В. М., Оводов Н. Д., Фриденберг Э. О. Пещера Страшная — новый памятник палеолита Алтая.— МАСДВ, 1973, ч. II.

Паничкина М. З. Палеолит Армении. Л., 1950.
Першиц А. И. Ранние формы семьи и брака в освещении советской этнографической науки.— Вопр. ист., 1967, № 2.
Першиц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П. История первобытного общества. 2-е изд. М., 1974.
Петрунь В. Ф. О материале каменных орудий крымского палеолита.— КСИА, 1969, вып. 117.
Пидопличко И. Г. Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине. Киев, 1969.
Пидопличко И. Г. Межиричские жилища из костей мамонта. Киев, 1976.
Поршнев Б. Ф. О древнейшем способе получения огня.— СЭ, 1955, № 1.
Праслов Н. Д. Ранний палеолит Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Дона. Л., 1968.
Праслов Н. Д., Муратов В. М. О стратиграфии Ильской стоянки.— АО 1969 года, 1970.
Проблема грани между животными и человеком. Матер. симпозиума. Под ред. В. П. Якимова.— ТСМК, 1968, т. 3.
Пэй Вэнь-чжун. Изучение ископаемого человека и палеолитической культуры в Китае.— СЭ, 1954, № 3.
Ранов В. А. Каменный век Таджикистана. Душанбе, 1965.
Ранов В. А. К изучению мустьерской культуры в Средней Азии.— ПиН, 1971, т. VI. (МИА. № 173).
Ранов В. А., Несмеянов С. А. Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии. Душанбе, 1973.
Рогачев А. Н. Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине.— ПиН, 1957, т. III. (МИА. № 59).
Рогачев А. Н. Палеолитические жилища и поселения.— КВ. 1970а.
Рогачев А. Н. Палеолитические жилища и поселения в Восточной Европе.— ТСМК, 1970б, т. 5.
Рогачев А. Н. Об усложненном собирательстве как форме хозяйства в эпоху палеолита на Русской равнине.— АРПП, 1973.
Рогинский Я. Я. Некоторые проблемы позднейшего этапа эволюции человека в современной антропологии.— ТИЭ. Нов. сер., 1947, т. 2.
Рогинский Я. Я. Палестинские и близкие им формы гоминид.— ИГПЧ, 1966а.
Рогинский Я. Я. Внеевропейские палеантропы.— ИГПЧ, 1966б.
Рогинский Я. Я. Проблемы антропогенеза. 2-е изд. М., 1977.
Рогинский Я. Я., Левин М. Г. Антропология. 2-е изд. М., 1963.
Рохлин Д. Г. Болезни древних людей. М.— Л., 1965.
Руденко С. И. Усть-Канская пещерная палеолитическая стоянка.— ПиН, 1960, т. IV. (МИА. № 79).
Семенов С. А. Первобытная техника. М.— Л., 1957.
Семенов С. А. Изучение первобытной техники методом эксперимента.— В кн.: Новые методы в археологических исследованиях. М.— Л., 1963.
Семенов С. А. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968.
Семенов Ю. И. Как возникло человечество. М., 1966.
Семенов Ю. И. Происхождение брака и семьи. М., 1974.
Сергин В. Я. О хронологическом соотношении жилищ и продолжительности обитания на позднепалеолитических поселениях.— СА, 1974, № 1.
Синельников Н. А., Гремяцкий М. А. Кости скелета ребенка-неандертальца из грота Тешик-Таш.— ТТ, 1949.
Смирнов С. В. Палеоліт Дніпровського Надпоріжжя. Київ, 1973.
Столяр А. Д. О генезисе изобразительной деятельности и ее роли в становлении сознания.— РФИ, 1972.
Сулейманов Р. Х. Статистическое изучение культуры грота Оби-Рахмат. Ташкент, 1972.
Тарасов Л. М. Мустьерская стоянка Бетово и ее природное окружение.— В кн.: Палеоэкология древнего человека. М., 1977.
Тих Н. А. Предыстория общества. Л., 1970.
Токарев С. А. Религия в истории народов мира. М., 1965.

Толстов С. П. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен. Проблемы ист. докап. обществ, 1935, № 9—10.

Тушабрамишвили Д. М. Итоги раскопок Джручульской пещеры за 1960—1961 гг.— В кн.: Сборник Спелеологической комиссии Академии наук ГССР «Пещеры Грузии». Т. II. Тбилиси, 1963.

У Жу-кан, Чебоксаров Н. Н. О непрерывности развития физического типа, хозяйственной деятельности и культуры людей древнего каменного века на территории Китая.— СЭ, 1959, № 4.

Урысон М. И. Начальные этапы становления человека.— УИЧ, 1964.

Урысон М. И. Некоторые теоретические проблемы современного учения об антропогенезе.— ВА, 1965, вып. 19.

Урысон М. И. Питекантропы, синантропы и близкие им формы гоминид.— ИГПЧ, 1966.

Урысон М. И. Некоторые проблемы антропогенеза в свете новых палеоантропологических открытий.— В кн.: Итоги науки. Антропология, 1969. М., 1970.

Урысон М. И. Истоки рода человеческого в свете новейших данных.— Вопр. ист., 1976, № 1.

Учение Л. Г. Моргана о периодизации первобытного общества в свете современной этнографии. Матер. симпозиума.— ТСМК, 1967, т. 4.

Файнберг Л. А. Возникновение и развитие родового строя.— ПО, 1975.

Флеров К. К., Трофимов Б. А., Яновская Н. М. История фауны млекопитающих в четвертичном периоде. М., 1955.

Формозов А. А. Пещерная стоянка Староселье. М., 1958.

Формозов А. А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965.

Формозов А. А. Время возникновения локальных вариантов и археологических культур в каменном веке.— АРПП, 1973.

Формозов А. А. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории европейской части СССР. М., 1977.

Францев Ю. П. У истоков религии и свободомыслия. М.— Л., 1959.

Хрисанфова Е. Н. О неравномерности морфологической эволюции гоминид.— ВА, 1967, вып 26.

Цейнер Ф. Плейстоцен. М., 1963.

Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы, расы, культуры. М., 1971.

Черныш А. П. Ранний и средний палеолит Приднепровья. М., 1965.

Черныш А. П. Палеолит и мезолит Приднестровья. (Карты и каталог местонахождений). М., 1973.

Шаллер Д. Б. Год под знаком гориллы. М., 1971.

Шевченко Ю. Г. Эволюция коры мозга приматов и человека. М., 1971.

Шовкопляс І. Г. До питання про характер жител пізнього палеоліту.— Вісн. АН УРСР, 1958, № 2.

Шовкопляс И. Г. Мезинская стоянка. Киев, 1965.

Щелинский В. Е. Свойства кремневого сырья и техника изготовления орудий мустьерской эпохи.— ПЧПС, 1974.

Якимов В. П. Австралопитековые.— ИГПЧ, 1966.

Якимов В. П. Стадии и внутристадиальная дифференциация в эволюции человека. М., 1967.

Якимов В. П. Антропогенез.— БСЭ. 3-е изд. Т. 2. М., 1970.

Якимов В. П. Черты прерывности в эволюции человека. М., 1973.

Якимов В. П. Некоторые проблемы становления человека на начальном этапе. Научные доклады высшей школы.— Биол. науки, 1976, № 12.

Adrian W. Die Frage der Norddeutschen Eolithen. Paderborn, 1948.

Alimen H., Chavaillon J. Position stratigraphique et évolution de la Pebble Culture au Sahara Nord-Occidental.— In: Actes du IV Congr. Panafricain de préhistoire et de l'Etude du Quaternaire. Tervuren, 1962.

Angeli W. Der Mammutjägerhalt von Langmannersdorf.— In: Mitteilungen der Prähistorischen Kommission der Osterreichischen Akademie der Wissenschaften. VI. Wien, 1952—1953.

Biberson P. Human evolution in Marocco in the framework of the paleoclimatic variations of the Atlantic pleistocene.— AEHE, 1963.

Binford S. R. The significance of variability: a minority report.— OHM, 1972.

Bitiri M. Paleoliticul in Ţara Oaşului Bucureşti, 1972.
Bonifay E. Un ensemble rituel moustèrien à la grotte du Régourdou.— Atti del VI Congr. Internazionale delle scienze preistoriche et protoistoriche. II. Firenze, 1965.
Bordes F. Typologie du paléolithique ancien et moyen. Bordeaux, 1961.
Bordes F. Le Paléolithique dans le monde. Paris, 1968.
Bourdier F. Préhistoire de France. Paris, 1967.
Bowdler S. Pleistocene date for man in Tasmania.— Nature 1974, vol. 252, N 5485.
Brace C. L. The fate of the «classic» neanderthals. A consideration of hominid catastrophism.— Current Anthropol., 1964, vol. 5, N 1.
Butzer K. W. Environment and archaeology. Chicago, 1964.
Chavaillon J. Etat actuel des recherches au site paléolithique de Melka Konturé (Choa).— Academia Nazionale dei Lincei, Roma, 1974, CCCLXXI-1974, N 191. IV Congresso Internazionale di Studi Etiopici, t. 1.
Chavaillon N. Les habitats oldowayens de Melka-Konturé. Documents pour servir à l'histoire des civilisations ethiopiennes. Fasc. 3. Addis-Abeba, 1972.
Clark J. D. Acheulian occupation sites in the Middle East and Africa: a study in cultural variability.— AA, 1966, vol. 68, N 2, pt. 2.
Clark J. D., Haynes V. C. An elephant butchery site at Mwaganda's village Karonga, Malavi and its relevance Palaeolithic archaeology.— WA, 1970, vol. 1, N 3.
Coppens J. Première découverte au Tchad de galet aménagé in situ.— In: La Préhistoire. Problèmes et tendances. Paris, 1968.
Deevey E.-S. The human population.— Scientific. Am., 1960, vol. 203, N 3.
Fejfar O. Recent research at Přezletice.— Current Anthropol., 1976, vol. 17, N 2.
Feustel R. Technik der Steinzeit. Weimar, 1973.
Freeman L. G., Butzer K. W. The acheulian station of Torralba (Spain).— Quaternaria, 1966, t. VIII.
Fridrich J. Staropaleolitickà industrie staropleistocenního stáří v Přezleticích o. Praha-Vychod.— Archeologické rozhledy, 1972, r. XXIV, N 3.
Gábori M., Gábori V. Der erste Paläolithische Hausgrundriss in Ungarn.— Acta archaeologica Academiae Scientarum Hungaricae, 1958, N 9.
Gábori-Csánk V. La station du paléolithique moyen d'Erd-Hongrie. Budapest, 1968.
Garutt W. E. Das Mammut. Wittenberg Lutherstadt, 1964.
Gorman Ch. F. Excavations at Spirit Cave, North Thailand: some interim interpretations.— Asian Perspectives, 1972, vol. XIII.
Grahmann R., Müller-Beck H. Urgeschichte der Menschheit. Stuttgart, 1967.
Hall K. R. L. Tool-using performances as indicators of behavioral adaptability.— Current Anthropol., 1963, vol. 4, N 5.
Hewes G. W. A new ecological model for hominization.— EICAES, 1970.
Howell F. C. Observations on the earlier phases of the European lower palaeolithic.— AA, 1966, vol. 68, N 2, pt 2.
Howell F. C., Clark J. D. Acheulian hunter-gatherers of Sub-Saharan Africa.— AEHE, 1963.
Howells W. Evolution of the Genus Homo. Reading Mass., 1973.
Isaac G. L. Traces of pleistocene hunters: an East African example.— In: Man the hunter. R. B. Lee and I. de Vore ed. Chicago, 1968.
Isaac G. L. Studies of early culture in East Africa.— WA, 1969, vol. 1, N 1.
Isaac G. L., Leakey R. E. F., Behrensmeyer A. K. Archaeological traces of early hominid activities, East of Lake Rudolf, Kenya.— Science, 1971, vol. 173.
Jacob T. The problem of head-hunting and brain-eating among pleistocene men in Indonesia.— Archaeol. and Phys. Anthropol. in Oceania, 1972, vol. VII, N 2.
Jacob T. Morphology and palaeoecology of early man in Java.— NICAES, 1973.
Klima B. Übersicht über die jungsten paläolithischen Forschungen in Mähren.— Quartär, 1957, Bd 9.
Klima B. Dolní Věstonice. Praha, 1963.
Koenigswald G. H. R. von. The oldest hominid fossils from Asia and their relation to human evolution.— Academia Nazionale dei Lincei, Roma, 1973a, CCCLXX-1973, N 182.
Koenigswald G. H. R. von. Java: early man, catalogue and problems.— NIÇAES, 1973b.

Kozłowski J. K., Kozłowski S. K. Pradzieje Europy od XL do IV tysiąclecia p. n. e. Warszawa, 1975.
Kozłowski J. K., Kubiak H. Premières huttes d'habitation du paléolithique supérieur en os de mammouth découvertes en Pologne.— L'Anthropologie, 1971, t. 75, N 3—4.
Kretzoi M. New ramapithecines and Pliopithecus from the Lower Pliocene of Rudabanya in north-eastern Hungary.— Nature, 1975, vol. 257.
La Préhistoire Française. T. I. Les civilisations paléolithiques et mésolithiques de la France. Sous la direction de Henry de Lumley. Paris, 1976.
Leakey M. D. Preliminary survey of the cultural material from Beds I and II, Olduvai Gorge.— In: Background to Evolution in Africa. W. W. Bishop and J. Desmond Clark ed. Chicago — London, 1967.
Leakey M. D. Olduvai Gorge. Vol. 3. Excavations in Beds I and II 1960—1963. Cambridge, 1971.
Leroi-Gourhan A., Bailloud G., Chavaillon J., Laming-Emperaire A. La Préhistoire. Paris, 1966.
Leroi-Gourhan A., Brézillon M. L'habitation magdalenienne N 1 de Pincevent.— Gallia Préhistoire, 1966, vol. IX, f. 2.
Leroi-Gourhan A., Brézillon M. Fuilles de Pincevent. Paris, 1972.
Lindner H. Über die Patina altsteinzeitlichen Artefakte.— Quartär, 1964—1965, Bd 15—16.
Lumley H. de. Une cabane acheuléenne dans la grotte du Lazaret. Paris, 1969.
Lumley H. de. La grotte de l'Hortus (Valflaunès, Hérault). Marseille, 1972.
McBurney C. M. The stone age of Northern Africa. London, 1960.
Martin H. Recherches sur l'evolution du Moustérien dans le gisement de La Quina. Vol. 1. Industrie osseuse. Paris, 1907—1910.
Movius H. L. Early man and pleistocene stratigraphy in Southern and Eastern Asia.— Papers of the Peabody Museum of Am. archaeol. and ethnol., Cambridge Mass., 1944, vol. XIX, pt 3.
Mulvaney D. J. The prehistory of Australia. London, 1969.
Müller-Karpe H. Handbuch der Vorgeschichte. Bd 1. Altsteinzeit. München, 1966.
Oakley K. P. Man the tool-maker. 5th ed. London, 1961a.
Oakley K. P. On man's use of fire, with comment on tool-making and hunting.— SLEM, 1961b.
Oakley K. P. Frameworks for dating fossil man. 3th ed. London, 1969.
Ožegovič F. Die Bedeutung der Entdeckung des Diluvialen Menschen von Krapina in Kroatien.— In: Hundert Jahre Neanderthaler. Utrecht, 1958.
Pilbeam D. The ascent of man. New York, 1972.
Pilbeam D. Middle Pleistocene Hominids.— In: After the Australopithecines. K. W. Butzer and G. L. Isaac ed. The Hague — Paris, 1975.
Prošek F. Mladopaleolitická obydli v Československu.— Památky Archeologické, 1961, r. 62, N 1.
Romain R., Nougier L. R. Corne d'appel du magdalénien final des Pyrénées.— Quartär, 1968, Bd 19.
Roper M. K. A survey of the evidence for interhuman killing in the pleistocene.— Current Anthropol., 1969, vol. 10, N 4.
Rust A. Vor 20.000 Jahren. Rentierjäger der Eiszeit. Neumünster, 1962.
Rust A. Zeltwälle und Gruben in jungpaläolithischen Wohnbau.— Fundberichte aus Schwaben. N. F., Stuttgart, 1965, H. 17.
Sankalia H. D. The prehistory and protohistory of India and Pakistan. 2d ed. Poona, 1974.
Sartono S. Implications arising from Pithecanthropus VIII.— NICAES, 1973.
Schmalz R. E. Flint and the patination of flint artifacts.— Proc. of the Prehist. Soc. for 1960. N. s., 1960, vol. XXVI.
Schmid E. A Mousterian silex mine and dwelling-place in the Swiss Jura.— OHM, 1972.
Shaller G. B., Emlen J. T. Observations on the ecology and social behavior of the mountain gorilla.— AEHE, 1963.
Solecki R. S. Shanidar. The first flower people. New York, 1971.

Solheim W. G. New directions in Southeast Asian Prehistory.— Anthropologica. N. s., Ottawa, 1969, vol. XI, N 1.
Sonneville-Bordes D. de. La préhistoire moderne. Perigueux, 1967.
Sugiyama J. Social organisation of wild chimpanzees.— EICAES, 1970.
Tobias P. V. New african evidence on the dating and the phylogeny of the Plio-Pleistocene Hominids. Quaternary Studies. Selected papers from IX INQUA Congress. Wellington, 1975.
Vallois H. V. The social life of early man: evidence of skeletons.— SLEM, 1961.
Varagnac A. La conquête des énergies. Paris, 1972.
Vencl S. K otázce patinace postpaleolitických silexových industrií.— Anthropozoikum, Praha, 1964, ř. A, sv. 2.
Vértes L. Tata. Eine Mittelpaläolithische Travertin-Siedlung in Ungarn. Budapest, 1964.
Vértes L. Typology of the Buda industry, a pebble-tool industry from the Hungarian lower palaeolithic.— Quaternaria, 1965, t. VII.
Vlček E. Remains of a neanderthal child from Kiik-Koba in the Crimea. Acta FRN. Universitas Comeniana.— Anthropologia. Bratislava, 1976, r. 22.
Vore I. de., Washburn S. L. Baboon ecology and human evolution.— AEHE, 1963.

УКАЗАТЕЛИ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

УКАЗАТЕЛЬ МЕСТОНАХОЖДЕНИЙ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО — Археологические открытия. М.
АРПП — Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии. Сборник памяти М. М. Герасимова. М.
БКИЧП — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. М.
ВА — Вопросы антропологии. М.
ИГПЧ — Ископаемые гоминиды и происхождение человека.— Труды Института этнографии АН СССР. Нов. сер., т. 92. М.
КВ — Каменный век на территории СССР. М.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
МАСДВ — Материалы по археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.— Л.
ПИДО — Сборник «Проблемы истории докапиталистических обществ». М.
ПиН — Палеолит и неолит СССР. Л.
ПО — Первобытное общество. М.
ПЧДРЧ — Происхождение человека и древнее расселение человечества.— Труды Института этнографии АН СССР. Нов. сер., т. 16. М.
ПЧПС — Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М.
РФИ — Ранние формы искусства. М.
СА — Советская археология. М.
САИ — Свод археологических источников. М.— Л.
СППВЦЕ — Стратиграфия и периодизация палеолита Восточной и Центральной Европы. М.
СЭ — Советская этнография. М.
ТСМК — Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. М.
ТТ — Тешик-Таш. Палеолитический человек. М.
УИЧ — У истоков человечества. М.

АА — American Anthropologist. Menasha — Wisconsin.
AEHE — African ecology and human evolution. F. C. Howell and F. Bourliére ed. New York.
EICAES — Proceedings of the VIII International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. Vol. III. Ethnology and Archaeology. Tokyo.
NICAES — IX International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. Chicago.
OHM — Origine de l'homme moderne. Proceedings of the Paris Symposium. F. Bordes ed. Paris.
SLEM — Social life of early man. S. L. Washburn ed. New York.
WA — World Archaeology. London.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1 р. 10 к.

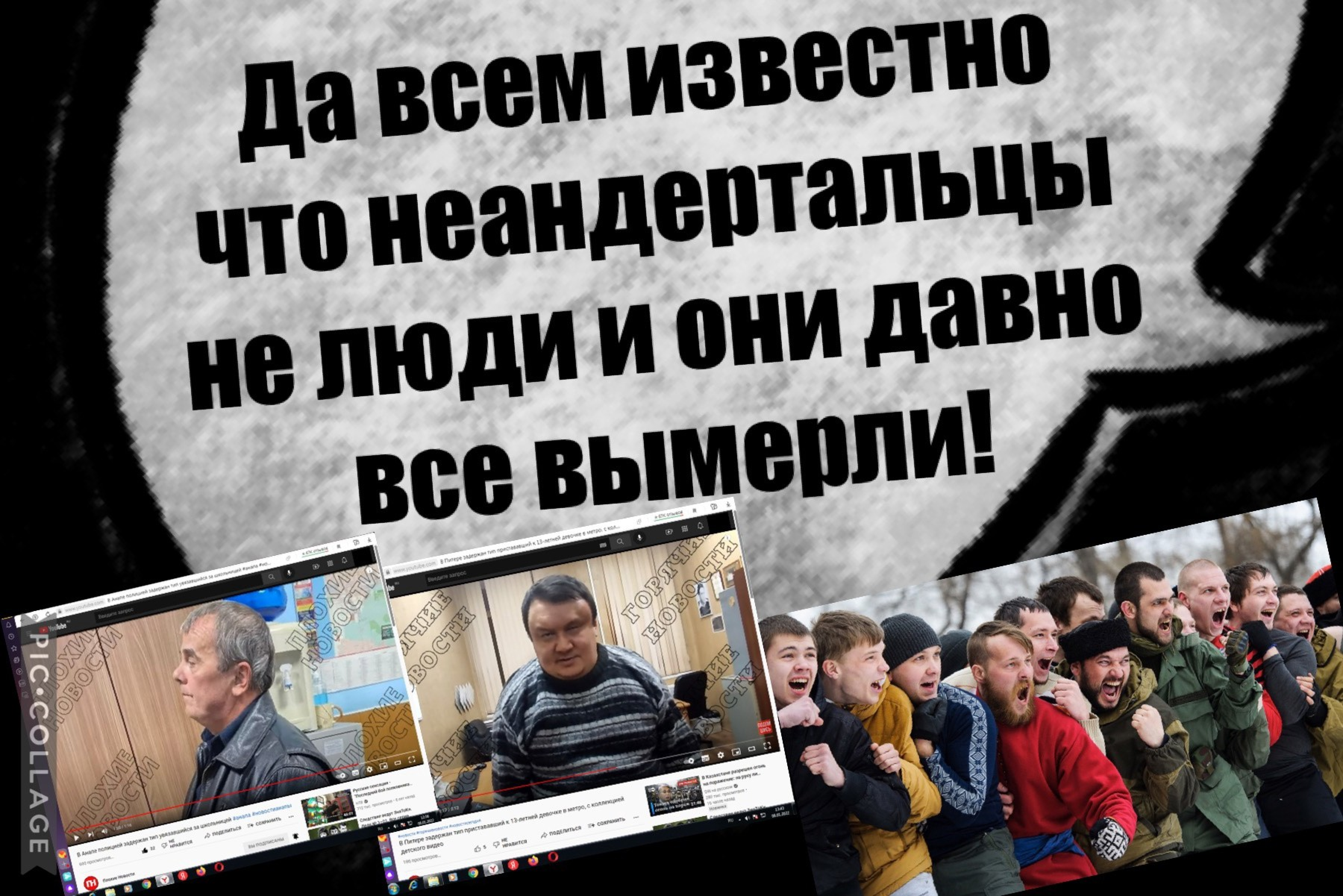

ИЗДАТЕЛЬСТВО
·НАУКА·

П.И.БОРИСКОВСКИЙ ДРЕВНЕЙШЕЕ ПРОШЛОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Homo Neanderthal
Одинаково Неандертальцы
Неандертальцы
ьцы, ископаемые древние люди, создавшие
еские культуры раннего палеолита. Скелетные
еандертальцев открыты в Европе, Азии и Африке.
ществования 200 — 35 тыс. лет назад. Как установили
вания генетического материала неандертальцев, они,
не являются прямыми предками современного
ка.
MyShared
Нет нет неандертальцы давно вымерли.
Я человек.
Совпадения случайны.
Homo одинаково
PIC•COLLAGE

Да всем известно
что неандертальцы
не люди и они давно
все вымерли!
ПЛОХИЕ НОВОСТИ
ГОРЯЧИЕ НОВОСТИ
В Анапе полицией задержан тип увязавшийся за школьницей #анапа #новостианапы
В Питере задержан тип приставаший к 13-летней девочке в метро, с коллекцией детского видео
PIC COLLAGE

